Александр ЛЕБЕДЬ
ЗА ДЕРЖАВУ ОБИДНО...

Александр ЛЕБЕДЬ

За державу обидно...

«Грэгори-Пэйдж»
Редакция газеты «Московская правда»
1995
Москва

Лебедь А.И.
За державу обидно... - М.: Редакция газеты «Московская правда», 1995 - 464 с.

ISBN-5-7482-0006-6

Л $\frac{09020010000 - 006}{Д\ 03\ (03) - 95}$

ISBN-5-7482-0006-6

ГРЯДЕТ ВРЕМЯ СОЗИДАТЕЛЕЙ

Июнь 1992 года в Приднестровье был жарким и кровавым: сотни трупов, тысячи раненых, десятки тысяч беженцев, разбитые Бендеры, грохот орудий и танков, собирающих свою жатву. Разлагающиеся трупы на улицах Бендер никто не убирал - снайперы не давали.

Огненная дуга братоубийственных войн протянулась от Балкан до Карабаха и Абхазии. Грозили взорваться Крым и Чечня. И из этого сумасшедшего кровавого смерча, казалось, нет и не будет никакого выхода.

Командующий 14-й российской армией генерал Неткачев дал приказ разукомплектовать боевую технику, а сам спрятался за стенами своего штаба. Позор командующего лег грязным пятном и на офицеров. Они стыдливо опускали глаза при встречах с приднестровцами. Дошло до того, что распоясавшиеся националисты захватили полк гражданской обороны российской армии, и под обстрелом оказались семьи военнослужащих. И в праве защитить свои семьи Неткачев отказал офицерам. Большее унижение для российской армии трудно придумать.

Армию пикетировали женщины и старики со слезами на глазах: «Защитите! Не дайте погибнуть!» Но стоны не долетели до кабинета Неткачева, российский генерал готовился капитулировать перед националистами Молдавии. Количество убитых грозило перейти в тысячи и десятки тысяч. Молдавская сторона подтянула новейшую артиллерию, переданную ей генералами и министрами Шапошниковым и Грачевым. Если бы эти события развивались до конца, то навряд ли сегодня мне бы пришлось писать об этом, а в Приднестровье было бы еще хуже, чем теперь в Грозном. Так как запасы оружия там просто огромны.

Но именно в это время на тираспольском военном аэродроме приземлился транспортный самолет, из которого вышел полковник Гусев в камуфлированной форме в сопровождении батальона спецназа ВДВ. Российские десантники действовали по так называемому «южному варианту», о котором пойдет речь в книге А.И.Лебедя. Полковник Гусев оказался на самом деле заместителем командующего ВДВ генерал-майором А.И.Лебедем. Он быстро разобрался в обстановке, а десантники перекрыли все дороги в Тирасполе, и в городе тут же прекратилась ночная стрельба. Шутить с российским спецназом диверсионные группы молдавской стороны не рискнули.

Я хорошо помню, как на первом же совещании офицеров Лебедь уже в ранге командарма-14 заявил о вооруженном нейтралитете, о том, что в русской армии никогда не выполнялись приказы по разукомплектованию вооружения и техники. Офицер, имеющий честь, должен выполнять один приказ - защищать Отечество, иного не дано! Это было спасение. Я, да и все присутствовавшие почувствовали: «Жива великая держава! Мы не сироты!»

В считанные часы 14-я армия из «огородной» превратилась в боевую. Каждый в соответствии с суворовским завещанием знал свой маневр. И тут на весь мир прозвучало теперь уже знаменитое лебедевское заявление, главная мысль которого была хрестоматийно проста и точна: «... нам всем, вместе взятым, жителям Земли (я манией величия не страдаю), должно объединить усилия в том, чтобы мы заняли вполне определенную позицию. Настало такое время - занять определенную позицию. Пора прекратить болтаться в болоте малопонятной, маловразумительной политики. Что же касается державы, которую я имею честь здесь представлять, могу добавить еще то, что хватит ходить по миру с сумой. Как козлы за морковкой. Хватит. Пора за дело браться, державность блюсти. Возьмемся - у нас занимать будут. И самое последнее... Я говорил как русский офицер, у которого есть совесть. Я говорил это для того, чтобы все задумались».

Аргументы генерала были столь весомы и убедительны, что первыми задумались кишиневские националисты. Война была прекращена, а на берегах Днестра забрезжил рассвет хрупкого покоя, который не без усилий решительного командарма перерос в мир. Лебедь вер-

нул покой в дома приднестровцев, а российским офицерам 14-й армии - чувство достоинства и чести. Теперь им не надо было прятать глаза при встречах с женщинами и стариками.

В Приднестровье Лебедь был назван человеком года, по всей России и за рубежом о нем прокатилась слава как о человеке, остановившем войну в горячей точке СНГ. Аналогичных примеров на территории бывшей единой державы ни до, ни после этого не было, хотя вооруженные трагедии разворачиваются до сих пор. Но Лебедь один.

К тому времени, как генерал попал в Приднестровье, у него уже был большой опыт по гашению пожаров национальной розни в Сумгаите, Баку, Тбилиси. Он побывал в Прибалтике, попал в круговорот августовского спектакля-путча 1991 г., улаживал конфликтную ситуацию в Кишиневе, сложившуюся вокруг парашютно-десантного полка ВДВ. Все это прошло через судьбу Александра Ивановича. Во всех этих нелегких испытаниях генерал вел себя именно как российский офицер, у которого есть совесть. Чести своей и державы, которую он представлял, не уронил, и может быть, именно поэтому каждый раз ему удавалось принимать такие решения, которые позволяли избегать человеческих жертв или сводить их число к минимуму.

14-я армия под его руководством стала лучшей в России, а необходимость принимать самостоятельные решения в самых сложных ситуациях проявила и развила главные качества генерала - трезвомыслящего, заботящегося о своем государстве политика.

Офицер чести, он не мог оставаться равнодушным к тому, как на его глазах растаскивали и уничтожали армию - последнюю опору нашей великой державы. Он видел, что правят бал разрушители и нувориши-проходимцы. А ведь ему достаточно было в 1991 г. постоять и сняться рядом с Ельциным возле Белого дома. Заявить, что он спасал Отечество, и звездный поток хлынул бы на его погоны. Но он четко и честно в одном из своих интервью заявил: «Я совершенно не гожусь в холуи!» И в этом вся натура, весь характер государственного политика и человека Лебедя. Как тут не вспомнить Чацкого: «Служить бы рад, прислуживаться тошно!»

Поэтому Грачев и держал его на дальнем расстоянии. Поэтому опального генерала и оставили в Приднестровье на долгое время, чтобы вычеркнуть эту крупную военную и политическую фигуру из политической действительности россий-

ского государства. Но и находясь в далеком Тирасполе, Лебедь умудрялся быть в центре внимания и притягивал к себе симпатии различных партий и движений.

Лебедь стал в нашем государстве чем-то вроде лакмусовой бумажки совести общества. Именно поэтому «Комсомольская правда» вынуждена была признать: «Как только наступает кризис власти в России, сразу вспыхивает дикий интерес к генерал-лейтенанту Лебедю! Так было во время штурма Белого дома, так и сейчас - во время войны в Чечне... Поэтому Лебедь как-то внутренне дорог и мил».

Дорог и мил опальный генерал (который не захотел стать холуем с генеральскими погонами в агонизирующей армии Грачева) отнюдь не тем, кто заседает сегодня в высоких кабинетах и кто повинен в развале великой державы, в тысячах убитых в развязанной на просторах великой страны гражданской войне. Он дорог и мил тем людям, которые наконец осознали, что удельные княжества (как и во времена монгольского ига) ведут к гибели всех нас, что время разрушителей, болтунов всех оттенков и мастей, юродивых и блаженных в политике прошло.

На III Конгрессе русских общин Лебедь пророчески заявил: «Я вижу, что эпоха разрушителей подходит к своему печальному логическому концу. Грядет другая - эпоха созидателей».

И под державой генерал-политик Лебедь видит не обворованную и обрезанную псевдодемократами территорию, а нашу 1000-летнюю могучую Россию. Воля народа, высказанная на референдуме 1991 года, должна быть выполнена, но мирным путем, через экономическую, военную и политическую интеграции. Как неоднократно говорил Александр Иванович: «Мы обречены жить вместе». Только восстановление единого хозяйственного механизма, единой экономики и способно всех нас опять сделать богатым и процветающим обществом, которое не будет бегать за подачками, а само сможет подавать страждущим.

Это вступительное слово всего лишь осмысление того, что пережито и написано генералом-патриотом, пережито в той или иной мере всеми нами. И поэтому книга не нуждается ни в каких пояснениях и комментариях. В ней живет и дышит наша трагическая эпоха конца XX столетия. Кровавого столетия обманутых надежд.

Лебедь как никто другой из сегодняшних политиков

это понимает. Его книга о развале нашего государства, о том, как и почему мы дошли до такой унизительной жизни. Но самое главное, в книге живет реальная надежда на то, что мы сможем подняться с колен. Политик А.И.Лебедь твердо уверен, что Россию с колен подымем мы сами, когда сами сможем встать.

Разрушители всех мастей и всех рангов уйдут, они обречены историей. Но от нас всех зависит, чтобы на смену им пришли политики-созидатели, державные созидатели. И А.И.Лебедь именно такой политик. В чем вы убедитесь, прочитав его новую книгу «За державу обидно».

И последнее, очень важное замечание. Сегодня мы, россияне, благодаря бездарным политикам превратились за рубежом в людей третьего сорта, и это особенно больно осознавать. Но понимаешь и другое: только такой решительный и честный политик, как Лебедь, может вернуть всем нам чувство собственного достоинства (как в 1992 году вернул его офицерам 14-й армии).

Лебедь сегодня нужен всем честным людям, желающим сделать наше государство богатым и процветающим, чтоб в нем никогда не было нищих и безвинно репрессированных, оболганных и реабилитированных посмертно.

Остается в заключение повторить слова последнего командарма ныне ликвидированной 14-й российской армии из его июньского 1992 года заявления: «Я говорил это для того, чтобы все задумались. Подчеркиваю, я сказал, а вы, товарищи-господа политики, и ты, Господин Народ, думайте».

В.Полушин, член Союза писателей России.

ЗАЧИСЛИТЬ УСЛОВНО...

Стать офицером в детстве я не мечтал и был равнодушным к военному мундиру. В нашей семье кадровых офицеров не было. Рядовые были. Мой дед, отец матери, Григорий Васильевич, кажется, выше других моих родственников звание выслужил. Старшиной с войны вернулся, правда, весь израненный (в саперах прошел фронтовыми дорогами). Пожил совсем недолго и умер от ран в 1948 году. Но так как он погиб не на поле боя, а скончался уже позднее в больничной палате, бабушка моя, Анастасия Никифоровна, до конца своей жизни осталась без пенсии. Закон строг, но он - закон! Вроде человек виновен, что не погиб сразу, а от ран скончался.

Мой отец, Иван Андреевич, был то, что называется на все руки мастер. Любую работу исполнял не спеша, очень профессионально и очень аккуратно. Все, вышедшее из-под его рук, носило на себе отпечаток добротности, основательности и законченности. С Отечественной войны вернулся старшим сержантом. Война достала его значительно позже, в 1978 году, превратив сначала в считанные месяцы в старика, а потом и закрыв глаза навеки. Не умел разряжаться, не умел отдыхать, наверное, потому и достала. Покойный родитель мой хлебнул лиха. В 1937 году за два опоздания на работу на пять минут, допущенных в течение двух недель, угодил на пять лет в лагерь. Сидеть бы ему не пересидеть, время было суровое, но тут финская война подвернулась. Отца отправили в штрафной батальон. Довелось ему испытывать неприступность линии Маннергейма. Мерз, голодал, хлеб пилой пилил на морозе, в атаки не раз хаживал (штрафники не сачковали, про то всякий знает), но Бог сохранил его от пули и штыка. Не пролил кровь. Стали думать отцы-

командиры после той войны, что с ним делать: не трусил, храбрость проявил, но вот закавыка - не ранен, а чтобы перевели из штрафбата в обычную часть, нужно было кровь пролить. Искупить, так сказать, вину. Какую - неважно. Но обязательно искупить. Однако в конце концов разум возобладал, и воздали солдату по делам его - отправили в строевую часть, и день прибытия туда стал для него первым днем службы.

В служебных делах и хлопотах незаметно пролетели два года. Подоспел сорок первый. Вместе с войсками Западного фронта отступал до Москвы, принимал участие в зимнем контрнаступлении.

До 1942 года отец воевал без единой царапины - и все время на передовой, без перекуров и выходных. И пришла ему в голову шальная мысль, что заговорен он от смерти и пули вражеской. Летом сорок второго батальон, в котором он служил, шел к фронту. Туда же двигался танковый батальон. Танкисты предложили подбросить пехоту на броне с ветерком. И вот тут-то неизвестно откуда прилетел один-единственный шальной снаряд, осколком которого отцу разворотило шейку правого бедра. До конца жизни его мучила обида: как так - всю финскую прошел, на фронте не ранило, а тут угодило?! Как попал в медсанчасть, не помнил, но год провалялся на госпитальных койках. Ногу удалось спасти, но она укоротилась на пять сантиметров. Отец ковылял по госпитальному двору и потихоньку настраивался на мирный лад. Но в это время вышел приказ Сталина, по которому укорочение нижней конечности на пять сантиметров и менее не считалось помехой для продолжения службы. Годен к строевой, и снова - фронт. Домой попал только в 1947 году.

Десять лет, проведенных на казенных койках и харчах, сделали его если и не угрюмым, то молчаливым. Говорил он всегда кратко и по существу. Если видел, что надо кому-то помочь (например, одинокой старушке соседке забор обновить), брал пилу, топор и делал. Молча. Бесплатно.

В Новочеркасске моя мама, Екатерина Григорьевна, с 1944 года и до пенсии проработала на телеграфе. Там и с отцом познакомилась. Нас, детей, в семье было двое: я да младший брат Алексей. Жили в старом дворе - раньше была там барская усадьба, а нам от нее досталась бывшая конюшня. Но ничего, перестроили. Отец помогал нам, ребятам, во дворе делать спортгородок. Своими руками турник соорудили.

Отец, если видел, что рубанком не так машем, молча подходил, брал инструмент и показывал, как нужно работать.

Никогда не кричал. Никогда не дрался. Ни я, ни брат ни разу не получили от него даже подзатыльника, хотя порой и было за что.

Когда мне исполнилось 14 лет, я всерьез увлекся боксом. В спортшколе тренер хвалил как подающего надежды. И в самом деле, был я длиннoруким и твердолобым - ударов не боялся, технику осваивал быстро, отрабатывал выносливость, да и реакция не подводила, по ходу боя ориентировался хорошо. Однажды на тренировке мы прыгали через «козла». Долго прыгали, соревновались, отодвигали мостик, пока, наконец, я не разогнался и так прыгнул, что сломал себе ключицу. Была суббота, поликлиника закрыта. Повезли меня сразу в больницу. То ли врач торопился, то ли сестра была неопытная, но сказали привычные слова: «До свадьбы все заживет», повесили руку на косынку и тем ограничились.

Тогда я всерьез задумался: кем же я хочу быть? Удар физический обернулся своеобразным психологическим стрессом. Появилась какая-то бессознательная тяга к небу. Профессия военного летчика стала для меня символом мужества. Я готов был к любым испытаниям.

И они не заставили себя долго ждать. Когда через неделю ключица срослась, оказалось, что при этом укоротилась на 3,5 сантиметра. Рука не поднималась ни вверх, ни в сторону. С такой рукой впору было только идти милостыню просить. Пришлось согласиться, чтобы мне ее снова ломали: ведь, думал я, не может же офицер быть с такой ключицей значит, надо терпеть. И я терпел. Когда рана зажила, пошел снова в спортшколу, а там уже секция бокса распалась. Узнал я, что в политехническом институте есть неплохая секция. Был я рослым в 15 лет, пришел - приняли. Позанимался, однако, недолго, и опять удар: выгнали из секции всех, кто не учился в институте. Оказался я на улице. Пришлось по подворотням тренироваться. Стал я дворовым боксером. Как говорят, «провел 100 боев, и все уличные». Но и в соревнованиях принимал участие, знакомые тренеры выставляли, опять же как подающего надежды.

На каникулах, после 9-го класса, поехали мы на сельхозработы в станицу Богаевская. Днем команда нашего класса играла в футбол с местными парнями. Разгромили их с двузначным счетом. Расстались по-хорошему, но как только стем-

нело, раздался звон разбитого стекла. Я спал, но звуки кулачного боя разбудили меня. Это местные ребята пришли сводить на ничью утренний матч. Я вскочил и выбежал во двор в надежде помочь своим, но не успел я взмахнуть кулаком, как получил колом по лицу и потерял сознание. В результате - нос своротили на сторону, но я не сильно переживал. Не девочка. Я к тому времени твердо усвоил, что мужчина должен быть чуть-чуть симпатичнее обезьяны и не смазливостью лица определяется его истинное достоинство.

Когда отцу первый раз сказал, что хочу стать офицером, он воспринял это спокойно, но по его реакции чувствовалось, что в эту мою мечту он не уверовал, но отговаривать не стал. Начал я в 10-го классе готовиться серьезно к поступлению в училище. Нашел проспекты и выбрал летное Качинское училище. Помню, тогда песня была модна: «Обнимая небо крепкими руками, летчик набирает высоту...» У меня, как у того летчика, была тоже одна мечта - высота! Подал я заявление в военкомат. Комиссию почти всю прошел легко. Остался последний врач - отоларинголог. Жду у кабинета. Пригласили. Пожилая женщина-врач усадила меня и давай расспрашивать. Вначале определила гланды, потом искривление перегородки носа, молча взяла мой медицинский лист и написала: «К летному обучению непригоден». Получил я, как говорил шолоховский дед Щукарь, полный отлуп. Думаю, не на того напали. Все равно будет по-моему. Пошел в больницу, в течение двух недель мне удалили и гланды, и кривую перегородку носа. После операций снова объявился в военкомате, но там мне сказали с ехидцей: «Кушай кашу, готовься на следующий год!»

Каша кашей, но на нее надо заработать, а куда идти в семнадцать с половиной лет? На один завод пошел, на другой - мал, говорят, нет восемнадцати. Мама стала меня уговаривать сдать документы в политехнический институт - видела во мне инженера. Так я стал абитуриентом факультета автоматики и телемеханики, но не надолго. Первый экзамен (математику) сдал на четверку. А потом подумал, подумал и больше не пошел. Не прельщала меня перспектива ковыряться в электронных схемах. Небо манило, высота!

Явился я в райком комсомола и попросил куда-нибудь направить на завод. С комсомольской путевкой отправился на Новочеркасский завод постоянных магнитов. В отделе кадров первым делом с меня взяли подписку, что я

от своих льгот на работу в одну смену отказываюсь и буду трудиться, как все. Мне было все равно - в одну смену или в три работать, лишь бы у родителей не сидеть на шее. Попал я на участок шлифовки магнитов. Хорошо запомнил первый свой рабочий день. Показали мне, как шлифовать самый примитивный магнит, и я старался целую смену. Отработал, смотрю гордо на гору моих заготовок и уже собрался уходить, как вдруг подходит ко мне красивая девушка и говорит: «Я секретарь комсомольской организации цеха. У нас, между прочим, принято убирать за собой, уборщиц мы не держим!» Ничего не поделаешь, пришлось убрать и подмести. Девушку звали Инной, и, забегая вперед, могу сказать, что это была моя будущая жена, за которой я ухаживал целых четыре года.

Вскоре я понял и другую науку времен застоя. Хорошо работать было невыгодно: как только заработок поднимался, приходил нормировщик и срезал расценки. Мой бригадир Женя Барсков был рубаха-парень, мог чудеса творить. Вот и сотворил он «ночное» приспособление, которое позволяло шлифовать одновременно 10-15 магнитов с высокой степенью точности. Но... им бригада пользовалась только в ночную смену, чтоб никто не видел из начальства. Сделаем большой задел и потом дурака валяем в дневные смены. В коллектив я вписался сразу, сдал на разряд, но мечты своей не оставил и ближе к лету снова стал готовиться к поступлению. В военкомате опять сказал, что буду в Качинское авиационное училище поступать, но не прошел по такому показателю, как рост сидя. На два сантиметра длиннее оказался. Итак, на Качинском училище был поставлен крест. Но подсказали мне, что можно в Армавирское летное училище перехватчиков попробовать. Я был настолько уверен в поступлении, что сразу подал заявление на увольнение с завода. Начальник цеха Вишневский уговаривал взять отпуск для поступления, но когда тебе восемнадцать лет и в голове наполеоновские планы, говорить о благоразумии не приходится. Я уже парил на недосягаемой для цеха высоте - в облаках. Поругался и ушел. Начал опять медкомиссию проходить. Отоларинголог снова меня остановил. На сей раз нашел затемнение гайморовых пазух и увеличение носовых раковин. Долго меня лечили, носовые раковины выжигали. Как вспомню, так паленым мясом пахнет... Потом все дружно пришли к выводу, что гайморит мой можно лечить толь-

ко оперативным путем. Пока я по больницам скитался, время опять ушло. Досада меня одолела: что за заколдованный круг, из которого никак выбраться не могу? Да и положение оказалось щекотливое: назад на завод пойти - гордость не дает, хотя Инна и звала. Так в центральном гастрономе стал я действовать по принципу «бери больше и неси, куда пошлют». Год отработал грузчиком и в третий раз явился на комиссию в военкомат. Теперь знал все тонкости и легко прошел отоларинголога. Поехал на комиссию в Батайск уже спокойно, а напрасно. Хирург придрался к ключице и, как говорится, «зарезал». Тут я стал неуправляем. Что кричал, не помню, но скандал вышел громкий. Начальник медицинской комиссии махнул рукой и сказал: «Езжай в Армавир, пусть там твою судьбу решают».

10 мая 1960 года я был в Армавирском училище. Нашел седого подполковника - начальника медслужбы и сразу доложил ему, в чем дело. Отнесся он ко мне благожелательно и пригласил хирурга. Тот меня заставил приседать, ложиться, отжиматься и вынужден был признать, что хоть ключица и срослась некрасиво, но противопоказаний нет. Тогда начальник медслужбы сказал мне, чтобы я прошел всю врачебно-летную комиссию, потом останется вместе со всеми только экзамены сдать.

Начал я с отоларинголога. Думаю, пройду, а там сам черт не страшен. Но врач сразу определил наличие нескольких операций. А по приказу две любые операции и более - «к летному обучению не пригоден». Я снова был взбешен до предела, пошел к начмеду, но тот развел руками: «Ничего не могу поделать. Вот приказ министра обороны».

Вышел я из училища ошалелый. По дороге деньги потерял. Иду голодный и злой по Армавиру и первый раз в жизни не знаю, что же мне делать. Добрался до Ростова на перекладных. В военкомате ко мне отнеслись сочувственно. Майор, который меня отправлял, успокоил: «Ну, что ты все летное да летное? Хочешь быть офицером, давай подберем место не хуже!»

Стал я листать страницы разнарядки. В танк залезать - длинный. В подводники - сам не захотел, в артиллеристы - тоже. Наконец, где-то в конце мелькнуло Рязанское высшее воздушно-десантное командное дважды Краснознаменное училище имени Ленинского комсомола - РВВДКДКУ. Решил рискнуть - все к небу ближе. Хоть не

за штурвалом, так в свободном падении высоту ощущать буду. Домой пришел и рассказал все отцу.

- Что ж, сынок, - сказал он, - решил - пробуй. Но знаешь, что это такое?

Я честно сказал, что очень смутно все это представляю.

- Неплохо было бы попробовать, а то вдруг тебе это не понравится.

Попробовать так попробовать! Коль отец говорит, нужно действовать. Поехал я в Донской поселок, находившийся в 16 километрах от Новочеркасска, там у нас располагался аэроклуб. Прибыл на летное поле - там стоит группа парней.

- Мужики, - говорю, - как тут у вас попрыгать можно с парашютом?

Поначалу посмеялись, а потом отнеслись с сочувствием и показали на инструктора: «Вон Виктор Сергеевич, иди уговаривай его!»

Инструктор - плотного телосложения, грубоватый на вид - встретил меня неприветливо:

- Чего шляешься здесь? Прыгать захотел? Иди ты... много вас тут таких ходит...

Пошел я опять к новым знакомым. Парни рассмеялись. Они уже издали поняли реакцию инструктора.

- Беги за водкой, - посоветовал один из них, - и все уладится. Бутылки три хватит.

Притащил я четыре бутылки, тогда-то они копейки стоили. Инструктор покрутил головой: «Ладно, иди парашют укладывать учись». За день меня научили сразу всему - я уложил парашют, прошел предпрыжковую подготовку и медицинскую комиссию.

На укладке инструктор показывал этап - мы выполняли. У него при укладке купола получалось все красиво, у остальных - более или менее, а у меня какой-то непонятный хвост образовался, потом еще три. Я вправо, влево - соседи не знают, такие же нули, как я. Инструктора спрашивать лишний раз не хотелось: «бараны», «дебилы», «кретины» - это самые мягкие выражения из его лексикона. Я сложил «хвосты» гармошкой и затянул чехлом. Позже выяснилось, что я интуитивно поступил правильно. Заодно позже выяснилось, что все укладывали парашюты Д-1-8, а я - ПД-47 (парашют десантный, 47 года образца, квадратной формы, с покушениями на управляемость), отсюда и «хвосты».

На предпрыжковой подготовке был тренажер Проничева - вышка метров 10 высотой с противовесами. Надеваешь подвесную систему, выпрыгиваешь, пролетаешь метра 3, тебя как следует встряхивает, и ты зависаешь метрах в 5 - 6 от земли. Инструктор командует: «Повернись направо», «Повернись налево», «Парашютист справа, слева, сзади». Какое «право», какое «лево»! Если тебе только что на пальцах объяснили, как это делается, в голове путаница, и все получается почему-то наоборот. На земле хохот. Инструктор констатирует факт: «Баран! Земля!» Помощник отпускает рычаг, ты стремительно проваливаешься, ляпаешься о землю и пытаешься молодецки вскочить. Противовесы в этот момент идут в обратное положение, тебя опять приподнимает и опять прикладывает к земле. Хохот. Но необидно. Все смеются друг над другом. Все все видят. Но каждый, попав на тренажер, с маниакальным упорством повторяет те же ошибки.

На медицинскую комиссию я пошел один - остальные прошли ее раньше.

Умудренный многочисленными «отлупами», я с осторожной напряженностью открыл двери медпункта. Там сидела молодая женщина и читала какую-то книгу. Я кашлянул, и только тогда она подняла голову. Узнав, в чем дело, взяла указку и показала на две самые крупные верхние буквы: «Видишь?»

- Ясное дело, вижу! - с готовностью откликнулся я.

- Все, иди прыгай! - И она оформила мне первый допуск в небо.

На вечер следующего дня у меня были билеты в театр, и я зашел предупредить Инну, что утром прыгну с парашютом, а после обеда вернусь и зайду за ней. Предупредил родителей и уехал на ночь в аэроклуб, так как прыжки должны были состояться на рассвете. Я, конечно, волновался, не мог заснуть. Людей в казарме было много, и разговоры шли до полтретьего, пока нас не подняли. Дул легкий ветерок, таяла ночная майская дымка, ночь повернула к утренней зорьке, когда мы степью добирались на аэродром. АН-2 стоял готовый к вылету. На поле я увидел нашего инструктора и еще несколько человек. Мэтры воздушного простора спорили о погоде. По инструкции, в случае возникающих порывов ветра прыгать было нельзя. Но порывы то возникали, то исчезали. Мы ждали решения своей судьбы и слушали

спор инструкторов. Наконец они решили, что прыгать можно. Ощущения, когда я услышал: «Пятый корабль, на выход», - были непередаваемые. Прыжок в бездну, в неизвестность, в будущее! Я уже мысленно представлял себя курсантом Рязанского училища, прыгающим чуть ли не в тыл врага.

«Пошел!» Я как-то не очень ловко шагнул в бездну. Стремительное падение, земля - небо - самолет - толчок, и я закачался на стропах под квадратным, похожим на большой носовой платок куполом. Остальные четверо - под круглыми. Ощущения - замечательные. Но ожидание праздника всегда лучше самого праздника. Проза жизни напомнила о себе буквально через несколько секунд. Метров за 100 - 150 до земли я попал в порыв. Меня понесло. Из предпрыжковой подготовки я уяснил себе твердо одно: «Держи ноги по сносу!» И я их держал, как мне казалось, правильно. Над самой землей порыв стих, я по «многоопытности» своей этот момент не уловил и так, держа «уголок», приземлился. На копчик. По закону подлости, на укатанную полевую дорогу. Удар в позвоночный столб перед глазами замельтешили какие-то разноцветные круги и шарики, потом они исчезли, и я обнаружил себя сидящим на дороге. Парашют лежал передо мной, ни малейшего дуновения ветерка, абсолютная, до звона в ушах, тишина. На заводе была военно-медицинская подготовка, откуда-то из глубины сознания выплыл обрывок полученных тогда знаний: «Если сломал позвоночник - не шевелись...» Я сидел на дороге, копчик дико болел, никто ко мне не спешил, не бежал, все, по-видимому, решили, что паренек обалдел от счастья. Я пошевелил руками - двигаются. Ногами - двигаются. Попробовал встать - встал. Стало веселее - с переломанным позвоночником не встают. Стал собирать парашют, мутило, опять появились круги и шарики, но собрал, взвалил его на себя и, с трудом загребая ногами, прошагал отделявшие меня от старта 500 метров. Свалил парашют на укладочный стол и пошел к врачу. Та же женщина, у которой я так лихо прошел медкомиссию, вынесла приговор: «Все ясно - на пятую точку сел. Давайте его в больницу».

Выгнали старенький бортовой ГАЗ-51, а я в него не смог забраться. Кое-как меня загрузили и не спеша повезли в аэроклуб. Я стоял в кузове, опершись руками о кабину. На прыжки мы ехали по этой же дороге, она была такая ровная! Сейчас же это была какая-то дикая стиральная доска.

Дальше все было бы смешно, если бы не было так больно. Позвонили в «Скорую помощь», сказав сгоряча, что парашютист разбился. А я уже не могу ни лежать, ни стоять, ни сидеть. Боль начала меня одолевать все больше и больше. В ушах звон, голова кружится. Когда приехала реанимационная машина, я уже плохо соображал, что происходит, стоял, облокотившись о забор. Врач «скорой» первым делом поинтересовался, где разбившийся парашютист, и когда показали на меня, стоящего у забора, то посыпалась отборная брань. Врача по-хорошему понять можно. «Скорая» по городу-то расторопностью не отличалась, а здесь на поселок, за 16 км от города, за 15 мин. прилетела не какая-нибудь там древняя карета, а достаточно редкостная тогда реанимационная машина. И для чего? Чтобы узрить хоть и нетвердо стоящего на ногах, но стоящего, черт возьми, детину. Какая уж тут реанимация! Наверное, по этой причине, слегка подзабыв клятву Гиппократа, меня предельно грубо, как чурбан, уложили на носилки, в машину и завезли в больницу Октябрьского поселка Новочеркасска. Оказался не только перелом копчика в трех местах, но еще и разрыв сухожилий на левой руке.

Привели меня в палату, и только тут я почувствовал, что уже более суток не спал. Постель с толстым матрацем показалась единственным избавлением от всех бед. Я уже мысленно погрузил свое тело в мягкую постель, как увидел, что матрац уносят, а на его место устанавливают деревянный щит, покрытый тонким войлоком. Я взвыл, но мне четко и коротко объяснили: «Перелом! И не вздумай вставать, а то будет плохо!» Пришлось подчиниться, и я, поворочавшись, провалился в какую-то дрему. Очнулся утром и поймал себя на мысли, что пошли вторые сутки, как я исчез из дома, там наверняка не знают, что и думать. Поднявшись кое-как со своего настила и попросив пижаму, поковылял в коридор в поисках телефона. Зрелище было не из веселых. Меня отловили и, забрав пижаму, уложили на щит, строго предупредив соседей по палате:

- Кто даст ему пижаму, будет безвылазно сидеть с ним в палате.

А так как была весна, на улице пригревало солнышко, никто мою участь разделять не хотел.

Рядом со мной лежал пожилой мужик с рукой, порезанной на пилораме. Я кое-как уговорил его позвонить. Он со-

гласился. Я не знал тогда, что он сказал, но вскоре у меня была насмерть перепуганная мать, которая вначале даже говорить не могла. Потом я узнал, что было ей сообщено, и готов был вскочить с кровати и немедленно свести с ним счеты. Но - один разбитый, другой порезанный - обошлись взаимной руганью. А сказал этот мужик следующее, когда мама сняла трубку:

- Екатерина Григорьевна?

- Да.

- У вас сын есть?

- Да.

- На прыжки уезжал?

- Да.

- Ну он разбился.

Долгое молчание моей мамы. Конец разговора:

- Да вы не беспокойтесь, он еще живой. - И положил трубку. Вот это «еще живой» - это он хорошо сказал, талантливо. И трубку положил тоже талантливо. Услужливое воображение в таких случаях рисует картину хлюпающего мешка с костями, сколько он там еще будет делать вид, что живет и дышит, кто знает, может, день, может, час. И настолько это тяжелая картина, что человек даже говорить не смог, трубку положил. Иссякло, так сказать, мужество.

Так, вместо подготовки к поступлению я до 25 июля провалялся на больничной койке. Ко всему еще и что-то случилось с походкой. Мы ходим по инстинкту, как научились когда-то, так и ходим, не концентрируя на походке никакого внимания. Я стал ловить себя на том, что как только я слежу за собой, то иду нормально, как только внимание чуть отвлеклось, ноги начинают загребать - косолапить. Пришлось учиться ходить заново.

Через несколько дней пришел мне вызов из училища. Но в то, что я уезжаю всерьез и надолго, в семье уже никто не верил. Кроме моих попыток вырваться в летное училище, я два раза уходил в армию. Первый раз осенью 1968 года мне устроили пышные проводы, праздничный обед, после которого я с шумной компанией и песнями добрался до военкомата. Прибыл к майору, начальнику отделения, с документами, а он глянул и ошарашил меня: «Ваша группа оставлена до особого распоряжения. Ждите!» Так я прождал до весны. Вторую повестку получил в мае 1969 года. Но... вместо армии попал в больницу. И уже теперь не только отец, но и

мать, и брат были уверены, что как уеду, так и назад приеду. А потому уезжал я без особой суеты и на лицах моих родителей четко читал: «Давай-давай, отдохни после больницы, съезди Рязань поглядеть, все равно скоро домой вернешься!»

Приехал я в Рязань, добрался до училища. Народу там уже собралось много.

В войсковом приемнике к нам отнеслись холодно и сразу предупредили: «Завтра на медкомиссию, а потом уже с теми, кто пройдет, разговаривать будем».

Ну, думаю, опять приплыли! Не успел приехать, как домой надо будет отправляться. Отец как в воду глядел.

Но тем не менее решил бороться до конца.

Утром начал сразу с хирурга. Определил сам для себя, что если его пройду, то там сам черт не страшен. И тут фортуна первый раз повернулась ко мне не задом. В кабинете хирурга восседал молодой лейтенант-двухгодичник, которому на нас было глубоко наплевать. Он с серьезным видом потребовал от десятерых здоровых парней снять трусы, что вызвало хихиканье, и спросил: «Грыжи ни у кого нет?» Услышав, что нет, всех признал годными к службе.

Дальше я пошел спокойно. От кабинета к кабинету росла моя уверенность, да и наглеть я начал. Двери последних кабинетов открывал, что называется, ногой. Какова же была моя радость, когда - наконец-то - на третий год я получил эту злополучную надпись: «Здоров. Годен...» Но радовался я недолго. Меня как холодной водой окатило: «Теперь-то экзамены сдавать надо. А то получится как в известном анекдоте: анализы сдал, а по математике два получил». Основания для опасений были. Два года я не открывал ни одного учебника. Разного рода «бывалые» постоянно внушали мне: «Главное - медицинскую комиссию пройти. А там, будь ты баран бараном, возьмут. Медведей на велосипеде кататься учат». Я верил. Сдуру. Теперь казавшиеся далекими и несбыточными экзамены грозно надвинулись на меня. Конкурс - почти 6 человек на место. Ребята преимущественно крепкие, рослые, боевые. Первым в шестерке стать непросто.

Я стал в темпе вспоминать, чему меня учили в школе, заодно и то, чему не учили, тоже.

Шутки шутками, а на первом же экзамене по письменной математике я получил именно двойку, хотя вины моей в том почти не было. Войсковой приемник - муравейник: все бега-

ют, суетятся, шпаргалки готовят, земляков ищут, желательно умных. Познакомился и я с парнем откуда-то с Кубани, хоть и пол-лаптя по карте, а все ж земляк. Парень крепкий, веселый, несколько излишне болтливый, ну, у каждого свои недостатки. Он все упирал на то, что он чистопородный кубанский казак, а кубанцы и донцы - браты, и... вообще. Короче, братские чувства я должен был проявить на экзамене. Почему он решил, что я больше него знаю, трудно сказать, но жужжал он и вился вокруг меня до тех пор, пока я плюнул: «Ладно, садись впереди меня, разберемся». Вначале все шло как по нотам. Он впереди - я сзади. Всем раздали по два листа, в углу - штамп «Учебный отдел...». Объявили задание по вариантам. Два примера и задача - геометрия с применением тригонометрии. Как оно получилось, трудно сказать, но примеры я решил почти мгновенно и геометрическая часть задачи как-то сама собой высветилась, а дальше заклинило. Помню, какую формулу надо применить, чтобы получить ответ, но саму формулу забыл. Покрутился по сторонам, все носами в листы уткнулись, сопят, стараются, спросить не у кого, списать тем более. Появилось ощущение, что вот-вот еще немного, еще чуть-чуть - и я ее вспомню. Кубанец впереди обозначил себя: «Ну, ты как?»

- Два примера и ползадачи, сейчас дорешаю.

- Дай, что есть.

- На.

Я подвинул лист с решением на край стола. Он «содрал» почти мгновенно, у меня сложилось впечатление, что у него один глаз смотрел ко мне, а другой - к себе. Успокоился, оживился, разодрал свой второй лист на полоски, быстро-быстро стал писать на этих полосках примеры и ловко метать скатанную в шарик бумагу вправо и влево, приятелям, землякам или уже не знаю кому. А у меня почему-то усилилось ощущение, что я вот-вот вспомню формулу. Я подвинул исписанный лист к себе. Формула где-то близко крутилась в глубине мозга, но упрямо не вспоминалась. Меня начал раздражать мой второй чистый лист. Я отодвинул его на край стола. Формула все не вспоминалась, а ощущение «вот-вот» все усиливалось. Кубанец к тому времени полностью исчерпал запасы бумаги и, удовлетворенно хрюкнув, сел прямо и расслабился. Проводивший экзамен начальник кафедры математики Иван Иванович Кузин направился к нему:

- Вы готовы?

- Готов!

- Сдавайте.

- Пожалуйста.

- А где второй лист?

Здесь Ивана Ивановича что-то отвлекло. Кубанец одним движением «слизал» мой лежащий на краю стола лист, приложил его к своему.

- Вот, пожалуйста - Сдал и вышел из класса.

Все произошло настолько быстро, что я даже не сообразил, чем это чревато. Помучившись еще минут 10, я пришел к окончательному выводу, что формулы мне не вспомнить, расписал на словах, что надо подставить в задачу и какой должен получиться ответ, и устало выпрямился. В это время через ряд от меня возник легкий «экзаменационный» скандал. Иван Иванович отловил юношу со шпаргалкой, на шпаргалке, как положено по закону бутерброда, штамп «Учебный отдел...». Крыть нечем. У юноши изъяли листы и указали ему на дверь. Здесь до меня начало доходить, что я, кажется, приплыл. Но я отказывался в это верить. Поздно! Иван Иванович наставил на меня очки:

- Вы готовы?

- Готов. - Я вложил в это слово совершенно другой смысл.

- Сдавайте.

Я обреченно протянул ему одинокий лист. Иван Иванович хладнокровно констатировал факт:

- Ну, вот и владелец нашелся.

Положил лист на стол и очень толстым красным карандашом нарисовал на нем двойку, размером этак сантиметров в восемь.

- Прошу вас - Ласковый жест в сторону двери.

Оправдываться было бесполезно, да я и не мог бы этого сделать. Меня душила холодная ярость. Я молча направился к двери. Первым, кого я за ней увидел, был кубанец. Счастливый такой, руками машет, что-то кому-то рассказывает. Он повернулся ко мне, в его глазах мелькнул испуг, то, что я чувствовал, по-видимому, было очень хорошо написано у меня на лице. Я обрушил на его челюсть кулак, вложив в него все, что меня переполняло. Лязгнули зубы, он проехал по кафельному полу несколько метров и, уткнувшись головой в дверь по другую сторону коридора, затих. Я молча пошел к выходу.

Пришел в казарму, отрешенно собрал чемодан, совсем

уже было пошел к выходу, да остановила дурацкая мысль: «Пусть меня официально выгонят». Оснований для надежды - никаких. Двойку рисовали при мне большую, красивую, красную, на дверь тоже показали недвусмысленно, хоть и вежливо, брата своего нареченного я уложил жестоко. Какие уж тут надежды! Но - «пусть выгонят».

На следующий день войсковой приемник был построен, зачитали список тех, кто получил двойки, большой список, так что приемник поредел почти вдвое. Меня не было! Я не поверил своим ушам, хотел было подойти, уточнить, но остановился. Подойдешь, спросишь, а тебе в ответ: «Извини, браток, пропустили. Есть, есть ты в списке». Нет уж, извините, не зачитали, значит, я пошел готовиться к физике.

Настроение у меня - лучше не бывает. Знаю, что двойка есть, а все равно хорошо. Не зачитали - значит, произошло что-то такое неведомое мне, но в мою пользу. За нокаут никто не настучал - приятно, хороший народ собрался, душевный, понимающий. Соображают, что просто так в коридорах училища по физиономии не бьют, значит, за дело. Кубанец куда-то исчез - мелочь, а приятно. Физика усваивается просто замечательно, и вообще впечатление складывается такое, что я ее всю, от корки до корки, знаю.

День экзамена подошел. Экзамен принимает тоже начальник кафедры, только физики, Игорь Иванович Перримонд. На всех консультациях, которые Игорь Иванович проводил, добрую половину времени он отводил на то, чтобы ругательски изругать всех авторов всех известных ему учебников физики за бездарность. Истинный смысл физики можно постичь только по учебнику, который он, Игорь Иванович, заканчивает писать. Это мы позже разобрались, что у Игоря Ивановича такое хобби - всех ругать да еще приговаривать: «Все, что я говорю, надо записывать!» Рекорд - 42 повтора за академический час. А тогда мы прониклись к нему глубочайшим уважением: еще бы, если эти тупые и бездарные, по Игорю Ивановичу, авторы такое написали, то что же явит восхищенному миру он?

Достался мне билет как билет: разложение сил методом параллелограмма, второй закон Фарадея и задача. Задачу я сразу решил, параллелограммов со вьющимися вокруг них векторами тоже нарисовал несколько, а со вторым законом опять затмило. Помню, что есть в законе буквы а, х, ц, помню, что есть какая-то дробь, но что все это значит - не пом-

ню. Я перевернул лист, выписал буквы в строчку и начал, нумеруя, составлять из них варианты. Получилось внушительно и наукообразно. Словил момент, когда Игорь Иванович вплотную занялся очередной жертвой физики, и не в свою очередь пошел отвечать к его ассистенту, Клавдии Ивановне. Клавдия Ивановна сразу установила, что задача решена неизвестным науке методом, но ответ правильный, претензий нет. С параллелограммами мы с ней тоже не без некоторых трудностей, но разобрались. Разбиралась преимущественно она, а я поддакивал. Дошли до второго закона, я перевернул лист. Клавдия Ивановна внимательно осмотрела мою внушительную писанину и почему-то шепотом спросила: «Это что такое?» Чтобы соблюсти конспирацию, я тоже шепотом, но довольно-таки нахально, как я теперь понимаю, ответил: «Второй закон Фарадея, как я его понимаю».

- Ну, идите, - это уже в полный голос.

Я ушел удрученный. Опять, похоже, два шара, но теперь уже за наглость.

Назавтра построение, черный список, из оставшихся «улетела» еще примерно треть, а я опять уцелел. К сочинению я даже готовиться не стал - никаких проблем. Учительница русского языка и литературы Людмила Ивановна - участник Великой Отечественной войны, вдова офицера - человеком была очень суровым и требовательным. Высокая, сухощавая, всегда очень строго одетая, она была беспощадна. Своей не знающей компромиссов требовательностью она вбила в нас русский язык столь крепко, что у меня до сих пор сохранился инстинкт: «Если где не хватает запятой, я ее сразу поставлю - от греха». Учительница она была замечательная, но поняли мы это позже, когда ветер в ушах отсвистел, а тогда злились на нее, дулись, за глаза Пышкой дразнили.

Итак, сочинение - отлично. И здесь меня что-то начало колотить: девять баллов на трех экзаменах - это, конечно, тоже результат, но какой-то такой ... не очень. Почему я еще здесь пребываю, неясно, что это за эксперименты надо мной проводят, когда за меньшие грехи всех уже давно вышибли и их след простыл?

Устная математика не шла в голову день, не шла второй, в третий тоже не пошла. Я смирился. В школе я почему-то очень любил логарифмы, как простые, так и десятичные. Почему - не знаю. Любил - и все. Я лениво и безвольно полистал любимый логарифмический раздел справочника и - будь

что будет - пошел на экзамен. Бывает же такое! Куда смотрел Иван Иванович, утверждая билеты, неведомо, но весь билет был про логарифмы. Я был готов на него отвечать сразу, с лету, без всяких записей. И тут я совершил грубую тактическую ошибку. Мне бы сделать «умный» вид, дождаться своей очереди, скромно и с достоинством получить свою пятерку и убраться. Ну, куда там! Я полез отвечать без подготовки. Что обо мне подумали преподаватели (а их было трое), можно только догадываться, но мои блестящие логарифмические выкладки они выслушали довольно рассеянно и начали задавать мне дополнительные вопросы, к логарифмам никакого отношения не имеющие. Но мной владело вдохновение. Я вспомнил даже то, чего никогда не знал, правда, недостаточно твердо вспомнил, а посему в итоге - хорошо.

На мандатной комиссии выяснилось, что Клавдия Ивановна все-таки поставила мне тройку. За конспирацию, по-видимому. Слово взял Иван Иванович и сказал, что данного абитуриента помнит очень хорошо: разбрасывал шпаргалки, был уличен, но в пререкания не вступил - такого случая он за всю свою богатую практику не помнит, когда указали на дверь, с достоинством удалился. Кроме того, при рассмотрении результатов письменной работы установлено: ответ дал наиболее полный и правильный, и если бы не шпаргалки, то о двойке речи и быть не могло. Поэтому он, Иван Иванович, ходатайствует перед мандатной комиссией о зачислении меня в училище условно. Члены мандатной комиссии полистали мое личное дело. Два года работал, да и товарищам хоть и не в бесспорной форме, но помогал. В решении мандатной комиссии появилась запись: «Зачислить условно».

ПОД КУРСАНТСКИМ КУПОЛОМ

Первая моя реакция после мандатной комиссии была шоковой, я, как пьяный, шел по территории училища, не соображая ничего от счастья. По всем злым стечениям обстоятельств я не должен был стать курсантом, но тем не менее сдал экзамены, выжил и поступил.

В казарме я взял лист бумаги и написал домой письмо. Не помню дословно, что писал, но, конечно, об условном зачислении не упомянул, а слова были самые восторженные.

Но училищная жизнь долго пребывать в состоянии восторга возможности не давала. В течение суток нас переодели в военную форму, и я ощутил на своих плечах погоны - признак солдата, которым мне предстояло только стать, в чем я убедился в самое ближайшее время.

В последние дни моего последнего гражданского лета нас подняли по тревоге, экипировали по полной боевой выкладке, и мы пешком прошли пять с половиной километров от училища до пристани на Оке. Здесь нас усадили в видавший виды речной трамвай под номером 13, и мы в течение трех часов добирались до летнего лагеря, созерцая проплывающие мимо поля и деревни. Высадились мы в пустынном низком месте напротив высокого берега села Кузьминское. Огляделись вокруг - пусто. Узнали, что до лагеря еще пять километров. Для бывалого солдата - это не расстояние, а из нас многие впервые надели сапоги. Как заворачивать портянки, никто не знал, естественно, ноги были сбиты, и на финише колонна представляла жалкое зрелище - доплелись на последнем дыхании.

Лагерь училища располагался в красивом сосновом лесу и был совсем небольшим: несколько одноэтажных дач, где жили офицеры, пять деревянных казарм для постоянного состава

батальона обеспечения учебного процесса. Мы же, курсанты, жили в палатках и гордились этим, считая дурным тоном располагаться в казармах. Палатки вносили в нашу жизнь некоторую романтику.

На другое утро, несмотря на сбитые ноги и совсем не боевое настроение, все были подняты, и началась учеба. Учили нас жестко, сурово, но никакой дедовщины, хотя рядом находились две роты третьего курса, не было. То есть, может, и было снисходительное отношение к нам, салагам, но издевательств не припомню. Да и такого понятия, как дедовщина, не было.

Трудно, а порой и очень трудно, проходили первые полтора-два месяца, но и сейчас я считаю, что это самый важный период в становлении человека, пришедшего в армию. Либо он сумеет преодолеть себя и станет солдатом, либо так и останется «чудом» и недоразумением в армейской жизни.

Нашей ротой командовал старший лейтенант Плетнев. Забегая вперед, скажу, что погиб он в автомобильной катастрофе в 80-х годах в звании полковника, командуя Кутаисской десантно-штурмовой бригадой. Николай Васильевич был для нас эталоном офицера: всегда подтянутый, щеголеватый, в хромовых сапогах со сглаженными голенищами. Смотрел он на нас, как смотрит мастер на глину, когда начинает лепить сосуд. Пешком мы не ходили: или строевым шагом, или бегом. Физическая подготовка в лагере занимала основное время.

Все курсанты с восторгом смотрели, как этот, невысокого роста офицер мог подойти к перекладине в кителе (или даже в шинели) и спокойно выполнить весь комплекс упражнений, необходимых на сдачу военно-спортивного комплекса (ВСК) первой степени, не слезая. А это было для нас немало: восемь раз подъем переворотом, пять раз выход силой на одну или две руки, одиннадцать раз поднести ноги к перекладине. А мы пыхтим в трусах, и у нас не получается. Подойдет Плетнев, посмотрит на наши потуги и сам все продемонстрирует. А потом, спрыгнув с перекладины, спокойно скажет: «Кто повторит за мной - получит отпуск». Хотя курсантам отпуск не положен, но, видимо, командир был уверен, что таких не найдется.

Мы своего командира называли любовно - наш Плетень. Если Плетень сказал, то нужно выполнять беспрекословно.

Бегал Плетнев отлично на любые дистанции, и мы за ним тянулись, стараясь не отставать. А вечером падали и засыпали замертво. До сих пор помню, как мы осваивали километровую дистанцию по лесной дороге. Сачковать было невозможно. Слева и справа от дороги - сосны с густым подлеском. Старт и финиш на расстоянии туда и обратно по 500 метров. Но что это были за метры для наших новеньких яловых сапог? Лучшие бегуны роты Некрылов и Крымский пробежали первый раз на тройку, остальные на двойку. Десятка полтора курсантов вообще добежать не смогли. Дорога была усыпана песком, ноги разъезжались.

После первого финиша Плетнев сказал все, что о нас думает. Ругался матом он исключительно редко, когда кто-то очень сильно доводил, но строй речи был таков, что нам хотелось его слушать, несмотря на самые нелицеприятные истины. Говорить он умел долго и со вкусом, и всегда без бумажек. Для меня, по характеру молчаливого, в ту пору это казалось верхом человеческого разума, а само это искусство речи - непостижимым.

Слушая его, рота всегда стояла, не шелохнувшись. Слышно было, если муха пролетала. После таких чисток нам не надо было никаких дополнительных объяснений. Сами старались сделать так, чтобы командир был доволен. В нашем сознании он имел на это все права, так как являл собой образец начальника, живущего по правилу: «Делай, как я!»

Хорошо помню мой первый прыжок с парашютом в училище. Нужно сказать, что после неудачной попытки освоить набегом парашютное дело, перелома и больницы у меня появилась боязнь земли. Я боялся не прыжка, не полета в воздухе, а именно приземления. В конце сентября мы закончили теоретическую подготовку, и командир роты объявил, что теперь переходим к практике. Рано утром нас подняли по тревоге. Плетнев отдал команду: «Хромые и немощные, на склад парашютно-десантного имущества для загрузки парашютов».

Рота без парашютов должна была добираться до парашютодрома. По дороге несколько раз мы развернулись в боевой порядок, отразив атаку мнимого противника. По прямой до парашютодрома три километра, а мы пробежали вдвое больше.

Поскольку первый прыжок положено было совершать без оружия, то мы сложили его на поле и сдали под охрану. Над-

ели парашюты типа Д-1-8, в просторечии именуемые «Дубом». Такое название они получили из-за того, что были громоздкими, тяжелыми, один перкалевый купол весил 16 килограммов да плюс еще семь килограммов запасной парашют.

На поле стояла готовая к взлету эскадрилья АН-2. В самолет садились по девять парашютистов и десятый выпускающий. Все это время, когда готовился, прыгал и летел, меня сверлило одно тревожное чувство - чувство земли. Я не думал о прыжке, не сомневался, что парашют откроется, Д-1-8 при принудительном раскрытии предельно надежный парашют, хотя неуправляем, и приземлиться можно было только там, куда занесет. В голове - одна мысль: «Как я приземлюсь?..» Мне казалось, что опять должно произойти что-то непредвиденное. Совершенно спокойно, почти автоматически я толкнулся левой ногой и прыгнул в рассветную осеннюю прохладу. Чем ближе был к земле, тем больше страх. Повезло. Я приземлился на сухое, слегка кочковатое, очень мягкое и удивительно уютное, как мне тогда показалось, болото. Психологический барьер исчез как-то очень просто и ненавязчиво. Позже всякое бывало, но такого страха перед землей, как на втором прыжке, я больше никогда не испытывал.

Полтора месяца до середины октября бегали мы марш-броски и кроссы. На фоне всеобщей попутной физической тренировки. Это когда в баню бежишь - моешься, в бане - моешься и из бани бежишь - моешься. Главное воспоминание того периода - это непроходящее чувство голода. И кормили, в принципе, неплохо, и чайная работала, но все постоянно были голодны. Пока не втянулись. Такая насыщенная спортивно-спартанская жизнь привела к тому, что 17 человек из роты написали рапорта и были отчислены. Зато оставшиеся приобрели шкуру и пятки носорога. Произошла естественная селекция: все, кто погнался за легкой романтикой красивой офицерской жизни, отсеялись, рота сплотилась, и через полтора месяца это были уже другие люди, готовые к трудностям и испытаниям.

Испытания нам пришлось преодолевать уже в октябре. На третьем курсе случилось ЧП. Во время огневой подготовки пропал пистолет Макарова. Сутки весь батальон искал исчезнувшее оружие: прочесывали лес километр за километром. Нашелся пистолет в лагере. Кто-то, испугавшись, подкинул его в

бачок для окурков, в курилку. Комбат подполковник Алексей Степанович Карпов, чтобы объяснить доходчиво, что воровать оружие нехорошо, принял решение: всему третьему курсу совершить марш-бросок «по полной боевой» по маршруту Сельцы (учебный лагерь) - Рязань, через Ульевую, что означало ни много ни мало - 70 километров. Первый курс стоял и смотрел во все глаза. А комбат подумал немного и добавил, что и первый курс для профилактики тоже совершит марш-бросок. Комбат для нас был если и не богом, то по табели о рангах стоял где-то рядом.

Марш-бросок подразумевал преодоление «зон заражения», то есть нужно было бежать часть пути в ОЗК (общевойсковой защитный комплект). Если для третьего курса это было делом привычным, то для нас, первогодков, задача на пределе возможного. За сутки мы преодолели 70 километров пути. Финишировали под Рязанью. Оставшиеся три километра уже шли, но так, что два крайних поддерживали среднего. Помню, в училище я входил, неся два автомата и гранатомет, и был этим страшно горд.

После осенней физической подготовки мы попали в совершенно иной мир. Начались лекции. Мы сидели в теплых классах и вспоминали - как о чем-то далеком - об осеннем лагере. Переход от огромных физических нагрузок к учебникам-задачникам по математике и физике был разительным. Мы вспоминали о тех,кто сломался на первых физических испытаниях, и где-то даже жалели их, ощущая гордость, что прошли, выдержали и дожили до спокойной училищной жизни. Хотя это спокойствие тоже было относительным. Как только выпал снег, мы стали тренироваться ходить на лыжах. Согласно учебному плану рота в среднем раз в два месяца выходила на учебный центр на 2 - 3 недели. Как некогда Николай I провел прямую линию, по которой построили первую железную дорогу Петербург - Москва, так брал линейку и наносил Плетнев по прямой на карте маршруты движения роты. На определенный отрезок пути один из курсантов назначался командиром роты. Ему вручались карта, компас и ... единоначалие. Никто не подсказывал - это было обязательным условием. На ведущего роту курсанта возлагалась полная ответственность. Если плутал - рота наматывала лишние километры, и такой незадачливый «ротный» спиной чувствовал «теплые», «участливые» взгляды своих подчиненных. Так у нас вырабатывали чувство ответственности.

В конце первого курса к нам приехал командующий Воздушно-десантными войсками генерал армии Василий Филиппович Маргелов, создатель ВДВ, Герой Советского Союза, прошедший всю финскую и всю Отечественную войну, человек орлиного племени, живший по принципу: «Нет задач невыполнимых» и сумевший сделать этот принцип девизом Воздушно-десантных войск, живая легенда. Для нас это было явление Христа народу, когда дверь спортзала открыл 60-летний генерал и командир взвода лейтенант Н.В.Герлейн подал команду и доложил: «Товарищ командующий, с курсантами 3-го взвода 1-й роты проводятся занятия по физической подготовке. Командир взвода...» Курсанты онемели и стояли, не шелохнувшись, переживая сошествие Бога на землю.

Командующий обвел нас отеческим взглядом и спокойно сказал:

- Первый курс! Что можете, сынки?

Командир взвода начал докладывать...

- А через коня можете? - последовал вопрос.

С конем, честно говоря, дело обстояло неважно, половина еще не освоила как следует, но ударить лицом в грязь было невозможно, и все в один голос сказали, что можем. Поставили коня, и три лучших курсанта благополучно через него перелетели. Я был четвертым, но прыгнуть не успел. Маргелов вдруг спросил: «А как насчет сальто через коня, можете?» Это мы вообще никогда не пробовали, но так же дружно ответили, что можем.

Развернули коня поперек, установили подкидной мостик. Двое перепрыгнули и благополучно совершили сальто. Настала моя очередь. Все мои мысли были сконцентрированы на одном: «Я никогда не делал сальто через коня, но отступать нельзя». Я разогнался и прыгнул. Хорошо помню, как сделал одно сальто и начал крутить второе, но тут помешал пол - удар был такой сильный, что я потерял сознание. Очнулся в госпитале с сотрясением мозга. Так окончилась моя первая встреча с командующим ВДВ.

На втором курсе нас покинул Плетнев, получивший звание капитана и ушедший в войска. Сменил его капитан А.И.Ильин. Правда, пробыл он совсем недолго. Анатолий Иванович хорошо знал, к несчастью для нас, английский язык, и его забрали командовать 9-й ротой спецназа. Ильина сменил капитан В.М.Зайцев. О нем нужно сказать осо-

бо. Зайцев был военным корреспондентом окружной газеты, подготовил план «эпохального» романа о ВДВ и с целью «проникновения в образы» попросил командующего дать ему возможность командовать ротой. В Фергане ему дали роту в 105-й дивизии. За 2 - 3 месяца он развалил все, что было можно. Кто уже там подсуетился - сказать теперь трудно, но его «выдвинули» на курсантскую роту, полагая, по-видимому, что здесь он принесет меньше вреда. Был он среднего роста, тридцати лет и абсолютно лысый, как шар.Человек с задатками крайне скверного администратора, он как нельзя лучше напоминал одного из героев известного произведения Салтыкова-Щедрина («История города Глупова»), а именно Органчика, уяснившего общие, расхожие фразы и примитивные команды. Восемь месяцев он терзал нашу роту. Я был к тому времени заместителем командира взвода, старшим сержантом. Несмотря на свой опыт и дисциплинированность, заработал от Зайцева в общей сложности 23 суток ареста, хотя не отсидел ни одного дня. Зная, что можно наказывать арестом курсантов, Зайцев налево и направо раздавал сутки арестов, но в конечном счете никто не сидел, так как у командира роты не хватало воли претворить объявленное взыскание в жизнь. А получить сутки можно было ни за что, ни про что! Как-то я зашел в канцелярию и стал докладывать по занятиям, а Зайцев без перехода вдруг говорит:

- А почему вы вчера стояли у КПП?

Оторопев, отвечаю:

- Мать приезжала.

- А кто вас туда отпускал?

- Никто! Я ведь за КПП не выходил!

- Так вы пререкаетесь?

- Ну, если вы считаете мой ответ пререканием, то пусть будет так!

- Отлично. Тогда пять суток ареста.

И такие бессмысленные, нудные и никчемные беседы длились постоянно, и казалось, не будет этому ни конца, ни края. В конечном итоге книги Зайцев никакой не написал и с роты его сняли. Куда он делся - одному Богу известно. Обычно запоминаются яркие, сильные личности, но это была выдающаяся серость, необыкновенная и бездарная посредственность. И я благодарен судьбе, предоставившей мне возмож-

ность на собственной шкуре испытать: каким не должен быть офицер. Особенно разителен был этот контраст после такого командира, каким был Плетнев. В принципе, отрицательный результат эксперимента - это тоже результат.

Иногда нам приходилось экспериментировать и с преподавателями. Английский язык в нашем взводе преподавал капитан Г.И.Федоров - низкорослый кривоногий человек со скверным характером. Во время занятий он не произносил ни одного слова по-русски. У него легко в течение 45 минут можно было получить 5 - 7 двоек, а это было чревато оставлением без увольнения, лишением отпуска да еще и промыванием мозгов на комсомольском и партийном собраниях.

С этой карой господней необходимо было как-то бороться. Стали искать слабости и обнаружили целых три: бокс, шахматы и значки с названием городов.

В боксе у меня успехи были неплохие. На втором курсе помню один бой. Выступал я в тяжелом весе и где-то около 21 часа выбил во втором раунде соперника за канат и под рев публики вышел в полуфинал соревнования на первенство училища. В первом ряду зрителей сидел Геннадий Иванович Федоров и страстно болел.

На другой день была суббота и первым часом - английский. В присущей ему манере Федоров вбежал вприпрыжку в класс, заслушал доклад дежурного и лаконично объявил: «Квиз», что в переводе на русский означало диктант. К нему я был, естественно, не готов. Я об этом честно сказал Геннадию Ивановичу. Он из уважения ко мне ответил по-русски: «Пиши!»

- Я не буду писать, я не готов!

- Пиши!

- Есть! - ответил я.

Взял лист бумаги и подписал: «Старший сержант Лебедь» и сдал чистый листок.

Когда я получил его обратно, то обнаружил на нем следующие расчеты: «За сегодняшний диктант - кол. За вчерашний бой - отлично. Единица плюс пять - равняется шесть. Делим на два - получаем три. Вводим коэффициент два. Три плюс два равняется пять. Браво!»

С шахматами у меня тоже получалось неплохо. Геннадий Иванович заходил в класс, а на подоконнике, как бы случайно, лежали шахматы. Вид шахматной доски Федоров выдерживал не более пяти минут. Он ставил взводу задачу: от сих

до сих читать, от сих до сих переводить и отдавал мне команду по-английски: «Расставляй!» Играл я сильнее его и при серьезном подходе мог легко обыграть, но тактика была иной. Первую партию я выигрывал. Вторую проигрывал. Естественно, нужно было играть контрольную. Обычно на этом месте урок кончался. Взвод задышал.

Научились курсанты использовать и третью страсть Геннадия Ивановича - значки. Все ярко выраженные остолопы, потеряв всякую надежду соответствовать предъявляемым Федоровым требованиям в познании английского языка, всю свою энергию, пыл и жар души направляли на поиски значков. Естественно, при официальной сдаче экзамена получали двойку и дальше шли на индивидуальную пересдачу, заложив в карман носимый запас если не знаний, то предметов, способствовавших их положительной оценке. Здесь тоже была своя тактика. Представившись, обладатель кармана ненавязчиво звякал значками. Услышав знакомый звук, Геннадий Иванович настораживался: «Что это у тебя?»

- Да вот, значки!

- Ну-ка, покажи! Так, так, так, - говорил он, - это ерунда, это - тоже, ага, вот - Псков! Это уже другое дело! Тебе тройки хватит?

Большинство удовлетворялось вожделенным трояком, но отдельные, наиболее нахальные, обладатели карманных коллекций начинали канючить:

- Товарищ капитан, я по всем предметам, кроме английского, отличник. Командир роты сказал, что если трояк получу - в отпуск не отпустит.

И из второго кармана курсант при этом доставал увесистую жменю значков. Глаза у Геннадия Ивановича разбегались, и он, махнув рукой, говорил: «Ну, хорошо. Иди, пусть будет четыре. И скажи командиру роты, чтобы тебя отпустил».

Зимой на втором курсе я женился. Собирался летом, но из-за материальных затруднений пришлось отложить на полгода. Моей женитьбе предшествовал один забавный эпизод. По существовавшим законам нужно было за месяц до росписи подать заявление. Командир роты Н.В.Плетнев отпустил меня для этой цели на три дня. Выехал в субботу вечером и в воскресенье был дома. Думал: в понедельник подадим заявление, а вторник останется на обратную дорогу. Но в понедельник во Дворце бракосочетания был выходной. Я оказал-

ся в тяжелом положении, но помог найти выход Аэрофлот. Мне взяли билет на рейс Ростов - Москва. Из Москвы до Рязани на поезде ехать было три часа - я успевал вернуться в училище к сроку. Во вторник утром заявление, наконец-то, мы подали. Я не самый впечатлительный человек, но волновался очень здорово, целую ночь не мог заснуть. Во вторник Инна проводила меня в ростовский аэропорт. Когда я сел в самолет и почувствовал расслабление, одолела меня странная сонливость. Я проспал все два часа полета, но не только не пришел в себя, но меня еще больше разморило. В Москве, в которую я попал впервые, я шел буквально «на автопилоте». Не помню даже, как в автобусе добрался до города. Я знал, что мне надо попасть в метро, в кармане лежала схема моего маршрута. Начало вечереть. Вышел из автобуса и вижу: через дорогу светится буква «М», значит, иду правильно - впереди метро. По провинциальной своей простоте пошел к нему напрямую, как в каком-то полусне слышал скрежет тормозов, свистки. Передо мною вырос младший лейтенант милиции и не очень навязчиво стал обнюхивать на предмет наличия алкоголя. Убедившись, что я не пьян, сделал вежливое внушение, что переходить улицу в неположенном месте чревато тяжелыми последствиями, и указал на подземный переход. Однако ни визг тормозов, ни свистки, ни милицейская проповедь из состояния «автопилота» меня не вывели. В метро я попал в общий поток, и, когда неожиданно на эскалаторе скользнула нога, я потерял равновесие и, пытаясь устоять, кого-то существенно «заехал» чемоданом. Получилось, как в анекдоте: «Пустите Дуньку в Европу!» Таковы были мои первые впечатления о столице. 15 февраля я отправился в отпуск. 20 февраля 1971 года я женился. Свадьба получилась искренняя и веселая. Меня пришли поздравить все одноклассники. Им это было в диковинку: я первым из класса становился женатым человеком. С женой мне повезло: она у меня одна-единственная и на всю жизнь. Сейчас уже трое взрослых детей, но чувства мои к ней не остыли, как была любимой лебедушкой, так и осталась. Время не подточило и не изменило чувств.

Двенадцать дней отпуска пролетели быстро, нужно было возвращаться в училище. Начиналась наша первая разлука. Но на семейном совете решили поменять квартиру тещи на Рязань. К лету я уже жил в Рязани и почти в своей квартире.

Больше второй курс ничем знаменательным не был отме-

чен, если не считать, что получил единственную тройку по предмету, который любил, знал и стремился знать еще лучше. Тройка эта была единственной в моем дипломе. Экзамен за второй курс по огневой подготовке проводился на общевойсковом стрельбище в Сельцах, там же выполняли упражнения контрольных стрельб и всевозможных нормативов. Я как заместитель командира взвода представлял взвод на экзамене. Преподаватель подполковник Филиппов усадил первых четырех человек и объявил: «Кто идет отвечать без подготовки, ставлю на балл выше». Огневую подготовку я любил и знал, решил идти отвечать. Достался мне простой билет. Помню его до сих пор. Первый вопрос - взаимодействие частей и механизмов автомата при производстве одиночного выстрела. Второй - устройство выстрела ПГ-7В. Третий - задача на определение дальности прямого выстрела из пулемета. Преподаватель дал минуту на сосредоточение. По первым двум вопросам я был готов отвечать сразу, а задачу набросал и получил ответ. Начал отвечать на первый вопрос - Филиппов ставит с плюсом четверку, второй - «отлично». Даю задачу, он говорит: «Неправильно». Посмотрел опять: одна пропорция, один ответ. Я второй раз настаиваю, что решение верно. Преподаватель советует подумать. Время подоспело отвечать очередному. Филиппов говорит: «Думай!» На столе лежало лекало. С его помощью я изобразил траекторию разноцветными пастами, нанес ростовую фигуру, то есть сделал все то же самое, только красиво и аккуратно. Подаю ему, он говорит: «Теперь другое дело!» Тут я взбеленился. За нетактичное поведение Филиппов выставил меня и поставил «неудовлетворительно». При подведении итогов преподаватели, командир роты, командир взвода оценили мой ответ без подготовки, но осудили мою бестактность. Компромисс был вскоре найден - мне поставили трояк.

Подполковник Филиппов был фронтовик, имел два тяжелых ранения, поэтому зла на него я не держу. Да и вскоре после этого экзамена он уволился. Сейчас я думаю, что это был всплеск психологической несовместимости.

На третьем курсе была ровная напряженная учеба, я уже более двух лет находился на должности заместителя командира взвода. Научился командовать и разговаривать с людьми.

В конце третьего курса командовать нашим взводом при-

ехал из Прибалтики лейтенант Павел Грачев. Через месяц он сменил Зайцева. В то время Грачев был полной противоположностью Зайцева. Вновь в короткие сроки мы вернулись к системе, заложенной еще Плетневым. Грачев, мастер спорта по лыжам, подтянутый и строгий офицер, умел увлечь за собой курсантов. В роте ожила спортивная жизнь, возродился дух соревновательности. На стажировку мы уезжали внутренне удовлетворенные закончившейся учебой.

На стажировке я бы хотел остановиться отдельно. Направили нашу роту в 345-й парашютно-десантный полк, находившийся в Фергане, который входил в состав 105-й воздушно-десантной дивизии. Замысел командования училища был прост: сразу окунуть нас в бурную армейскую жизнь, приурочив наше появление в части к полковым учениям. По замыслу полк должен был десантироваться в Казахстан под населенный пункт Уш-Табе. Поскольку в учении участвовал один полк, вся наша рота вошла в него целиком, и стажеры попали на какие угодно должности. Все зависело от фантазии командования. Я стажировался на псевдодолжности заместителя начальника штаба батальона. При этом же начальник штаба, мой товарищ сержант Леонид Аршинов, числился помощником. Забегая вперед, скажу, что практику получили неплохую. Но память сохраняет яркие и потешные моменты, вот на них я и хочу остановиться.

Командиром батальона, где я стажировался, был майор В.А.Данильченко, сапер по образованию, человек резкий, разносторонне подготовленный, с оком зорким и всевидящим, с языком ядовито-насмешливым. За месяц стажировки Владимир Ананьевич четко объяснил нам, подкрепив массой практических примеров, главное: Офицер - это Артист. Другими словами, обязан ты, Офицер, овладеть любой ситуацией, подобрать душевный ключик и уметь держать в руках любую, самую разнообразную публику. А посему - никаких шаблонов, с единой зимой и летом постной физиономией удачи не видать. Учил комбат здорово, один недостаток: перебрал я в голове все образчики данильченковского артистизма - все до единого и установил, что они, как бы это помягче сказать, трудно поддаются литературной обработке.

В ходе подготовки к учениям мы совершили по два тренировочных прыжка. Причем, когда в первый раз увидели площадку приземления, у нас у всех без исключения глаза на лоб полезли: каменистая, твердая, как бетон, поверхность

была густо устелена мелкими камнями, камни величиной с кулак и более собраны в кучи. «И это вы сюда прыгаете?» - «Да, а что?» Действительно, приноровились, даже ногу никто не подвернул. Прыгали из самолета АН-12 в два потока в рамку. Теория предусматривает отделение парашютистов в шахматном порядке, что должно гарантировать безопасность, а практика показала, что начиная с 5 - 6 пары порядок отделения нарушается, в результате некоторые индивидуумы приземлялись, имея на лице явные следы соприкосновения с сапогом ближнего своего из соседнего потока.

В день, предшествовавший учению, Данильченко принес бархатное знамя с бахромой размером 1,5 х 1 метр с вышитым портретом Ленина. Вручил мне этот стяг и определил задачу: «Ворвемся на высоту - водрузишь!»

Я проявил совершенно неуместную инициативу: «А древко? Что я его, в руках держать буду?»

- Молодец, - похвалил комбат, - соображаешь. Иди в саперную роту, я ею раньше командовал, и возьми щуп, он заменит древко.

Взял я этот щуп на три колена по 50 сантиметров каждое и вторую пустую сумку от противогаза, куда и упаковал знамя, а «колена» пришлось примостить в сапоги: никуда они больше не лезли. Прихватил с собой и бинт. Решил: если с этими чертовыми «коленами» при прыжке поломаю ноги, так хоть их использую в качестве шин.

Подняли нас затемно. Весь полк вышел к аэродрому, где стояло более сорока АН-12. Когда уже сидели в самолетах, прибежал выпускающий и раздал по рядам по четвертушке хлеба и куску жирной колбасы. Все голодные - сразу накинулись и съели. Впереди меня сидели командир роты и два связиста с радиостанциями. Лететь предстояло 2,5 часа.

В салоне был тяжелый воздух: отдавало керосином. Согласно расчету на десантирование, в самолете на 2/3 оказались молодые солдаты. Как выяснилось несколько позже, «букет» получился совершенно замечательный: жирная колбаса, керосин, волнения и неопытность. Результат не заставил себя ждать. По прошествии часа народ стал суетиться и звать борттехника, прося принести ведро. Началась «тошниловка». Борттехник, наобещав всяких кар земных и небесных, принес ведро. Правда, оно было высокое и узкое, и самый нетерпеливый, первым его схвативший, не попал в горлышко. К парам керосина добавился едкий запах рвоты,

и пошла цепная реакция. Меня сроду никогда не мутило, ни до этого случая, ни после, но тут я почувствовал, что близок к тому, чтобы ударить лицом в грязь. Техник, поняв безнадежность ситуации, смирился. Зелено-бледные лица, специфические остатки колбасы на полу, соответствующие «ароматы» - я сидел и почти молился, когда, наконец, откроется рампа и я смогу отсюда вырваться. Это было пределом мечтания. Полтора часа почти бреда, когда я сам себя уговаривал потерпеть еще немного. И уговорил. Ух с каким наслаждением я оставил самолет! Как это здорово - голубое небо и очень много свежего воздуха. Воистину, что имеем - не храним...

Ко всему еще выяснилось, что задача батальону была изменена. На предполагаемую высоту мы не попали: кругом, насколько хватало глаз, расстилалась песчано-каменистая пустыня с редкими кустиками верблюжьей колючки. Ноги я не переломал, но и знамя водружать было некуда, и я все учение протаскался с ним, как дурень с писаной торбой.

Задачу батальон, тем не менее, выполнил успешно. Мы должны были совершить по жаркой пустыне двадцатикилометровый марш. Вода в наших фляжках иссякла, но мы не унывали, зная, что по маршруту движения находились два колодца. У нас были специальные таблетки пантацит, с помощью которых можно было в течение 20 минут любую воду сделать пригодной для питья.

Пункт хозяйственного довольствия ушел далеко вперед. Вскоре мы приблизились к первому колодцу. Доктор опустил «кошку» в колодец и достал... дохлую собаку. Врач объявил, что эту воду пить нельзя, и все с ним согласились. Жара отупляла и изматывала. До следующего колодца нужно было топать еще семь километров. Но и в другом колодце вместо воды нам досталась дохлая собака.

Все были на пределе. Я на себе в полной мере испытал, что такое настоящая жажда. Когда к нам подошла цистерна с водой, люди кинулись к ней, началась давка, вода лилась на землю, но никто не мог ее набрать. Пришлось всех растащить, и тогда начали набирать во фляги живительную влагу.

Летели мы 2,5 часа, а возвращались 2,5 суток эшелонами. Когда снова оказались в Фергане, после «прогулок» по пустыне, город показался нам живой восточной сказкой. Вообще Фергана того времени запомнилась мне шумной, жаркой, пыльной, веселой. В центре города - роскошный вос-

точный базар с горой арбузов (начинался август), сладостей. По улицам текли арыки, степенно ходили ишаки, словом, все излучало покой и довольствие.

На стажировке я усвоил главное: с разными категориями людей надо и по-разному разговаривать. Вынес твердое убеждение, какое окрепло с годами: каждый солдат - прежде всего человек, и даже если он что-то делает не так, взыщи с него по уставу строго, но ни при каких обстоятельствах не трогай человеческое достоинство. Уяснил себе твердо и навсегда: нигде и ни при каких обстоятельствах нельзя давать волю рукам. Если ты, офицер, среди множества педагогических средств воздействия на подчиненного не нашел ничего и последним аргументом является кулак - тебе не место в армии. Приплыли, значит, ваше благородие. Снимайте погоны и катитесь поднимать или опускать - как получится - народное хозяйство.

Четвертый курс был ознаменован серьезной работой над дипломом. Нужно отметить, что до 1971 года училище выпускало офицеров-переводчиков. Однако это не оправдало себя, так как язык требует постоянной работы над ним, что в условиях ВДВ затруднительно. Поэтому с 1968 года началась подготовка инженеров по эксплуатации бронетанковой техники и автомобилей.

Кроме усиленной работы над дипломами, мы продолжали прыгать. Стоял март, 18-го числа нам предстояло совершить одиночные прыжки на площадку Житово. Снега было много, глубина его достигала полуметра. Но оттепель сделала свое дело: он набух, и нам с самолета были видны темные пятна водянистой массы. Рядом со мной сидел мой товарищ Юра Лазаренко. Глянул он в окно и присвистнул: «Не, я сегодня прыгать не буду».

- Куда ты денешься, - пошутил я, - с подводной лодки?

Но Юра молча срезал со страховочного прибора КАП-3М контровочную нить и, подозвав выпускающего, с чувством глубокого сожаления показал: «Вот, расконтровалась. Можно переконтровать?»

Выпускающий решил не рисковать и отставить курсанта от прыжка. Лазаренко поэтому поводу выразил бурное возмущение и высказал страстное желание прыгать вместе со всеми, упирая на то, что контровка - мелочь, минута - и все будет готово. Выпускающий обозлился, резким движением распустил парашют Лазаренко и приказал ему проследовать

в гермокабину. «Опечаленный» Лазаренко «уныло» удалился, сопровождаемый завистливыми взглядами.

Приземлились мы, как и следовало ожидать, в снежно-водную ледяную кашу, как раз по край сапога. Парашюты тут же натянули воду и стали неподъемными. По полю (в зависимости от того, кому как повезло) предстояло пройти от трех до пяти километров, так как никакая техника на площадку приземления попасть не могла. При этом добрая половина при приземлении попадала, и люди шли, мокрые с головы до ног. Запомнил я, как один из наших курсантов махал идущим рукой: «Идите сюда, здесь мелко, только по пояс!» Пробарахтались мы целый день в ледяной воде, но на другой день не было ни одного заболевшего. Сдали мокрые портянки, высушили белье - и все.

Под руководством Грачева мы на 4-м курсе настолько окрепли, что на внутриучилищной спартакиаде стали единственными, кто мог на равных соревноваться с 9-й ротой спецназа. Тут нужно сказать несколько слов об этой роте. В 1969 году с целью подготовки командиров взводов для частей спецназначения в Рязанском десантном училище была создана отдельная рота по принципу: взвод - курс. Отбор в роту был чрезвычайно скрупулезным. Если считать, что ВДВ - войска элитные, то это была элита элиты. При таком подборе соревнование с ними было выдержать непросто. А спартакиады у нас были жесткими. Помню заместителя начальника училища полковника Родионова, который всегда ходил в тонких черных перчатках из-за нервной экземы. Между собой мы его называли «черным полковником». Постановка вопроса у него была такая: никаких технических поражений. Если ты считаешь себя десантником, то дерись, неважно, кто тебе достался: мастер или кандидат в мастера. Если становая жила слаба - не можешь, тогда не заявляйся. И дрались. И нередко воля к победе творила чудеса. Случалось, что третьеразрядники одерживали верх над мастерами спорта. У нас в спортзале училища долго висела фотография, на которой - финал соревнований на первенство училища по боксу в тяжелом весе. Бой окончен. Судья держит за руки двух могучих парней в ожидании объявления победителя. Глаза у обоих закрыты, головы свесились в разные стороны, даже на черно-белом снимке видно, что лица разбиты самым добросовестным образом. Надпись под снимком: «Так достигается победа!»

В конце мая все училище выходило на учебный центр. Выход училища всегда ознаменовывался открытием летней спартакиады. Здесь нам стремились организовать мини-олимпийские игры: основу соревнований составляла легкая атлетика, все виды спортивных игр. Спартакиада организовывалась таким образом, что каждая рота должна была задействовать максимум участников. Полностью исключалась возможность, когда несколько хорошо физически подготовленных курсантов вытягивали роту в победители. Спартакиада выявляла действительно сильнейшие подразделения.

Училищный марафон в качестве курсанта я завершил гораздо успешнее, чем его начинал. Все выпускные экзамены сдал на «отлично», в том числе и огневую подготовку. Диплом мне достался типовой: спроектировать Т-образный парк для хранения бронетанковой техники и автомобилей. Защитился я успешно, но в ходе экзаменов случился один эпизод, который наложил отпечаток на мою дальнейшую военную судьбу. Двух лучших из выпуска офицеров решено было оставить в должности командиров взводов в училище. Первоначально наметили оставить старшину 1-й роты В. Попцова и заместителя командира взвода 1-й роты И. Панкова. Мне Грачев также предлагал остаться, но я отказался и получил назначение в 7-ю воздушно-десантную дивизию, дислоцировавшуюся в Каунасе.

В ходе государственных экзаменов по научному коммунизму Попцов начал выяснять отношения с комиссией, за что ему поставили двойку. Это было ЧП. После долгих переговоров, шума и гама удалось уговорить госкомиссию исправить ему двойку на тройку. Но начальник политотдела училища полковник Н.М.Киваев был категорически против того, чтобы возмутитель спокойствия остался в училище.

Тогда, никого уже не спрашивая, буквально за два дня до выпуска, нас поменяли местами. Когда начальник строевой части майор Снегов вручил мне предписание, я был ошарашен. Побежал к ротному, потом к комбату подполковнику В.И.Степанову. Они только развели руками: «Ну, что делать, кто знал, что пролетит Попцов?! Теперь уж ничего не изменить!» И я смирился.

Выпуск у нас получился тоже не совсем обычный, вернее, совсем необычный. Пришел старший лейтенант Грачев и объявил, что будут снимать фильм о нашем училище, где один из фрагментов будет посвящен нам

Но тут, как назло, в день выпуска, 29 июля 1973 года, зарядил дождь, перешедший в обвальный ливень. Когда он прошел и облака немного рассеялись, дождь не перестал, он то нудно и противно накрапывал, то принимался лить сильнее. Около плаца собралось большое количество приехавших родителей, гости - дальше откладывать было нельзя, и мы в парадной форме выстроились на плацу. Мокли долго и упорно во главе с начальником училища генерал-лейтенантом А.В.Чекризовым, потому что киношники снимали по два-три раза вручение дипломов понравившимся им курсантам. Чекризов, например, три раза повторил свой доклад первому заместителю командующего ВДВ генерал-лейтенанту Курочкину. Церемония окончилась тогда, когда нас пять раз заставили повторить прохождение, мы были мокрыми до пояса и вычерпали своими ботинками все лужи на плацу.

ПРОВЕРКА

Деньги - вещь странная. Их почему-то всегда не хватает. На последнем курсе училища я, как заместитель командира взвода, получал 20 рублей 80 копеек. У нас было двое детей, жена, я и теща - все мы жили на 121 руб. 80 коп. в месяц. На такие деньги особенно не разгонишься. Поэтому, когда я расписался за первую офицерскую получку в 205 рублей, почувствовал себя необычайно богатым. Решили дома с женой на семейном совете откладывать деньги на будущий отпуск по пятьдесят рублей. Но уже на второй месяц жена сняла из 50 рублей двадцать, потом через месяц - еще двадцать. А на четвертый месяц я сказал жене: сними этот чертов червонец и не будем смешить людей. Это была наша первая и последняя семейная сберегательная книжка.

Офицерская жизнь началась у меня 30 августа 1973 года, когда я прибыл к новому, вернее старому месту службы - в родное Рязанское училище. Первым, кого я встретил, был мой командир роты старший лейтенант Грачев. Увидев меня, он сказал:

- Прибыл! Отлично! Будешь у меня командиром взвода.

- Надо представиться командиру батальона, - заметил я.

- Иди представься, но все уже решено. Доложишь комбату, что беру тебя на взвод.

И действительно, когда я представился подполковнику Степанову, он утвердил решение Грачева и тут же распорядился:

- Сегодня в 15.00 двумя машинами убываем на учебный центр.

Владимир Иванович Степанов стал комбатом, сменив Алексея Степановича Карпова, когда я учился на третьем курсе. Это был крупный насмешливый, но в то же время

жесткий и всесторонне подготовленный офицер. Окончил он наше училище, когда оно было расположено еще в Алма-Ате. Воистину был отцом для курсантов и батальон держал в руках исключительно. Пользовался в коллективе и офицерском, и курсантском непререкаемым авторитетом.

Он был человеком железной воли. В 1972 году во время очередной сдачи офицерских стартов надсадил сердце. Ему предложили уйти в запас, но он категорически отказался, стал осторожнее и вел себя так, как будто ничего и не случилось.

Мужественное поведение комбата только добавило ему уважения.

В 15.00 мы стартовали от КПП училища. Выехали на двух «Жигулях». На первом - Степанов, а с ним П.С.Грачев, командир 2-й роты А.А.Тарлыков. Я попал во второй экипаж, где ехали командир четвертой роты капитан А.С.Чернушич и командир третьей роты старший лейтенант В.А.Бобылев.

Поскольку в последние дни шли проливные дожди, выбрали дорогу через Криушу, описанную еще Есениным. Асфальтированный участок проскочили быстро и без приключений добрались до песчаной, разбитой, покрытой огромными лужами рязанской дороги. Тут уже не мы ехали на «Жигулях», а «Жигули» - на нас. Особенно тяжелый трехкилометровый участок мы преодолевали более двух часов, периодически подкладывая под колеса хворост и дружно толкая машины. Когда наконец выбрались на более приличный участок, все были в грязи и окончательно устали. Комбат оценил обстановку и объявил привал.

Предвидя, что придется представляться по случаю вступления в офицерский коллектив, я захватил с собой две бутылки водки. Они были извлечены и с устатку пошли хорошо, несмотря на то, что не было ни одного стакана и пить пришлось из пустой баночки от майонеза. Правда, когда пили, все дружно чертыхались и завидовали моему короткому и расплющенному носу.

Наконец, когда голод был укрощен, Бобылев достал высококлассное ружье фирмы «Зауэр».

Его начали рассматривать, оценивать и передавать друг другу. Выяснилось, что к нему есть патроны. Когда ружье оказалось у Тарлыкова, черт вынес на дорогу большую птицу, что это было, до сих пор не знаю. Тарлыков тут же прицелился и ранил ее. Птица упала на дорогу, но, несмотря на оттопырен-

ное крыло, необычайно проворно устремилась в лес. В охотничьем азарте шесть человек, начиная с подполковника 22-го года службы и кончая лейтенантом первого дня службы, устремились в лес за дичью, бросив на дороге две машины, ружье, патроны, фуражки.

Подлесок оказался необычайно густым, начало темнеть, в конце концов мы выбрались назад, на дорогу, ни с чем, все в паутине и сосновых иголках. Птица исчезла бесследно. Мы выпили еще одну бутылку водки за успешное преодоление трудного участка пути и, собравшись, поехали дальше. С непривычки я несколько устал и задремал. Проснулся от громких голосов, кругом стояла полнейшая темнота. И только в свете фар «Жигулей» на деревянном мосту через лесную речушку стоял Владимир Иванович Степанов, и мост под ним отчаянно раскачивался. Казалось, он вот-вот рухнет. Сильные дожди основательно подмыли мост. Что было делать? Степанов после непродолжительного обсуждения ситуации сказал: «Показываю!» После чего сел в «Жигули», сдал машину на 15-20 метров назад и, разогнавшись, буквально пулей перелетел через мост. Чернушичу ничего не осталось, как последовать примеру. После этого я опять задремал и проснулся, когда машина стояла уже около гостиницы в лагере.

Вылез я с одной мыслью - отоспаться, так как завтрашний день обещал быть волнительным - меня представляли роте. Но тут я не угадал. Вообще-то в училище поддерживалась среди офицеров жесткая дисциплина, к занятиям готовились серьезно и тщательно, но иногда накатывала волна расслабления. И я попал на такую волну, от которой гостиницу штормило и она гудела, как потревоженный улей.

Гостиница была новой и еще пахла краской. Для нас она была в диковинку, так как до этого жили в палатках или в так называемых «дачах» - рубленых деревянных домиках; тут на нас многочисленными окнами смотрела лесная цивилизация.

Нужно заметить, что сегодня учебный центр училища обустроен по высшему разряду для высококачественной подготовки офицеров.

Это заслуга начальников училища генерал-лейтенанта Алексея Васильевича Чекризова и особенно Альберта Евдокимовича Слюсаря. А в тот момент эта работа по реконструкции городка только начиналась. Увидев нас, офицеры, при-

ветствуя, стали приглашать Грачева к себе, но он ни с кем не пошел.

- У меня новопредставленный лейтенант, мы сами разберемся.

Мы обосновались в номере втроем: Грачев, я и командир взвода нашей роты Владимир Иванович Кротик. Почему командир взвода - я до сих пор не понимаю. Кротик командовал 1-м и 2-м взводами, я - 3-м и 4-м, в роте первоначально было 136 курсантов, у него - 69, у меня - 67, и командир взвода. Не только по нынешним скорбным временам, но и тогда далеко не во всякой роте столько людей было. Но штат есть штат.

Грачев тут же послал меня разыскать заместителя начальника кафедры марксизма-ленинизма Ивана Федоровича Перепелицу. В полусонном состоянии я вышел из номера, забыв спросить, где его искать.

Да и о том, что он заместитель начальника кафедры, да еще такой основополагающей, ничего сказано не было. Найти Перепелицу и все.

Толкнув наудачу первую попавшуюся дверь, я увидел спящего капитана в спортивных брюках и в рубашке с галстуком. Приподнял его за галстук: «Ты Перепелица?»

Казалось, абсурд - зайти в первый попавшийся номер и отыскать в нем нужного человека. Но спящий открыл глаза и удивленно сказал:

- Я! А ты кто такой?

Я доложил:

- Командир третьего взвода 1-й роты лейтенант Лебедь. Вас Грачев зовет.

Иван Федорович был на подъем человеком легким, и через минуту мы сидели у нас в номере.

Грачев, Перепелица и Кротик обменялись новостями, в детали которых я не был посвящен из-за своего офицерского «малолетства». После этого в ознаменование прибытия в лагерь решили организовать «храп». Это картежная игра, в которой «храпящий» должен при 4 картах взять как минимум две взятки.

При всей примитивности игры картежником я никогда не был и играть не умел.

- Ерунда, - тут же заметил Кротик, когда я признался, что не умею играть. - Сейчас научим.

Начали играть и увлеклись. К 5.45 утра я был должен Гра-

чеву 18 рублей, Кротику 17 рублей, с Перепелицей разошлись по нулям. В отношении меня был сделан широкий жест - сказали, что подождут с уплатой картежных долгов до получки. После этого Грачев, сладко потянувшись, сказал, что неплохо бы было теперь поспать час-другой.

Я тоже сдуру потянулся и подтвердил: «Да, неплохо».

Грачев уставился на меня с выражением глубочайшего удивления на лице:

- А ты-то чего потягиваешься, тебе сегодня на физзарядку с ротой бежать!

Я приуныл. Во-первых, спать хотелось, во-вторых, черт знает, где эта рота. Я не знаю ее, она не знает меня. Но просьба, а также удивление и ряд других чувств начальника - закон для подчиненного. В считанные минуты я вычистил зубы, надел спортивный костюм и устремился на поиски роты. Роту я нашел быстро - ее на плацу возле казармы строил старшина Оськин. Тут же представился. Заметил, что старшина и заместители командиров взводов отнеслись ко мне с определенным недоверием, но власть отдали не торгуясь. После зарядки на построении комбатом я был представлен роте. День прошел в заботах и хлопотах. Вечером я плотно поработал со всеми своими новоявленными сержантами, провел вечернюю поверку и вернулся в гостиницу с твердым намерением отоспаться. Но не тут-то было. В нашем номере опять начался «храп». Ровно в 5-45 закончили игру. Я, правда, приобретя опыт, немного отыгрался, но оказалось, что на зарядку идти опять моя очередь. Сбегал, размялся, потом, целый день проработав, вернулся в гостиницу, а там опять «храп». В 5.45 снова побежал на физзарядку, отработал весь день, вернулся в гостиницу, а там опять «храп». Четвертая бессонная ночь! Это уж слишком. Я вдруг возненавидел все и вся: Грачева, Кротика и отчасти службу. И когда мне предложили занять мое место в игре, я с сердцем послал всех очень и очень далеко... Реакция присутствовавших была для меня неожиданной. В ответ раздался гром рукоплесканий и эмоций. Оказывается, бессонные ночи были проверкой меня на выносливость. Было признано однозначно, что я выдержал экзамен на отлично, о чем торжественно объявил Грачев.

- Ну и здоровый ты, лось, - сказал он.

Как не всякая птица долетит до середины Днепра, так и не всякий Лебедь пробегает три дня.

Мне были предоставлены сутки на отсыпание, и офицерская служба пошла своим чередом, начались нормальные училищные будни. За нашим триумвиратом - Грачев, Лебедь, Кротик - в училище крепко закрепилась кличка «Уголок Дурова».

На одном из совещаний начальник училища уточнил, что уважающий себя и любящий службу командир взвода должен: провести с подчиненными взводами физическую зарядку, побывать на утреннем осмотре, обеспечить занятия, которые проводят преподаватели; побывать на них, провести занятия по уставам, строевой и физической подготовке, побывать на обеде, провести трехчасовую самостоятельную подготовку, организовать и провести политмассовые и спортивно-массовые мероприятия, поработать по индивидуальному плану с отстающими и недисциплинированными курсантами, поприсутствовать на вечерней поверке и уже потом убыть домой. Таким образом, с 5.30 утра и до самой ночи день был расписан плотнее не бывает. Но такой режим работы мне нравился, и время летело в делах незаметно.

Так я довел мой первый курсантский набор до третьего курса. На третьем курсе в 1975 году в один из вечеров, примерно в 22.30, затянутый, как всегда, в портупею, я подошел к КПП. Портупея тогда была обязательным атрибутом формы одежды, что с ее помощью достигалось, непонятно было тогда, непонятно и сейчас, но попробуй без нее где-нибудь показаться! Дежурный прапорщик остановил меня и сообщил, что в сквере, напротив училища, идет грандиозная драка. Стороны, выясняющие отношения на кулаках, - наши десантники и курсанты Рязанского училища МВД. Как потом выяснилось, инициаторами драки были наши десантные забияки.

Воздушно-десантные войска - войска, бесспорно, элитные. Особый подбор, романтика службы, ее специфика, связанная со множеством элементов повышенного риска, воспитывали в каждом курсанте и солдате с первых дней службы здоровый десантный шовинизм. Нет задач невыполнимых! - этим все сказано. Благодаря такому воспитанию в глубине души каждого десантника прочно сидит чувство явного превосходства над «зелеными», «малиновыми», «черными» и прочими беретами других армий мира, а ввиду их недосягаемости - над другими видами и родами войск родной армии. Естественно, чем меньше человек прослужил, тем выше сте-

пень его превосходства. Самые «крутые» чижики образуются после месяца службы. И против таких-то соколов - какие-то курсанты училища внутренних войск. Да как они посмели... Да мы их...

Прапорщик сказал, что доложил о драке дежурному по училищу, и порекомендовал пока не выходить на улицу.

Куда там! Мы тоже из пернатых! С дороги, прапор! Ишь ты, толстый пингвин, робко прячешь тело жирное за дверью!

То ли в этой драке наступил кризисный перелом, то ли меня, затянутого в портупею, приняли в сумерках за дежурного, но мой крик на всю улицу: «Прекратить!» - подействовал. «Эмвэдэшники» кинулись к себе в училище, расположенное за сквером, а наши - между домами по улице Каляева к углу училища и начали легко, без напряжения, преодолевать высокий каменный забор. Я погнался за большой толпой и у забора ухватил одного за шиворот, желая поближе рассмотреть, из какой роты это лицо. Боковым зрением увидел надвигающийся кулак подходящих размеров, оттолкнул стоящего передо мной, кулак отбил, но тут набежавшая толпа впечатала меня в каменный забор. Хлопцы старались на совесть, поэтому кости помяли крепко.

Соскоблившись с забора, я, недолго думая, перемахнул его и побежал в родную роту. Поднял ее по тревоге, построил, проверил. Явных следов драки не видно, кое-кто запыхался, но одни объясняли это занятием спортом, другие - неукротимым стремлением вовремя стать в строй. Мне ничего не оставалось делать, как сделать вид, что я им верю.

На другой день в наше училище явилась мощная комиссия из Москвы: два генерал-лейтенанта, генерал-майор, до десятка полковников с обеих сторон: от МВД и ВДВ. Начали разбираться. Прапорщик (дежуривший на КПП) услужливо доложил, что в центре событий был лейтенант Лебедь.

Меня тут же вызвали пред высочайшие очи, и я, едва успев представиться, получил вопрос в лоб: «Почему вы, лейтенант, не приняли мер к предотвращению драки?» Когда генерал-лейтенант обращается к лейтенанту на «вы» - это настораживает!

И вопрос хороший, если учесть, что я подошел к концу, да и там дралось не менее ста - ста двадцати человек, каждый из которых по силе был в среднем равен мне.

Я счел за благо промолчать. Тем более, что считал такую

постановку совершенно несправедливой: толпу-то я все-таки разогнал!

Меня минут тридцать все по очереди воспитывали, обвиняя чуть ли не в трусости, но я отвечал уклончиво: «Так точно!» и «Никак нет».

У меня сильно ныли помятые кости, и я почти не слушал, что мне говорят, так как понимал, что комиссия ищет козла отпущения.

Если бы я стал оправдываться, то тут бы на меня всех собак и повесили, но я был односложен и отвечал четко по уставу. Поняв, что меня не вывести из этого состояния равновесия, мне дружно пожелали более добросовестно относиться к исполнению служебного долга, и я с чувством глубокого облегчения оставил кабинет, не забыв спросить разрешения идти и ответив громко: «Есть!»

Здесь могут обозвать собакой,
Отнять достоинство и честь,
Но мы, в душе послав всех на ...
Всегда спокойно скажем: «Есть!»

В 1976 году я исполнял обязанности командира роты и готовился в мае-июне вступить в эту должность.

26 мая училище должно было совершить первые в своей истории массовые прыжки с парашютом с самолета АН-22 «Антей».

Сразу после прыжков первая и вторая роты нашего курса должны были уходить в учебный центр, поэтому я попросил начальника учебного отдела полковника С.Г.Ашихмина (руководителя прыжков) разрешить нам прыгать первыми.

Дело было новое, в прилетевшем «Антее» обнаружились какие-то неполадки.

Потоки вначале построили по 21 человеку, потом - по 17 и в конце - по 19. Таким образом, курсанты обеих рот, первой и второй, которой командовал Ю.Попов, перемешались.

Я было заикнулся, что потоки нужно привести к организационно-штатной структуре - взводам, отделениям, но представители воздушно-десантной службы, намаявшись и нанервничавшись с расстановкой потоков, зашипели, как кобры, что разбираться будете потом, на земле, и накаркали. Разбираться, точно, пришлось.

Мы прыгали в два потока в две двери - всего 38 человек. Я отделился в первом заходе первым и благополучно при-

землился. День был ясный, ветерок дул 2-3 метра в секунду. Вскоре все 38 человек собрались на сборном пункте. Самолет ушел на второй заход. В это время на поле к нам приехала ГАЗ-66 гарнизонного военторга и прямо с машины развернули торговлю лимонадом, коржиками и сигаретами. Такое бывало не часто, и курсанты дружно выстроились в очередь.

Мы находились на опушке урочища Аркадьевского (на карте смотрелось как кляксообразный массив), над которым висела небольшая тучка, но какого-то удивительно пронзительного цвета с флюоресцентным лиловым отливом. Наконец показался самолет, и курсанты стали отделяться от «Антея», идеально выдержав интервалы: две цепочки по 19 парашютистов повисли в воздухе. Когда парашютистам оставалось до земли 150 - 200 метров, со стороны этой внешне безобидной тучи хлынул удивительный по силе вихрь. Порыв был настолько сильным, что если расставить руки, то устоять на ногах было невозможно. Площадка приземления прикрывалась с одной стороны урочищем Аркадьевским, с двух других сторон - жиденькими лесопосадками, и только с одной стороны оставалась открытой. С этой стороны, за границами площадки, расстилалось поле на протяжении 3,5 километров, далее заболоченная луговина, река шириной 15-17 метров, а за ней на высоком берегу располагалась деревня.

По закону подлости, который, как известно, гласит: «Если в цепи событий есть одно скверное, оно обязательно случится», неожиданный и мощный поток подул именно в ту, ничем не защищенную, сторону. Обстановка в воздухе, доселе спокойная и идиллическая, мгновенно и грозно преобразилась. Купола парашютистов, наполненные порывом ветра, превратились в огромные паруса, и люди на стропах оказались не под куполами, а на буксире за ними.

Купола и люди шли к земле, параллельно ей со снижением. Пункт сбора был с наветренной стороны, парашюты уходили от нас. Ситуация - бывает хуже, но редко. Всех курсантов из очереди загнал в поле, да они и сами уже все поняли и понеслись, подгоняемые ветром, с необыкновенной скоростью, отправил туда же санитарную машину, под рев перепуганных женщин из ГАЗ-66 сгреб все торговые ящики на землю, послал в поле и эту машину. На третьей машине (тоже ГАЗ-66) собрался ехать сам, но она, как назло, не заво-

дилась. Бросив ее, я побежал в поле. Наперерез мне уже шла военторговская ГАЗ-66. Из кабины остановившейся машины вывалился курсант Горошко, совершенно ошарашенный. Я заглянул в кузов и увидел на дне в ворохе купола чьи-то выглядывающие сапоги. «Кто в кузове и почему на дне?»

- Старшина Оськин, - последовал ответ. - Он погиб.

Я совершенно автоматически прыгнул в кузов, разгреб парашют. Действительно, лежал Оськин. Ощупал грудную клетку, вроде цела, зато череп под пальцами дышал и вибрировал раздробленными костями. Как я узнал потом, парашют проскочил мимо А-образного столба на бетонных опорах, а старшина на страшной скорости врезался в бетонную грань. Смерть наступила мгновенно. Оськину шел 22-й год.

Я отправил Горошко с трупом на сборный пункт и побежал в поле.

Вскоре выяснилось, что погибло еще трое. Курсанта Пертюкова захватило двумя стропами за шею и удавило, еще один курсант врезался в большой наковальнообразный камень, и рог вошел прямо в голову. Во лбу курсанта зияла огромная дыра. Но, пожалуй, самую мученическую смерть принял курсант Николай Лютов. Его протащило 3,5 километра по полю, потом по луговине, парашют пронесся над речкой, и Лютов врезался в противоположный берег, своротил добрую тонну земли, дальше его дотащило до деревни, и там он наделся глазом на железную скобу, крепящую штакетник к металлическому столбу.

Когда Лютова нашли, сапог на нем не было, комбинезон был стерт выше колен, а на пальцах ног торчали голые кости.

Прыгавшие в потоке два офицера тоже были травмированы. Старший лейтенант С.Пинчук сломал плечо, а Ю.Попов ударился головой о кочку и дальше, уже потерявшего сознание, парашют тащил его по земле. Шел Попов в кильватере за Лютовым, и спас лейтенанта пастух, который прямо на мотоцикле врезался в парашют.

Пастуха, мотоцикл и Попова тащило еще некоторое время, пока парашют не запутался в мотоцикле и не погас.

Четыре курсанта получили серьезные травмы и были госпитализированы. А физиономии, локти, колени ободрали все без исключения. И тут нам икнулась аэродромная неразбериха, о которой я уже упоминал. Мы не знали, кто жив, кто погиб, мы вообще не знали, кто прыгал. Пришлось по-

раненных людей строить и разбираться, кто за кем шел в потоке.

Возникший ураган стих так же быстро и внезапно, как и начался. Через 10 минут над площадкой царствовал полнейший штиль, туча и вовсе исчезла, как будто ее и не было. На фоне этого полного безмолвия природы еще страшнее смотрелось то, что было содеяно при ее непосредственном участии. Судьба распределила все строго поровну: по два погибших с каждой роты, по два серьезно травмированных, по одному пострадавшему офицеру.

На этом смерти не кончились. К тому времени многие курсанты были женаты, а поскольку мгновенно разнесся слух, что погибла, по крайней мере, половина первой и второй роты, у двух будущих мам случились выкидыши, а узнав о гибели единственного внука, умерла от разрыва сердца бабушка Пертюкова. Похороны описывать не хочу.

Над плацем в училище стоял страшный погребальный плач родственников погибших. Значительно позже это стало рядовым явлением: гибель, похороны, слезы, а тогда это было чрезвычайным происшествием. Мы сейчас утратили что-то большое и важное, перешли ту грань, которую людям переходить не следует. Общество, в котором происходит массовая систематическая гибель людей, течет кровь, льются слезы, - трудно назвать человеческим.

То лето было ознаменовано для меня еще одним неприятным эпизодом. В июле я повез курсантов на стажировку в Псковскую воздушно-десантную дивизию. Они должны были в качестве командиров взводов осуществлять подготовку 237-го полка и ряда частей дивизионного подчинения к учениям и принять в них участие. Особенностью готовящихся учений было то, что 76-я воздушно-десантная дивизия носит почетное наименование Черниговской и традиционно, на протяжении ряда лет, укомплектовывалась солдатами из самого Чернигова и его окрестностей. Десантный полк должен был десантироваться на полигон близ Чернигова. Естественно, в родных краях ударить в грязь лицом было нельзя. Поэтому подготовка к учениям шла с особым подъемом. Перед началом учений курсантов распределили по ротам. Как командир роты я осуществлял общий надзор и первый и последний раз в жизни прыгал на учениях из любви к искусству, как свободный художник, так как курсанты были в подчинении других командиров.

При подходе к площадке приземления техник предупредил нас, что ветер на площадке на пределе, и порекомендовал быть максимально собранными при приземлении. Отделившись от самолета и обозрев с воздуха площадку, я понял, что «на пределе» - это очень мягко сказано. Сотни парашютистов тащило по площадке. Десантники помогали друг другу гасить купола. Мне сразу же вспомнилось 26 мая, так как впечатления были еще свежи в памяти.

В воздухе обстановка была тоже не сладкая. Купола сильно раскачивало. Ветер был какой-то злобно-порывистый и, как потом выяснилось, превышал предельно допустимые нормы. Скорость отдельных порывов достигала 10 - 11 метров в секунду. Парашютисты сходились, и смотреть нужно было в оба. При приземлении мне повезло. Я шлепнулся на раскаленную щедрым украинским солнцем дорогу, покрытую толстым (10 - 12 сантиметров) слоем пудрообразной пыли. Пыль смягчила удар, но везение тут же кончилось. Ветер дул вдоль дороги. Я пошел, как глиссер: взрезал эту пыль, дышать стало совершенно нечем.

Всех нас воспитывали в том духе, что парашют всегда нужно беречь и резать его можно только в самых крайних случаях. Тут я решил, что такой момент настал. Перевернулся на спину, достал нож и приготовился полоснуть по стропам. Но дорога неожиданно повернула, и парашют врезался в большой куст. Я, не выпуская ножа из рук, мгновенно вскочил и, забежав против ветра, погасил парашют.

Я огляделся по сторонам. Количество освободившихся от подвесной системы десантников все возрастало, и они помогали очередным приземляющимся гасить купола.

А тем временем все новые тройки АН-12 осуществляли выброску парашютистов. Мне торопиться было некуда, и я стал наблюдать за десантированием. Вдруг увидел заходящего на меня солдата, который шел на землю боком и даже не пытался развернуться по ветру. Не исключено, что он получил травму при отделении от самолета, и я решил его поймать. Солдат ударился о землю в 50 метрах от меня. Купол был мгновенно подхвачен порывом ветра и с большой скоростью двигался в мою сторону. Я схватил купол за вытяжной парашют и попытался развернуть купол против ветра. Но порыв ветра был настолько сильным, что мне это не удалось. Не сумев развернуть купол, я полез под кромку, продолжая удерживать вытяжник двумя руками. Выбравшись из-

под кромки, я узрел бойца, который стоял на четвереньках и смотрел на меня совершенно бессмысленным взглядом. «Забегай!» - прокричал я, но солдат не отреагировал. Я повторил команду - та же реакция. На третий раз я решил привлечь его внимание с помощью жеста, и опять та же реакция. Тут ветер подул сильнее и вырвал у меня из рук вытяжник. Образовалась интересная композиция: наполненный ветром купол, стропы, идущие к солдату, и внутри этого пучка строп - я. Стропы звенят под ногами, стропы хлопают возле головы, и вся эта система с неимоверной скоростью мчится по полю.

Более дурацкое положение трудно себе представить. Сам залез в капкан, из которого трудно выбраться. Но, на мое счастье, промчались мы не более 100-120 метров. За что зацепился парашют, не помню, но этих мгновений хватило, чтобы я рыбкой выскользнул из капкана, с яростным облегчением вцепился в вытяжник. Тут и солдата скачка по полю привела в чувство, и он, вскочив на ноги, забежал против ветра. Наконец вдвоем мы погасили купол. Если бы кто-нибудь засек, с какой скоростью я бежал, то могло быть покушение на мировой рекорд.

Я объяснил солдату популярно и красочно, что о нем думаю, и двинулся в сторону сборного пункта.

Десантирование завершилось, и, к счастью, погибших на этот раз не было. Но три человека сломали по две ноги. Около двадцати - по одной, несколько человек - руки и ключицы, майор доктор умудрился оторвать порядочный кусок верхней губы и перешел в разряд вечно улыбающихся, а уж в той или иной степени ободраны были все.

Но... Начинались учения. На краю площадки взревели танковые двигатели, и танковый полк пошел в атаку на парашютно-десантный. На широком фронте огромная, лязгающая гусеницами, щедро гремящая выстрелами туча пыли накатилась на полк, все покрылось мраком и мглой. Будь этот бой реальным, трудно сказать, чем бы он закончился. Я дальше 50 метров ни вправо, ни влево ничего не видел. Подозреваю, что сидящие под раскаленной броней танкисты видели еще меньше, и как никого не раздавили в этой неразберихе - для меня до сих пор остается загадкой. «Огонь» велся весьма интенсивно с обеих сторон, посредники в конечном итоге отдали предпочтение десантникам.

Выполнив ближайшую задачу, выйдя в пункты сбора, полк начал, как принято, зализывать раны. Лесок, на опушке пень, на пне стоит обычная алюминиевая солдатская миска, наполненная йодом. У миски - фельдшер-солдат с совершенно непроницаемым лицом, в руках квач - лучина с намотанным бинтом. К нему - длинная очередь травмированных. Фельдшер макает лучину в миску и мажет ободранные места очередному страдальцу. Слышится зубовный скрежет, и округу оглашает сочный русский мат, хохот, обычные солдатские подначки.

Но к вечеру черниговцы-десантники начали оглаживать свои перышки. Как-никак родная земля. Остатки вечера, частично ночи, ушли потом на приведение внешнего вида в порядок, и утром большой колонной полк двинулся в Чернигов. Встречали десантников с оркестром, море цветов, улыбок, теплые речи.

Но были и издержки. Мамы, папы, дедушки и бабушки, друзья и приятели, одноклассники и одноклассницы буквально растянули солдат по домам и клубам, по знакомым и незнакомым.

Все пережитое на десантировании, радость встречи вылились в нормальную российскую пьянку. Весь вечер и всю ночь пришлось собирать загулявших парашютистов. Картина впечатляющая, но описывать ее нет смысла. Но, к чести черниговцев, в конечном счете утром все до единого встали в строй, и полк организованно, эшелоном, отбыл в Псков. Тяжело травмированных оставили в местном госпитале, а человек 30 с отдельными переломами посадили в классный вагон вместе с оркестром, и они поехали лечиться домой. Во все времена (кроме военных) эшелоны имеют ту неприятную особенность, что часами простаивают на отдельных станциях и полустанках. На каждой такой остановке оркестранты заботливо выносили и выводили закованных в гипсы и бинты офицеров, солдат, сажали их в полукруг, становились сзади, и над станцией неслись звуки самых бравурных маршей. Смотреть на эту композицию без смеха было невозможно. А смех, как известно, лучшее лекарство от боли.

Этих курсантов я как командир роты выпустил в 1977 году, подавляющее большинство молодых офицеров прошло через горнило афганской войны и не без потерь. Первым погиб лейтенант Иван Иванович Прохор. Всего же из этого выпуска вернулись домой в цинковом обрамлении 9 человек.

Новый набор я вел с меньшим энтузиазмом, чем предыдущий. После первого курса я написал рапорт с просьбой отправить меня для дальнейшего прохождения службы в войска. Училище мне, честно говоря, надоело, хотелось чего-то нового.

В ответ мне было объяснено, что я карьерист, что каких-то два года прокомандовал ротой и уже намерен уйти. Было предложено прокомандовать еще хотя бы год, а потом уже заикаться о переводе.

Прошел еще год. Я опять написал рапорт, командир батальона подполковник В.И.Степанов его подписал. Через некоторое время я опять обратился по команде с просьбой дать мне любой ответ: положительный или отрицательный. Но выяснилось, что рапорт исчез. План перемещения офицеров был уже рассмотрен и утвержден. ...Поезд снова ушел!

И еще год прошел. На моем очередном рапорте начальник училища генерал-лейтенант А.В.Чекризов начертал: «Отправить в войска после выпуска 1981 года». Таким образом, я стал вторым в истории училища человеком (первым был капитан Трегубенко), который довел роту в качестве ее командира от начала и до конца.

После выпуска очередной, второй по счету, роты выяснилось, что я вдруг из молодых сразу стал старым. Мне на тот период был 31 год, звание капитан, и я считался очень опытным командиром курсантской роты. Естественно, я задался вопросом: где же цветущий средний возраст, как я из молодых и перспективных сразу угодил в «старики», обузу кадровых органов?

Тут меня, наконец, стали замечать. Первым пригласил начальник кафедры огневой подготовки полковник В.А.Бобров, громкоголосый, напористый, энергичный, пользовавшийся большим уважением.

Он объяснил мне, что у общевойскового командира голоса должно хватать на дальность прямого выстрела из любого вида стрелкового вооружения. По этому показателю для возглавляемой им кафедры я очень даже подхожу. И полковник предложил мне стать преподавателем огневой подготовки. Я сказал, что преподаватель - это талант от Бога, таких данных мне создатель не дал, а быть сереньким и средненьким преподавателем я не хочу.

Мои речи оскорбили Боброва, вызвали бурю эмоций, и я ушел, сопровождаемый напутствием, что еще десять раз по-

жалею о своей глупости. Через день аналогичное предложение мне сделал начальник кафедры тактики полковник Хохлов.

Схема была той же - год на спецотделении, потом академия, заочно основной факультет. Заманчиво, но я снова отказался.

Третье предложение сделал начальник училища - стать командиром курсантского батальона. Это полковничья должность, и я согласился. Но тут неожиданно выяснилось, что я все-таки... молодой! Решение о моем назначении не утвердил генерал армии Д.С.Сухоруков. Он сказал начальнику училища: «Капитан, 31 год, на полковничью должность? Вы с ума сошли! Командир курсантского батальона должен быть отцом курсантам и по возрасту, и по опыту. Командиров курсантских батальонов необходимо подбирать из числа старых, опытных заместителей командиров полков, с тем, чтобы выполнить это условие, с одной стороны, и с другой - предоставить возможность заслуженному офицеру получить звание «полковник». А посему ваше решение не утверждаю».

После этого мне было объявлено, что я планируюсь командиром батальона в Псковскую дивизию, и все... заглохло.

Я исправно ходил на службу, хотя находился за штатом, ротой командовал новый командир, ст.л-т В.П.Петров, и я справедливо подозревал, что «военные советники» ему не нужны. При виде меня у начальников становились кислые лица, все мне что-то пытались обещать. Хотя и тут я умудрился попасть в довольно интересную историю. Однажды меня пригласил начальник училища и объявил, что поскольку замполит батальона майор В.А.Гриневич в отпуске, а я по сути ничего не делаю, будет неплохо, если я поисполняю обязанности замполита. Я сказал, что замполит из меня никакой. Но начальник училища успокоил: «Не боги горшки обжигают!» Я вышел из его кабинета новоявленным замполитом, тут же был перехвачен начальником политотдела училища полковником В.К.Астапенко и получил первую задачу: избрать комитет комсомола батальона.

Курсанты убирали картошку, катались в колхоз и обратно каждый день. Остатки дня я потратил на то, чтобы с командирами рот согласовать список комитета и в бесплодных попытках собрать батальон для собрания.

Назавтра с утра я возобновил попытки. К обеду мне по-

везло: съехались все, голуби, кушать захотели. Чтобы не терять время даром, я приказал после обеда построить батальон на плацу. Скомандовал: «Равняйсь! Смирно! Курсанты такие-то, такие-то и такие-то - выйти из строя на 10 шагов. Средина - курсант такой-то. К средине - сомкнись». Объявил, что вышедшие курсанты будут комитетом комсомола батальона. Кто за это - прошу проголосовать! Нужно сказать, что я забыл дать команду «Вольно» и голосование проходило из положения «Смирно». Это было расценено как кощунственное попрание демократии, и ровно через час я уже не был замполитом.

Астапенко был в ужасе, но, тем не менее, этот комитет комсомола действовал успешно. Главное - не как избирать, а кого избирать.

Снова я оказался без дела и пребывал в неведении относительно своей дальнейшей судьбы. Видимо, желая хоть как-то меня задействовать, ввели в состав комиссии командующего ВДВ, и я улетел для проверки частей 98-й воздушно-десантной дивизии, дислоцировавшейся в Болграде. Проверка была внезапной и позволила мне сделать интересные наблюдения. Забегая вперед, можно сказать, что проверка помогла мне в будущем создать собственную методологию: как учить. Главное в этой методологии - мелочей в службе нет и быть не может.

При проверке я попал в 99-й полк. Старшим группы у нас был подполковник В.В.Шуленин - грамотный офицер, хорошо знающий свое дело. Командир проверяемого полка подполковник Н.А.Яценко был человеком с явно выраженной хозяйской, созидательной жилкой. Благодаря его кипучей деятельности в полку был построен прекрасный клуб, казармы, положено начало созданию серийного парка. Полк обрастал всевозможными нужными строениями прямо на глазах. Доходило до того, что командир полка сам резал стекло. Умел он это делать красиво и со вкусом.

Его хозяйственную деятельность можно было бы приветствовать, если бы в процессе проверки не выяснилось, что боевая готовность, то, ради чего существует любая боевая часть, ушла куда-то даже не на второй, а на пятый план. Комполка был одержим одной идеей: если батальон опаздывал на стрельбище или проводил занятия спустя рукава - это могло сойти без особых последствий, но если взвод или рота не выполняли дневную норму строитель-

ных работ - это вызывало бурю эмоций. А проверка наша была призвана определить именно боевую готовность всех подразделений. Один батальон должен был провести учения с десантированием и боевой стрельбой. С первых часов проверки дал знать о себе строительный уклон. Люди знали задачу в целом, но не подкрепленные кропотливой работой (проведением тактико-строевых занятий) знания привели к тому, что недостатки уже просто некуда было писать. Хотя, с одной стороны, офицеры и хотели бы показать, что они могут и что могут их подчиненные, но, с другой стороны, явно просматривалось их стремление отомстить командиру за непомерное увлечение строительными работами. Все шло тягомотно, постоянно чего-то не хватало. Но - за что мы любим десантные войска? На глазах полк (здоровый десантный шовинизм!) подавил неприязнь к командиру, это опять был единый организм, не до конца отлаженный, но единый, потому что надо было драться, а с остальным разберемся потом, и в короткие сроки люди отмобилизовывались, собираясь, сцепив зубы, начинали выдавать результаты, значительно превышающие расчетные возможности. Полк по-хорошему разозлился. Если в первые дни гранаты у гранатометчиков летели на три дома выше и на три квартала левее, если многие солдаты показывали явное неумение действовать при оружии, то уже через два дня это был другой полк. Где и как они занимались, для меня осталось загадкой, но почувствовалось в солдатах и офицерах неукротимое желание победить. Каждого товарища провожали на огневой рубеж с таким напутствием, как будто только от него зависел исход дела. За результаты стрельбы боролись все. Это вызвало глубокое уважение и, отчасти, удивление. По-моему, так мгновенно зажигаться могут только маргеловские солдаты. Можно себе представить, какие они были бы, если бы их нормально учили. Проверка ушла совершенно в другую плоскость. Но было и удивление другого рода. С группой офицеров отдела боевой подготовки ВДВ, возглавляемой начальником отдела полковником Муслимовым, я выехал на Тарутинский полигон для проверки готовности к батальонным учениям. Надо сказать, что взаимоотношения у меня сложились со всеми ровные, за исключением заместителя командира дивизии подполковника А.В.Бондаря. Я его в первый раз в жизни видел, он меня -

тоже, и делить нам вроде было особо нечего, «резать» я никого специально не «резал», но не сложились взаимоотношения - и все тут. При каждом удобном и не очень удобном случае Бондарь старался пнуть меня, а я его. Бондарь представлял мишенное поле. В мою задачу входило сверить количество и виды мишеней со схемой. На первом же рубеже мишенная обстановка существенно отличалась от схемы. На схеме были грудные мишени и даже головные для снайперов, а на местности самой маленькой была поясная мишень. Я сразу же поставил этот вопрос. Муслимов его заострил. Бондарь попытался отшутиться: «Товарищ полковник, мы десантируемся, им (значит - мишеням. - **Прим. авт.**) и интересно, они и высунулись!» Офицеры посмеялись, но Бондарю было приказано привести мишенное поле в строгое соответствие со схемой.

После этого я достал из кармана рулетку и замерил несколько мишеней. Они все оказались на 1,5-2 сантиметра шире и выше относительно размеров, определенных в курсе стрельб.

Это вызвало новый взрыв негодования со стороны Муслимова. Бондарь пообещал разобраться и наказать какого-то мифического прапорщика, который в этом виноват. Он уже троих вроде бы за ним послал, но его, естественно, не оказалось на месте, да, по сценарию Бондаря, я думаю, и не должно было оказаться. Прапорщик, ему что замкомдив прикажет, то он и выполнит неукоснительно.

Обследовав до конца мишенную обстановку, мы уехали в гостиницу учебного центра, где уже был накрыт стол с экзотическими фруктами и овощами, раками и всевозможными рыбами. Оглядев стол, Муслимов бесцветным голосом сказал: «Бондарь, мы опять будем ужинать, как свиньи?»

Такого оборота Бондарь не ожидал: «Товарищ полковник, почему? Стол как стол!»

- Бондарь, ты уже подполковник, замкомдива и должен знать, что только свиньи ужинают без спиртного!

Свинства Бондарь не допустил, и ужин прошел в теплой дружеской атмосфере.

Утром прошел дождь.

Проведенный мной осмотр мишенного поля выявил, что никакие недостатки вообще не устранялись. После дружеского ужина уже офицеры отдела боевой подготовки начали мне объяснять, что под таким дождем что-либо менять не-

целесообразно, но было принято решение снизить батальону оценку на один балл. Из-за непрерывного дождя и сильного ветра десантирование не состоялось. Батальон был вывезен и рассредоточен на площадке приземления так, как будто бы десантировался, и началось учение.

Огневая подготовка - наука точная и строгая. Обученные люди - в мишенях есть конкретные следы их выучки. Не обучены - увы! Но батальон в архисложных погодных условиях сражался. Просматривалось явное стремление выполнить задачу с как можно лучшими результатами. Из пяти рубежей мишеней я проверил два, и оценка была на этих рубежах - соответственно - два.

Кто проверял остальные рубежи, не знаю, но в результате весьма длительных и сложных подсчетов выяснилось, что батальон сдал проверку на три. Про обещание снять балл как-то все забыли. Все это оставило в моей душе крайне неприятный осадок. Я запомнил: лезущих вон из кожи офицеров не вина, а беда состояла в том, что с ними никто не занимался как следует. Но, тем не менее, все они демонстрировали волю к победе - и на этом фоне жалкая, неуклюжая подачка в виде удовлетворительной оценки. Такие чувства охватили не только меня, но я этот горький осадок сохранил до сих пор. Нельзя, по-моему, оскорблять людей подачкой. Я же для себя вынес с этой проверки следующее: первое - людей нужно учить систематически, а не от случая к случаю; второе - проверка это тоже учеба, и никогда нельзя ставить целью ее сведение с кем-либо счетов, цель должна быть одна - научить, создать такие условия, когда любой солдат мог бы проявить себя с самой лучшей стороны; третье - в проверку всегда необходимо вносить дух состязательности, азарта, элементы спортивной борьбы; четвертое -даже самую сложную задачу нужно ставить так, чтобы подчиненный не ощущал ее тяжести, чтобы она на него не давила. Создавать своеобразную иллюзию простоты типа: полетим, прыгнем, совершим бросок в 50 километров и потом - главное - будем играть в футбол. У всех отложится, что главное потом хорошо сыграть, а все остальное - это попутно. Тогда и легче выполнять задачу. Пятое - если стрельба и другие действия не получаются, никогда не следует доводить проверку до конца в таком ключе, чтобы не подорвать веру людей в собственные силы.

Нужно остановить, успокоить, разобраться, вскрыть при-

чины неудач. Обозвать людей баранами - для этого много ума не надо. Шестое: даже если какие-то коллективные действия (например, эта стрельба) не получаются, надлежит помнить, что это наши солдаты, и если они что-то не сумели сделать, в этом есть прямая вина всех их вышестоящих начальников. Поэтому следует провести разбор, вскрыть недостатки и эти действия повторить. Ни разу не было, чтобы после такой работы люди повторно демонстрировали неудовлетворительные результаты.

ДОРОГАМИ АФГАНИСТАНА
ЗВОНОК В БУДУЩЕЕ

Болтаться за штатом мне страшно надоело. Для меня это было крайне пренеприятным занятием, сродни безработному. Ощущение такое, что ты куда-то стремился, рвался, был нужным и полезным, от тебя зависели чьи-то судьбы и вдруг...

На полном ходу тебя остановили. Никто к тебе не идет, начальство при встрече морщит нос, как от хорошей доли лимона, и усиленно кормит «завтраками», лишь бы отстал.

Поэтому, когда я в начале ноября 1981 года (не помню какой раз по счету) явился к начальнику отдела кадров училища и в очередной раз выслушал предельно невнятное объяснение, что он звонил и вопрос решается и будет решен, но как и когда, неизвестно, я вспылил:

- Ты звонил?
- Звонил.
- Ну, теперь давай я буду звонить.
- Звони.

Взял я трубку засовского телефона с полной решимостью получить хоть какой-то ответ на свой вопрос. Попал на направленца по Афганистану полковника Камолова.

- Кто ты такой? - спросил он.
- Капитан Лебедь, бывший командир роты курсантов.
- Сколько ты командовал ротой?
- Пять лет и два месяца.
- Комбатом на юг пойдешь?
- Пойду!
- А почему не спрашиваешь куда?
- А мне все равно.
- Ну, позвони через два часа.

Позвонил и выяснил, что я уже в проекте приказа и буду

назначен на должность командира 1-го батальона 345-го отдельного парашютно-десантного полка.

Тут я хочу сделать небольшую оговорку. Есть хорошая формула судьбы, и суть ее сводится к следующему: «Кому суждено быть повешенным, тот не утонет». Потом я узнал, что на должность комбата представили трех человек, но все они по разным причинам от нее отказались. Комбат был нужен срочно! Кадровики в пожарном порядке искали, кем заткнуть дыру в приказе. А тут я со своим звонком. Прекрасный вариант: с одной стороны, капитан, которому надоело сидеть без дела, достаточно опытный, чтобы возглавить батальон, а с другой стороны, можно было отрапортовать, что проделана быстро и оперативно работа по выполнению приказа.

Словом, все складывалось хорошо. И начальник отдела кадров повеселел. Человек он был неплохой, искренне поздравил меня с успешным разрешением вопроса. Правда, выразил определенное сожаление, что еду в Афганистан.

Армия - такая организация, где часто происходят метаморфозы: то ты уже старый, то такой молодой и зеленый, что на фоне травы не видно. Прямо на глазах начальника отдела кадров я превратился из старого заштатного (проскочившего золотые возрастные сроки) ротного в юного комбата с большим запасом времени. Начальник отдела кадров предложил мне оформить документы для приема в Академию имени Фрунзе. Я счел это предложение уместным и не вредным. Два дня я пробегал и оформил кучу разных бумаг, собрал их в «дело» и сдал начальнику отдела кадров. 9 ноября я вылетел на Фергану.

В то время 345-й полк дислоцировался одновременно в двух местах: Фергане и Баграме. Соответственно, работа управления полка строилась так, чтобы, успешно решая боевые задачи, не завалить тыловые, технические вопросы. Но к тому времени начало приходить осознание того, что подготовленные в лесах и болотах Литвы командиры БМД, механики-водители, наводчики-операторы при хороших и отличных оценках оказывались совершенно беспомощными в новых для них климатических горных условиях. Их приходилось переучивать по ходу ведения боевых действий, и это очень дорого нам стоило. В повестке дня стоял вопрос о создании на базе 345-го полка в Фергане учебного полка, который позволил бы учить людей водить технику и приме-

нять оружие в тех условиях, в которых им придется действовать. Как всегда у нас, вопрос этот изучался, протягивался...

Когда я прилетел в Фергану, выяснилось, что у меня нет заграничного паспорта, и, следовательно, я не могу пересечь границу. До его оформления я должен был сидеть в Фергане. Но на другой день прилетел начальник политотдела нашего отдельного полка майор Кудинов и, послав пограничников подальше, без всякого таможенного контроля посадил меня в самолет, и я впервые в жизни пересек государственную границу Советского Союза.

Стоял ноябрь 1981 года. Душманы уже тогда имели на вооружении ограниченное количество «Стингеров», и поэтому наш АН-12 шел высоко. Земля казалась далекой, горы - игрушечными, а в долинах и ущельях земля была покрыта паутиной неправильной формы. Я вначале не понял, что это такое. Потом мне разъяснил Кудинов, что это дувалы. Он же в ходе полета давал характеристики попадающимся селениям, объяснял, где душманские гнезда и какая территория кем контролируется.

Для меня это все было внове. И вообще с момента пересечения границы и примерно еще в течение недели меня не оставляло странное двойственное ощущение: с одной стороны, я попал в какую-то восточную сказку (правда, с явными следами войны с использованием современных средств), а с другой стороны, вроде как нахожусь на съемках кинофильма и в роли далеко не статиста. Ощущение довольно опасное, потому что надо твердо стоять ногами на нашей грешной земле, чтобы прямым ходом не попасть на небеса.

Интересно, что ощущение это было не у меня одного. И часто бывало, что тот, кто не успевал выйти из сказочного восприятия окружающей действительности, отправлялся домой в цинковом обрамлении в «черном тюльпане». Как в песне:

В Афганистане
В «Черном тюльпане»
С водкой в стакане
Мы молча плывем над землей...

БОЕВОЕ СКОЛАЧИВАНИЕ

Как я уже отмечал, полк наш базировался на аэродроме Баграм, что было чрезвычайно удобно. Самолет приземлился, свернул на рулежку - и вот он, полк.

Самолет встретил сам командир полка подполковник Юрий Викторович Кузнецов. Это был человек среднего роста, коренастый, плотно сбитый, холерик по характеру. Как про него говорили, даже если он с места на место перекладывал ложку, то делал при этом не менее 12 тысяч лишних движений. Вдали от Родины я ожидал любой встречи, но такого предвидеть не мог. Кузнецов с прямотой римлянина выложил, что мое появление для него неожиданно и совсем не в радость, ибо он планировал назначить на эту должность начальника разведки полка Володю Никифорова, а тут я возник!..

Командир полка пошел дальше и превентивно меня обидел, заявив, что все офицеры из училища и учебных подразделений тоже учебные, с дырочкой (по аналогии с учебным автоматом).

После всех этих неприятных откровений Кузнецов вызвал моего предшественника, готовящегося к замене по состоянию здоровья майора Рембеза и дал трое суток на прием и сдачу дел и должности. И я пошел принимать батальон, полный решимости доказать, кто я есть на самом деле. Но ... опять все мои планы рухнули, как карточный домик. Во-первых, выяснилось, что 1-й батальон 345-го полка, которым мне предстояло командовать, вошел в Афганистан еще в июне 1979 года по просьбе Амина для охраны аэродрома «Баграм» и с тех пор поотделенно и повзводно занимал оборону вокруг аэродрома по периметру протяженностью около 18 километров. Увольнялись в запас солдаты, формально

сведенные во взводы и роты, а фактически не знающие друг друга. Не связанные никакими совместными боевыми задачами, солдатским братством, люди, как правило, находившиеся на позициях охранения по 6 - 8 человек, не знали друг друга и не были единым боевым подразделением.

Находились люди в тяжелых условиях, в примитивно оборудованных блиндажах и окопах. Леса в Баграме не было вообще, и приходилось строить блиндажи из чего попало, присыпая слегка землей, чтобы потом не завалило. Ни о каком классическом приеме батальона, организации в нем боевой подготовки не могло идти и речи. Во-вторых, даже приемку такого хозяйства пришлось разнести на пять дней. Выяснилось, что теоретические и практические понятия акклиматизации не совпадали. На второй день меня «завалило», и в рабочее состояние я пришел только на пятый. Но все кончается, и хорошее, и плохое. К исходу пятого дня я оклемался и, как всякая порядочная новая метла, взялся мести по-новому - наводить в батальоне порядки соответственно моим взглядам.

Дело это продвигалось с трудом, со скрежетом. Прокомандовав восемь лет курсантами, я привык к другому уровню взаимоотношений. Курсанты были гораздо грамотнее, в основе своей вежливые и, как правило, хитрые, мудрые, с ними взаимоотношения строились на интеллекте. Здесь же интеллектуальный уровень был ниже, и сами тяжелые условия службы наложили свой отпечаток: народ подобрался бандитистый и к моим педагогическим приемам, замешанным на курсантских дрожжах, невосприимчивый. Там я по-настоящему в первый раз осознал древнюю как мир истину, что бытие определяет сознание. Выяснилось, что и материально-бытовое и финансовое обеспечение вверенного мне батальона оставляет желать лучшего. Достаточно сказать, что если любой командир хозвзвода провозит 18 километров супчик в полевой кухне по дивным афганским дорогам, то уже к 10 - 12 километру трудно понять, что это такое и из каких ингредиентов это варево состоит. Бессистемное посещение бани, а иногда и непосещение, отсутствие постельного белья, а там, где оно было, бессистемная замена, естественно, привели к массированному нашествию вшей. Взялся я первым делом решать эти вопросы, так как если солдат живет по-человечески, то и служба идет по-человечески, а если как свинья...

Здесь необходимо отвлечься и рассказать об одних сутках, проведенных мною в Кабуле. В начале декабря до меня дозвонился мой брат, капитан Алексей Иванович Лебедь. На тот период он командовал разведывательной ротой 103-й воздушно-десантной дивизии. В Афганистан он входил в числе первых, добросовестно провоевал два года. За многочисленные бои был удостоен ордена Красной Звезды и медали «За отвагу», что дало ему основание называть себя «Отважный Лебедь».

По всеобщему признанию, был достоин много большего, но характер у брата строптивый, прямой. Таких тогда из списков награжденных вырубали пачками.

Брат сказал, что очень рад слышать меня на благословенной афганской земле, еще больше был бы рад видеть, потому что он заменяется, а я остаюсь. Как там дело пойдет дальше, неизвестно, все под Богом ходим. Я признал справедливость его слов и пообещал в ближайший день-два прибыть в гости.

Командир полка, которому я изложил просьбу, что-то там немного побурчал по поводу несвоевременности, но в ситуацию, тем не менее, вник и щедрою рукою выделил мне сутки времени.

От Баграма до Кабула недалеко - 50 с небольшим километров по дороге. Но в Афганистане 50 километров это много, чтобы подраться, за 50 километров ездить не надо. Отойди от полка в любую сторону на 2 - 3 километра и дерись, сколько хочешь. Потому командир полка порекомендовал проделать эти 50 километров по воздуху. Я прихватил автомат, четыре магазина, две гранаты, две бутылки водки и отправился на контрольно-диспетчерский пункт (КДП). Мне повезло. Диспетчер, разбитной и по некоторым признакам не совсем трезвый прапорщик, ткнул пальцем в окно: «Вон он, АН двенадцатый, с военторговским газоном через час на Кабул пойдет!»

Военторговский ГАЗ-66 уже был загружен в самолет. Вокруг самолета клубилась живописная толпа человек в пятьдесят. В толпе было все: женщины в чадрах, бородатые аксакалы в чалмах, дети всех возрастов, козы, куры, котомки, мешки, ящики. Техник и «правак» (правый второй пилот) размещали эту публику в самолете. Как они там рассчитывались, не знаю (по-видимому, рассчитывались хорошо), но

летуны садили народ охотно, покрикивая беззлобно, в случаях если, скажем, какая-то коза пыталась оказать сопротивление посадке или обвешанный многочисленными мешками дед начинал, как кегли, сшибать стоящих вокруг ребятишек.

В конце концов это гомонящее, блеющее и кукарекающее сборище расселось, рампа закрылась, самолет взлетел.Через 40 минут мы приземлились на аэродроме в Кабуле. На той же военторговской машине я добрался до крепости Бал-Хисар, где располагалась дивизия вообще, и разведрота, которой командовал мой брат, в частности. И сразу окунулся в какую-то совершенно новую, необычную, я бы сказал, дикую атмосферу. В дивизии шла массовая замена. Это была первая массовая замена. Навоевавшись за два года до икоты, офицеры и прапорщики встречали своих прибывающих из Союза товарищей радостно и возбужденно. В ВДВ друг друга практически знают все. Одна кузница офицерских кадров - Рязанское училище, одна школа прапорщиков. Встречали, делились новостями, обменивались приветами и пили за встречу, за солдатскую удачу, за здоровье. Поминали погибших общих товарищей. С каждой новой рюмкой нездорово-радостное возбуждение возрастало на глазах. Никаких сдерживающих факторов практически не было. Менялись и командиры, и политработники. Возбуждение в равной степени коснулось всех, и какой-нибудь замполит полка или батальона, который бы еще вчера долго и упорно разбирался по поводу употребления спиртных напитков, сегодня, хватив с братом по партии, был лоялен ко всему и вся.

В роте у брата, как он объяснил, было сразу семь праздников. Менялся начальник разведки - раз; прибыл новый - два; менялся командир роты (то бишь мой брат) - три; прибыл новый ротный - четыре; в роту взамен погибших прислали двух лейтенантов - командиров взводов - пять, шесть; и у старшего техника роты, здоровенного, лысого, мрачного детины по имени Эдик, был день рождения. По этому случаю в ротной канцелярии, которая служила одновременно и местом отдыха, был накрыт соответствующий стол.

Среди обычных армейских закусок типа жареной картошки и мяса, капусты и огурцов выделялось штук тридцать стеклянных банок черной икры, в каждую из которых была демонстративно воткнута алюминиевая солдатская ложка. На столе вперемежку стояли: водка русская, ром кубинский и

еще куча цветистых бутылок неизвестного происхождения. Хозяев, гостей - набралось человек двадцать пять. Я предупредил брата, что прилетел сюда не для того, чтобы за час напиться. Он со мной согласился. Мы с ним определились, что пьем порядка для... Теория правильная, на практике соблюсти тяжело. Чтобы понять тех офицеров, надо повоевать, отправить в Союз в цинках массу друзей, вкусить радость побед и горечь поражений, померзнуть в горах, поголодать и, в конце концов, выжить и дождаться ее... замены. Люди пили и не пьянели, только горячее становился разговор, более живописными подробности. Со мной рядом сидел доктор-капитан, которого зациклило. Он смотрел на меня совершенно трезвыми глазами смертельно пьяного человека и все пытался рассказать мне, как фугасом разметало отделение и как он, капитан, собирал разорванные в клочья трупы.

- Парень, отстань, - сказал я.

Но капитан не слышал. Он все тянулся рюмкой и опять мелькало: кишки, ступни, кисти...

Большой, общий разговор разбился на несколько более мелких. На одном конце стола поминали, на другом, вспомнив что-то веселое, хохотали.

- Пойдем проветримся, - сказал я брату, - заодно крепость покажешь. Ночь лунная.

Мы вышли. Прогулялись по крепости. Брат вспоминал разные живописные подробности ее взятия. Куда ходили, кто из общих знакомых где и как погиб или был ранен.

Гуляли - это я, пожалуй, сильно сказал. Везде было одно и то же. Вся крепость обмывала замену. Обмывала круто и крупно, не жалея ни денег, ни водки. Попали еще ненароком в несколько компаний. Поздравили, пожелали, поблагодарили. Около часу ночи вернулись в роту. За столом сидело девять человек. На столе не было ни одной полной бутылки, от икры остались только банки.

Наше возвращение придало компании второе дыхание. Эдик откуда-то из резерва достал еще пару бутылок, еще раз в ускоренном темпе прошлись по кругу, помянув и пожелав. Так незаметно и нечаянно перешли к борьбе на руках. Как это произошло - черт его знает. Крупный самоуверенный старший лейтенант, сидевший напротив меня, что-то такое сказал по поводу задохликов с 345-го. Я в полку служил без году неделю, но все равно это меня задело. С края стола смахнули посуду, и мы с ним начали выяснять, в каком из полков

воздушно-десантных войск служат большие задохлики. Я был не слабее его и значительно трезвее, поэтому примерно после двухминутной борьбы тыльная часть его ладони была прижата к столу. С пьяным недоумением старший лейтенант посмотрел на свою похожую на клешню ладошку и сказал: «А ну, давай левыми!»

Левыми у него получилось еще хуже, он выдохся. Все было так мило и даже весело, но у старлея заело какой-то клапан. Он совершенно неожиданно вызверился: «Ты, е... комбат...». Глаза у него горели каким-то диким, бессмысленным огнем. Я молча и сильно ударил его в челюсть. Сзади стояла койка с низенькой деревянной спинкой. Он опрокинулся навзничь, перелетел через спинку, упал на панцирную сетку и остался лежать недвижимым.

- Что за черт! Как же я его ударил, что он не шевелится?

Койку окружили. Все притихли. В наступившей тишине отчетливо слышалось мерное похрапывание старшего лейтенанта. Бедняга смертельно нарезался, и ему для полного счастья не хватало удара в челюсть. Пока летел - заснул. Сделав правильные выводы из ситуации, компания разразилась хохотом.

Утром я готовился в обратный путь. Пытался бубнить какие-то извинения протрезвевший старший лейтенант, оказавшийся командиром взвода, которому услужливые товарищи, с утра не дав опохмелиться, надули в уши, каким потрясающе хамским образом он себя вел по отношению к командиру батальона братского 345-го полка. Ему популярно объяснили, что в челюсть он словил совершенно правомерно. Как выяснилось из того, что было вчера, он совершенно ничего не помнит. Тем больше было оснований мучиться угрызениями совести. Мы исчерпали конфликт, пожав друг другу руки. В вещмешке усохли две бутылки водки. Я о них по приезде забыл, зато стало ясно, откуда многомудрый Эдик отыскал резерв. Уже на выходе я встретил капитана-доктора, взгляд у него был стеклянный; тем не менее он меня узнал и очень обрадовался: «Подожди, я тебе доскажу! Понимаешь, фугас...» Первым движением было послать капитана далеко, далеко... Но при слове «фугас» в глазах у него мелькнула осмысленность, а лицо приняло такое страдальческое выражение, что стало ясно: где-то на какой-то из кровавых афганских дорог капитан отловил впечатление, которое было выше его психических возможностей. Этот фугас, и эти ош-

метки трупов мучили его, преследовали, давили, денно и нощно стояли перед глазами. Капитан решил избавиться от наваждения испытанным российским методом - утопить в водке. Но, как в большинстве таких случаев, не утопил, а только усугубил положение. Кошмар стабилизировался в его сознании, стал устойчивым и постоянным. Это был человек с больной психикой.

- Извини, приятель, - сказал я, - ехать надо. Я скоро вернусь, потом доскажешь.

Мы простились с братом, пожелав друг другу удачи. Пожелание сбылось. Вернулись оба, а позже вернулся и третий, двоюродный, брат - Михаил.

Тот же АН-12 перенес меня в Баграм, и служба пошла дальше.

Решение вопросов обустройства и быта продвигалось крайне медленно, несмотря на все мои потуги. Я внутренне приуныл, но внешне виду не подавал. Но тут пронесся слух, а вскоре и подоспел приказ о передаче позиций вверенного мне подразделения специальному батальону охраны, прибывшему на удивление быстро в середине декабря 1981 года из Советского Союза. Батальон прибыл в полном составе (почти семьсот человек), с массой техники, и все новое, с иголочки.

В течение трех дней я передал позиции. Правда, не обошлось без эксцессов: одичавшие от окопной жизни солдаты «пощипали» новоявленных пижонов на предмет тумбочек, кроватей, постельного белья и прочих мелочей быта.

Вскоре я получил приказ провести боевое сколачивание батальона и подготовить его к ведению боевых действий. Впервые с момента ввода батальона в Афганистан я собрал его, и вот тут-то началось! Все образовавшиеся в результате естественного отбора «львы» и «шакалы», которые формально числились в одном подразделении, но никогда друг друга не видели или встречались крайне редко, кинулись делить власть. В результате разбитые носы, подбородки, подбитые глаза, сломанные челюсти стали повсеместной практикой на протяжении четырех дней. Все мои увещевания, собрания: общие, комсомольские, партийные, индивидуальные беседы, организация дежурств офицеров - ни к чему не приводили. К каждому приставить надзирателя было невозможно. Уходили, к примеру, два солдата в сторону туалета, а потом один приходил, а другой появлялся через некоторое

время с разбитым вдрызг лицом. Еще когда батальон находился на позициях, предвидя необходимость наращивания физической подготовки (многомесячные сидения в окопах к добру не приводят), я организовал строительство спортгородка. Сварили и забетонировали перекладины, брусья, из траков танков изготовили штанги и гантели. Конечно, все это было диковато на вид, но с другой стороны, по-своему изящно и, самое главное, позволяло повышать уровень физической подготовки.

Хочу заметить, что к тому времени среди солдат укоренилось мнение, что я неженка, демагог и где-то даже белоручка. На пятый день мне попались целых одиннадцать «рационализаторов и изобретателей», которые отреагировали на мое стремление совершенствовать физическое развитие подчиненных своеобразно.

Группа «рационализаторов» подходила к солдату и говорила:

- Ты подъем переворотом делать умеешь?

- Нет!

- А комбат требует! Мы тебя сейчас научим.

С этими словами они брали незадачливого бойца, привязывали с помощью ремней к перекладине, закрепленной к потолочным балкам казармы, от ТА-57 проводили к ноге проводок и крутили ручку телефонного аппарата. Импульс был такой, что солдат прилипал задницей к потолку. И тут я осатанел. Внутренне я осатанел уже давно. Не хватало только толчка, и он случился. Ко мне прибыл вождь «рационализаторов», предстал пред мои светлы очи. Я ему задал вопрос:

- Изобретал?

И он ответил так, как надлежит отвечать нормальному солдату нормальному комбату:

- Никак нет!

Меня взорвало. Я все-таки, хоть и бывший, боксер тяжелого веса с неплохо поставленным ударом. Вождь «рационализаторов» получил в челюсть и успокоился, проехав по полу в угол. Поперек него упал его первый заместитель. Сверху, рядом, сбоку полегли еще девять «рационализаторов». Крепким оказался только один. Пришлось бить два раза.

Весь вечер после этого «разговора» меня мучила совесть. Я всю жизнь отвергал мордобой как способ воспитания, всегда считал и проповедовал подчиненным, что если офицер

дошел до того, что, кроме кулака, не осталось аргументов, - напиши рапорт и уходи из армии, а тут вдруг моя многолетняя теория так некрасиво разошлась с практикой.

Но странное дело: утром на построении батальона я не обнаружил ни одного нового синяка - драки неожиданно прекратились. Более того, пока я обходил строй батальона, меня сопровождали восхищенные взгляды. Сделав вид, что ничего не замечаю, и отдав распоряжение по завершению получения имущества, вооружения и боеприпасов, я срочно взялся разбираться, в чем же дело. Оказалось, что в команде, которую я уложил вечером, собрались быстро снюхавшиеся «львы». Тем, что все они полегли после первого же удара, были восхищены не только их сослуживцы, но и они сами. Психологическая обстановка в батальоне вмиг изменилась. Комбат был признан исключительно нормальным, и всем было рекомендовано его неукоснительно слушаться и не гневить. Я тут же положил на стол командира полка рапорт с просьбой предоставить мне две недели на боевое сколачивание батальона. Командир полка дал 10 дней.

Назавтра в 4 часа утра батальон был поднят по тревоге и со всей техникой и вооружением, полевыми кухнями, в полном боевом составе, оставив на хозяйстве трех хромых, совершил 5-километровый марш и сосредоточился в предгорье, на пустынной, испещренной неглубокими рытвинами и промоинами равнине размером до 5 км по фронту и до 8 в глубину. Куда хочешь стреляй, куда хочешь води. Был там неприятный кишлачок. Я поставил против него в боевое охранение взвод, и проблема была снята.

Целый день с часовым перерывом на завтрак, обед, ужин по особому плану батальон занимался: перебегал, переползал, окапывался, водил. На базу вернулись в 22 часа. Я построил батальон и объявил, что до тех пор, пока техника не будет заправлена и обслужена, оружие не вычищено - спать никто не ляжет. Поскольку обстановка боевая - по-другому нельзя. Энтузиазма это не вызвало никакого. Заморенные дневными занятиями солдаты демонстративно медленно взялись обслуживать технику и чистить оружие. Я их не подгонял. Закончили в 1 час 30 мин. В 4 часа батальон был снова поднят и опять вышел в поле, целый день занимались, вернулись около 22 часов. Те же самые слова о необходимости вычистить оружие и обслужить технику, но совершенно другая реакция. Народ сообразил, что чем медленнее будет идти

обслуживание и чистка, тем меньше времени останется для сна. Я сделал широкий жест: поднял батальон не в 4, а в 5 часов. В последующем начал просто возвращаться несколько раньше. В результате 10-дневных занятий все без исключения военнослужащие батальона приобрели, восстановили устойчивые навыки в действии с техникой и при вооружении; стреляли из всех видов оружия. Каждый солдат швырнул оборонительную и наступательную гранату и тем самым избавился от вечного солдатского суеверного страха перед ней.

Совместное преодоление трудностей закалило и сплотило все взводы и роты, заставило их подружиться. Какой-либо мордобой прекратился вообще. Синяки за 10 дней сошли, и передо мной были совершенно другие люди, другой батальон. Батальон, с которым я был готов воевать. К исходу занятий у всех, начиная от комбата и кончая солдатом, не было ни капли лишнего жира. Приобретенная уверенность всех в своем оружии с лихвой компенсировала проявленную мной жестокость. Мне простили все. Завершил я период боевого сколачивания проведением ротных учений в предгорье. Интересно, что мишени лепили из кусков толя, фанеры, картона. Ни до, ни после я такого больше не видел. Я доложил командиру полка о готовности батальона. Он назначил контрольно-проверочные занятия. Но тут случилось упасть лицом в грязь. К тому времени я уже в полку прославился не самым лучшим образом: исследуя хозяйство батальона, установил, что необходимо построить новый туалет. Начальник штаба батальона еще до моего прибытия придержал четырех увольняющихся в запас. Я их озадачил: как только отроете и построите - свободны. Ребята были крутые, целый день старательно демонстрировали принципиальное нежелание что-либо делать. Целый день я делал вид, что ничего не вижу. На завтра, осатанев от такого невнимания и неуважения, прикинув, что я еще месяц могу ничего не увидеть, они схватились за кирки, ломы, лопаты и устремились на отведенный мною участок. К обеду я сделал вид, что вспомнил об их существовании, пришел посмотреть, что у них получается. Картина была печальная: грунт не приведи господи, кирка и лом отскакивали, как от резины, лопата вообще снимала миллиграммы. Бойцы отрыли по окопу для стрельбы с колена, а задача была поставлена отрыть окоп для стрельбы с лошади стоя. До необходимой величины котлована было

ужасно далеко. Кроме того, они были все в кровавых мозолях, при моем приближении встали, зло фыркая и косясь на меня осатанелыми глазами. Поняв, что из такой работы ничего путного не выйдет, я изменил решение. Разметили 28 шурфов, изготовили приказ по полку о проведении взрывных работ, хлопцы оживились. Копать шурфы - это не котлован. Довольно скоро, в течение двух дней, их подготовили. Меня попутал бес в лице командира инженерно-саперной роты Володи Гарасюка. Бес нашептал, что с ВВ у нас перерасход, и предложил исполнить котлован с помощью трофейных итальянских противотанковых мин. В этой итальянке 5,2 кг взрывного вещества повышенного могущества. Заложили, соединили, забивочку сделали с водой, как положено, утрамбовали. Выставили оцепление. Я лично нажал кнопочку. Котлован получился совершенно замечательный. Это мы увидели, когда пыль осела. Но попутно выяснились некоторые негативные последствия. Все стекла в полку, которые смотрели в ту сторону, включая и стекла окон кабинета командира полка, приказали долго жить.

Две недели все офицеры и прапорщики батальона добывали, покупали, меняли и стеклили. И соответственно у командира полка создалось соответствующее мнение. И тут я ему докладываю, что батальон сколочен, готов. Контрольно-проверочное занятие он едет проводить лично. До этого заместитель командира полка подполковник Грачев, который не раз бывал на занятиях, доложил свое мнение о высоком качестве проведенных занятий. Кончилось это дело печально. По возвращении с предыдущих занятий машины не заправили, а я не проконтролировал, но поскольку заправка была равномерной, они дружно начали останавливаться в самых неподходящих местах и позах. Что сказал командир полка, я помню прекрасно, но воспроизводить не буду. Шум, гам, разбор по всему полку. Однако был сделан гуманный вывод, что комбат работает правильно, но недорабатывает.

Переход мой и перестройка от командования курсантами к командованию боевыми войсками прошел достаточно сложно. Но уже в конце декабря батальон провел первую боевую операцию по прочесыванию кишлаков, хотя и малорезультативную - это от недостатка опыта.

Наступил Новый, 1982 год. За четыре дня до него в батальоне дуплетом случилось два ЧП. Был ограблен продовольственный склад полка, и рядовому Гайнулину оторвало

кисть правой руки. Склад представлял собой рефрижератор, поставленный на колодки, и охранялся караулом моего батальона. Похищено было до 50 банок тушенки, 50 сгущенки, по нескольку килограммов конфет, яблок, печенья, приготовленных к Новому году. Печать была срезана чисто. Если бы у похитителей хватило ума взять то же самое не у входа, а в глубине, наверное, начальник склада сразу бы и не хватился.

Я к тому времени существенно укрепил свои позиции. Серьезно усовершенствовал в батальоне систему материального обеспечения, появилось взаимопонимание и признание, и эта кража меня покоробила. Разбирался долго и упорно, до двух часов ночи, и решил часа четыре отдохнуть и после подъема продолжить разбирательство дальше. Но в 3 часа меня поднял дежурный по батальону и доложил, что в медпункт доставлен рядовой Гайнулин, оторваны все пять пальцев правой руки.

Подъем, комбат! По прибытии к месту происшествия услышал от солдат невнятное бормотание:

- Товарищ капитан, он пошел в туалет, свет погас, устроился на улице, дернул, оказался запал, оторвало все пальцы.

Знаю точно, что запал должен быть зажат в кулаке, тогда могло оторвать пальцы.

Взял фонарь, пошел в санзону. Действительно, кровь, но крови для такого ранения мало.

Опять маловразумительные объяснения:

- Товарищ капитан, он сунул руку в куртку.

Пошел в медпункт - врачи им занимаются, куртка внутри сухая - не то, ребята. Исследовал помещение роты. В каптерке висит здоровенный портрет Л.И.Брежнева - весь в каплях крови и остатках кости пальцев.

Тут я не стал ждать утра и доразобрался. Картина оказалась следующей. Ребята, бывшие «львы», попросили своих младших товарищей организовать праздничный ужин. Младшие подумали. Одним из думающих был Гайнулин. Взяли склад. Казарма была построена из полого силикатного кирпича, и солдаты замуровали сгущенку, тушенку в стены. Тут Гайнулина начали мучить сомнения: а вдруг найдут, а вдруг поймают, комбат разбираться будет - докопается. Где-то слышал, что с помощью запала от гранаты можно нанести себе травму. Решил себя немножко поранить, попасть в медсанбат, а там, глядишь, и дело закроется. Около трех часов ночи

зажал в кулаке запал и дернул кольцо. В результате остался без пальцев. Досталось и Леониду Ильичу, вернее, его портрету. Жаль солдата, хороший паренек, как он позже мне в госпитале поведал: отец был инвалид 1-й группы, мать и старший брат - второй, и он сам стал инвалидом.

На Новый 1982 год я был дежурным по полку. Праздник прошел спокойно. Запомнилось одно: в 24.00 по московскому времени все небо над Баграмской долиной было испещрено трассерами. Ограниченный контингент встречал Новый год.

Всего за несколько месяцев после моего звонка жизнь моя в корне изменилась. Из топкого болота ничегонеделанья я опять попал в служебный водоворот и, несмотря на трудности, был рад этой перемене.

РАЗОРВАННОЕ «КОЛЬЦО»

Афганистан - это боль, Афганистан - слезы, Афганистан - это память. Это все, что угодно, но не позор. Были политики, которые принимали определенные решения, разумные, неразумные, целесообразные, нецелесообразные. История рассудит и все разложит по полочкам. За неразумные решения расплачивались своей единственной жизнью, здоровьем, увечьем, кровью солдаты. Те, кто начинал войны и продолжают их организовывать, заведомо знают, что ни они сами, ни дети их, ни внуки, ни друзья, ни знакомые воевать не будут. Огонь войн разжигают для «быдла». В Афганистане сражалась рабоче-крестьянская Красная армия. Дети рабочих и крестьян. Это неважно, кто он там: рядовой, майор, полковник. Сыновей высокопоставленных родителей там никто и никогда не видел. И солдаты свой долг выполнили сполна. Они не выиграли ту войну и не могли выиграть - обстановка была не та. За спиной не было Москвы, не было России, но они ее и не проиграли, потому что были потомки суворовских и жуковских солдат.

Как и на любой войне, там было всякое: трусы, подонки, негодяи, образцы невиданного взлета человеческого духа, и последних было несравнимо больше. Афганистан оплачен 15 тысячами жизней, честно отданных в непонятной войне. Около 40 тысяч были ранены и искалечены. Никто никогда не считал и, наверное, уже не сосчитает, сколько десятков тысяч человек переболели гепатитом, малярией, брюшным тифом, лихорадкой. Тем самым укоротили себе жизнь минимум на десяток лет. Это была честная солдатская плата за политическую очумелость. И она, эта плата, не может быть позорной.

Память человека устроена таким образом, что она отме-

тает и хоронит все то плохое, с чем человеку приходится сталкиваться, и живет добрым, веселым и хорошим.

Смешные, веселые, трогательные моменты можно вычленить из любой ситуации. Не только можно, но и нужно. Ибо если аккумулировать в себе только негативное, копить в себе груз неимоверной тяжести, не выдержит никакая нервная система.

Январь 1982 года начался с подготовки крупномасштабной операции по прочесыванию Баграмской долины. Я был комбатом, поэтому в детали меня не посвящали; но крупно замысел состоял в том, чтобы, охватив войсками территорию площадью свыше 200 квадратных километров, прочесать ее, ликвидировать исламские комитеты, душманские банды, оказывающие сопротивление, остальных разоружить и разобраться с ними на фильтрационных пунктах. 345-му отдельному парашютно-десантному полку отводилась роль одной из основных ударных сил, и задача, соответственно, поставлена была на наиболее бойком направлении.

Подготовка к операции заняла почти две недели. Согласно действовавшему тогду приказу, советские войска не должны были самостоятельно проводить операции, а только во взаимодействии с афганцами. На практике это выглядело так: какой-то район оцеплялся советскими войсками, а прочесывание осуществляли в две цепи: первая - афганская, вторая - наша. Для этих целей прибыл и был придан мне второй батальон 444-го полка «Командос». Название полка - громкое, история - славная, но «нюансики» имелись. Дело в том, что истинные командосы, которые создали полку славу, были частично перебиты, частично разбежались. Полк укомплектовали порядочным сбродом, и он существенно утратил боевой дух и дисциплину. Скользкие они были все какие-то. Не солдаты, нет - командиры.

Выделялся из общей массы один Меджид, начальник политотдела полка. Началу операции предшествовало еще одно событие, суть которого можно охарактеризовать одной известной фразой: «Много шума из ничего».

Батальон готовился к операции строго в соответствии с планом, а трем солдатам, которые на тот период имели флегмоны на ногах, из-за чего двигались со скоростью 7 километров в неделю, я поставил задачу выбелить известью всю казарму батальона, с помощью разведенного в бензине битума отбить и покрасить «сапожок», благоустроить по отдель-

ному плану спорткомплекс батальона. И вот прибывший для контроля за подготовкой операции генерал-полковник Меримский, по прозвищу Седая смерть, видит такую картину: три солдата в рабочей форме белят казарму. Отсюда тут же делается вывод, что подготовки к операции в батальоне нет, комбат - человек легкомысленный и недалекий. Перепало и командиру полка подполковнику Кузнецову. Рев стоял длительный и могучий. Все попытки что-либо объяснить и доказать успеха не имели, я плюнул, приказал солдатам переодеться и убыть в медпункт. Вся дальнейшая проверка компонентов готовности проходила под знаком моей вопиющей несерьезности. В такой ситуации практика подсказывает единственный выход: сохранять строевую стойку, предельно серьезное выражение лица, желательно с элементами раскаяния, и отвечать на любые вопросы двумя фразами: «Так точно!» и «Никак нет!»

В конце концов батальон был признан готовым, правда, с огромным количеством недостатков, но готовым.

Рано утром, 13 января, мы выступали на операцию, которую предполагалось провести за две недели. Операция эта была странная по многим причинам, перечислим лишь некоторые. Славные командосы заставили меня быстро исчерпать все запасы интернационализма. Есть у них такое понятие - «чаевая оборона». Практически это выглядит так: блокировали какой-то кишлак или группу кишлаков. Боевой порядок для прочесывания построен, проческа пошла. Афганская цепь втянулась в кишлак и растворилась в нем. Через сто метров можно наблюдать только мелькающие впереди родные каски. Вторая цепь становилась первой и единственной. А во дворе уже расстелен коврик, кипит чайник, расставлены пиалушки, разложены лепешки: «К ведению чаевой обороны приступить!»

Пару раз я пытался объяснить, что ничего, в принципе, не имею против чая, но сначала завершается операция, потом - чай. Меня не понимали. Хороший и мужественный народ афганцы. Суровое у них воспитание, уходящее корнями и в уклад жизни, и в религию. И вот там у них прочно заложено: начальник должен быть силен и свиреп, тогда это - начальник. Если он уговаривает, пытается убеждать, то это очень скверный, ненадежный начальник. Может быть, даже не начальник вообще. Поэтому выражение лиц у них было такое, как будто они дружно все заглотили по лимону,

и старались на меня не смотреть, настолько им это было неприятно.

Тогда в третий раз я радикально изменил воспитательную тактику. В большом доме, где заняли «чаевую оборону» около десятка командосов, мои автоматчики прихватили все входы и выходы. Я прошелся сапогами 45-го размера по пиалушкам, подцепил кипящий чайник носком сапога так, что его поймал ближайший зазевавшийся любитель халявного чая. Все это - молча! Ребятки в темпе расхватали автоматы, построились без слов и сопротивления. Старший заявил, что они все поняли, и попросил разрешения идти и продолжать операцию. Мы улыбнулись друг другу, за нами заулыбались солдаты, и так на этом улыбчивом фоне они замаршировали к выходу. Весть о том, что я, как начальник, не безнадежен и из меня может выйти определенный толк, быстренько облетела весь батальон, и впредь, если где и организовывалась «чаевая оборона», то с тысячами оглядок.

Если у меня в батальоне управление состояло из командира, начальника штаба, двух связистов, авианаводчика с помощником, доктора и пятерых солдат; за управлением афганского батальона таскалась шайка так называемых анзиботов (по-русски денщиков). Пользы от них целый день не было никакой, зато вечером они, как тараканы, разбегались в разные стороны, стягивали отовсюду немыслимое количество ковров, одеял, подушек, паласов и оборудовали своему комбату со товарищи роскошное место ночного отдыха, не оставляя мне даже паршивого коврика. Пришлось пойти на крайнюю меру. Я зашел в дом, обозрил все это великолепие, преднамеренно высокомерно поблагодарил за проявленную обо мне и моих людях заботу и выгнал всех афганцев. Проклацав зубами ночь на соломе, они сделали правильные выводы. Главный из них состоял в том, что кто много хочет - мало получает. Впредь подобного рода инцидентов не было. Места отдыха готовились параллельно. Лучшее всегда было мое. Как начальник я стал наконец на место, и тем все были счастливы.

Операция «Кольцо», в которой я принимал участие (возможно, по недостатку опыта), показалась мне, мягко выражаясь, не до конца продуманной. На протяжении пяти дней мы окружали, чесали, продвигались, маневрировали. Нас обстреливали, мы давали сдачи. Но в основном бой шел с каким-то невидимым, неуловимым противником. Потери, сла-

ва Богу, были невелики, но и результаты тоже: трофеи - несколько автоматов, несколько мультуков, патронов, гранат. Мужчин не было: женщины, дети, верблюды, ослики. Взгляды хмурые, ненавидящие, равнодушные - всякие. Не было только веселых.

На шестой день операции с утра, когда петля стянулась до диаметра 4 - 5 километров, народ повалил валом. К обеду у меня было огромное количество пленных (если их так можно назвать) в возрасте от 12 до 70 лет. Это неимоверное количество народу заискивающе улыбалось, кланялось, жестикулировало и всеми доступными способами пыталось объяснить, что все они вместе и каждый в отдельности попали сюда случайно. С помощью мегафона было объявлено, что юношам до 16 лет и старикам свыше 60 лет разрешается покинуть толпу и убраться восвояси. В течение часа толпу ополовинили. Но все равно осталось много людей. Попытки как-то упорядочить эту бурлящую массу ни к чему путному не привели. Все прикидывались идиотами, крутились, вертелись, непрерывно перемещались. Никакие уговоры, окрики переводчика не помогали. Доморощенный переводчик сержант Азимов (таджик по национальности) представил мне двух седобородых аксакалов, которые назвались муллами. Меня осенило: с максимальным почтением, поздоровавшись, я попросил уважаемых отцов помочь мне навести порядок и рассадить задержанных по сотням. Аксакалы отерли бороды, взгромоздились на камень и пронзительными голосами на две стороны начали кричать, размахивая руками. Произошло маленькое чудо. Минут через 15 на большом пустыре сидело 17,5 шеренг, из чего я сделал вывод: батальоном, в котором находилось на тот период 211 человек, я прихватил 1750 душ. Поблагодарив отцов за помощь, я задумался. Все эти люди попали в кольцо окружения. На протяжении 5 суток они отходили, кто-то из них наверняка оказывал сопротивление, большинство были крепкие мужики, но за руку никто схвачен не был. Держать такое количество людей на открытой площадке до темноты, а тем более в темноте - невозможно. Куда и как их девать - неясно. Моему докладу командир полка сначала не поверил, а потом пообещал разобраться. Для него это было тоже неожиданностью. Я принял соломоново решение. Прогулялся, отыскал дом-крепость, примерно 70х70 метров. Здесь надо оговориться, что афганцы строят дома следующим образом: сооружается глинобит-

ный квадрат, высота стены 4 - 5 метров. Длина стороны квадрата зависит от состоятельности хозяина, в данном случае 70х70 метров. Дверь низкая, примерно 160 сантиметров, очень толстая и прочная (я каску носил исключительно как средство противодействия притолокам). Все жилые и нежилые помещения примыкают к стенам этого квадрата изнутри таким образом, что выше крыши остается примерно метровая стена. По периметру оборудуются бойницы. И получается: мой дом - моя крепость. Даже несколько автоматчиков, бегая по крышам сооружения внутри квадрата, способны сделать эту крепость достаточно неприступной, по крайней мере для пехоты.

Я отрекогносцировал крепость. Мне она показалась достаточно просторной. Людей по сотням подняли и разместили в этой крепости. Когда последняя сотня вошла внутрь, я зашел следом. Теперь уже двор не показался мне просторным. Людей было, как селедок в бочке. За неимением лучшего до принятия решения пришлось остановиться на этом варианте. Выставили охрану, БМД доброжелательно уставилась тремя пулеметами во входную дверь. И только было вздохнули с облегчением, как случилась новая напасть.

Мгновенно, внезапно, буквально как из-под земли образовалось несколько сот возбужденных, кричащих, плачущих, рыдающих женщин. Это были жены, сестры, матери сидящих в крепости. У всех были узелки с импровизированными передачами. Пришлось успокоить и организовать запуск по 10 человек с целью передачи продовольствия. Сначала нашествие вызвало определенную озабоченность, а потом я оценил, что оно пришлось как нельзя более кстати. Мужчины в крепости начали вопить, переводчик обобщил и доложил смысл воплей: «Отловил, посадил, корми, начальник!» А чем кормить, когда родной-то батальон воевал впроголодь? Время шло. Все больше и больше в голову приходила странная мысль: с одной стороны, это пленные - цель проводимой операции, с другой стороны, нахватав их, мы ничего доказать не сумели, с третьей стороны, батальон и пленные все более и более напоминали известную композицию дурня с писаной торбой. Прошла ночь, решения все не было, двигаться дальше тоже было нельзя. В конце концов где-то около 9 часов прибыли разведрота, саперная рота, еще какая-то, уже теперь не помню, рота. Я получил приказ передать этим подразделениям пленных для конвоирования в

находящийся в 9 километрах городишко Чаррикар. С внутренним облегчением я сбагрил эту ораву на попечение саперов и разведчиков и продолжил операцию. Вечером того же дня вернувшийся командир разведроты доложил: поскольку дорога пролегала между дувалами, была узкой и извилистой, часть пленных разбежалась, а когда прибыли в Чаррикар, губернатор заявил, что фильтрационный пункт у него не готов, подразделение царандоя (милиции) немногочисленное и слабое, хатовцев (органы госбезопасности) вообще нет, выдал им всем справки, что они побывали на фильтрационном пункте, и отпустил с миром. Именно этим и могу объяснить, что с утра нам начали стрелять в спину. Рыбка пробила брешь в бредешке и уплыла. Как я уяснил позже, примерно аналогичная картина была на участках других батальонов. Батальон продолжал движение на указанный рубеж, некоторые подразделения его начали выходить к реке Горбант и совершенно неожиданно встретили жесткое сопротивление со стороны группы численностью до 40 человек. Завязался скоротечный бой, во время которого два пулеметчика из приданного мне афганского батальона заняли позицию на крыше господствующего над местностью дома и интенсивным огнем вынудили душманов отойти. Батальон форсировал реку, продолжил наступление. Здесь неожиданно последовала команда: подразделениям реку Горбант не переходить, всех перешедших вернуть в исходное положение, закрепиться на ее рубеже. Я к тому времени был уже на другом берегу, организовал отход рот, отошел с управлением сам. На пути отхода мне попался дом, с крыши которого вели огонь пулеметчики. Во дворе дома я увидел следующую картину: у стены дома стояли два деда - хозяева дома, со связанными за спиной руками, ухо у одного деда отливало багрянцем. Вдоль них с довольным видом расхаживал лейтенант Бредихин. Лейтенант Бредихин был посвоему замечательным человеком. По образованию - химик, в душе - лев, но судя по некоторым признакам в училище он был матерым двоечником. Ввиду недостатка офицеров мне его прикомандировали на время операции в качестве командира парашютно-десантного взвода. Во время этой операции действия Бредихина уже стоили мне массы нервов. Сначала Бредихин, не имея, как выяснилось позже, ни карты, ни компаса, перепутал горушки (горы), лихо развернул взвод на 90 градусов, прошелся по тылам собственного батальона

н попал к соседям-витебчанам. Те ему быстренько объяснили, кто он такой, что о нем думают, и отправили обратно. В это время на левом фланге батальона группой душманов из 13 человек перед дувальным проходом была организована хорошо замаскированная засада, на которую вышел парный дозор 3-й роты. Прояви душманы чуть больше выдержки, пропусти дозор, имели бы реальную возможность нанести 3-й роте существенный урон. Но они поторопились и открыли огонь. Старший дозорный был убит, младший - ранен. Но это позволило роте развернуться, завязалась перестрелка. В это время блуждающий форвард Бредихин в поисках родного батальона совершенно неожиданно для него и его подчиненных вышел душманам в тыл, но не растерялся и в шесть секунд ликвидировал засаду. Отсюда точно известно количество находившихся в ней людей. Были взяты два пулемета, два карабина, 9 автоматов. Естественно, все это время на связи он не находился, и, когда он гордо рапортовал мне о своих достижениях, ничего хорошего я о нем не думал. Второй раз на фланге, где находился взвод Бредихина, восьмерка вертолетов отрабатывала цель. Он опять выпал со связи. Ни связи, ни оранжевых дымов (сигнальные дымы для обозначения боевых порядков для авиации). В голову сразу лезут черные мысли, главная среди которых - вертолеты очень метко бьют по своим. Слава Богу - обошлось. Вот и теперь на вопрос: «Бредихин, в чем дело?» - лейтенант четко отрапортовал: «Душманы, товарищ капитан. Посмотрите, сколько 7,62 мм гильз!» Под стеной дома действительно лежало много гильз. Но я вспомнил, откуда били афганские пулеметчики. Дедов развязали и отпустили.

В томительном ожидании шли часы. Кто и что там решал в верхнем штабе - трудно сказать.

Ближе к вечеру последовала команда «Закрепиться на ночь!» Управление батальона разместилось в доме, где Бредихин наловил «душманов».

Роты доложили о готовности. Утомленное войско, за исключением часовых и патрульных, отошло ко сну. Во дворе дома стоял достаточно обширный сарай, внутри которого находились огромные, до двух метров в высоту, до метра в ширину в самой толстой части, амфоры. Предназначались они для хранения зерна. В сараюшке расположился на ночь афганский взвод. Никому не пришло в голову заглянуть в эти амфоры. Где-то около двух часов ночи во дворе разда-

лось несколько очередей, вопли. Выяснилось, что в одной из амфор сидел душман, племянник дедов-хозяев. Ночью он решил, что все заснули, и попытался удрать. Неосторожно наступил кому-то на уши. Прояви он больше выдержки и успокой обиженного, может быть, это ему и удалось бы, но он оказался нервным и дурно воспитанным человеком. Открыл огонь. Дремавший у двери часовой-афганец срезал его несколькими очередями. Результат - убитый душман, убитый солдат правительственных войск. В амфорах и в доме нашли еще несколько единиц оружия. Так что Бредихин в конце концов интуитивно оказался прав.

Размах операции «Кольцо» был рублевый, итог получился копеечный. Все вернулись злые, неудовлетворенные, но война, даже такая специфическая, как в Афганистане, скучать, злиться и вообще проявлять какие-либо другие эмоции длительное время просто не представляет возможности. Что там мыслило вышестоящее командование - точно неизвестно, но ни о чем серьезном, крупном было не слыхать, и мы занялись решением мелких текущих вопросов, или, другими словами говоря, проведением небольших (1 - 2 суток) тактических операций. Мне «повезло». Весь второй батальон находился в Бамиане. Разведрота в Чаррикаре охраняла покой и сон местного придурковатого губернатора. Одна из рот третьего батальона охраняла ткацкую фабрику в Гульбахоре. В полку оставались мой батальон и третий батальон без роты.

Третий батальон, которым командовал майор В.А.Востротин (будущий Герой Советского Союза), считался в полку обстрелянным, боевым. Его командир полка берег для дел эпохальных. Ну а мне была предоставлена возможность тренироваться вволю. К этому примешивалось еще и такое обстоятельство. Командир 108-й мотострелковой дивизии генерал Миронов был, во-первых, командир дивизии, во-вторых, генерал, в-третьих, начальник Баграмского гарнизона и, в-четвертых, региональный советник. То есть пользовался правом ставить боевые задачи всем без исключения находящимся в гарнизоне частям.

В 108-й дивизии два полка стояли на заставах, а оставшийся полк комдив берег, опять же, для возможных эпохальных дел, поэтому все текущие дела генерал Миронов возложил на командира 345-го полка подполковника Ю.В.Кузнецова, а тот, естественно, на меня.

В БАГРАМСКОЙ ДОЛИНЕ

Утомительное это было дело. Я летал по Баграмской долине, как фанера над Парижем. Большинство операций были безрезультатны. Афганцы, во-первых, прирожденные воины; во-вторых - это их горы; в-третьих, разведка у них работала; а в-четвертых, без всякой разведки, по бренчанию наших далеко не новых боевых машин и клубам пыли всегда было относительно несложно установить, куда же отправились на сей раз «шурави». Посему нас повсеместно встречали мины, изредка засады, обычно вне кишлаков. Причем засады осуществлялись, как правило, малыми силами и следующим образом. Где-нибудь, за каким-нибудь полуразваленным дувальчиком с тщательно продуманными путями отхода таились два-три гранатометчика с помощниками. Какая мимо них идет колонна - им все равно, главное, чтоб она шла. Ра-а-аз - над дувалом выросли две-три фигуры. Три-четыре секунды - залп. Присели. Помощники отточенными, выверенными движениями бросили в стволы по гранате. Два! Опять над дувалами те же фигуры, те же секунды. Второй залп. Далее гранатомет за спину и... давай Бог ноги. Какой-нибудь обиженный танковый комбат разворотит все вокруг себя - но две-три машины горят, и надо оттаскивать раненых и убитых, а птички улетели. Причем сплошь и рядом не особенно далеко, в ближайший кяриз. Они свои кяризы знают как «Отче наш», и тягаться с ними в подземно-колодезной войне - бесполезно. Набегаешься, нанервничаешься, ходишь - вне дорог, по полям, по высохшим руслам. Интуитивно то сажаешь людей под броню (чтоб уберечь от пуль), то на броню (чтоб уберечь от подрыва). Чтоб если уж рванет, то пострадал один механик-водитель - но у него доля такая. Получишь ничтожный результат - 5 - 10 единиц оружия, из ко-

торых добрая половина представляет немалый музейный интерес. С кем-то по мелочи сшибешься. Возвращаешься в родной полк, при входе в парк тебе заправят машины, догрузят израсходованные боеприпасы. Ну, думаешь, сейчас все в баню - вшей соскребать. Черта лысого! Тебя уже ждет новая задача, и максимум через два часа ты пылишь в какую-нибудь другую сторону, и все начинается сначала. Из этого мутного и утомительного периода (конец января - февраль 1982 года) заслуживают упоминания несколько эпизодов. Я разобрался и, как мне кажется, достаточно правильно: кто же и по каким мотивам против нас воевал. Таких категорий мне видится шесть. Первая - это люди, для которых пребывание на их родной земле любых оккупационных войск невыносимо. Люди гордые, свободолюбивые, независимые. Люди - патриоты. Вторая категория - люди, которые в результате калейдоскопической смены властей: Шах - Тараки - Амин - Кармаль, потеряли какую-то собственность, порой немалую, и в ходе войны надеялись ее вернуть или приобрести новую. Третья категория - религиозные фанатики. Пришествие на их землю неверных глубоко оскорбляло их религиозные чувства, они вели священную войну «джихад» и готовы были вести ее десятилетиями, до тех пор, пока тело последнего неверного не будет растерзано, разметано, развеяно по ветру. Была там такая скверная привычка - разрывать трупы в клочки. Четвертая категория - наемники. Народ по национальности самый разный, во всех отношениях бравый, профессионально подготовленный исключительно высоко, но имеющий одну общую на всех ахиллесову пяту. Мужики продавали свое умение воевать за деньги. Ну, а коль скоро это так, то они планировали каждую операцию не только со сто-, а с двухсотпроцентной гарантией безопасности. Академически правильно организовать засаду, раздолбать и разграбить какую-нибудь колонну - это пожалуйста. Но если в избиваемой колонне найдутся крутые, которые окажут жесткое сопротивление, господа наемники уйдут, бросив все, включая убитых и раненых, если такие появятся. Пропади оно все пропадом - с собой еще никто ничего не уносил: «Те же гроши возьмем в другом месте. Ишь чего удумали - стрелять!» Пятая категория была своеобразная. За жену в Афганистане положено платить и... немало. Долбится какой-нибудь бедолага всю жизнь, уже и далеко за тридцать, уже и горб почти нажил, и руки до колен от непо-

мерной и непосильной работы, а все ни кола, ни двора, ни жены. Бедолаг таких в Афганистане навалом. Их просчитывали и вели примерно следующий разговор:

- Махмуд, сколько тебе лет?

- Тридцать шесть.

-Сколько тебе надо денег, чтоб купить дом, жену?

- Сто тысяч афгани!

- Вот двести, Махмуд. Купи все, живи, как человек, но Аллах никому ничего не посылает даром. Ты должен отработать, Махмуд, точнее отвоевать. Только один год, Махмуд. Ты оглянуться не успеешь, как он пролетит. Зато потом...

Расчет беспроигрышный. Или Махмуд почувствует запах крови, войдет во вкус и его уже не остановишь, будет воевать до упора; или честно оттарабанив свой год, придет рассчитываться: «Ты хорошо воевал, Махмуд, спасибо, иди с миром».

С миром, насколько мне известно, никто дальше чем на километр не уходил.

А шестую категорию мы, к глубочайшему сожалению, рождали сами. Займут душманы какой-нибудь мирный кишлак, обстреляют советскую колонну, нанесут ей потери. Осатаневший командир, руководствуясь принципом: пусть лучше их мамы плачут - развернется и вмажет по кишлаку из всего, что у него есть. Если он инициативен и злопамятен, он наведет на кишлак четверку - восьмерку вертолетов.

После вертолетов по кишлачку прогуляется дивизион, положив 200 - 300 снарядов, потом выясняется, что на 10 убиенных в лучшем случае - один душман, остальные мирные. Человек, совершенно далекий от войны, не желающий воевать, возвращается домой и выясняет, что была у него жена - нет жены; были дети - нет детей; была мать - нету матери. И вскипает в нем кровь. И вот он уже не человек, а волк; готов резать, кромсать, убивать до бесконечности. И чем дольше длится война - тем больше таких волков. Они - волки, а мы, с каждой очередной заменой, выбрасывали на этот кровавый рынок толпу сосунков и губошлепов. С каждым годом волки матерели, а сосунки оставались сосунками. Так и воевали. И теперь еще находятся недоумки, смеющие открывать рот на тему: «А чего вы еще не победили?»

Я также уяснил себе в известной степени специфику взаимоотношений внутри Народно-демократической партии Афганистана. По крайней мере, в части, касающейся ее

военных представителей. Считавшаяся монолитной, единой, НДПА на тот период включала в себя два крыла: парчунисты и халькисты. Соответственно, производные от слов: парчун - знамя и хальк - народ. Парчунистов в партии было 30 процентов, халькистов - 70. Несмотря на явное меньшинство, парчунисты, представлявшие правое крыло партии, являлись ее основой. В это крыло входили крупные собственники, ученые, дипломаты, промышленники. Это была элита, державшая в руках все и вся. Халькисты - левое партийное крыло - являли собой образчик совершенно дикого сброда: крестьяне и рабочие, люмпены всех мастей и видов, очень левые, очень правые марксисты, марксисты-маоисты, поклонники красных кхмеров, кого там, в общем, только не было. Это было формальное большинство. Зашоренность, догматизм, непримиримость, противоречия, доходящие зачастую до вооруженных разборок, - это халькисты. Разрешить возникшее в среде братьев по НДПА партийное разногласие с помощью длинной автоматной очереди - это халькисты. Нет человека - нет проблемы, нет партийного противоречия. Как в известной песне:

Вчера мы хоронили двух марксистов,
Мы их не укрывали кумачом.
Один из них был левым уклонистом,
Другой, как оказалось, ни при чем.

В силу подавляющего интеллектуального превосходства все руководящие посты в партии, а в равной степени и в армии, все высшие должности, до командира полка включительно, занимали парчунисты. От заместителя командира полка и ниже - сплошь халькисты, или, другими словами говоря, то партийное стадо, которое ходит в стремительные атаки и кует партии славу. В силу всех перечисленных причин халькистское крыло партии всеми фибрами души ненавидело парчунистское. В армии это явление носило характер, по сути дела, прямого неподчинения. Командир полка - парчунист, был волен отдавать любые - умные, глупые, толковые, своевременные распоряжения. Это ровно ничего не значило. Все равно все будет переиначено, сделано наоборот - потому что он парчунист. Обо всем этом и о многом другом мне поведал начальник политотдела 444-го полка «коммандос» Меджид.

Рослый (примерно 185 сантиметров), медвежковатого телосложения, обладающий огромной физической силой,

Меджид заметно выделялся среди остальных. «Командос» в большинстве своем были народ мелкий, худощавый, жилистый. А те, кого Аллах сподобил высоким ростом, были так худы, что их можно было прятать за удочку. Меджид одинаково страстно ненавидел душманов, от рук которых пал его брат и кто-то еще из родственников, и собственного командира полка: за то, что учился в Лондоне, за то, что богат, за то, что не утруждает себя делами ратными. Если речь заходила о командире, Меджид начинал выражаться, как одесский грузчик, с турецким акцентом, но не менее витиевато. Он вообще здорово говорил по-русски. С ним можно было беседовать на любую тему. Последнее обстоятельство меня заинтересовало, и как-то вечером, когда после трудов праведных мы расположились на ночлег, я спросил его, где он так здорово научился говорить по-русски. Обычно жесткий, немногословный, Меджид неожиданно размяк и поведал следующую историю. Как активиста НДПА, хорошего оратора, человека, обладающего высокими волевыми качествами, организаторскими способностями, его в числе других сразу же после прихода к власти Кармаля (или, точнее, приведения Кармаля к власти. Меджид так и говорил, он на сей счет не заблуждался) отправили на полугодичные курсы замполитов при академии Ленина.

- Понимаешь, Саша (у нас с ним как-то сразу установились дружеские отношения, он звал меня Саша, а я его Миша), - день хожу на занятия, два хожу на занятия... Скукотища, ничего не понимаю. На третий день вышел в город. Посмотрел: Моо-скваа!

Короче, Меджид запустился во все тяжкие. Его строгали, воспитывали, но ничего не помогало. Притягательность московских красавиц была несравнимо выше всей партийно-политической мишуры, нотаций и менторства.

- Понимаешь, - вспоминал Меджид,- учеба подходит к концу, они мне говорят, что выпускать меня не будут, так как из шести месяцев я и двух недель не учился. Я сам себе думаю: нет, подождите. Записался на прием к начальнику академии. Прихожу и говорю: дорогой товарищ генерал, послушай, как я говорю на языке, на котором говорил великий Ленин. Генерал послушал. И... выпустили меня. Он там кого-то еще и ругал. А языку меня московские девки научили...

Какой же колоссальной памятью, живым и бойким умом, лингвистическими способностями должен обладать человек,

чтобы за неполные полгода изучить совершенно чужой ему язык, и какие же у него были учителя!

Замполит, естественно, из Меджида был никакой. Все эти педагогические воспитательные тонкости он не знал и знать не хотел. Зато он был здоровый, жестокий и в то же время, как это ни странно, обаятельный мужик. В соответствии с полученными знаниями и отталкиваясь от многолетней богатой практики, Меджид имел одну меру поощрения и одну меру взыскания. Солдат отличился. Меджид строит взвод или роту, или отделение - неважно, что под руку попадется. Выводит солдата из строя и минут десять говорит. Говорит красиво, складно, превознося до небес реальные и мнимые достоинства солдата, не забыв упомянуть его отца и мать, братьев и сестер, теток и дядьев, кишлак, в котором он родился, ущелье, в котором стоит кишлак, в котором родился этот замечательный человек. Он желает ему здоровья, счастья, много детей, много ослов и другой живности, хорошего дома, урожайного года и далее все в том же духе и все это со знаком плюс. Потом достает из кармана 2-3 стоавганевые бумажки, вручает их солдату, троекратно по-русски его целует, ставит его в пример и отпускает с миром. Пока Меджид говорит, млеет стоящий перед строем солдат, млеют стоящие в строю его товарищи по оружию. Он - от того, что свершилось, они - в надежде, что в ближайшее время каждому из них удастся свершить что-нибудь такое, что позволит начальнику политотдела сказать и в его адрес свою замечательную речь. Совсем другая картина была, когда какой-нибудь солдат имел неосторожность проштрафиться до такой степени, что становился предметом разбирательства на уровне начальника политотдела полка. Когда такой несчастный узнавал, что его вызывает Меджид, его начинала бить дрожь, но он шел. Шел, как кролик к удаву, совершенно точно зная, что сейчас последует. А следовало каждый раз одно и то же. Как только солдат подходил на расстояние вытянутой руки и застывал в почтительной стойке, следовал короткий, почти без замаха, но, тем не менее, удивительно сильный удар в челюсть. Менее трех метров никто не пролетал. После чего братья по партии и совместной борьбе уносили несчастного, долго и упорно приводили его в чувство. Придя в себя, он выплевывал выбитые зубы и на продолжительное время проникался сознанием того, что нарушать воинскую дисциплину нехорошо.

Как это ни странно, при таком, прямо скажем, небогатом арсенале воспитательных приемов Меджид пользовался колоссальным, непререкаемым авторитетом как в солдатской, так и офицерской среде. Почему? Мне думается, потому, что был лично храбр, никогда не прятался в бою за спины солдат, уверен в себе красивой мужской уверенностью. Предельно заботлив. Как бы ни складывалась обстановка, проверит, сыты ли солдаты, хорошо ли размещены, качественно ли перевязаны легкораненые. Всякого рода касательные ранения не являлись основанием для эвакуации. Проверит посты, мимоходом несколькими словами ободрит солдат, ляжет последним, встанет первым. Странным он был начальником политотдела. Я бы сказал, незамысловато-сложный. Здесь, наверно, уместно будет сказать несколько хулительных слов глупости. Дорогая она, глупость. Я вел тщательный личный учет потерь в батальоне. С чистой совестью могу сказать, что я делал все, чтобы сберечь людей. Дело прошлое: исповедовал американский принцип выжженной земли. Подавлял огневые точки огнем артиллерии, боевых машин и вертолетов, никогда не поднимал людей в дурацкие атаки. К немногим матерям горе пришло в дом по моей вине, но потери все равно были. Как ни изворачивайся, как ни хитри, как ни маневрируй, но войны без потерь не бывает. Что меня всегда, не скрою, буквально бесило и чем дальше, тем больше (а покидая Афганистан, я подвел окончательный итог), так это расклад на потери с боя и на потери сдуру. Окончательный итог был 52 процента первая категория и 48 процентов - вторая. Я проводил детальнейшие инструктажи, рассказывал и разжевывал мелочи, исходя из того, что всякая система должна обладать свойством дуракоустойчивости. Наверное, это помогало. Даже скорее всего помогало. Но на 100 процентов решить вопрос так и не удалось.

- Товарищи солдаты, - говорил я, у кого на автомате тугой переводчик огня, установить его в положение автоматический, патрон в патронник не досылать, затворную раму всегда успеете передернуть, у кого переводчик нормальный, патрон дослать в патронник, поставить автомат на предохранитель. Одно легкое движение руки и огонь! Поняли?

- Так точно.

Ровно через день лейтенант по фамилии Шумков, лезет через какой-то там дувал, автомат за спиной, стволом вниз,

патрон в патроннике, предохранитель снят. Какой-то сучок - очередь, одна из пуль попадает в ногу - лейтенант два месяца гниет в госпитале. Пулеметчик при развертывании спешивается через правый люк боевой машины, забыв отсоединить шлемофон. Сноровисто выбрался из люка, выкинув ноги, прыгнул в сторону. Разъем заело, за голову его дернуло назад, инстинктивно оступился, сунул ногу в гусеницу двигающейся со скоростью 5 - 7 километров в час боевой машины. Машина проходит еще два метра, но этого достаточно, чтобы нога ниже колена превратилась в веник. Калека.

В третьей роте были два друга - водой не разольешь: азербайджанец Набиев и кабардинец Ахмедов. Ахмедов - снайпер, Набиев -пулеметчик. В связи с практически не прекращающимися операциями, связанными с перемещением по каменистой местности, перелазаньем через многочисленные дувалы, общением с всевозможными колющими, режущими и вообще колючими предметами, форма на солдатах не держалась. Надеваешь новую - две недели такой собачьей жизни, и солдат, какой бы аккуратист он ни был, смотрится оборванец оборванцем. Штопай - не штопай - бесполезно. В таких случаях говорят: латать - не за что хватать. И вот в одной из операций брюки рядового Набиева пришли в совершенно постыдное состояние. Набиев, дабы прикрыть откровенную наготу, по-тихому подраздел какого-то афганца (душмана там или не душмана - Бог весть!) и - снова вперед. В ходе прочески горячий, страстный, резкий, в то же время в процессе стрельбы холодный, как змея, Ахмедов метров в восьмидесяти - ста от себя узрел голубовато-полотняный душманский зад. Выстрел. Пуля попала Набиеву в правое бедро навылет с очень легким касательным повреждением кости. Тогда был установлен своего рода рекорд. Я посадил вертолет через 22 минуты после ранения. Жгут, повязка, все уже было на месте. Вертолет взмыл. Батальонный доктор Гера Будько махнул рукой: «Ерунда! Через две недели плясать будет!»

По возвращении с операции через три дня Гера отправился в госпиталь разобраться, как там раненые?

Вернулся оттуда растерянный, что на него было совершенно не похоже.

- Набиев умер, - сказал он.

- Как умер, у него же сквозное в ногу и кость цела, - удивился я.

- Жировая эмболия. Пуля, тронувшая кость чуть-чуть, сорвавшая с нее всего лишь жировую оболочку, все-таки погубила Набиева. Жировые частички два дня гоняли по кровеносной системе, где-то каким-то образом сбились в тромб, тот угодил в желудочек сердца, и могучего двадцатилетнего парня не стало.

Я справлялся в других подразделениях полка и даже в других частях. По всем опросам вырисовывалась дикая картина - 50 процентов плюс-минус пять процентов потерь - это результат невнимательности, рассеянности, безалаберности, всего чего угодно, только не боевого воздействия противника. Глупость - это не отсутствие ума - это такой «ум». Так что ничто не ценится так дешево, не стоит так дорого, как она - глупость!

Из относящихся к этому периоду событий заслуживают упоминания еще два. Мирбачакот - здоровенный кишлак на склоне горы,общепризнанный оплот душманского движения в Баграмской долине. «Чесали» его до меня, «чесал» я и после меня, знаю, «чесали», но от этого ничего не изменилось. Врезался он мне в память по двум причинам. К тому времени я полностью разобрался с придаваемыми мне «командосами». Если у тебя есть дело, которое нужно надежно завалить, поручи его «командосам» и можешь не проверять. Если командиру батальона и его начальнику штаба поставить реальную задачу, да еще при этом они нанесут ее на карту, в этот район уже можно не ходить - бесполезно. Утечка информации у них была 100 процентов. И отчего это проистекало - от простоты душевной или все от той же глупости - трудно сказать. Предупреждай - не предупреждай, все равно максимум через час предстоящая задача станет достоянием всего батальона. Учитывая эту их особенность, выработалась у меня определенная тактика. На «левой» карте начальник штаба наносил какую-нибудь глупость. Эта глупость с правдоподобными подробностями в качестве боевой задачи доводилась до «командосов», а реальную задачу они получали ночью, непосредственно перед выходом. При этом я или начальник штаба улыбались, говорили что-нибудь утешительное о внезапно изменившейся обстановке, они кивали и «верили». При таком подходе была надежда, что из операции получится что-нибудь путное.

Афганцы начинали привыкать к тому, что мы их постоянно обманываем. Поэтому я решил изменить тактику и

поставил реальную задачу. Мирбачакот! Они рассеянно выслушали, рассеянно сделали какие-то пометки на картах. А в глазах читалось: «Давай! Давай! Все равно никакого Мирбачакота не будет!»

Выход был назначен на три часа ночи. В соответствии со сложившейся практикой в два часа ночи я отправил заместителя командира батальона капитана А.В.Попова поднимать афганцев и уточнять им задачу, а сам занялся родным батальоном.

Через полчаса Попов вернулся злой, как черт.

- Их там двести дураков. У каждого своя палатка. Не встают. Наряд идиотами прикидывается. Комбата, начальника штаба - как ни искал - не нашел, - раздраженно доложил он.

Это было что-то новое. Оставив Александра Васильевича завершать подготовку батальона, я отправился к афганцам сам. Мне повезло. Едва я пришел, подсвечивая себе фонариком, как натолкнулся на потягивающегося и позевывающего комбата. В палатках и около них неторопливо и сонно шевелились солдаты. Я как бы невзначай, вроде как неловко перехватил фонарь и осветил себя. С комбата слетела сонная одурь. Он мгновенно поджался и попытался меня приветствовать. Вместо ответа я вежливо отправил его в глубокий нокдаун. Откуда-то сбоку вывернулся начальник, штаба, уловил положение, в которое попал его командир, занял подобострастную позицию на безопасном расстоянии.

Азимов, прекрасный сержант, таджик по национальности, предельно хладнокровно перевел все, что я сказал. Получилось нечто очень похожее на известный эпизод из кинокомедии «Бриллиантовая рука». Смысл сказанного Азимов перевел кратко: «Через 15 минут батальон должен быть готов!» Нет, они все-таки были хорошие солдаты, когда этого хотели. Они успели, а это было непросто. У каждого индивидуальная палатка, два одеяла, молельный коврик, свой чайник и еще куча разных мелких и нужных предметов.

Мы выступили. Пока выдвигались, пока выставляли блоки, рассвело. Афганский комбат шел надутый, как я видел краем глаза, но как только я обращался к нему напрямую, старательно улыбался.

Командир полка, которому я доложил о готовности «прочески», внезапно спросил: «Ты где находишься?» Я доложил.

- Так это на правом фланге. Подожди, «проческу» не на-

чинай. Давай-ка в темпе переместись на левый фланг, по дороге (командир указал пункты) подойдет 26-й пехотный афганский полк, встретишь их, определишь им задачу, уплотнишь боевые порядки и «чесанешь», понял?

- Понял, - ответил я.

Я с управлением полез на левый фланг. Да, да. Именно полез. Это предместье Мирбачакота представляло собой что-то типа наших дачных или огородных участков. Один огород от другого отделен невысоким, метра полтора, дувалом. То, что дувалы были невысокие, обильно компенсировалось какой-то вьющейся колючкой, которой они были густо увиты. Огороды простирались на два с лишним километра. Через полтора часа хрипящие, потные, донельзя ободранные и окровавленные, мы выбрались на вожделенную дорогу.

В заранее обусловленном месте ожидал командир левофланговой роты.

- Где полк? - спросил я.

- Не было.

Я доложил командиру полка:

- В установленное место вышел, афганцев нет.

- Жди, жди, - успокоил он меня, - подойдут.

Пока суд да дело, санинструктор, примеривавшийся, как бы отремонтировать наши сплошь ободранные руки, нашел простое и гениальное решение. С помощью лучины и бинта соорудил квач и сплошь выкрасил нам руки и, частично лица йодом. Все стали полумаврами. Когда закончилась эта сопровождаемая зубовным скрежетом операция, достаточно высоко поднялось мутное солнышко, а полка все не было и не было.

На все запросы подполковник Кузнецов коротко обрывал: «Ждать!» Наконец вдалеке показалось облако пыли, из которого по приближению выплыли и остановились две ГАЗ-66-е. Из первой выпрыгнул рослый человек с типичной славянской внешностью, но в афганской военной форме:

- Здорово, мужики!

- Здорово, - сказал я, подумав: -«Советник, значит!»

Вслед за советником из той же кабины буквально выпала фигура, при виде которой я расхохотался, и было отчего. Фигура принадлежала очень пожилому, с морщинистым, похожим на печеное яблоко лицом, человечку. Рост метр с кепкой на коньках. Зато - уж где они их взяли, Бог весть - на голове у человечка красовалась известная по кинофильмам

времен Великой Отечественной войны эсэсовская каска с рожками. Эс-эс, как известно, войска были отборные, и народ туда подбирали представительный. На таких и каски смотрелись. Человечку каска была - ну просто очень велика! Он постоянно смыкал ее пальцем на затылок, но она упрямо возвращалась в исходное положение, оставляя видимыми только жесткие седые усы, большой рот и маленький, как у ребенка, подбородок.

Пока я хохотал, из другой машины выпрыгнул и подошел еще один советник. Человечек, наконец, кое-как сладил с каской и через переводчика представился: «Командир 26-го пехотного полка...» Из машин стали выпрыгивать такие же маленькие и рогатенькие солдаты. Я кончил смеяться.

- Это у вас что, боевое охранение? Тогда почему в первой машине командир полка? И сколько вас можно ждать? Когда будет полк?

Рослый советник как-то очень грустно посмотрел на меня:

- Это весь полк!

Веселье с меня как ветром сдуло.

- Как весь?

Передо мной, кое-как построенные в две шеренги, стояли 26 человек. Мне неприятно сейчас об этом вспоминать, но тогда я был очень неправ. Это были хорошие люди. Полк, в котором и так-то было около 150 человек, под влиянием проведенной пропаганды разбежался, а они, эти маленькие, рогатенькие,остались. В большинстве своем это были такие же пожилые, как и командир полка, явно нестроевые мужики, с тяжелыми не по росту, натруженными руками, но все это я разглядел позже. Тогда ж представил, как я лез через чертовы дувалы, ободрался сам, ободрал донельзя людей, убил время и ноги, чтобы проторчать здесь, как тополь на Плющихе, еще почти два часа, чтобы в конце концов дождаться этих... этих...

Пока я буйствовал, командир полка и советники скорбно поникли.

Я вышел на Кузнецова. Командир полка, против обыкновения, хладнокровно и рассудительно заявил:

- Командир полка есть?

- Есть!

- Значит, полк! Сколько есть - все твои. Если тебе от этого будет легче, назначь его на время операции командиром взвода. И вперед.

Батальон с приданным ему полком «прочесали» Мирбачакот, но это была чисто формальная «проческа». Когда ты сидишь на горушке и видишь, как против тебя в течение пяти часов выстраивается боевой порядок, ждать, когда эта пружина распрямится и даст в лоб, будет только круглый идиот. Душманы таковыми не являлись. Это - воины!

... Арганхейль... На этот раз операция была на редкость удачна: ни одного убитого, ни одного раненого, ни одного подрыва. Для меня это главный показатель. Зато было до трех десятков стволов трофеев, здоровенный узел весьма небезынтересных документов, десяток пленных, добрая половина из которых холеностью лиц и рук никак не вписывалась в надетую ими на себя личину крестьян.

Я закончил операцию и доложил о ее результатах командиру полка. Впервые услышав: «Ты, кажется, научился работать. Поздравляю!»

Оставался пустячок: преодолеть 600 - 700 метров и выйти к бронегруппе, которая была уже видна. Сначала ушла первая рота, за ней - вторая, затем - я с управлением. Прикрывала отход и отошла последней третья рота. Бронегруппа стояла тремя колоннами, несколько изогнувшись влево в соответствии с конфигурацией местности. Моя «хашаэмка» находилась за последней машиной второй роты. Я подошел к машине, оглянулся. Голова колонны третьей роты виднелась метрах в 250. Механик-водитель протянул фляжку с чаем. Не успел я поднести ее к губам, как впереди в колонне второй роты раздались сильный взрыв и крики. Фляжка полетела в сторону. Я бросился к месту взрыва. В голове молнией мелькнуло: «Броня стояла на блокировании, какой-то остолоп загнал гранату в ствол и забыл разрядить! Второй нажал на электроспуск - значит, граната попала в башню впереди стоящей машины и ...» Я примерно представил себе, что сейчас увижу. Когда я подбежал к машине командира роты, мои худшие опасения подтвердились. Справа от машины лежал труп. Голова и левая рука отдельно от тела. Что-то резануло глаз. Что? Грудная клетка, вид изнутри. Слева от машины солдаты поднимали из лужи с загустевшей грязью командира роты старшего лейтенанта Ковальчука. По правой стороне головы Ковальчука, правому плечу и боку, сквозь грязь густо проступали кровавые точки. На броне лежал, обхватив голову руками, и отчетливо, витиевато матерился старшина. Несколько в стороне сидя корчились словившие по осколку еще два солдата. Что же произошло?

У старшего лейтенанта Ковальчука за ординарца, телохранителя, повара и вообще за все на свете был рядовой Петров, здоровенный, как шкаф сибиряк, огромного трудолюбия, огромной физической силы и потрясающей молчаливости парень. Солдаты иногда дружески юродствовали в присутствии Петрова, высказывая сомнения, а может ли он говорить вообще? Но не более того. Обидеть, а тем более оскорбить этого медведя не рисковал никто. Черт их, этих медведей, знает!..

Пока вторая рота шастала по Арганхейлю, кто-то из солдат нашел и представил командиру роты трофеи - две противопехотные мины ПМН отечественного производства. Ротный был занят делом, поэтому не посмотрел, на месте ли взрыватели, и отмахнулся: «Петров, мины в рюкзак!»

Петров опустил роковые мины на дно рюкзака. По завершении операции Ковальчук, опытный, что называется, битый ротный, оценил обстановку и сделал вывод, что война окончилась. Поэтому он с легкой душой снял с себя и передал Петрову радиостанцию Р-148.

- В рюкзак!

Петров передал радиостанцию ближайшему солдату и молча ткнул себя большим пальцем за спину.

Солдат, не ведая, что творит, положил радиостанцию на мины.

Рота вышла к бронегруппе.

Ковальчук скомандовал посадку, забрался в люк башни. В левый люк начал усаживаться старшина. Петров, по свидетельству очевидцев, забрался на броню, несколько секунд постоял во весь рост о чем-то размышляя, и спрыгнул с машины. Спрыгнул неудачно. Попал в колею, пытаясь сохранить равновесие, оступился, со всего размаху ударился спиной о борт машины. ПМН - противопехотная мина нажимная. Две мины плеснули взрывом у солдата на спине. Бронежилета Петров никогда не носил, он на нем смотрелся, как передничек. Да и не помог бы здесь бронежилет. Это его труп с вычищенной дочиста изнутри грудной клеткой увидел я первым. Положенная на мины радиостанция, разнесенная взрывом в клочья, сыграла роль своего рода рубашки. 46 осколков от этой радиостанции досталось на долю Ковальчука, девять - старшины, один солдат поймал два, другой - один осколок.

Доктор с санинструкторами занимались перевязкой ра-

неных, зам.комбата с двумя солдатами бережно собирали в плащ-палатку останки Петрова. А справа и слева на броне сидели солдаты первой и третьей рот - смотрели на эту картину, слушали, как продолжает материться старшина, и печально жевали сухпайки. И никого случившееся не удивляло и не коробило, в том числе и меня. Человеку, пока он жив, - человеково... С полночи пробегали. На часах 17 часов - ясно, проголодались. Как-то сразу померкла и съежилась ценность трофейных документов, пленных, стволов.

На въезде в полк меня ждал еще один удар. Полковой оркестр в 30 душ наяривал что-то вроде «Гром победы раздавайся!» Я подскочил к дирижеру: «Заткни своих трубадуров!» Продолжая размахивать руками, дирижер ответствовал: «Не могу! Командир полка приказал вас, товарищ капитан, с оркестром встречать!»

НИДЖРАБСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

С 25 февраля по плану армии полк принимал участие в Ниджрабской операции. Если посмотреть на карту, Ниджрабское ущелье очень похоже на большое красивое развесистое дерево. От основного мощного ствола вправо и влево раскинулось несколько ветвей-ущелий, густо заставленных кишлаками. Какие стратегические цели преследовало командование - не знаю. Знаю, что мне достался один из нижних «сучков», протяженностью 19,5 километра. Длительный марш к ущелью в батальоне и в целом в полку прошел без эксцессов. Правда, у мотострелков с моста упал БТР. Так уж получилось, что был тот БТР в колонне последним, а за ним шла моя третья рота, и вытаскивать из реки БТР и пострадавших пришлось ей. Из шести находящихся в БТР двое погибли сразу. Трое были крупно покалечены, один на вид совершенно цел, но парень тронулся. Дремали, по-видимому, ребятки в «бэтээре» и так во дреме, расслабленными хлопнулись с семиметровой высоты.

Третьей роте, надо сказать, в этом отношении не везло. Командовал ею улыбчивый, добродушный на вид, но жесткий и грамотный капитан Борис Петров. В батальоне это была безусловно лучшая рота, но почему-то, а может быть, именно поэтому, самые кровавые дороги доставались именно ей.

Теория, конечно, спорная, я ее никому не навязываю. Тем не менее я давно привык делить людей, машины и подразделения на везучих и невезучих. Есть люди, которые чувствуют свою смерть. Они еще живы, они еще ходят, жуют что-то, говорят, но у них уже на челе печать. Не остановил в свое время двоих таких, о чем жалею, но потом, после них, начал внимательно всматриваться в лица. И если замечал

хорошо знакомые признаки, под любым надуманным предлогом, вплоть до прямой несправедливости, на операцию не брал. Не знаю, прав - не прав, но не брал. Если начинают долбить какую-то машину, такую желательно тоже оставить в парке, все равно добьют. Машина-то, по большому счету, черт с ней, но в ней люди. В отношении третьей роты нельзя было сказать, что она невезучая в чистом виде. Здесь были вариации. Рота всегда уверенно справлялась с поставленными задачами, но почему-то все засады, подрывы, падения с мостов, обстрелы, налеты и ликвидации их последствий выпадали на ее долю. За ротою в батальоне, а потом и в полку закрепилась соответствующая репутация. Как это ни странно, эта репутация солдат задорила. Вот и теперь, приняв доклад от Петрова о трупах-калеках, в голове мелькнуло: «Опять третья рота. Что за черт!» Но вышли, заняли исходное положение. Ущелье у основания метров 900. Кишлаки начинаются практически сразу. Дальше, согласно карте, ущелье все более суживается, суживается... и где-то на 17-м километре стоит последний нанесенный на карту одинокий дом. За ним идет примерно двухкилометровый нежилой «аппендицит», который упирается в покрытый снегом «трехтысячник».

Боевой порядок известный: две роты по горам, одна по дну. Кто выше, тот и прав. В последний момент что-то где-то щелкнуло и изменилось. Командир полка передал команду, что до середины ущелья, до того места, где оно резко сужается и раздваивается, меня будет сопровождать третий батальон, мне «чесать» дно, а далее я - по левому отрогу, а третий батальон - по правому. Перестроились.

Третий батальон полез в горы. Я прикрывал его выдвижение. Это только в кино автоматы стреляют бесконечно, все пули попадают в цель с потрясающей меткостью, герои, даже если гибнут, делают это красиво и с хрестоматийной правильностью, сопровождая свою гибель или победу соответствующими месту и моменту выкриками и восклицаниями. На деле это не так. Война - это тяжелая, грязная и кровавая работа. Именно работа! Сами боевые эпизоды, то, что, собственно, принято считать войной, достаточно скоротечны. Все остальное время ты выдвигаешься, ползешь, окапываешься, обслуживаешь и ремонтируешь технику, организуешь доставку боеприпасов и продовольствия. Это черный труд, героического здесь мало. Причем этот труд сопровож-

дается массой неожиданностей объективного и субъективного характера. Вот и теперь... Я доложил командиру полка, что третий батальон исходное положение занял, у меня полтора боекомплекта и один сухпаек.

Командир оборвал: «Ждать! Начало по общему сигналу. А за свои сухпайки не беспокойся. Я тебе их вертолетом заброшу».

Ждать и догонять, говорят, хуже всего. Но кто на что учился... Батальон замер в томительном ожидании. Наступившую тишину прервал шипящий, как змей, сержант, бешено трепавший за грудки рослого, здорового, понуро стоящего солдата:

- Я ему, а он... скотина...

Выяснилось, что хлопчик по простоте душевной сложил в рюкзак банка на банку и замкнул два запасных комплекта аккумуляторов к радиостанции.

Я был готов шипеть вслед за сержантом. Кто его знает, что там ждет впереди. Можно пройти ущелье парадным маршем, а можно драться за каждый километр. Я, конечно, горласт, но в ущелье такой ширины голосом много не накомандуешь. На связь вызвал командир полка: «Вперед!»

Тронулись и пошли классически. Афганцы впереди, за ними - мои. Как и следовало ожидать, первый километр встретил нас абсолютно мертвой тишиной и подчеркнутым покоем. Ни души. Изредка тявкнет запертая где-то собака. Афганцы идут не торопясь, спокойно и уверенно. Они, как я довольно скоро разобрался, были прекрасным своего рода барометром опасности. Если шли так, как сейчас, - иди смело. Если начинают крутить головами, приседать, припадать за камни - все: жди, максимум через пять минут накроют. Как уж у них там это получалось - не знаю, механизм выяснить не удалось: то ли шестое чувство, то ли знание местных условий. На втором километре афганцы закрутились, и не зря. Обстреляли сразу с четырех мест. Третий батальон сверху, я снизу - ответили. Стрельба прекратилась.

Несмотря на скоротечность огневого столкновения, без потерь не обошлось. Погиб мальчишка-афганец. Я его неоднократно видел и даже один раз с ним разговаривал. Было ему лет шестнадцать, не больше. В батальоне «командос» он был что-то вроде сына батальона. Наверное, именно поэтому единственный из всего батальона он был одет в каску и бронежилет. Может быть, именно это сыграло с ним злую

шутку. Паренек решил, что он - танк. И за это жестоко поплатился. Пуля через бронежилет попала прямо в сердце. Кстати о бронежилетах. Стойкое недоверие к ним у меня выработалось тогда в Афганистане и сохранилось до сих пор. Может быть, есть бронежилеты, предназначенные для сильных мира сего, которые держат любую пулю и осколок. Может быть, не знаю, не встречал. Но тот ширпотреб, который начали поставлять тогда в войска, спасал от трех вещей: от холода, от камней и от тупой пули типа ПМ, ППШ. К этому можно добавить, что мог выдержать любую пулю, находящуюся на излете, и предохранить от касательной. Таскать тяжело, толку немного, плюс формирует у людей ложное чувство защищенности и до известной степени их этим расслабляет. Хороший мой товарищ, однокашник по академии, ныне Герой Советского Союза, генерал, а тогда просто комбат-три и майор В.А.Востротин, получив в батальон новую партию жилетов, решил заняться агитационно-пропагандистской работой. Построил батальон, сказал подобающую случаю речь о заботе партии и правительства, приказал вывесить бронежилет на расстоянии 100 метров и лично его обстрелял.

- Неси, - приказал он.

Солдат принес.

Грудная и спинная пластины навылет,

- Гм - гм, а ну-ка на двести.

Отмерили, вывесили, обстреляли. Навылет. Отметили пробоины - вывесили на триста. Отделение обстреляло бронежилет сосредоточенным огнем.

Навылет...

Валерий Александрович потом долго плевался в «кулуарах».

- Когда принесли и увидел свежие пробоины, ну думаю, вляпался. Хотел достичь одного эффекта, а достиг чего-то диаметрально противоположного. Надо как-то выкручиваться, ну я им и сказал: «Орлы, какое же оружие делают наши тульские и ижевские умельцы! Ни один бронежилет в мире не держит ни на 100, ни на 200, ни на 300 метров. С таким оружием не пропадешь. Хоть бронежилеты и хреновые, зато оружие хорошее. Не носил я его никогда и носить не буду».

Тем временем как-то незаметно и ненавязчиво разгорелся нешуточный бой. Пули щелкали по дувалам, деревьям, по стенам домов. «Агээсники» подавляли огневые точки. Я вы-

двинул на огневые позиции приданный танковый взвод, развернул минометный взвод батальона. Били с окружающих склонов, били с прилепившихся к этим склонам домов. Роты третьего батальона находились выше тщательно замаскированных нор и пещер и практически как-либо серьезно воздействовать на них не могли. Исход боя решили танкисты. Два десятка прицельно посланных снарядов заставили замолчать несколько огневых точек, а за ними смолкли и все остальные. Помогла и все более усиливавшаяся метель. В считанные минуты видимость упала сначала до 100-120 метров, а потом и того меньше. В этой разыгравшейся дикой круговерти батальоны ползли в горы трое суток.

Нам на дне ущелья было хорошо, а третьему батальону в горах еще лучше. Какие, к чертовой матери, вертолеты, какие сухпайки.

В завываниях и сполохах метели где-то звучали автоматные очереди, одиночные выстрелы. Кто в кого стрелял и с каким результатом?.. Не завалился ли где-нибудь в какую расщелину раненый или убитый солдат, и если так, то заметет в считанные минуты; и навеки вечные на убиенном рабе божьем будет висеть клеймо «без вести пропавший»; и на без времени постаревших и поседевших родителей будут смотреть с недоверием и неприязнью: «Как это без вести пропал? Как это вообще можно без вести пропасть? У него что, командира взвода или роты нет - сбежал, наверное, легкой западной жизни захотелось? Идите... Идите... Мы по понедельникам не подаем».

Мороз, тяжелая выкладка, беспрестанное движение, напряжение - все это отнимало много сил и требовало компенсации. Сухпайки быстро иссякли. Были подлизаны все корочки, крошечки, огрызочки. Метель и ... вперед, вперед! Вперед, она по прогнозу скоро кончится. А как только - так сразу - будут вам и вертолеты, будут вам и сухпайки, а пока - вперед.

Навсегда осталось тягостное ощущение своего бессилия перед природой. Что хочешь делай: стучись головой о скалу, волком вой, топай ногами. Можешь в истерике забиться. А ей, природе, на тебя - пигмея - наплевать, ей угодно вот так вот завывать и систематически насмешливо швырять пригоршни колючего снега в твою обветренную физиономию с лопнувшей и раздвоенной, как у зайца, нижней губой.

В застывших в метельной круговерти кишлаках не было

никого и ничего: ни людей, ни скота, за исключением козлов - черных, лохматых, похожих на чертей, с налитыми кровью глазами. Козел, он и есть козел. В нормальном человеческом обществе он как продукт питания - ничто, на них, на козлов, так по привычке и смотрели. Несколько позже, когда все, от комбата до солдата, убедились, что ничего другого нет и, судя по делам в небесной канцелярии, в ближайшем обозримом будущем не предвидится, козлы предстали в совершенно ином свете. С них стали сноровисто снимать шкуры. Сначала тебя тошнит от того, что нестерпимо хочется есть, потом от того, что ты без хлеба и соли откусил кусок бывшего козла. Народ и тут приспособился. Пальцами одной руки, как прищепками, зажимал нос, а второй сноровисто убирал козлятину. Тут главное - не принюхиваться. Так, воюя невесть с кем, добрались почти до середины ущелья, до того места, где оно резко сужалось и раздваивалось.

Тут сразу масса позитивных событий произошла: прекратилась, наконец, чертова метель, удалось совершенно точно сосчитать людей и с великой радостью убедиться, что все живы, никто никуда не завалился, не выпал. Спустился с гор осатаневший от голода и холода третий батальон. Сел долгожданный вертолет с вожделенными сухпайками. Но сели, наконец, и аккумуляторы. Тоже нестрашно. Ширина ущелья, по которому мне предстояло лезть дальше, не превышала 250 метров, а это уже и голосом управлять можно. Не без напряжения, но можно. В общем, все хорошо. Тут еще доктор подрулил:

- Товарищ капитан, вот вертолетчики комбату посылку передали!

- Что это за добрая душа? Неужели командир полка?

- Нет, не командир!

- А кто?

- Они чего-то сказали, но я за грохотом движка не расслышал.

- Ладно, все равно спасибо! Раздели, Гера, промеж всех по-братски,- сказал я.

Гера был настоящий десантник. Он знал два действия арифметики: отнимать и делить. Он тут же отлистнул всему управлению по восхитительно оранжевому апельсину, по паре галет и куску колбасы. После козлятины это было чудо.

- О, товарищ капитан, а тут на дне, похоже, здоровенный шматок сала!

При слове «сало» солдаты разом прекратили чистить апельсины.

- Не, не, это вечером, - возразил я, - это не спеша.

Дружный горестный вздох по поводу такой жестокости. Последний солдат отшвырнул от себя корку и вытер о штаны пальцы. Жизнь снова была прекрасна и удивительна. Солдат-десантник, вооруженный сухпайком, непобедим!

Третий батальон, отзавтракав, отобедав и отужинав за три дня, понежился на солнышке полчасика и полез в свой отрог. Разделились афганцы. Их две роты и управление ушли с третьим батальоном, одна рота осталась у меня. Все в соответствии с ранее разработанным планом. Тронулись в гору и мои: первая и вторая роты.

Какой-то философ представлял жизнь в виде полос: черного, серого и белого цвета разной ширины. Пожалуй, он прав. Расслабились немного - и будет! Не успели мы продвинуться по ущелью и семьсот метров, как подорвался на фугасе танк. Достаточно удачно наехал на мину внешней стороной гусеницы: улетело два катка, метра полтора гусеницы, экипаж впал в состояние «повышенной веселости».

Подрыв послужил как бы сигналом к открытию огня. Со склонов, из домов по нам били со всей пролетарской ненавистью. Но без метели уже проще. Находящиеся на склонах подразделения обозначили себя дымами. Авианаводчик навел на цель две пары вертолетов МИ-24. Одновременно огонь вели два уцелевших танка, «Агээсники», минометчики. Один из танков Т-62 вел огонь, заняв позицию на небольшом, очень плоском поле под чисто символическим прикрытием двух или трех чахлых деревьев. До взвода афганцев сосредоточились под прикрытием танка и достаточно беспорядочно вели огонь по склонам. Особенность Т-62 состоит в том, что стреляная гильза экстрагируется наружу через небольшой лючок, находящийся сзади башни.

Танкист медленно поводил стволом, ища цель. Нашел. Выстрел. Башня выплюнула гильзу, которая угодила в лицо и грудь афганскому солдату. Двое его товарищей, поставив автоматы на предохранитель и переведя их в положение за спину, поволокли ушибленного куда-то в тыл. Остальные еще плотнее сгрудились за танком и еще энергичнее продолжили огонь. Выстрел. Очередной солдат словил гильзу, и два боевых товарища поволокли его в тыл. На моих глазах в

течение одной минуты взвод растаял на одну треть. Воистину, чудаки украшают мир.

Общими усилиями огневые точки подавили. «Веселые» танкисты более-менее пришли в себя и сноровисто занялись ремонтом танка. Высланные вперед саперы в течение десяти минут извлекли три стандартные итальянские мины и один самодельный фугас. Я заставил их еще раз проверить участок дороги и обочины. В это время высланная вперед разведка доложила, что в четырехстах метрах выше по ущелью дорога непроходима. Трудолюбивые душманы отвели с горы на нее ручей, и участок дороги метров пять-шесть был полностью размыт и не-проходим ни для какого вида техники. За размытым участком на дороге демонстративно красовались произвольно набросанные огромные глыбы весом на глаз в тонну-полторы. Некоторые даже больше. Горячий лейтенант-танкист предложил расстрелять их кумулятивными снарядами. Я остудил его пыл:

- Сколько глыб, сосчитал?

- Сосчитал: 37!

- Сколько у тебя в боеукладке кумулятивных?

- Пять.

- Значит, если со всех танков собрать, будет 15. Вы расстреляете все кумулятивные, а заодно осколочно-фугасные. Промоину вам не преодолеть. А если и преодолеете, на кой черт вы там мне без боеприпасов нужны?

Лейтенант остыл.

Я принял решение продвигаться дальше в пешем порядке. Технику оставить, рассредоточив, насколько возможно, под охраной. Командир полка решение утвердил. Перегруппировались. Без особых проблем продвинулись километра на полтора. Вошли в достаточно обширный кишлак. Как это ни странно - народу в кишлаке было, как селедок в бочке. Всякого, как положено, мужского и женского пола - всех возрастов. На входе в кишлак разведку встретила демонстративно открыто стоявшая группа «аксакалов». Они объяснили, что кишлак мирный, ни с кем не воюет. Люди сильно напуганы близкой стрельбой. Шурави готовы пропустить (эта фраза в исполнении Азимова мне особенно понравилась). Поскольку в кишлаке было очень много детей и женщин, то желательно было, как бы это помягче сказать, чтобы шурави просто прошли через кишлак.

Через переводчика я довел до аксакалов, что так не быва-

ет. Женщины и дети - это не по моей части. У меня к ним вопросов нет. А вот мужиков - всех в кучу. Разберемся, что за нечистая сила стреляет.

Довольно быстро собралось человек 70. Из них человек 50 -молодых, крепких, здоровых. Смотрели ни весело, ни печально. Вели себя непринужденно. Напряжения не чувствовалось. Откуда-то вывернулись командир и замполит приданной мне афганской роты. Доложили, что у них есть приказ всех жителей мужского пола соответствующего возраста после профилактической работы призывать в ряды Народной армии. Попросили дать им возможность поработать.

- Работайте! Всем перекур, - распорядился я.

Слово не воробей - вылетит - не поймаешь. Ротный, замполит и присоединившийся к ним хатовец (представитель органов госбезопасности) отработали вопрос лихо, на моих глазах, за время, пока у меня горела сигарета. Смысл их работы состоял в том, что они построили публику в две шеренги, прежде всего выгнали из строя всех пожилых и изможденных. Остались все те же 50 с чем-то человек. Замполит обратился к ним с вопросом:

- Душманы есть?

Строй отрицательно затряс головами и загудел: «Не, где, мол, нам, дуракам, чай пить!»

- Кто желает служить в Народной армии, два шага вперед - шагом марш!

Строй, ни секунды не колеблясь, стремительно единодушно сделал два шага. Карманом за ручку не зацепился ни один! Взгляд у всех просветленный, готовность полнейшая, «энтузиазм» абсолютный!

Ротный, замполит и хатовец расцвели улыбками. На их лицах читалось: «Вот это работа! Вот это класс! Есть о чем доложить!» Новообращенных правительственных солдат повернули направо, придали им пятерых сопровождающих, и они с воодушевлением потопали вниз по ущелью. Больше я их никогда и нигде не видел и ничего о них не слышал. Общая же практика подобного рода призыва была такова. Если «молодое» пополнение все-таки вливалось в ту или иную часть, переодевалось в соответствующую форму и получало оружие, то войско это было предельно ненадежным. Наиболее глупые, таковых было немного, бежали, захватив с со-

бой оружие в первые же дни, когда бдительность отцов-командиров и хатовцев была высока. Таких, как правило, отлавливали. Поступали с ними по-разному, в зависимости от обстановки. Основная масса благоразумно выдерживала двухнедельную паузу, становилась «своими» и ловила конъюнктуру, тоже сообразуясь с обстановкой. Кормят, одетые, обутые, при оружии. Сегодня-завтра не воюем - почему бы не послужить? Если бой - основная масса отлынивала от него под всеми мыслимыми и немыслимыми предлогами. Определенная часть стремилась уйти, но не просто так, а прихватив с собой голову какого-нибудь прямого начальника типа командира роты, еще лучше голову и погоны советника - шурави. В любой банде - почет и уважение: парень не промах.

Советники, работающие непосредственно в войсках, эту милую особенность части своей паствы знали и благоразумно старались ночевать вместе с земляками, чтобы не получилось, как в анекдоте: по коридору психбольницы бежит псих весь в крови, в руках окровавленный нож и заливается счастливым смехом. Отловили, нож отобрали: «В чем дело?»

- Вот смеху-то будет: Ванька утром проснется, а голова - в тумбочке.

Избавившись от неожиданной обузы, батальон возобновил движение вверх по ущелью и к вечеру благополучно достиг его верховьев. Я с управлением расположился в предпоследнем доме. В самом последнем сосредоточилась третья рота без взвода. Последний дом - выше него ни одного строения в ущелье не было.

Первая, вторая роты мучились на склонах. От последнего дома вверх по резко суживающемуся ущелью уходила узкая извилистая тропа. Не успели мы до конца осознать и прочувствовать тот приятный факт, что вот - лезли и долезли наконец («Если звезды зажигают, - как сказал поэт, - значит, это кому-то надо»). Если батальон посылают в ущелье с задачей добраться до самого его конца - значит, это точно кому-то надо. Мы добрались. Надо - не надо, понятно - не понятно, но добрались - приятно.

Так вот, не успели мы до конца сей приятный факт прочувствовать, как окончательно стемнело. И почти одновременно со стороны тропы по нашим домам прогулялись несколькими длинными очередями. Третья рота мгновенно ответила. Треску много, а толку никакого. Братья-душманы лупят наугад в темноте, наши наугад отвечают. Осветили

местность. Но афганцы не те ребята, которых можно взять на такую дешевку. Склоны, тропа - все пусто, никого, ни души. Все успокоилось и затихло, но ненадолго. Стукнула короткая очередь. Вслед за ней высокий голос с характерным акцентом пролаял несколько матерных ругательств. К нему присоединились несколько других голосов тональностью пониже.

Понять что-либо конкретное в этом хоре было затруднительно, но общий смысл был ясен: нам от всей мусульманской души желали всего самого-самого: провалиться, сгинуть, загнуться и т.д. И не только нам, но и всем нашим ближайшим родственникам. Все понятно: беднягам холодно сидеть в верховьях, и они развлекались и согревались, как могли. Заодно развлекали и нас. Изредка стучали очереди, перемежающиеся матерщиной и угрозами. Третья рота лениво отвечала. Патроны я приказал экономить и отмахиваться изредка, когда уж совсем назойливо будут себя вести. Вся эта канитель продолжалась до рассвета. С рассветом матерщинники благоразумно убрались. Где-то около 7.30 командир третьей роты доложил, что вниз по тропе движутся четыре старика. Кричат, чтобы не стреляли. Да я и сам уже эти вопли услышал. Я приказал доставить дедов ко мне. Аксакалы коротко и горестно поведали о том, что в верховьях ущелья находится большое количество женщин, детей, стариков. Забрались они туда от великого испуга, все замерзли, многие больны. Просьба: разрешить им спуститься вниз и пройти к своим домам. Душманов в этой толпе нету. Я хмыкнул: «Уважаемые отцы, а кто же мне всю ночь мозги сушил?» Деды дружно пожали плечами. Они шли сюда почти час, может быть, конечно, кто-нибудь там и есть, но они за них не в ответе, а наверху нет никого. Только женщины, дети, пожилые люди.

- Значит так, уважаемые. Сюда вы шли почти час, назад я вам даю полтора. Еще полтора на то, чтобы спуститься толпе. Вы выходите последние. И когда вы мне доложите, что за вами никого нет, я найду возможность «прочесать» это пустое ущелье. Вопросы?

Деды затребовали на всю эту операцию никак не менее шести часов. Я напомнил им, что все устали и замерзли. Расчет времени гуманный. На моих часах без пяти восемь - я их жду назад в одиннадцать. Мне непонятно, почему они тратят впустую драгоценное время.

Деды откланялись н резво удалилнсь. Я отдал необходнмые распоряжения, наступило томнтельное ожндание. Но длилось оно недолго, около часа. В девять с минутамн на связь вызвал командир полка:

- Сидишь, ждешь?

- Сижу, жду.

- Ну вот что, бросай все, собирай батальон. Задача: как можно быстрее спуститься к технике, развернуть колонну н в полном составе прибыть в распоряжение начальника штаба армин. Штаб армин развернут...- Командир полка указал координаты.- Афганцев оставншь на развилке. Передашь им приказ поступить в распоряженне комбата-3. Выполняй!

- Товарнщ подполковннк, да я же вам докладывал. Ультнматум. Время!

- Плевать я хотел на твой ультиматум. Бросай все и сыпь к машинам!

И мы посыпали. Представляю себе физнономии аксакалов, когда они явилнсь к установленному времени и нашли окурки, банкн от сухпайков, гильзы и - никого. «Перегрелнсь, видать, шуравн», -решили, надо думать, деды.

За два с небольшнм часа батальон добрался до машин. Колонна стояла построенная, готовая к движению. Предельно резво и удачно, без единого подрыва спустилнсь к началу ущелья. Долгий н гнусный путь вверх при движении обратно показался до обидного коротким.

Командир полка, пожалуй, зря н координаты указывал. Штаб армии был как на картинке. Масса штабных фургонов, развернутые окрест днвизионы, батареи, связисты, разведчики... Я выбрал более нли менее свободную площадку, втянул на нее батальон, распорядился, чем заниматься, и убыл докладывать. «В бабочке», которую мне указали, начальника штаба армии не оказалось, н вообще никого не было, за исключением оперативного дежурного. Позевывая, полковннк осведомился: «Комбат-один триста сорок пятого?

Я подтвердил:

- Комбат-один.

- «Начальник штаба приказал тебе технику обслужнвать, людей накормить, отдых организовать. Перышки - почистнть. Ждать! Задача будет поставлена позже!

- Позже? Что значит позже? Чего я тогда впереди собственного визга летел!..

- Капитан! Что ты пылишь? Сказано отдыхать - иди и отдыхай. Бороду сбрей. Был бы начальник штаба, он бы тебя уже отчистил по первое число. Иди, капитан, отдыхай и жди.

Полковник с удовольствием до хруста в костях потянулся и со вкусом зевнул. Я вышел. Команда-то в общем приятная - отдыхать, правда, и ждать, но первое - отдыхать. Но все равно меня душила какая-то горькая злоба. Вспомнил, как постыдно и поспешно я ссыпался вниз по ущелью, и разозлился еще больше. Тут еще родной батальон под прикрытием армейской мощи расслабился. Беспробудным, тяжелым сном спали все без исключения, в том числе и часовые.

Я поднял начальника штаба батальона и предельно жестко и резко высказал ему все, что я думаю по поводу службы войск в батальоне. Начальник штаба толкнул ротных, те - взводных. Минут через 30 батальон снова спал, только теперь уже за исключением часовых.

ПОД МАХМУДРАКАМИ

Маленько отоспались, обслужили технику, привели в порядок оружие, соскоблили щетину. Некоторые нахалы начали дерзко вслух мечтать о бане. Наступил вечер. Никто меня не вызывал. Я справедливо рассудил, что, поскольку стою на видном месте, вызвать меня проблемы нет, а раз не зовут - значит, не нужен, и произвел в батальоне отбой.

Прошла ночь. Утром часов в 9 меня вызвали к начальнику штаба армии. Его на месте почему-то опять не оказалось, зато меня встретил полковник, представившийся заместителем начальника оперативного отдела армии, и сказал, что ему поручено поставить мне задачу. Заключалась она в том, чтоб батальон, действуя в качестве передового отряда армии во взаимодействии с отрядом обеспечения движения, должен был обеспечить отход из ущелья армейских частей:

- Когда выйдете вот на этот участок, - полковник сделал две отметки на карте, между которыми на глаз было километра четыре, - отряд обеспечения движения встретит и прикроет, - он назвал подразделение, - вы же займете оборону вдоль дороги и обеспечите отход колонны главных сил плюс ориентировочно 600 афганских колесных машин. Отойдете последними.

- Кто будет отходить последним, - уточнил я, - и по каким признакам я их узнаю?

- Что за глупый вопрос? Конечно, техническое замыкание и подразделение прикрытия, наше или афганское.

Как я понимаю, полковнику на сей вопрос внятно ответить было нечего, поэтому он счел возможным разозлиться.

- У вас в ВДВ что, все такие умные?.. Что ты мне такие идиотские вопросы задаешь? Хрен его знает, кто тут последний отойдет!.. Сориентируешься по обстановке.

Но тут я уперся:

- Я машины на дороге считать не буду. На то вы и штаб, чтобы спланировать, кто отойдет последним - афганцы, наши. Дать мне время. А то при таком подходе на этих четырех километрах можно рогами упираться до второго пришествия!

Полковник снизу вверх (а он был примерно на полголовы ниже) свирепо уставился на меня. Мы скрестили взгляды. Я подумал: «Цезарь, ты сердишься, значит, ты не прав». Я придал лицу нагло-спокойно-уверенное выражение. Не добившись перевеса в дуэли взглядов, полковник сменил тон:

- Может, ты, капитан, и задачу выполнять не будешь?

Это прозвучало внешне смиренно, но за этим смирением таилась угроза.

- Нет, почему, - ответил я, - буду. Но я дождусь начальника штаба армии, доложу ему, что постановкой задачи не удовлетворен, и попрошу уточнить некоторые моменты.

Я даже сам почувствовал, какой наглостью и самоуверенностью веяло от моей фигуры. Полковник сломался. Деловито взглянул на часы и произнес: «Прибудешь сюда же через полчаса».

Через полчаса я получил частоты, позывные и даже порядок следования подразделения в хвосте как нашей, так и афганской колонны. Как ни старались позже мои связисты на указанных частотах с позывными выйти на связь, им это не удалось. Но «прихоть» мою полковник удовлетворил.

- Теперь все понятно?

- Все!

- Ну, счастливо! Движение начать через час.

В течение часа, пока батальон готовился к маршу, мы с начальником штаба уяснили задачу, довели ее до командиров рот. Энтузиазма, честно говоря, задача не вызвала. Есть там, под Баграмом, километрах в семи, населенный пункт под названием Махмудраки. Жили там исключительно крутые мужики, которые с фанатичным упорством, всеми доступными средствами долбили любые дерзнувшие проехать по священной земле любимого их кишлака колонны: не важно, был ли это танковый батальон или афганская пехотная рота на автомобилях.

Долбили, прямо скажем, не без искусства. Творчества и инициативы у них было хоть отбавляй. Так вот, отмеренные мне четыре километра и перекрывали полностью эти

самые Махмудракн. Компання обещала быть нескучной, общество радушным и гостепрнимным.

Мы встретилнсь, познакомились, оговорилн вопросы взанмодействня с подполковником-сапером, командиром отряда обеспечения движения, совместными усилиями построили колонну. Подполковнику, как выяснилось позже, был 41 год. Но смотрелся он на все шестьдесят. Что тому причиной - не знаю, но выглядел он форменным дедом н даже некоторая оторопь брала, как такой пожилой человек в армню попал?

Подполковннк определил познцню:

- Ты, капитан, десантник?

- Десантннк!

- Вот у вас там все резкне да резвые, а кто понял жизнь - тот не спешнт. Понял, капнтан?..

- Понял!

- Ну, давай, докладывай, будем трогаться.

- Я доложил, н мы поползли. Именно поползли. Саперы во главе с подполковннком действовали нетороплнво, плавно, размеренно. Это было нечто напоминающее замедленную киносъемку. Я начал злиться: «Такимн темпамн мы до маковкина заговения до Махмудрак добираться будем!» Но злился я недолго. Уже на третьем километре подполковннк доказал, что был прав, откопав на повороте дорогн «итальянку». Когда вышли к серпантину, дело пошло еще бойчее. На подступах к нему, на самом серпантине, было снято еще шесть мин.

Оставил автограф на афганской земле механик-водитель первой роты рядовой Идрнсов. Машины еле ползли по серпантину. Такой темп движения действует убаюкивающе. Идрисов вздремнул, машнну вовремя не довернул, а когда проснулся, было поздно. Перепад высот между петлямн серпантнна был метров 70, крутизна склона 60 градусов. По всем законам физики н тактико-техннческим характеристикам машина должна была перевернуться, скатиться по этому склону (не исключено, что и еще ниже), явив собой в конечной точке падення коллективный гроб для Идрисова и еще трех находящихся в машине человек. Что делал Идрнсов, и делал ли он вообще что-нибудь, неизвестно. Позже он ннчего так н не смог вспомнить. Но БМД выписала на склоне какую-то весьма замысловатую ижнцу, обрушив на дорогу град кам-

ней, и удивительно мягко, под острым углом, соскользнула на нижнюю петлю серпантина. Проехала еще метров пять - семь и остановилась. Когда я подоспел к месту происшествия, Идрисов стоял у машины, глядя безумными глазами на оставленный им след. Потом как-то медленно и вяло опустился на колени и рухнул ничком на камни, разбив лицо. Остальные трое в машине, по их словам, даже испугаться не успели. Идрисова привели в чувство, перебинтовали разбитый лоб. Я торжественно объявил его лучшим механиком-водителем воздушно-десантных войск. И колонна продолжила путь. Я в чудеса не верю, но смею настаивать: то, что Идрисов удержал машину на склоне - чудо! То, что под обрушенный им камнепад не попал ни один человек, и ни одна машина - чудо! В рассуждениях о чудесах и превратностях судьбы прошло минут десять. На грешную землю всех вернул мощный взрыв сзади нас. На дороге, по которой прошло уже более 10 машин, при всей плавной тщательности работы саперов, следовавший 13-м или 14-м «Урал» отыскал правым задним колесом мину и теперь стоял некрасиво, противоестественно, вздыбив левое переднее колесо. Рядом на собственных ногах (что положительно) стоял и неостановимо часто икал (что отрицательно) бледный водитель. Импровизированная комиссия в составе старика подполковника, меня и еще трех офицеров-саперов поставила «Уралу» смертельный диагноз: восстановлению не подлежит. Машину разгрузили, водитель и пришедшие ему на помощь братья по совместной борьбе с бездорожьем резво открутили с двигателя все, что можно открутить, слили солярку, а машину столкнули в пропасть. Она тяжело и косо покатилась, дробясь на мириады бывших своих составляющих. Двигаться нам было не скучно!

Пока мы преодолевали всяческие объективные и субъективные трудности, погода как-то незаметно испортилась, и пошел сначала мелкий, а потом все усиливающийся дождь. Казавшаяся прямой родней бетону дорога прямо на глазах начала стремительно раскисать. Жидкая грязь покрыла сначала подошвы сапог, потом носки, а через два часа все ходили в ней уже по щиколотку. Машины, люди - все представляли из себя комья сплошной грязи. Побольше ком - машина, поменьше - человек. Конец февраля, март, отчасти начало апреля - самое гнусное время в Афганистане. Грунт, который обычно поддается усилиям человека предельно неохот-

но (отрыть и оборудовать окоп для стрельбы лежа - проблема), чудовищно раскисает. Грунтовые дороги перестают быть доступными для любого вида колесного транспорта, даже танки и БМП зачастую пасуют перед так называемой дорогой. Сапоги вызывают тоску и уныние. Надел их с утра пораньше, ступил за порог - сразу по щиколотку. Прошел тридцать метров, уже и сапог не видно, и не понятно, во что ты обут. Помоешь их - они раскиснут. К раскисшим сапогам грязь пристает еще более прочно, и так бесконечно. Счастливцы, умудрившиеся каким-то путем обзавестись резиновыми сапогами, вызывают поголовную зависть и частично раздражение. Кому-то может показаться смешным, что предметом зависти могут быть самые примитивные резиновые литые сапоги. Чтоб это понять, надо полазить по той грязи, когда к вечеру начинаешь испытывать чувство сродни исступлению. Грязь застит белый свет, грязь везде: жидкая, липкая - и начинает казаться, что так уже будет всегда. Именно в такую грязевую кашу и попали мы, спустившись с серпантина.

С началом дождя минно-розыскные собаки категорически прекратили всякую деятельность и мокрые, с поджатыми хвостами, виновато поглядывали на людей. Саперы еще больше замедлились. Так мы продвинулись еще километра на полтора. Дождь уже стоял сплошной стеной, дорога утратила свои очертания, местами, на участках до 150 метров, сплошь покрылась водой. Тут уже в сердцах сплюнул даже упорный подполковник. Решили становиться на ночь. Все были мокры до трусов: ни те согреться, ни те обсушиться. Палатки даже и ставить не стали - бесполезно. Выставили караулы, оседлав близлежащие высотки. Людям было приказано размещаться на отдых по машинам. Холодно, грязно, мокро, сыро, отвратно. Ну что тут еще скажешь!..

Оживление внес взвод материального обеспечения батальона. Руководимые властной рукой старшего прапорщика Костенко, поварята в рекордно короткие сроки вскипятили чай, а пока оголодавший батальонный народ грыз сухари, запивая их обжигающим напитком, сварили и отвалили всем по двойной порции восхитительно - вкусной гречневой каши с мясом. Я лично такой каши ни до того, ни после того не едал. Все наелись, согрелись. И погода вроде стала казаться не такой гнусной, и дождь не таким сильным, и грязь вроде перестали замечать. Немного же человеку для счастья надо!

Ночь прошла спокойно. На острове Мумбу-Юмбу по ночам, по воскресеньям и в скверную погоду не воюют.

К утру дождь ослаб, стал нудно-моросящим. Но дело он свое уже сделал. Колонна еле ползла. Два километра в час - не более. Я мрачно размышлял о том, сколько же мне придется сидеть в Махмудраках, пока из Ниджрабского ущелья выйдут все войска. Особое раздражение вызывали афганцы. Техника у них была «классная», сплошь колесная, преимущественно ГАЗ-53. Я смотрел, с какой натугой двигались мои дизельные «Уралы, пытался представить на их месте афганские машины, но представлялось одно: только на буксире за тяжелой гусеничной техникой. На подступах к Махмудракам нас как-то лениво и нехотя обстреляли, мы ответили. Обстрел внес некоторое оживление, но против ожидания по Махмудракам мы прошли без особенных проблем.

Насквозь промокший, покрытый громадными лужами, частично разрушенный кишлак казался вымершим.

- Ну, капитан, мы с тобой тут, наверно, вместе торчать будем.

- По такой погоде и при такой дороге - черта лысого встретят, -подполковник сплюнул.

Но нет, ничего, обошлось. В установленном месте уже ждала усиленная мотострелковая рота на БМП. Я передал под ее опеку отряд обеспечения движения, мы тепло и дружески попрощались с подполковником и его саперами. Мы им пожелали счастливого пути, они нам «счастливо оставаться».

Вот ведь странно: во все время совместных действий у нас отношения с подполковником были сухие, корректные, деловые, а тут при расставании вдруг выяснилось, что у нас с ним сильнейшая взаимная приязнь. Его, похоже, даже слеза прошибла, а может, и нет - под дождем не видно. Тысячу раз был прав Владимир Семенович Высоцкий, когда писал:

«Если он не скулил - не ныл, Если хмур был и зол, но шел...»

Я приступил к освоению отведенного мне участка дороги. Должен сказать, что 4 километра дороги на батальон, в котором чуть больше 200 человек, - это много. Когда разобрались с зонами, участками ответственности, секторами обстрела боевых машин, «агээсников», минометчиков, пулеметчиков, гранатометчиков, стало ясно, что не только на три, но и на две смены людей не везде хватало. Урезали,

объединили. Меньше двух смен иметь было нельзя, сколько стоять - неизвестно... Утрясли... Выставили посты, я доложил о занятии участка и о готовности пропуска колонн.

Последовал лаконичный приказ: «Ждать». К вечеру подул ветер, разогнал тучи, дождь прекратился. За какой-то час погода стремительно изменилась. Кругом стало пронзительно ясно, значительно похолодало. День был 8 марта. Офицеры шутили, что жены нас помнят, любят, добра желают, их коллективная просьба в небесной канцелярии услышана - отсюда и погода.

Мне не давала покоя репутация Махмудраков. Было непонятно, почему нам так легко дали войти в кишлак. Батальон, растянутый вдоль дороги - одна машина на 120 - 150 метров, прижатый к дувалам и обочинам (проезжая часть должна быть свободна), представлял собой лакомый объект для нападения. За все время, пока я рекогносцировал местность, нарезал зоны, участки, сектора, нигде не мелькнуло ни живой души. Эта подчеркнуто демонстративная опустошенность и омертвелость будили смутное чувство тревоги. Я ее в себе задавил, зубоскалил, отдавал десятки ненужных, но создающих необходимый психологический настрой указаний и распоряжений и всячески старался подчеркнуть обыденность, незатейливость полученной задачи: постоим, пропустим, отойдем. Но это мало помогало. Тревога читалась на лицах офицеров, солдат. Шутки повисали в воздухе - неприятно, когда ты, на твой взгляд, удачно пошутил, а в ответ не привычный хохот и улыбки, а мрачные, напряженные лица, тревожные глаза. Наступила ночь. Я проверял караулы сам, посылал начальника штаба, периодически заслушивал доклады командиров рот - все было спокойно.Час спокойно, два... три... Ночь, тишина, мореные солдаты, еще более мореные офицеры. Ночь успокаивает, убаюкивает, рассеивает тревогу. Веки сжимаются, возникает опасное ощущение - все хорошо, и все будет хорошо. Можно на пять минут забыться сторожким и чутким сном - все же хорошо. Душманы из Махмудраков поступили просто и мудро: с вечера спокойно выспались, пока мы бдили, а под утро, с рассветом, когда казалось, что уже все прошло, подкрались так, как это умеют делать только они: гордые, горные воины - неслышно, как кошка по ковру.

Подкрались, сосредоточились и практически одновременно дали залп по колонне не менее чем из десяти гра-

натометов, сопроводив его густым ружейно-пулеметным огнем.

Еще несколько секунд назад стояла почти абсолютная тишина; готовилась проснуться природа; на многих постах поникли каски, и как ты по этим каскам ни стучи, и что ни говори - бесполезно. Смотрят на тебя из-под каски глаза смертельно усталого мальчишки, и ругаться уже не хочется, а ругаться надо. Пожалей мальчишку и выкажи ему свое сочувствие, и он в знак благодарности и признательности уснет прямо у твоих ног. И, может, уже не проснется, а вместе с ним не проснутся никогда взвод, рота, батальон. Мат - основа управления общевойсковым боем. Не нами сказано - и никуда от этого не деться.

Залп взорвал тишину. Ухнули в ответ пушки, застучали пулеметы, автоматы. По всем четырем километрам творилась дикая вакханалия. Длилась она минут пять, но эти пять минут - дорогого стоят. Я руководил боем, а самого неотступно грызло: «Прошляпили, все-таки прошляпили!»

Коротко стукнула где-то и оборвалась последняя автоматная очередь.

- Командирам рот доложить обстановку и потери, - распорядился я.

Первая: обстановка нормальная, потерь нет.

Вторая: прямым попаданием гранаты убит спавший в «бэтээре» наводчик станкового гранатомета, ранен, контужен механик-водитель. Как ранен - медицина разбирается.

Третья: Норма, потерь нет.

Я ожидал самого худшего. Я готовился услышать доклад не менее чем о десятке убитых и двух десятках раненых, поэтому я не поверил:

- Проверить и еще раз доложить.

Через несколько минут первая и третья роты подтвердили доклады, вторая уточнила: в момент попадания гранаты механик-водитель выбрался из кормового люка на силовое отделение, поэтому схлопотал несколько осколков в ноги сзади. Ничего страшного - до свадьбы заживет. Повезло парню.

Мною владело какое-то странное чувство. С одной стороны, было жаль наводчика. Я его хорошо знал. Рослый, видный, по-хорошему нагловатый, он носил АГС - 17, как игрушку, в бою вел себя раскованно и свободно, был смел, обладал природной военной косточкой, талантливо скрывая

расчетливость и хладнокровие за напускной удалью и презрительно наплевательским отношением к душманам. И вот такой прирожденный Воин пал во сне, не обнажив, что называется, меча. С другой стороны, настроившись на куда более существенные потери, я испытал огромное облегчение. С третьей стороны, как это ни странно, где-то там внутри пульсировала какая-то радостная жилка: «Не зря! Не зря!» Чего «не зря» - черт его знает.

Все эти мысли пронеслись у меня в голове, пока я в течение трех минут блаженно расслаблялся, уткнувшись лбом в прибор наблюдения. «Все, хватит», - я выбрался из люка по пояс, прихватив с собой автомат. Холодный рассвет еще только поднимался, окутывая землю клочковатым туманом.

Спереди, слева, сзади - все спокойно, никаких движений. Справа... «Кашаэмка» стояла, прижавшись правым бортом к невысокому, но удивительно мощному дувалу.

Над дувалом возвышалась верхняя часть машины - сантиметров 40 - 50, не более. За дувалом метров на сто расстилалось поле, которое заканчивалось строениями непонятного назначения. И вот на этом поле, на фоне строений, я увидел силуэт человека. Правее его, метрах в 8 - 10, еще два силуэта, стоявших практически рядом.

Первая мысль была: какой идиот послал туда солдат? Дувально-кяризная война диктовала свои правила. Действовать на удалении зрительной связи, возможности прикрытия огнем. Если одиночный солдат в дувальных лабиринтах терялся и удалялся от родного отделения на 100 метров и более, в 9 случаях из 10 он становился покойником. Наверное, из-за свежепережитых острых ощущений на меня накатила волна злобы. В крайне невыгодном статичном положении, с малыми потерями отбить утреннюю атаку, а теперь потерять людей по чьей-то дури... Идиоты!

- Вы! - я захлебнулся от злобы, резко повернув люк вправо.

Одиноко стоящий силуэт сноровисто проделал ряд характерных движений, после которых по антенне, по емкости хлестнула автоматная очередь.

Двое других присоединились к нему.

С расстояния 90 - 100 метров они били по мне из трех автоматов из положения стоя. Когда чуть позже я анализировал ситуацию, я пришел к выводу, что наделал массу глупостей. Во-первых, нечего было орать не разобравшись, во-

вторых, не делать резких движений, в-третьих, немедленно после начала обстрела надлежало нырнуть в люк, в-четвертых, если уж остался, начинать надлежало с двоих. Их легко можно было положить одной очередью. Это если действовать, как говорится, по уму. Но во мне буйствовала какая-то холодная и одновременно истеричная и детски-смешная злоба. Я не нырнул в люк: «Кто первый начал? Этот!» Автомат взлетел к плечу. Длинная очередь трассирующих пуль смела, смяла, швырнула наземь одинокую, продолжающую стрелять фигуру. Две другие упали. Мозг четко и холодно зафиксировал по бугоркам, по какому-то бурьяну, где они упали. Я мстительно разрядил по этому месту остаток магазина. Сноровисто присоединил новый, и еще 30 пуль унеслись в поле. Ко мне присоединились механик-водитель и двое связистов. Они не видели, что произошло, но били наугад, ориентируясь по направлению посылаемых мною трасс.

- Прекратить огонь, - сказал я.

Все смолкло. Я приказал одному из связистов, механику-водителю, наблюдать за строениями, спрыгнул на землю и закурил:

- Давай, Володя, разбирайся, что они тут наковыряли.

Быстро повзрослевший в условиях Афганистана, выпускник училища образца 1981 года, начальник связи батальона лейтенант Галабурдов сноровисто принялся за дело. Осмотрел антенну, брезент, люки, бросил короткий взгляд на емкость, в сердцах швырнул ее наземь и спрыгнул с машины сам. 100-литровая емкость, штатное место которой на броне правее командирского люка, представляла собой решето. Удивительно густо была изгрызана пулями. Латать - что называется - не за что хватать.

- В антенне насчитал одиннадцать отметин, - доложил лейтенант. - В брезенте тоже штуки три, дома посчитаем. А это, - Володя в сердцах пнул дефицитную емкость ногой, - сейчас досчитаю.

Пока Володя исследовал емкость, я стоял, курил и блаженно-расслабленно размышлял о том, какой я идиот, что торчал в люке под огнем, как замечательно хорошо, что в емкости давно высохла последняя капля бензина. Прикидывал: любому из нас, грешных, независимо от габаритов и физической силы достаточно одной пули, а вокруг меня их летали десятки. И какое это все-таки чудо, что ни одна из них не нашла меня. Я был фаталистом всегда, но фаталис-

том, что называется, неосознанным. Но тогда, на рассвете 9 марта 1982 года, фатализм перешел в какое-то иное качество, стал своего рода религией. Сущность ее сформулирована коротко и емко (если мне не изменяет память, Ярославом Гашеком): «Кому суждено быть повешенным, тот не утонет».

- Плюнь, Володя! Хватит считать, загрузи ее на место, если не залатаешь, будет, что сдать. Или на память об Афганистане с собой заберешь по дембелю.

Володя, по-видимому, представив, как он будет выглядеть с подобного рода сувениром, засмеялся. Засмеялся механик-водитель, засмеялись связисты. Очередная страница жизни перевернулась. И все! - проехали... А фатализм - остался!.. Мне вдруг нестерпимо захотелось разобраться: как это получилось, что, несмотря на внезапный массированный обстрел, батальон в этой рассветной катавасии потерял только одного человека.

- Заводи! - приказал я.

Мы поехали вперед вдоль колонны, останавливаясь и вникая во все подробности обстрела. Чем больше я вникал, тем больше пропитывался под настроение фатализмом. Из выпущенных душманами более чем двух десятков гранат в цель попала только одна, унеся жизнь наводчика. Остальные легли правее, левее, выше, ниже. Две или три срикошетили от машин. На многих БМд виднелись свежие пулевые отметины. Старушка смерть встала над колонной, готовая собрать обильную жатву, но... не получилось. Почему не получилось? Везение, удача, случай, выучка или все вместе взятое - да черт его знает! Главное - не получилось. Будем жить! Дальше началась проза жизни. Двое суток почти беспрерывной лентой мимо нас текли отходящие из ущелья войска. По раскисшей, чудовищно разбитой дороге танки, самоходки БМП - тащили на буксирах колесную технику всех видов и мастей: свою же, афганскую. Все было залеплено грязью, ревущие на пределе возможности двигатели, рычащие и исступленно матерящиеся водители и командиры - все это рывками, импульсивно, но двигалось, двигалось, двигалось... Так врезались в память эти двое суток: грязь, мат, исступление. Батальон держал дорогу чутко и жестко, реагируя на малейшие попытки возобновить обстрел. Что там у душманов случилось - не знаю, но больше они нас серьезно не

тревожили. Несколько раз по мелочи постреляли - получили сдачи, и все успокоилось.

Я расположил командный пункт батальона в хвосте колонны, связисты тщетно шарили в эфире на указанных частотах и позывных, пытаясь обнаружить техническое замыкание.

К вечеру второго дня на командный пункт вышла довольно стройная колонна, состоящая из нескольких танков, танковых тягачей, на крюках - три машины; прикрывала колонну мотострелковая рота на пяти БМП. Колонна остановилась, из головного тягача тяжело спрыгнул на землю серо-зелено-щетинисто-грязный полковник, представился - и.о. начальника бронетанковой службы армии, и как-то очень просто и буднично сказал: «За мной никого. Меня пропустишь и отходи, капитан». Информация замечательная, но по молодости лет и десантной наглости я попытался что-то сказать о частотах, позывных и вообще, какого черта никто не выходил на связь!

Находящийся на грани человеческих возможностей, смертельно уставший полковник, по-моему, меня даже не понял:

- Счастливо, капитан!

Колонна тронулась, я выждал еще полчаса и дал команду на отход. Отошли без приключений. Ниджрабская операция кончилась.

ГАРНИЗОННЫЕ БУДНИ

В связи со стойко державшейся непогодой наступило относительное затишье. В течение недели батальон приводил и привел себя в порядок. Все наконец-то соскребли с себя вшей, отоспались, отъелись, обслужили технику, вооружение. Зная пагубность влияния безделья на солдатские души, я утвердил у командира полка план боевой подготовки батальона и приступил к его реализации. Чтобы подзадорить, создать интерес, план предусматривал множество всевозможных боевых состязаний. Соревновались все без исключения специалисты батальона. Наградой победителю (или победителям) были вымпел с приложением к нему нескольких банок тушенки, сгущенки, кулька конфет. Мелочь, как говорится, но приятная.

Все зашевелились, родился азарт. Тушенку, в принципе, можно было съесть и просто так, но это - не то. Совсем другое дело, когда лучший наводчик, оператор батальона ест призовую тушенку. И вкусовые ощущения другие, и моральные! Причем боевая подготовка - это не чемпионат мира - проиграл в этом году - жди следующего. Проигравшие экипажи, расчеты, понукаемые собственным командирским самолюбием, вносили коррективы в свои действия, устраняли недостаток слаженности, учили материальную часть и зачастую через день-два отыгрывались ко всеобщему ликованию подразделения. Победители старались не сдать позиций, занятия превратились в увлекательный спорт, все шло весело и даже хорошо.

Но все хорошо не бывает. Где-то в конце марта одно за другим произошли два события, которые могли бы, при известном стечении обстоятельств, круто изменить мою судьбу. В один из дней в наряд по охране городка заступила бое-

вая, заслуженная, увешанная всевозможными лаврами и съевшая больше всех призовой тушенки третья рота вверенного мне батальона. Кто там кого менял и почему - не помню, но рота приступила к выполнению боевой задачи. Один из постов, где расположилось отделение, возглавляемое лучшим сержантом батальона, непосредственно примыкал к расположению батальона материального обеспечения 108-й мотострелковой дивизии. А в батальоне - развернутый хлебозавод, которым руководил прапорщик-искусник - пек совершенно восхитительный хлеб. Этот хлеб шел «на ура» у всех, от солдата, что называется, до маршала. Какие там торты, пирожные и прочие прелести кулинарного искусства. Вот хлеб из ОБМО - это да! Лучший в мире сержант решил оказать хлебопекам честь, отведав их бесподобной продукции. В этих целях снарядил к ним двух, как выяснилось несколько позже, совершенно бездарных дипломатов.

Прояви «дипломаты» обходительность, галантность и вежливость, может быть, они и вернулись бы с хлебом, но их сгубил десантный шовинизм. Они прибыли на хлебозавод с весьма внушительных размеров мешком, обложили отборными словами весь коллектив этого достойного заведения и не терпящим возражения тоном потребовали в кратчайшие сроки наполнить мешок горячим хлебом. Хлебопеки свой труд уважали, постоянно общаясь с таким хлебом, фигуры имели могучие, характеры крутые. Не говоря худого слова, «дипломатам» навешали фонарей, расквасили носы, слегка проредили зубы и на пинках вынесли с подконтрольной территории.

Послы явились пред светлые очи пославшего их начальника в самом жалком и непотребном виде. Такого унижения своих подчиненных сержант не потерпел и сыграл «боевую тревогу». БМд с основной позиции, с которой хлебозавод не просматривался и, соответственно, не простреливался, переместилась на запасную позицию. Расчет занял штатные места, хлюпая расквашенными носами, развернулась пехота. Все эти действия сопровождались громогласными и недвусмысленными угрозами. Хлебопеки, имея гордость и достоинство, приняли вызов, с их стороны занял боевую позицию КамАЗ, в кузове которого была закреплена ЗУ-23-2. Расчет по-боевому, кто в чем был, попрыгал в кузов КамАЗа, «Зушка» хищно поводила стволами.

Как я позже ни старался вспомнить, что меня побудило

пойти проверить именно этот пост, я так и не вспомнил, но что-то побудило. Я пришел на пост именно в тот момент, когда дуэлянты пребывали в некоторой нерешительности. А...Б... В... Г... Д... и многие другие буквы и их всевозможные сочетания были уже сказаны. Не хватало одного слабонервного задохлика, который бы выстрелил: не важно куда - пусть даже в воздух. И полудетский фарс мог обернуться трагедией. Думаю, и мне бы сейчас не о чем было писать.

Запомнился наводчик «Зушки»: в белом фартуке, с полотенцем за поясом и в каске. Без штанов, так сказать, но при галстуке. Кто бы победил в этой дуэли - трудно сказать, машины располагались на совершенно открытой местности метрах в 120 друг от друга, но есть общий принцип: последним смеется тот, кто стреляет первым. Дуэль, к счастью, не состоялась.

Я ревел, как раненный в корневую часть медведь. Обе противоборствующие стороны постыдно бежали, но, к чести их, не бросая личного оружия. Боевая техника немедленно была переведена в боевую готовность «постоянная». Лучший в мире сержант стал лучшим в мире рядовым. Отделение от выполнения боевой задачи было отстранено.

Позже, в конце мая, восстановленный в пораженных правах сержант, увольняясь в запас, честно признался, что мое появление было для него как манна небесная. Мужики загнали сами себя в угол: все было сказано и сделано, оставалось только открыть огонь, но достойного выхода из создавшегося дурацкого положения не просматривалось. Не станешь же, в самом деле, кричать: «Хлебопеки, мы сдаемся!» или там «Нам слабо, разряжай!» Не станешь! Гордыня десантная не позволит. А тут вдруг откуда ни возьмись - разъяренный комбат, суть превосходный, достойнейший повод выйти с честью из создавшегося весьма щекотливого положения.

Сержант закончил так: «Бежал от вас, товарищ капитан, с таким легким сердцем, так мне было радостно, что вас сюда занесло! Если б вы даже чемпионом мира по бегу были, все равно вам меня тогда б не догнать. Вы уж извините, не поминайте лихом!»

Извинил. Сержант, несмотря на некоторые издержки, был замечательный.

Вторая неувязочка образовалась через два дня после вышеописанного случая. В шесть часов десять минут при пос-

троении на физическую зарядку все люди налицо, а в 8.15, при разводе на занятия, в первой роте нет одного солдата.

Солдат прослужил год, гагауз по национальности, характеризуется положительно. Тем больше было оснований для беспокойства. Доложил командиру полка. Юрий Викторович мгновенно распорядился: «Все бросить и искать!» Развернули поиск по полной схеме. 9 - нет, 10 - нет, в 11 часов - нет. В 11.30 командир полка распорядился расширить зону поиска, для чего привлечь второй батальон капитана Серикова.

Второй батальон несколько месяцев просидел в Бамиане и явился оттуда, сменившись, два дня назад. Из-за непогоды две последние недели продукты батальону не доставлялись. Батальон нес службу, грызя сухари НЗ в весьма ограниченных количествах. Благодаря этому обстоятельству все, от комбата до солдата, пришли в такое состояние, что по ним очень удобно было изучать строение человеческого скелета.

Подстегнутые заставшей их врасплох командой, «дистрофики» начали было развертываться, но тут поиски кончились, а обстановка, как выяснилось чуть позже, накалилась. Около штаба полка остановился уазик, из которого с победоносным видом вышел заместитель командира полка по тылу подполковник Слава Жуков и элегантно, двумя пальцами, за шиворот извлек из машины потерявшегося солдата. Солдат стоял понурый и несчастный. Жуков распорядился: «Поискам отбой! Все в кабинет командира полка».

Отдав указания о свертывании поисков, я с начальником штаба батальона майором В.И.Ливенским пошел в кабинет командира полка. Владимир Ильич Ливенский вошел в Афганистан в июне 1979 года и, таким образом, добивал третий год своего пребывания в этой замечательной стране. Это был один из самых уважаемых офицеров полка. Он обладал массой всевозможных достоинств, но его служебный рост сдерживался прямым, резким и жестким характером. Лизать Владимир Ильич не умел, а это в те времена далеко не всем нравилось.

Кабинет был невелик - примерно три на три. Посредине Т-образный стол, у стенок несколько стульев, карта-портрет-сейф. Все как обычно.

Подполковник Жуков сидел за приставным столиком, солдат с убитым видом стоял у порога. Самого командира не

было. Не успели мы с Ливенским, что называется, и рот раскрыть, как сзади прогремело: «Смирно!» - и в кабинет буквально ворвался командир полка.

Юрий Викторович был предельно возбужден, хотя, на мой взгляд, это его нормальное состояние. Начал он предельно круто:

- Вы! Начальники! Докомандовались! Солдаты, как зайцы, разбегаются!..

- Товарищ подполковник, давайте разберемся сначала. Солдат... -начал было я.

- Что? Разберемся? Не-е-е-т, господа начальники. Теперь я сам разберусь. А вы пошли отсюда на ...

На это простецкое предложение мы с Владимиром Ильичом отреагировали по-разному. В считанные секунды Ливенский стал смертельно бледен. Мне же, наоборот, кровь ударила в голову. Я задохнулся: «Куда-а-а?»

- Что, заложило? Я сказал - на ... - взревел Кузнецов.

Вскочивший Жуков нервно пощипывал ус. Солдат в углу съежился и, похоже, перестал дышать.

Кабинет был невелик: через порог один шаг. Поэтому я первым делом вышвырнул из него Ливенского, пальцы которого что-то судорожно искали на поясе. И остановился за порогом, держа в правой руке ручку распахнутой двери. Глядя в упор на командира, еще раз переспросил: «Куда?..»

- На ... - был ответ.

Со всей отпущенной мне природой силой, удвоенной яростью, я захлопнул дверь. Перегородки в штабе были фанерные, слегка зашпаклеванные и выкрашенные водоэмульсионкой. Удар вызвал массу шумных последствий. Как-то странно перекосилась сама дверь, из многочисленных щелей вылетела шпаклевка, рухнула и разбилась доска документаций дежурного по полку. Слетела со своей подставки жестяно-стеклянная керосиновая лампа и глухо звякнула о пол. В осколках стекла расплылась керосиновая лужица. Остолбенели дежурный и его помощник. Я стоял и ждал, что командир сейчас вылетит на этот шум, и тема получит развитие...

Командир, по-видимому, в воспитательных целях, из-за двери не появился. Мы для него не существовали. Прихватив за рукав онемевшего от ярости начальника штаба, я ушел к себе. Как выяснилось позже - дело не стоило выеденного яйца, но при известной талантливости из всякой мухи мож-

но изготовить препорядочного слона. Еще ночью у солдата заболел живот. Явление в Афганистане широко распространенное. Животы болели у отличников боевой и политической подготовки и злостных нарушителей воинской дисциплины, у пьяниц и трезвенников, у коммунистов и беспартийных - то есть у всех. Я лично не знаю ни одного человека в Афганистане, который хотя бы раз не испытал на себе всю прелесть животоболения. Набегавшись за ночь и по дисциплинированности своей с трудом отмаявшись на физзарядке, солдат подался в полковой медицинский пункт. Там он попался нормальному военному доктору. Тот в ответ на его жалобу выдал ему цветистую фразу, смысл которой можно перевести на русский язык примерно следующим образом: «Сынок, читай распорядок дня и неукоснительно им руководствуйся, служи по уставу, завоюешь честь и славу; ступай и не кашляй; в установленное распорядком время не забудь книгу записи больных».

Покоробленный такой черствостью жреца Гиппократа, солдат припомнил, что в двух с половиной километрах от полка есть госпиталь. Дорога туда исключительно вдоль наших частей, мимо нашего родного заборчика, а уж там-то жрецы как жрецы! Живот продолжал болеть с нарастающей силой. Солдат решился и, перемежая свой путь перебежками и многочисленными приседаниями, направил свои стопы в госпиталь. Когда он туда добрался, другой, не менее военный доктор, убил в нем веру и надежду одновременно: «После обеда по распорядку и с дежурным врачом!» Приговор был окончательным и обжалованию не подлежал.

Оценив свои силы и поняв, что добраться назад здоровья ему уже не хватит, солдат принял единственно верное решение: скоротать где-нибудь время до обеда, дождаться прибытия дежурного врача и при его участии получить, наконец, медицинскую помощь. Во исполнение принятого решения он отыскал на хоздворе госпиталя туалет типа сортир, окопался вблизи него и принялся циркулировать. Приспичит - он в скворечник, поотпустит - он на солнышко. Поисковая группа в госпитале была. Она добросовестно опросила дежурного врача (правда, это уже был другой врач - сухарь и педант сменился), медсестер, больных и раненых. Порядка для - прогулялась по территории госпиталя. Все, естественно, бесполезно - никто ничего не видел и не слышал, визуально же объект поисков нигде не просматривался. На хоз-

двор никто не заглянул. Зам по тылу полка, проводя на территории госпиталя какие-то свои исследования, угодил на хоздвор в тот момент, когда солдат стремглав летел (в который уже раз) с облюбованного им лужка в ставший ему почти родным скворечник. Терпеливо дождавшись страдальца, скомандовал: «Стой, фамилия?»

Солдат, не без некоторых трудностей приняв строевую стойку, представился. Дальше, что называется, дело техники. Вот из-за этой дерьмовой в прямом и переносном смысле слова истории я и начальник штаба сподобились быть посланными командиром полка очень далеко. Оно, конечно, демократия в армии в том и состоит, что, когда тебя посылают на ... то ты поворачиваешься и идешь, куда хочешь. Но на все нужна привычка, а привычка - это приобретенный инстинкт. Не правда ли?

Со мной, за время моей офицерской службы, такой казус произошел первый раз, с Ливенским, как выяснилось, тоже. Попытка разрешить проблему с помощью двери с последствиями успеха не имела. С непривычки было тяжело, и теперь мы сидели в моей комнате-кабинете, угрюмо глядя друг на друга.

К первому способность рассуждать хладнокровно и здраво вернулась ко мне:

- Ильич, нас с тобой послали?
- Послали, - мрачно подтвердил НШ.
- Далеко?
- Далеко!
- Мы и так на нем, только ножки свесили! Так?
- Так! Только к чему все это?
- А к тому! Дневальный!
- Я!
- Зампотеха ко мне.
- Есть!

Минуты через три явился зампотех.

Я коротко объяснил ему ситуацию: «Нас послали, мы сидим и ждем, когда командир полка вернет нас обратно и поставит в строй! Посему, Вячеслав Васильевич, с сего момента и до возвращения нас в строй, буде таковое последует, вы командуете батальоном! Вопросы?»

Вопросы у зампотеха имелись. Они просто не могли у него не быть. Зампотех - человек во всех отношениях хороший и порядочный. У него золотые руки и голова, он окон-

чил с отличием академию бронетанковых войск, но он обладал одной особенностью, которая сводила на нет все его достоинства: он начисто был лишен дара управлять людьми. Если дать ему в подчинение одного нахального солдата и прийти через 15 минут, можно свободно застать такую картину: задница майора торчит из силового отделения боевой машины, руки у него по локоть в масле, майор вдохновенно трудится, а солдат, покуривая и поплевывая, сидит на башне и лениво-снисходительно подает советы, на которые, впрочем, майор не реагирует. Посему, при таком характере, перспектива командовать батальоном хотя бы час Вячеславу Васильевичу не улыбалась. Я ждал вопросов. Зампотех, будучи человеком тактичным и хорошо воспитанным, оценил выражение наших физиономий. Спрашивать ничего не стал. Четко сказал: «Есть!» - и попросил разрешения идти.

Почему выбор пал на зампотеха при таком его характере? Да просто потому, что на тот период ни первого заместителя, ни замполита в батальоне не было. Осталось нас на батальон три начальника -сто процентов - 66,6 были посланы куда не следует и, естественно и логично, что управление войсками возлагалось на уцелевшие 33,4 процента.

Так незаметно наступил вечер, нас никто не тревожил. Прошла ночь, наступило утро. Солдаты протопали на физзарядку, умылись, позавтракали. В этот день развод был полковым. Под окном раздалось: «Равняйсь! Смирно! Равнение налево!»...

Старательное печатание строевого шага, короткий корректный стук в дверь. На пороге возник Вячеслав Васильевич:

- Товарищ капитан, батальон для следования на развод построен. Все люди налицо! Зампотех батальона майор...

Удрученный свалившимся на него командованием, прекрасно отдающий себе отчет в том, что если он выведет батальон на полковой развод, то однозначно окажется без вины виноватым, Вячеслав Васильевич решил сделать вид, что ничего не произошло. По-человечески его понять можно и даже ему посочувствовать, но делать было нечего. Он являл собою незапятнанные пока еще 33,4 процента. Я занял предельно официальную позицию:

- Вячеслав Васильевич, я поручил вам командовать батальоном и даже объяснил причины этого. Идите, товарищ майор, и командуйте.

Зампотех потоптался несколько секунд на месте, глубоко вздохнул, махнул рукой и вышел.

С улицы донесся его тенор: «Отставить равнение! В походную колонну».

Под окнами, в направлении плаца протопал родной батальон. Мы с Ливенским обменялись взглядами, и с удовлетворением я у него, а он у меня прочитали взаимно: «Зашли далеко, отступать некуда и не отступим!» Говорить было не о чем.

Владимир Ильич нашел неожиданный выход:

- Командир, давай в креста.

В углу моей комнатенки стоял неизвестно кем, когда и откуда принесенный небольшой столик на высоких ножках, покрытый толстым отшлифованным стеклом. Внимательный замполит майор Голубев в заботе о моем досуге достаточно давно положил в стоящий под койкой ящик комплект всевозможных настольных игр.

Досуга практически не было, на комплекте, что называется, не сидела муха, и вот совершенно неожиданно домино пригодилось. Поставили столик, сели друг против друга и старательно, демонстрируя азарт, принялись играть. Что там и как докладывал командиру полка Вячеслав Васильевич, покрыто мраком тайны: ни я, ни Ливенский его никогда об этом не спрашивали, а сам он никогда об этом не говорил. Но минут через 15 он ввалился в комнату без стука, взмокший и запыхавшийся:

- Товарищ капитан, вас вызывает командир полка!

- Доложите командиру полка,что я и начальник штаба находимся в непрерывном движении в том направлении, куда он нас послал, одновременно в ожидании, когда назад в строй поставит. Идите, товарищ майор!

- Товарищ капитан, Александр Иванович...

- Идите, товарищ майор!

Мы возобновили игру.

Минуты через три дверь без стука отворилась, на пороге возник начальник политотдела полка подполковник Кудинов. 345-й полк был полком отдельным, по этой причине ему полагался не обычный замполит, а начальник политотдела. Небольшой, щуплый внешне, но умный, властный, лично храбрый человек, Сергей Михайлович пользовался в полку высоким авторитетом. Мы встали. Сергей Михайлович внимательно осмотрел нас снизу вверх умными глазами, широко, хотя и несколько принужденно, улыбнулся и заговорил:

- Ребята, или я чего-то не понял, или вы какой-то непонятный бунт затеяли? Командир полка вызывает - не идете. Зампотех ваш там какую-то чушь несет. Я позволю себе напомнить, что обстановка, что бы там в газетах ни писали, - боевая. Ничем хорошим такая позиция не кончится. Вы что, ничего не боитесь, что ли?

Мы, не сговариваясь, широко и радостно улыбнулись в ответ:

- Какой бунт, товарищ подполковник, причем здесь боевая обстановка. Командир полка вчера прилюдно нас обоих, офицеров Советской Армии, послал... э-э-э... как бы это помягче выразиться?.. Как послал - так и вернуть должен. Сидим вот, смиренно ждем, когда нас в строй поставят. А вообще, готовы выполнить любую задачу партии и правительства - никаких проблем.

- Вы оба прекрасно знаете, что командир горяч, но отходчив. Если бы вы сегодня стояли в строю, он бы вам слова не сказал, уверяю вас! Стоит ли из-за пустяка так обострять взаимоотношения?

- Это не такой пустяк, как вам кажется, - возразил я, - поэтому отношения обострять стоит.

- Вы что ж, полагаете, что командир полка придет сюда приносить вам свои извинения?

- По крайней мере, на это надеемся!

- Ну смотрите, я вас предупредил.

Сергей Михайлович еще несколько секунд пошевелил усами, поулыбался и удалился.

Мы опять взялись за креста. Домино, на мой взгляд, игра, по интеллектуальности стоящая на втором месте после перетягивания каната, и предаваться ей можно только от великого безделья, и то при соответствующем душевном расположении. В нашем случае домино было совершенно неуместно, оно дико диссонировало с нашим настроением. Мы оба его страстно ненавидели, но, выбрав эту форму изображения безмятежности, мы были обречены дотягивать ее до какого-то конца. И мы снова смешали кости. Но доиграть не удалось. Под окном мелькнула тень. Дверь стремительно распахнулась, и на пороге в образе разъяренного бизона возник Юрий Викторович Кузнецов. Гнев и бешенство душили его, слова и словосочетания, которые он выкрикивал, были чем-то сродни коротким автоматным очередям:

- Вы!.. В военное время! Открытое демонстративное неповиновение... Под суд военного трибунала...

Я поднял столик и обрушил его на пол под ноги командиру полка. Стекляшки, ножки и доминушки брызнули в разные стороны. То ли ножкой, то ли крышкой командиру подходяще досталось по надкостнице правой ноги. Юрий Викторович сам по себе человек неплохой, я в этом неоднократно убеждался, но его холерический взрывной темперамент сплошь и рядом оказывал ему медвежьи услуги. Он мог взорваться на ровном месте. Он мог в запале сказать речь из 10 слов - 9 были матерными. Потом остывал, отходил, по некоторым признакам сожалел о содеянном, но поезд, как говорится, уже ушел. Репутация матерщинника, грубияна сложилась и закрепилась за Кузнецовым быстро. Эта репутация ему во многом мешала и осложняла жизнь, но поделать с собой он ничего не мог. Все в полку эту особенность командирского характера знали и старались выдержать напор, не забывая о чувстве собственного достоинства. Это было очень важно, ибо если человек гнулся безоговорочно и безропотно, такого Юрий Викторович, постоянно распаляя себя, мог топтать бесконечно долго. Всякое сопротивление, как это ни странно, действовало на него успокаивающе - сдерживающе. Вот и теперь, потирая ушибленную ногу, встретив неожиданное и предельно жесткое сопротивление, командир полка мгновенно сменил тон:

- Саня... Ильич! Мужики, вы что?.. Ну, погорячился, так нервы же!.. Знаете же, что я псих, что же вы так-то!

Такой ход, в ответ на столик, мгновенно сделал счет: 1:1. Мы с Ильичом почувствовали себя виноватыми.

- Эх, вы! Пошли!

Прихватив кепи, мы потопали вслед за прихрамывающим командиром полка.

- На трибуну! - приказал Кузнецов.

Вслед за командиром мы взобрались на трибуну. Кузнецов скомандовал: «Полк, смирно!» Полк замер.

- Я тут сгоряча комбата первого с начальником штаба послал... Так я беру свои слова обратно. Товарищ капитан, товарищ майор, становитесь в строй, командуйте батальоном!

- Есть, товарищ подполковник!

Мы пошли к себе на правый фланг, сопровождаемые добрыми улыбками стоящих в строю офицеров. Самой широкой облегченной улыбкой встретил нас много потерпевший за правду Вячеслав Васильевич.

АПРЕЛЬСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Жизнь и служба пошли дальше. В начале апреля командир полка вызвал своего заместителя подполковника П.С.Грачева, командира третьего батальона майора В.А.Востротина, меня и определил задачу: «Духи совсем обнаглели, скоро на голову сядут. Пора меры принимать. Но если мы опять машинами тарахтеть будем - ничего не получится. Поэтому попробуем по-другому их пощупать, по-тихому - пешочком. Операцию, - командир указал на карте район в трех километрах от пункта постоянной дислокации полка, - проведет третий батальон. Общее руководство операцией, Павел Сергеевич, на тебе. Ты , - палец командира нацелился мне в грудь, - подготовишь усиленную роту на броне, лично ее возглавишь, если у них что не так - обеспечишь отход. Операцию провести рано утром. Время на подготовку - сутки. Решение доложить через три часа».

Проработали, согласовали, доложили. Получили благословение. Востротинцы тщательно экипировались. Поотделенно и повзводно попрыгали зайчиком, чтоб не брякнуло нигде ничего, не звякнуло. Через сутки, в 4 часа утра третий батальон практически бесшумно ушел в район предполагаемой операции. В парке полка в колонне застыла третья парашютно-десантная рота с приданным ей минометным взводом, взводом АГС-17 и самоходно-артиллерийским взводом. Во главе всей этой организации - я. Говорят, что ждать и догонять - это хуже всего. Правильно говорят. Но ожидание тоже имеет свои оттенки. Ожидать на остановке автобус (в каком-нибудь мирном городе), чертыхаясь про себя и куря, - это одно ожидание. И совсем другое ожидание, когда ты сидишь во главе бронированного кулака, томишься неизвестностью и не знаешь, опустишь ли ты этот кулак на чью-

нибудь голову и если опустишь, то насколько удачно. Чья воля окажется крепче. Не расплещет ли твой кулак по пути к месту действия своевременно и умно поставленные мины, не прогуляется ли по жидкой бортовой броне БТРов и БМД очередь крупнокалиберного пулемета.

Время тянулось мучительно медленно, разыгравшаяся фантазия подбрасывала все новые и новые варианты возможных действий и меры противодействия. Стояла чуткая предутренняя тишина, рассвет разгорался медленно и багрово. Становилось все светлее и светлее, тишина убаюкивала, и я уже было решил, что ничего не будет: погуляет Валерий Александрович и вернется.

Тишина взорвалась достаточно неожиданно. Ударили сразу десятки автоматов и пулеметов. Несколько раз ухнул гранатомет. В автоматную трескотню вплелось характерное буханье пулемета ДШК. Бой разгорался и ширился. Я вышел на связь с командиром полка, заикнулся было о том, что, похоже, пора! Командир огрызнулся: «Не суй нос, куда собака... До команды сидеть!»

Чем руководствовался командир, не знаю, но мне было ясно: «Пора!» Я знал по опыту и кожей чувствовал, что «Вперед!» последует вот-вот.

- Заводи, - приказал я.

Машины взревели, окутались дымом и практически сразу в шлемофоне зазвучало: «Облава», я «Утес», «Облава», вперед!»

Колонна пролетела три километра на одном дыхании, врезалась в лабиринт кишлаков, довольно удачно крутнулась в нем и выскочила на берег неширокого, метров 7-9, прямого, как стрела, канала с бетонированным руслом. Операторы вступили в бой первыми. Несколько раз ухнули орудия, густо застучали пулеметы. Агээсники открыли огонь прямо с брони своих бэтээров. Но это, честно говоря, было для очистки совести и порядка для!.. Бой уже практически прекратился. Афганские душманы - воины высокой пробы. Кроме всех других положительных качеств, им был присущ прагматизм. Зачем тягаться с броней, которая может размазать тебя по дувалу со всем твоим искусством? Услышав рев большого количества двигателей, они, ни секунды не мешкая, свернулись и отошли.

Две пары МИ-26 прошлись над головою, выпустили куда-то несколько НУРов, один вертолет уложил бомбу. Имею

сильное подозрение, что это все тоже было для очистки совести.

Вертолеты ушли, опять наступила относительная тишина, но смысл в ней был уже другой.

Под дувалом сидели и мрачно курили Грачев и Вostротин. Метрах в десяти от них, широко раскинув руки, лежал солдат. Вместо правого глаза зияла черная дыра. Два солдата, пригнувшись, под руки волокли за БТР старшего лейтенанта Астахина. С каждым шагом голова Астахина противоестественно, широко моталась из стороны в сторону. Он был мертв.

Минут через пять солдаты вынесли тяжелораненого старшего лейтенанта Попова. Каски на Попове не было, прямо посредине коротко остриженной головы сантиметров на десять пролегала вскрывшая череп рана. Из раны торчали осколки кости, солома, еще какой-то мусор. Крови на ране почти не было, зато она какими-то импульсами текла изо рта.

Чуть позже принесли еще одного убитого, несколько раненых. Картина была типовая: как ни осторожно, аккуратно и грамотно 3-й батальон выходил в указанный район, его отследили и приняли соответствующие меры. Когда с мерами разведки батальон начал переправляться через канал, по нему ударили внезапно, сразу и с нескольких направлений. Выучка батальона Востротина всегда была предметом моей зависти.

Только ею, выучкой, можно было объяснить то обстоятельство, что в тяжелейшей ситуации батальон отделался тремя убитыми и семью ранеными. Смерть Астахина дала всем повод лишний раз порассуждать о судьбе.

Астахин свое в Афганистане отслужил честно и добросовестно. Награжден был орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». Ему прибыла замена, он уже сдал должность, но подвернулась операция и взыграло ретивое:

- Мужики, я с вами на последнюю операцию схожу и домой, в Союз.

Востротин, узнав его решение, приказал: «Пусть не мается дурью и готовится к отъезду». Но Астахин так долго, страстно и аргументированно убеждал его, упирая на то, что он офицер и дал слово, что Востротин сдался:

- Черт с тобой, иди!

В момент, когда завязалась перестрелка, Астахин стоял

на берегу канала, возле какого-то старинного гидротехнического сооружения. Старинного потому, что весь бетон конструкции был вымыт и выветрен, остался только примитивно кованный, толщиной в руку, арматурный скелет. Пуля попала Астахину в правое плечо перпендикулярно телу. Больно, неприятно, но не смертельно. Находись он хотя бы метром дальше, так бы оно, наверное, и было. Но он стоял там, где стоял. Пуля сбила его с ног, он упал, ударившись левым виском об арматуру, тело соскользнуло в воду, и выловили его метрах в двухстах от того места, где он упал.

Смерть наступила от удара в висок. Ко всему, он еще и утонул. Двойной покойник с ранением в плечо. Со второй смертью можно было попробовать повоевать, но уж больно очевидна была первая. Сходил напоследок!..

Шурик Попов был у меня курсантом. Именно Шурик. Небольшого роста, всегда аккуратный, чистый, улыбчивый, великолепного сложения, прекрасный гимнаст и гиревик. Имя Шурик шло к нему, как ни к кому другому. Прибыл он по замене недели за 2-3 до операции. Она стала для него первой и последней, потому что через три дня старший лейтенант Александр Попов скончался в госпитале, не приходя в сознание. Это тихое утро поставило последние точки в жизни двух старших лейтенантов. Одного, безукоризненно провоевавшего 2,5 года и только однажды за это время легко раненного; и второго, который вообще повоевать не успел. Во всяком боевом эпизоде, как, впрочем, и во всякой войне, всегда бывает первый и последний убитый. Ничего тут не поделаешь - судьба.

Убитым все равно: часом позже, часом раньше угодить в морг, а вот раненых, а их было семеро, следовало срочно отправлять. И тут обозначила себя проблема, которую я в пылу завершения боя сразу не заметил. Колонна проскочила по колее вдоль канала и теперь стояла, лишенная маневра и оттого отчасти беспомощная. Слева, в считанных сантиметрах, мощные дувалы, справа - канал. В таких условиях развернуть машину на месте не сумеет самый искусный механик-водитель. Пятиться задним ходом полтора километра, которые мы успели проскочить вдоль канала, глупо, да и времени займет много. Вперед по карте канал простирался еще километра на три и терялся в гуще кишлаков, и, насколько хватало глаз, вдоль колеи тянулись дувалы. Где-то и както надо было разворачивать колонну. Прихватив с собой двух

автоматчиков и сапера, я пошел вперед вдоль канала в надежде найти слабенький дувал и поле за ним. Замысел был прост: ломаем или рвем дувал (это как получится), втягиваем колонну на поле и через тот же пролом выводим, только в обратном направлении. Метров через 250 удача блеснула зубами в ослепительной улыбке. Невысокий, метр двадцать - метр тридцать, дохленький дувальчик, а за ним большое, метров в сто в длину и до 70 метров в ширину, ровное поле. До этого поля и после этого поля дувалы мощные, высокие - с ними бы пришлось серьезно повозиться. Обрадовался я, обрадовался сапер, набежавшие его подчиненные даже рвать ничего не стали. Нашли здоровенную трещину, заправили ломы, качнули... расшатали, отвалили и сбросили в канал огромный кусок дувала, потом еще один. В считанные минуты проход на поле был готов. Командир роты протянул колонну, и первый БТР, рыча, вполз на поле. Но обрадовался я, как тут же выяснилось, рано. Кто-то умный, расчетливый, предусмотрительный походил, посмотрел и оценил здесь все до меня. Если разворачивать колонну, то только в этом месте. БТР рыкнул, переключая передачу, дернулся вперед, и грохнул взрыв. Я стоял от него метрах в десяти, на что-то там отвлекся и когда через несколько секунд снова начал нормально соображать, то обнаружил себя сидящим на грязном поле с сильной болью в обеих ногах ниже колена. Голенища сапог были в глубоких метинах от комьев глины. Я машинально провел по ним руками, отыскивая дыры от осколков. Но... дыр не было. Я встал. БТР словил мину внешней стороной гусеницы. У него отлетело три катка, до двух метров гусеницы. Я поискал глазами лежащих или сидящих - потенциально убитых или раненых. Таковых не оказалось. Около БТРа стоял, глотая воздух, как глушеный карась, механик-водитель и какими-то неуверенно-печальными движениями размазывал кровь из разбитого носа. В люке БТРа очумело тряс головой в шлемофоне сержант. Я обошел БТР кругом. В ушах наплывающий и удаляющийся звон. Несколько секунд все окружающее, включая подорванный БТР, казалось мне трогательно милым. Потом это идиотское чувство прошло, а звон остался. Ни убитых, ни раненых. Контуженый механик-водитель с разбитым носом - все потери. Ошибка - моя, я обязан был послать саперов пощупать поле, но на радостях этого не сделал. Тем больше у меня оказалось оснований взреветь: «Саперы, мать вашу!..»

Саперы, впрочем, уже без всяких напоминаний перелопачивали поле. Выудили еще две «итальянки» - доложили: «Все!»

- Еще раз! Я здесь выставку-продажу подорванных БТРов организовывать не собираюсь, - приказал я.

Проверили еще раз - чисто. Подорванный БТР оттащили, колонна втянулась, развернулась, дальше пошли без приключений. Шурик умер, как я уже говорил, остальные раненые выжили.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Уже к вечеру этого дня пришлось расстаться с сапогами и перейти на ботинки. Надкостница обеих ног болела нестерпимо. Ситуация сложилась достаточно дурацкая. То, что в комьях глины, хвативших мне по обеим ногам, не оказалось ни одного куска металла - это, бесспорно, плюс. Ноги болели сильно - это явный минус. Обращаться к медицине вроде как неудобно, подумаешь - глиной по сапогам досталось.

Батальонный доктор Гера Бутько чем-то там потер, помазал - боль поутихла. В середине ночи боль снова усилилась. К утру на ногах появились удивительно болезненные шишкообразные образования, на правой - три, на левой - два. Тут я уже плюнул на щепетильность и пошел к начмеду полка. Начмед - капитан Александр Васильевич Сухоруков - доктор замечательный и человек очень хороший. Поэтому первое, что он сделал, взглянув на мои ноги, это обложил меня отборными медицинскими терминами, и все сплошь на латыни. После этого терапевтического мероприятия мы с ним поехали в госпиталь.

Госпитальные мужи вынесли вердикт: сильный ушиб надкостницы обеих ног, мазать тем-то, пить то-то. Я мазал и даже пил. Пил даже то, что врачи прописали мне чисто почеловечески. Но проклятые шишки не проходили, боль не отступала. Причем если с вечера шишки были на одних местах, то к утру они удивительным образом перемещались иногда до 10 сантиметров в сторону. Но это их перемещение никак не сказывалось на их болезненности. Во мне блуждала какая-то непонятная зараза. Врачи злились и смотрели на меня с подозрением: «Не есть ли я выдающийся шланг?» Я в свою очередь с подозрением смотрел на них: «Не есть ли

они шарлатаны от медицины?» Я продолжал исполнять служебные обязанности, ходил, что называется, на зубах, с облегчением расшнуровывая, где это только можно, ботинки до упора - ничего не помогало. В голове крутился рассказанный кем-то из госпитальных врачей анекдот: «Что такое геморрой? - Ну как тебе объяснить: представь себе, полная задница зубов и все болят».

Кончилось дело тем, что Сухоруков, втайне от меня, доложил командиру полка. Юрий Викторович зашел в медпункт в тот момент, когда доктора под мое непечатное бормотанье колдовали над моими ногами. Посмотрел и высказался в присущей ему манере: «Надо же, какой нежный! Схлопотал чуток по костям, и уже болезнь какую-то интеллигентную подцепил. С завтрашнего дня в отпуске, через месяц чтоб был здоров, как бык. Мне комбаты-задохлики не нужны!..»

Так я нежданно-негаданно оказался в отпуске. С моими ногами ничего не смог поделать ни Ферганский госпиталь, ни Рязанский. К тому же свежеприобретенными туфлями я умудрился набить небольшой пузырек на большом пальце левой ноги, который по простоте душевной замазал зеленкой, что, как выяснилось, оказалось решающим в определении диагноза.

Беглый взгляд на ноги и мгновенное заключение: лимфоденит, вот место проникновения инфекции.

- Какой к черту лимфоденит, я... Дальнейшие объяснения были бесполезны, на меня смотрели снисходительно-высокомерно: «Учишь тут, капитан, отцов!..»

Так я добрался до родного Новочеркасска. К тому времени я уже начал сильно сомневаться в том, что мне удастся выполнить приказ командира полка. И уже мысленно прикидывал, как мне придется лихо зашнуровываться и изображать перед Юрием Викторовичем бодрость тела и духа.

В Новочеркасске моя не сведущая в медицине мама крупно настрогала в ведро с кипятком алоэ, и я поочередно держал в нем ноги. Держал от безысходности и тоски, не веруя в какой-то положительный результат. Но - странное дело - после первой же припарки ставшая уже привычной боль уменьшилась. Я оживился и нарастил темп. Три дня я посвятил этому благородному занятию -сидеть на веранде, опуская поочередно ноги в ведро.

Результат превзошел ожидания: все исчезло и больше никогда не возвращалось. Привыкший спать, как сторож-

кий пес, я, утратив ставшую уже было привычной боль, проспал кряду 14 часов, а когда проснулся, был действительно здоров, как бык. Что это было, я не знаю, если что-нибудь нервное - так я не нервный, а больше и грешить не на что.

Из этого отпуска запомнилось одно: когда приземлился на подмосковном аэродроме и после афганских голых скал и пустынь увидел русские березы, такое к горлу подкатило, что минут пять пришлось в сторонке делать вид, будто я что-то потерял.

В Афганистан я вернулся где-то в середине мая. К тому времени полк успел принять активное участие в проведении Панджшерской операции и, когда я, как говорят во флоте, вышел на палубу, выяснилось, что палубы нет. В мое отсутствие батальон разорвали: одна рота во главе с заместителем командира батальона находилась в Анаве и составляла резерв командира полка; другая под руководством начальника штаба, выполняя приказ о расширении зоны охраны аэродрома, обороняла опорный пункт под Махмудраками. Еще рота без взвода была придана третьему батальону. Взвод этой роты бессменно нес караульную службу в полку, на момент моего прибытия 17-е сутки не сменяясь.

Признаться, я несколько растерялся. Мой батальон, мой боевой кулак, который я любовно растил и пестовал, безжалостно разогнули на пальцы, и пальцы те расшвыряли в разные стороны. На вопрос находящемуся на хозяйстве зам по тылу: «Это куда же мне в такой ситуации податься?» - получил честный ответ: «А черт его знает! Наверно, в Анаву. Там командир полка, там Грачев. Там третий батальон с твоей ротой, там твоя резервная рота».

Я так и сделал: экипировался надлежащим образом и подался на вертолетную площадку ловить попутный борт. Мне пообещали, что я взлечу примерно через час. Я принялся терпеливо ждать. Минут через 10 приземлился вертолет, из которого первым спрыгнул на землю Юрий Викторович Кузнецов. Я представился по случаю возвращения из отпуска.

- Здоров?

- Здоров!

- Молодец! А куда это ты, дружок, собрался? - спросил Кузнецов.

- В Анаву!

- Не-е-т! Там бездельников без тебя хватает. Это что же, балду гонять и водку кушать?

- Какая водка, там две роты.

- Там у меня Пал Сергеевич и, судя по всему, не скоро выберется. Так что ты у меня, приятель, попашешь здесь заместителем командира полка. А балду - в другой раз и в другом месте. Разворачивай оглобли! И в полк - шагом марш!

- Товарищ подполковник, я ...

- Прекратить разговоры! Я сказал - шагом марш! У меня главная головная боль здесь.

Он был прав, Юрий Викторович. За те три недели, которые я исполнял обязанности заместителя, я морально устал. Людей в полку осталось катастрофически мало, а вводные сыпались, как из рога изобилия. Некем было менять: караул, наряд по столовой, по КПП. Солдаты и офицеры валились с ног от усталости и умудрялись засыпать стоя. Никакие окрики и понукания здесь помочь не могли, да и язык не поворачивался. Пришлось менять режим службы, наращивать дополнительное питание. Систематически прибывали бывшие раненые и больные, все из разных подразделений. Организовали сводные отделения и взводы и пристроили их к делу. Вышел из строя рефрижератор-продсклад. Деваться некуда: разогнали занимавшую рядом позиции афганскую зенитную батарею и оборудовали продсклад в их прохладной казарме. В батальоне материального обеспечения 108-й мотострелковой дивизии сгорел хлебозавод, развернули собственный, определив в хлебопеки вчерашних стрелков и даже одного механика-водителя, под руководством неуверенно чувствовавшего себя прапорщика. Хлебную проблему решили.

Всплыли еще десятки вопросов, связанные с несением гарнизонной службы, с выполнением санитарно-эпидемических мероприятий. Короче - это было то, что называется дурдом! Постепенно все более или менее утряслось. Из Анавы вернулись две мои роты. Я снова стал комбатом, но с возложением на меня обязанностей заместителя командира полка.

Вернулся командир полка и с ним разведрота и ряд других подразделений. Жизнь все более и более входила в привычное русло. Прокатилась волна приказов по армии, разносящих в пух и прах отдельных командиров частей за разгильдяйство, несобранность, слабую боевую подготовку под-

чиненных. Приказы требовали повысить, подтянуть, добиться, достичь, ну, а чтобы всем было понятно и наглядно видно, как это делается, предписывали провести цикл показных занятий.

Проведение их командир полка возложил на меня, обосновав это примерно следующим образом:

- Ты восемь лет прослужил в училище, значит, методист! Учебная дырочка у тебя почти заросла, но кое-что осталось, и потом, ты у меня заместителем работаешь.

Я погряз в показных занятиях. Чего я только не показывал! Как спешиваться на ходу, как развертываться, как свертываться, как выносить раненых, как методически правильно штурмовать кишлак, разминировать минные поля.

Планы-конспекты я пек, как блины, командир полка утверждал их, не читая. Как правило, в течение суток, а то и менее, готовил то или иное занятие, и показывал, показывал, показывал...

Где-то в начале июня я, сидя за столом спиной к двери, корпел в своей комнатешке над очередным конспектом.

Дверь скрипнула и кто-то вошел. Не оборачиваясь, я пробурчал: «Выйди, и зайди, как положено!» За спиной раздалось:

- Ну, ты встречаешь командира полка!..

Я вскочил. Мою конуру почтил своим посещением Юрий Викторович. Это было неспроста - за этим что-то стояло. Судя по внешнему виду, командир полка был в великолепном расположении духа. Он чем-то напоминал счастливого кота, которому щедрая хозяйка отвалила чрезмерное количество сметаны, и только что не мурлыкал и не облизывался.

- Чем занимаешься?

- Конспекты готовлю.

- Бросай. Пошли ко мне.

Пошли - это значит по какому-то поводу пить. Пить мне было некогда, да и не хотелось. Я вежливо отказался: «Спасибо, но некогда, надо...»

Холерическая сущность Юрия Викторовича проявилась мгновенно. От ласкового кота не осталось и следа.

- Капитан, смирно! Приказываю: следовать за мной!

Это было что-то новое.

- Есть, товарищ подполковник!

В овеваемой кондиционером комнате командира, доста-

точно просторной, был накрыт по афганским меркам просто роскошный стол. За этим столом уже сидели заместители командира полка, наиболее уважаемые начальники родов войск и служб. Сидели, перешептывались, переглядывались. Да оно и понятно, из праздников - первая среда на этой неделе.

Командир с таинственным видом занял место во главе стола. Встал начальник политотдела. Развернул лист бумаги и максимально торжественно, косе под Левитана, начал читать:

- Указом Президиума Верховного Совета СССР. За... командиру 345 ОПДП подполковнику Кузнецову Юрию Викторовичу присвоено звание Героя Советского Союза.

Все стало ясно. Командир сиял, наслаждаясь произведенным эффектом, обстановка за столом как-то сразу стала удивительно непринужденной. Вспоминали различные боевые эпизоды, вычленяя в них смешную сторону. Говорили тосты, поздравления. К хорошей закуске было много выпивки. И как-то все пили, не особенно хмелея. Где-то в полдвенадцатого начальник политотдела подполковник Кудинов произнес риторическую фразу:

- Мы здесь гудим, а полк-то о таком событии ничего на знает!

Чем сунул неслабую ложку дегтя в командирскую бочку меда. На такой черный прокол Юрий Викторович отреагировал мгновенно:

- Зам, иди строй полк!

Я воспротивился:

- Куда строить! Люди полтора часа как отбились. Завтра утром доведем.

На меня дружно обрушилось все застолье.

- Ты! Тебе Герой Советского Союза приказывает, а ты!

Юрий Викторович от возмущения временно утратил дар речи.

Я сдался и пошел строить полк.

По дороге меня обуревала досада. Я находился в состоянии подпития чуть выше среднего, и всегда был жестким противником любого управления войсками в таком состоянии. Но тут делать было нечего. Приказ командира полка, да еще Героя Советского Союза!

Я собрал вместе дежурного по полку и оперативного дежурного и поставил им задачу: «Спокойно, без всякого шума-

гама и объявления тревоги поднять все подразделения полка и без оружия построить их на плацу в линию ротных колонн, для доведения чрезвычайного сообщения. Включить все прожекторы».

Дежурные принялись за дело. Циркулярно оповестили все подразделения, но тут дело застопорилось. Солдаты, а особенно офицеры, были битые: «Раз среди ночи подымают, да еще для какого-то сообщения, это не зря! Прибежишь без оружия - скажут: дурак! беги назад!» Поэтому роты и взводы валом валили на плац полностью экипированные и вооруженные до зубов. Все мои увещевания, попытки дежурных объяснить, что оружие ни к чему, натолкнулись на стену непонимания. «Ночью подняли, как это я без родного огнемета в строй стану!»

Пока я строил, ровнял ощетинившийся сотнями стволов полк, рычал в ответ на недоуменные вопросы - тайну выдавать было нельзя, - я основательно проветрился. Продолжалась вся эта чехарда минут тридцать. За это же время в комнате у командира существенно добавили и несколько перешли, мягко выражаясь, известную грань. Что такое состояние «перепил»? Это когда выпил больше, чем мог, но меньше, чем хотел. Когда я пришел докладывать, все были хороши, ну, хороши!

Кудинов попытался мне объяснить, что, пожалуй, я был прав и довести сообщение надо бы утром.

Я возмутился: «Полк построен, а теперь пусть кто-нибудь другой пойдет и скажет людям, что мы пошутили, что поставьте, ребята, оружие и ложитесь спать дальше. Спокойной ночи, малыши!»

Довод возымел действие. Командир полка и начальник политотдела отправились на плац, им было тяжело, но они мужественно проделали путь до трибуны и взобрались на нее.

Я подал команду: «Смирно!» Начальник политотдела полка Сергей Михайлович Кудинов, несмотря на щуплое телосложение, пить умел. Перебор проявлялся в нем несколько странным образом: четко произносимые им слова отделялись от его рта с интервалом в 3-4 секунды между ними. В таком темпе он взялся читать Указ. Пока он читал, Юрий Викторович молча стоял в углу трибуны, в глазах его блестели слезы, изредка он поясно кланялся. Полк понял и простил состояние командира и его заместителей. В свете про-

жекторов лица офицеров и солдат были серьезны, сосредоточенны и торжественны! А еще в них была гордость за свой полк - полк нелегкой судьбы, дробимый волей начальства на части, но, как капельки ртути, стекавшийся и собиравшийся в один кулак. Полк, способный решать любые самые сложные задачи. И они правильно понимали, что в звании Героя, присвоенном командиру полка, материализовался их коллективный солдатский труд, их мужество, доблесть, воля, и гордились этим.

По завершении чтения Указа полк троекратно рявкнул: «Ура!» и прозвучал, как ни странно, этот боевой клич во всеполковом исполнении удивительно тепло и сердечно. Я к тому времени был как стеклышко и видел, слышал и чувствовал эту боевую массу. Да, полк приветствовал и поздравлял своего командира от всей души...

В занятиях прошло еще несколько дней. И вот однажды утром, 13 июня, ко мне обратился сержант с полкового узла связи: «Товарищ капитан, разрешите, я вам че скажу! Только шепотом, товарищ капитан!»

В другое время я ни за что не потерпел бы подобного рода обращения, но тут уж больно таинственно мерцал сержант глазом.

- Ну, давай!

- Товарищ капитан, вам досрочно присвоено воинское звание майора. Приказ от вчерашнего числа, у меня телеграмма. Но если командир узнает, что я вам довел без него, то ой-ей-ей! Поэтому вы: тсс!» - сержант приложил палец к губам.

Честно говоря, я ждал этого приказа. У меня даже список гостей был готов из 24 человек. Поэтому я заверил сержанта в том, что я его не продам, и подарил ему за весть 10 чеков.

Примерно через час меня вызвал командир полка. Торжественно довел мне приказ, вручил погоны, поздравил.

- Служу Советскому Союзу!

После торжественной части я перешел к бытовой:

- Необмытый майор - это не майор. Поэтому разрешите, товарищ подполковник, пригласить вас в 19 часов на торжественный акт производства.

- Не возражаю. А успеешь?

- Успею, не такие дела заваливал.

- Планируемое количество гостей?

- 24-25 человек.

- Где?

- В баре.

- Ну, это ты брось! Таким количеством людей давиться в твоем баре - не-е-е-т. Договаривайся с артиллеристами.

- Есть, товарищ подполковник.

Свалив все текущие дела на первого заместителя, я занялся организационными вопросами. При батальонной бане был так называемый бар: комната размером примерно три на два с половиной метра. Оборудовали ее два солдата-литовца, и так, как это умеют делать литовцы: в углу декоративный, очень симпатичный каминчик, по стенам полки, уставленные великим множеством бутылок и банок с пестрыми этикетками. Где-то раздобыли старый уголковый диван, отремонтировали его. Посредине поставили столик с покушениями на моду. В потолке - окно. В баре приятно было посидеть часок после бани, и даже гнусное ферганское пиво «Пивоси», изредка доставляемое отпускниками, воспринималось в такой обстановке по-другому, с положительными эмоциями. В баре нормально садилось 8 человек, ненормально - 16. Я планировал поставить столы в сообщающемся с баром предбаннике и тем снять проблему, но командир решил иначе, и небезосновательно. Артиллеристы, пользуясь монополией на дефицитные в Афганистане ящики из-под боеприпасов, отгрохали себе, всем на зависть, штаб-общежитие, где на каждый артиллерийский нос приходилось 15 метров жилой площади. Поэтому я первым делом сходил к артиллеристам, зафиксировал свое почтение и выразил надежду и уверенность, что они не откажутся мне предоставить свои хоромы для проведения праздничного мероприятия.

Артиллеристы дружно меня поздравили и выразили единодушное согласие. Да и возражать-то глупо: на любой другой территории я б только командира дивизиона и начальника артиллерии пригласил, а здесь они все - хозяева, которым некуда деться, автоматически - все мои гости. Напитки, закуска, посуда - мои. От них-то всего и требуется - согнать столы в кучу. В 19 часов все было готово. Все гости прибыли. Не хватало одного: командира полка. Но без батьки подобного рода мероприятия начинать не принято, и все терпеливо ждали. Прошло минут 15. Я послал замкомбата:

- Владимир Иванович, ступайте разберитесь, в чем там дело?

Зам явился минут через пять:

- Командир полка беседует с генералом Мироновым, ну и под Героя - по маленькой. Сказал, скоро будет!

Прошло еще минут 15. Я уже собрался идти сам, когда появился солдат, ординарец командира: «Командир полка, генерал Миронов идут поздравить комбата!»

- Понятно!

В центре стола освободили два места. Сосредоточили туда лучшую водку. Пять, десять, пятнадцать, семнадцать минут. На восемнадцатой минуте в артштаб-общагу ворвался разъяренный командир полка.

Шум, гам, мат - ничего не понятно! Через несколько минут картина более-менее прояснилась. А более подробно мне ее изложил солдат - заведующий баней. Дело было так. Вознамерившись поздравить меня с присвоением досрочного звания, командир 108-й мотострелковой дивизии генерал-майор В.И.Миронов в сопровождении командира полка направился к месту проведения церемонии. Что там у командира заклинило, я не знаю, но он повел генерала в баню. Солдат, зав. баней, находился на месте, но, разглядев в свете фонарей шествующих в его сторону высоких гостей и зная нрав командира полка, предпочел запереться в бане изнутри. Продолжая начатый ранее разговор, генерал и подполковник подошли к двери, и Юрий Викторович дернул за ручку. Дверь не открывалась. Пораженный таким наглейшим негостеприимством, очень похожим на откровенное издевательское хамство, Юрий Викторович мгновенно вскипел. Он обрушил на дверь град ударов. Дверь была сработана на совесть и осталась невозмутимо запертой. Пока Юрий Викторович прикидывал, что бы это значило, вскипел генерал, речь его была короткой, но сильной. Примерный смысл ее был таков: «В гробу я видел ваше десантное гостеприимство, пригласили - и встретили запертой дверью, ноги моей в этом рассаднике хамов отныне и до веку не будет!» После чего резко повернулся, скорым шагом дошел до уазика, сел в него, не прощаясь, и умчался по взлетке в сторону дивизии.

Попытки обескураженного Юрия Викторовича как-то сгладить инцидент успеха не имели. Когда машина комдива окончательно растаяла во мраке, Юрий Викторович, надо думать, вспомнил, что сам же изменил место встречи. И то, что произошло, следовательно, целиком лежало на его со-

вести. Но - устав, пункт первый: командир всегда прав. Пункт второй: если командир неправ - читай пункт первый. И вот уже командир в штабе артиллеристов, и вот уже на наши мнимо негостеприимные головы обрушился шквал зело нелестных эпитетов.

Когда ситуация более или менее прояснилась, в штабе на какое-то время остались самые стойкие, самые идеологически выдержанные, сумевшие сохранить невозмутимость индейцев офицеры. Основной массе вдруг срочно что-то понадобилось на улице и они, икая от сдерживаемого, душившего их смеха, неприлично поспешно удалились.

Мало-помалу командир успокоился, перестал косить на меня огненным глазом и даже в конце концов сказал весьма прочувствованную речь о том, что из любого учебного недоделка можно при желании сделать человека. К концу вечера инцидент полностью был исчерпан.

Что командир полка объяснял комдиву, не знаю, но, повидимому, объяснил успешно, потому что генерал Миронов через некоторое время снова появился в полку.

Во второй половине июня - начале июля я с батальоном провел еще несколько малозначимых как по результатам, так и по потерям операций. Упоминания заслуживает только одна из них. Как было сказано выше, еще в мае во исполнение решения по расширению зоны охраны аэродрома третью роту с подразделениями усиления выдвинули под Махмудраки. Общее руководство группировкой возложили на майора В.И.Ливенского. Рота оборудовала опорный пункт, в котором и провела благополучно полтора месяца, воюя с то ли случайно забредающими, то ли специально загоняемыми на минные поля ослами.

Эта рота была лучшей в батальоне: самой сплоченной, самой сколоченной, самой боевой. Выслушав в очередной раз «по радио» преисполненный досады доклад Владимира Ильича, я вновь и вновь обращался к командиру полка с просьбой о снятии роты с «ослиной позиции». Вновь и вновь с той или иной степенью категоричности получал отказ и вновь обращался. Наконец, как говорится, наша молитва до Бога дошла: где-то в самом начале июля командир полка поставил задачу: «Собирайся, поедешь снимать свою любимую роту, решение доложить!»

Решение у меня уже давно готово, и на следующее утро я выступил в поход во главе усиленной парашютно-десантной

роты. Ливенского известили и к установленному сроку должен был ждать во главе построенной и готовой к движению колонны. К тому времени доклады его носили пессимистический характер. Стояла несусветная жара, трусы, майки и носки истлевали в считанные дни. По каким-то там причинам около трех недель в полк не завозили белье. Не было белья в полку, не было в батальоне, не было у Ливенского. Владимир Ильич докладывал, что солдаты несут службу по форме раз: трусы, каска, пистолет, с вариациями, например: резинка от трусов, та же каска, бронежилет на голое тело, автомат.

Скрупулезного, глубоко уважающего военную форму майора Ливенского от этих вынужденных нововведений тошнило - рота дозрела по всем статьям.

Был разгар лета и разгар минной войны. Практически каждый день поступали сведения о подорвавшихся машинах, БТРах, людях, ослах. Нарастающим итогом шли телеграммы, в категорической форме требующие при любых перемещениях войск выбирать маршруты вне дорог.

Туда мы прошли красиво. Маршрут был километров на пять подлиннее, но практически ни разу ни на одну дорогу мы не вышли и как результат - ни одного подрыва. Впереди на двух танковых тягачах шли саперы. Когда до места встречи оставалось метров семьсот, саперы проложили маршрут по склону пологого холма. Подножие холма огибала широкая разбитая дорога, за нею находился кишлак. Через 10 минут мы встретились с Ливенским. Еще минут 10 ушло на перестроение двух колонн в единую.

Наблюдатели доложили, что все кругом спокойно. Кроме того, несмотря на утро, было уже очень жарко. Я дал команду:

- Людей на броню. Доложить готовность к движению.

- Готов!

- Готов!

- Готов! - зафиксировал шлемофон.

- Вперед!

Тягачи, а вслед за ними вся колонна, втянулись в только что проложенную колею, считая ее безопасной. Подошли к холму. По склону прошли два танковых тягача, саперный БТР. Четвертым прошел я, пятым - начальник штаба.

Шестой шла машина командира третьей роты. Я практически закончил огибать холм, по границе пыли показа-

лась машина начальника штаба. В это время за холмом тяжко и мощно грохнул взрыв, подняв в воздух столб пыли и дыма.

- Стой! К бою!

Но боя не случилось. То ли смерть таилась на склоне холма с незапамятных времен, то ли за те считанные минуты, когда я перестраивал колонны, «умельцы» из ближайшего кишлака успели заложить в колею фугас - так и осталось не выясненным. Но... шестая машина взорвалась. Именно в шестой машине один из солдат себя скверно чувствовал. Попросил разрешения остаться в машине и остался слева сзади на месте старшего стрелка. Фугас тоже рванул слева сзади - прямо под его сиденьем. Результат - сидевший на броне командир роты старший лейтенант В.М.Пинчук и командирское отделение расшвыряны взрывом в разные стороны. Разлетаясь, они, по словам наблюдавшего подрыв начальника штаба, несмотря на взрывную очумелость, не забыли передернуть затворные рамы, и, шлепнувшись куда и на что Бог послал, откатились от места падения в сторону и изготовились к стрельбе. Это класс: синяки и шишки будем считать потом, но сначала будет бой, и те, кто из него выйдет, почешут ушибленные места. Так должно поступать солдату. Механик-водитель получил сильную контузию, но не одного ранения, а солдат-парень был в каске... Осталась каска, в ней голова, а от головы ниже - какие-то окровавленные ремешки и ошметки. Тела не было...

Останки солдата собрали в плащ-палатку. Подорванную, не подлежащую восстановлению машину взяли на крюк, место за рычагами занял один из сержантов. Саперы проверили дорогу. Мы выбрались из проклятой колеи и запустились опять по бездорожью. Это была моя последняя операция в Афганистане.

10 июля полк трогательно и тепло простился со своими «академиками». В разные академии уезжало нас много - одиннадцать человек.

Вечером было застолье. Все шло хорошо. На огонек к нам забрел старшина саперной роты, глубокоуважаемый всеми в полку старший прапорщик лет сорока пяти. Это был, как говорят, и швец и жнец и на дуде игрец. Он знал и умел все и вся. При всем том, как всякий нормальный русский Левша, грешил поклонением зеленому змию, а тут такой случай - старшина зашел уже будучи порядочно «ужаленным».

Его тепло и сердечно приветствовали, посадили за стол. Налили полкружки спирта, полкружки воды. Кому-то в последний момент пришла мысль подшутить: старшине дали сначала воду, а потом спирт.

Расчет был на то, что находящийся в подпитии старший прапорщик не разберется, запив воду спиртом, задохнется и... ха-ха-ха...

Он степенно выпил воду, отер усы и столь же степенно, не дрогнув ни одной жилкой, запил спиртом. Вежливо потыкал вилкой во что-то там... Обвел нас спокойным, презрительным взглядом. Старшина продемонстрировал нам свое явное моральное превосходство. «Ха-ха-ха» не получилось. Мы все почувствовали себя скотами. Спасибо, хватило ума в самой теплой, задушевной, искренней форме принести свои извинения. Дед смилостивился: «Ладно, прощаю, что с вас возьмешь, молодо - зелено!»

Назавтра самолет взял курс на Фергану. Последний раз мелькнула под крылом паутина дувалов, тесно сбежавшиеся в кучу дома кишлаков, построенных по принципу: мой дом - моя крепость и мой кишлак - тоже моя крепость. Все это сделалось сначала маленьким, потом вообще исчезло. Под крылом самолета поплыли горы, горы, горы...

Мы тесно сидели в гермокабине и теоретически должны были радоваться, но радости почему-то не было. Лица у всех были мрачны, самоуглубленны. Каждый думал о своем. Все попытки завязать разговор висли в воздухе. Так он и запомнился, этот перелет - необъяснимой тягостной тоской, непонятной неудовлетворенностью, выражением лиц, таких же сухих и суровых, как проплывающие под нами горы.

В Фергане мы с неделю еще рассчитывались с полком. Ни писем, ни телеграмм я домой не писал - смысла не видел: вот-вот прилечу. А зря, как выяснилось чуть позже. Афганистан еще раз напомнил о себе неожиданно и жестоко. О чем думал полковой писарь, печатая приказ, - Бог весть! Я не думаю, что в его действиях был какой-то злой умысел. Короче, как бы там ни было, но в приказе вместо «убывшего командира батальона майора А.И.Лебедя» оказалась фраза «вместо погибшего» и далее по тексту. Командир полка, повидимому, подмахнул приказ не глядя. Услужливый, когда не надо, «солдатский телеграф» неведомыми путями, но очень быстро донес эту фразу до далекой Рязани.

Услужливый дурак опасней врага - это давно известно.

Нашелся такой и в Рязанском училище, довел это известие до моей жены. Она не поверила. У нее на руках были дети: десяти, восьми и трех лет, и она не могла в такое поверить. Деньги по аттестату, высланному мною в первый же день прибытия в Баграм в ноябре, она начала получать только в марте следующего года. Мне писала, что все хорошо, денег хватает, все сыты, а сама жила на 60 рублей - ставку копировщицы. И теперь она внутренне сжалась и стала ждать официального сообщения.

Мой бывший командир батальона полковник Владимир Иванович Степанов, человек прекрасных душевных качеств, которому тоже была известна эта информация, ходил кругами в растерянности: с одной стороны, убит (не где-нибудь, в приказе написано!) и надо подойти, помочь, сообщить; с другой стороны, приветливая, улыбчивая женщина гуляет с детьми, ходит в магазин - и как нанести такой удар?.. И тут вместо официального сообщения явился я: живой, здоровый, слегка возбужденный проводами и предстоящими перспективами. Явился, чтобы застать свою жену поседевшей в тридцать лет. Дорогого она стоит, скорлупа неистовой веры в хорошее, маска мнимой беспечности и безмятежности. Как радовался Владимир Иванович! Я даже не берусь сказать, кто за кого больше был рад: он за меня, что я жив, или я за него, что он почти три недели проносил в себе этот тягостный булыжник и не обрушил его на мать троих детей. Ему она могла бы и поверить...

Авторитетный он человек, Владимир Иванович!

Как бы там ни было, я вернулся. Несколько позднее выяснилось: не вернулись почти четырнадцать тысяч. Но вернулся я другим человеком. И те, кому суждено было вернуться, тоже пришли другими. Не может бесследно пройти калейдоскопический переход: от мира к войне и обратно. Так уж устроен человек. Переход, измеряемый двумя часами полета. Нормальное человеческое состояние - мир: улыбающиеся женщины, смеющиеся дети, торгующие магазины, никуда не спешащие, ничего не боящиеся мужчины. Два часа - и пылающие машины, обугленные трупы, внутренности на дувалах, голова в каске - все, что осталось от чьего-то сына, брата, внука... Два часа и опять: «Травка зеленеет, солнышко блестит». Жизнь прекрасна и удивительна. Нет, не в двух часах здесь дело - это заблуждение.

В природе нет резкого перехода от тьмы к свету, зато

есть сумерки... сумеречное состояние души. Войну нельзя стереть из памяти, от нее нельзя убежать и даже улететь. Можно в мирной обстановке лицедействовать как угодно, удачно надевать любые маски. Война делает всех неприлично голыми. Сущность каждого в три дня выкладывается на ладонь судьбы, на всеобщее обозрение: либо ты мужчина и воин, либо мужские признаки достались тебе по недоразумению. Война задевает и калечит психику в разной степени всем без исключения. Она заставляет и обязывает вглядываться в окружающий мир через какую-то новую, доселе неведомую призму. Она делает нервные окончания болезненно чуткими. Все становится на свои места, без примеси и прикрас: подлость - подлостью, трусость - трусостью. Никакими высокими, красивыми, зелеными заборами не заслониться от этого внезапного озарения.

Мы принесли Афганистан с собой - в душах, сердцах, в памяти, в навыках, в чем угодно и на всех уровнях. Эта бездарная политическая авантюра, эта попытка экспорта не доказавшей своей состоятельности революции обозначила начало конца. Бюрократическое, насквозь гнилое изнутри, государство не приняло никаких серьезных мер к социальной адаптации вернувшихся с войны и тем усугубило положение. В иных городах и весях чиновный люд, оттопырив губешку и придерживая сытенькое пузцо, сановно отдуваясь, фарисейски начал разглагольствовать: «Мы вас в Афганистан не посылали!»

Дорогая она, глупость высокомерия. Ох, дорогая! Бумеранг, он на то и бумеранг, и возвращается к тому, кто его послал. Начало рушиться и валиться все и вся. Вспомним: еще советские войска дрались в Афганистане, а в 1986 году полыхнула Алма-Ата, потом Карабах, Фергана, Грузия, Таджикистан, и... пошло, и поехало. Количество убитых на территории Советского Союза давно превысило количество погибших на афганской земле, количество раненых -тоже. Никто не знает точного количества беженцев. Никто не знает количества с треском переломанных на чьем-то жестоком колене, прямо посредине и прямо пополам судеб.

Чиновник должен служить государству, а не государство - чиновнику. Эту очевидную истину не видели раньше - не видят и теперь, и это объяснимо. Страной правят те же люди, с вполне сложившейся сущностью, мировоззрением, методологией. Они просто сменили партбилеты на демократи-

ческие знамена. И это надо понять, и до этого надо дойти. Это неизбежно, иначе ничего не изменится и будет только хуже. Так что те, кто говорят: «Прощай, Афганистан», беспочвенно горячатся. Не получится... прощай! Они, афганцы, и производная от них - турки-месхетинцы, армяне, азербайджанцы, таджики, русские на внезапно ставших заграничными территориях - всегда будут с нами.

АКАДЕМИЯ

Нарофоминск. Учебный центр военной академии имени М.В.Фрунзе. Конец июля 1982 года. Со всех городов и весей, со всех концов необъятной нашей страны стекаются сюда офицеры-мотострелки, десантники, разведчики, пограничники звена начальник штаба - командир батальона - замкомандира полка, успехами в службе завоевавшие право продолжать свое военное образование в академии. Стекаются, чтобы сдать экзамены. Конкурс невелик - 1,5 - 2 человека на место, но кто знает, в какой половине ты в конце концов окажешься.

К установленному сроку прибыли туда и мы. Мотострелкам было сложнее. Их много, они плохо знали друг друга. У них -конкуренция. Нам проще, в ВДВ все друг друга знают. Есть, правда, несколько не до конца ясных фигур из десантно-штурмовых бригад, но мы все твердо уверены - подлецов среди нас нет. Партийный билет никто не украдет. За рассказ анекдота с политическим душком никто «не заложит». Большинство уже или прошедшие Афганистан, или непосредственно из Афганистана. Отношения с первых часов и дней сложились теплые и дружеские. Девиз - пусть победит сильнейший. Экзамены сдают две десантные группы. Командир одной из них - я. Командиром я стал как-то очень просто и буднично.

Когда прибыл и представился будущему тактическому руководителю группы полковнику Алексею Петровичу Лушникову, он пожал мне руку и, не выпуская ее, сказал: «Вот и командир группы пришел». Чем уж при этом он руководствовался - неведомо, я с ним до этой минуты никогда ранее знаком не был. Командир так командир:

- Есть! Распорядок щадящий. 4 - 5 дней подготовки - экза-

мен, и так далее. Но тяготят не экзамены, тяготит атмосфера. Она насквозь пропитана унижением. Создалось впечатление, что такая атмосфера складывалась годами. Ты комбат - у тебя за спиной 13 лет службы. Ты отвечал за ход и исход боевых операций, за жизнь людей. Ты привык уважать себя и привык, что тебя уважают. И вдруг, о чудо, ты снова ощущаешь себя молодым и вислоухим щенком, попавшим в средней паршивости учебку к скверному сержанту. Переход из одного качества в другое слишком резок - не все выдерживают. Каждый день с утра - уборка территории: задача собрать окурки, бумажки. А метлы, а грабли? «С метлами и дурак уберет. Вы вот так, ручками, ручками».

Нарезали и навязали себе метел, закупили в магазине грабли. Убираем территорию цивилизованно. Это мы - десантники. В пехоте до таких высот не поднялись - убирают руками. Или надо: «скосить вот тот лужок - это вам задача на группу, времени - до утра!»

- А косы?

- Ну, с косами и дурак...

Кос в хозмаге нет. Господа героические афганские комбаты, на колодках которых боевые ордена, с помощью перочинных ножей строгают себе деревянные сабли, злобно пересмеиваясь на тему: «Спасибо, хоть детство вспомним!» К установленному сроку лужок выкошен. Выкошен не очень ровно, даже можно сказать, совсем не ровно, но выкошен. А кто отдает команды? Как правило, каптер ефрейтор с лоснящейся от безделия физиономией, в лучшем случае - прапорщик. Разницы никакой. Они одинаково беспредельно наглы, потому что оба знают - достаточно им доложить начальнику факультета: «Вот тот, товарищ майор, не желаютс!» - и майор замарширует в родной полк для продолжения дальнейшей сужбы с соответствующей сопроводиловкой. Там не будет написано, что майор, не без основания считая себя офицером, счел ниже своего достоинства собирать окурки. Нет! Там напишут: неуживчив, болезненно реагирует на замечания, подчиняться не умеет и не желает. Ну, а если не умеет подчиняться, то как же сможет командовать? Вывод один - зелен и незрел. Воспитывайте. Все как в старом академическом анекдоте. Из обращения ефрейтора к командиру группы: «Товарищ майор, мне для рытья канавы нужны пять человек. Желательно из комбатов, они потолковей». Чтобы не унижаться, в короткие сроки обрастаем хозяйст-

вом: косами, метлами, совками, топорами, пилами, рубанками. Нас так просто не возьмешь: мы - ВДВ!

Экзамены идут своим чередом. При их сдаче следует неукоснительно придерживаться двух принципов: 1. Никогда, ни при каких обстоятельствах не говори «не знаю». Думай, крути, мычи, сочини фантастическую тактико-техническую характеристику танка - посмеются, но тройку поставят. Не знаю - это смертельно! Не знаю - расценивается как свидетельство полного безволия. Второй принцип - не попадись со шпаргалкой. Это расценивается как признак глубочайшей непорядочности. В обоих случаях при нарушении первого или второго принципа вывод краткий и жесткий: «Гуляй, парень!»

Можно пойти гулять и по другой причине - если пропала какая-нибудь секретная книжка. Тогда «гуляют» трое: командир группы, секретчик и непосредственно утративший. Реально секретного, как правило, в той книжке ничего нет. Ее просто забыли своевременно рассекретить или не успели. Но это неважно. Гриф стоял - все, гуляйте, ребята! Это из разряда причин косвенных, а так все нормально - сдаем. После каждого экзамена отпадают по 2 - 3 человека. Расстаемся дружески, без обид. Обижаться не на что. Как со стороны преподавателей - трудно сказать, относительно друг друга - подлости ни грамма.

Из пяти экзаменов мне запомнились два: по технике и вооружению и по иностранному языку. Какой-то умник сосчитал, что при подготовке к экзамену по технике необходимо запомнить 18,5 тысячи цифр.

Афганистан как-то к систематическим занятиям не предрасполагал, впрочем, и другие места службы тоже. Поэтому запоминать эти цифры пришлось в отведенное для подготовки к экзаменам время. В голове у всех образовалась дикая каша, исключительно из-за того, что большинство цифр относилось к танкам, «бэтээрам», «бээмпэ» и другой «пехотной» технике. Ну, придавались мне систематически в Афганистане то танковый взвод, то танковая рота. Я им задачи ставил, они их выполняли, на минах рвались. Чтобы дурацкую невыполнимую задачу не поставить, знал я в части касающейся необходимые характеристики оружия. Но зачем мне было вникать в то, как там устроены двигатель и подвеска? И тут на тебе - досталась мне «гитара» танка Т-62. Я в процессе подготовки к экзамену так до этой «гитары» и не

добрался. Спасибо, кто-то предусмотрительный на этой самой «гитаре» в укромном месте карандашиком четко написал, что оно такое и для чего предназначено. Немного импровизации, и в результате игра на «гитаре», которую я никогда в глаза не видел, была оценена 4 баллами. Как говорится: «Вы играете на скрипке?» - «Не знаю, не пробовал».

С английским еще смешнее получилось. В день, непосредственно предшествовавший экзамену, преподаватель на примере одного из билетов очень детально объяснил, как надлежит отвечать. Сидя за первым столом, я все внимательно выслушал и назавтра достал именно этот билет.

Сдачу экзаменов наша группа закончила самой первой. Остальной курс должен был сдавать еще в течение двух дней. Мы было губешку раскатали: неплохо было бы после такого напряжения вперемежку с унижением и... расслабиться, но социальная справедливость восторжествовала и в данном случае. Раз вы такие пятерочники, вот вам хранилище размером 96х18 метров и куча шифера, и пока остальной трудовой люд на экзаменах мается - давайте-ка крышу ... быстро и красиво...

Работа закипела. Соседнее хранилище перекрывали заочники. У нас категория капитан - майор, у них - майор - подполковник. Лестницу для работы, большую и прочную, сколотили мы. Подполковники по бедности были вынуждены карабкаться на крышу по какому-то корявому дереву. Им это быстро надоело. Они пришли и повели речи о том, что коль они постарше, поопытнее и должности занимают посолиднее, то лестница должна по праву принадлежать им! На что я им объяснил, что пока мы сидим на соседних крышах - опыт и возраст здесь ни при чем - мы все равны.

Один подполковник попытался решить проблему до слез просто. Взял лестницу и поволок к своему хранилищу. Группа-то - десантная. Сразу четверо легко и непринужденно спрыгнули с крыши и восстановили статус-кво. Исключительно в парламентских выражениях объяснив «гостям», что красть столь нахальным образом чужие, трудом и потом изготовленные лестницы - грешно!

Потом кто-то умный философски заметил:

- То, что мы в данный момент сидим на крышах, - явление временное, а то, что мы офицеры, - это навсегда! Может, из этого исходить будем?

Все расхохотались, и конфликт был исчерпан. Лестница,

оказывается, при здравом подходе делилась на два хранилища. Это была последняя «дембельная» работа людей в офицерской форме, которые перестали быть абитуриентами, но еще не стали слушателями: приказа не было.

Далее, на протяжении трех лет учебы никому уже не приходилось собирать окурки, рыть канавы, что-нибудь косить или красить. Я до сих пор с уверенностью не могу сказать, что есть вот эта месячная полоса унижений: специально спланированное звено системы? Ежегодно спонтанно возникающая попытка использовать попавших в новое специфическое положение, жаждущих поступить и через это достаточно бесправных и беззащитных людей? А может быть, просто дурь старшин и подчиненных им каптеров при попустительстве вышестоящего начальства? Ведь те же прапорщики и ефрейторы со слушателями себя вели совершенно поиному. Твердо уверен в одном: что бы за этим ни стояло - это недопустимо. Должна быть беспощадно уничтожена любая возможность кому бы то ни было подобным образом унижать достоинство офицеров. При этом в самом труде ничего зазорного нет. Дело в подаче этого труда. В самой основе своей поразительно оскорбительной и унизительной. Офицер должен оставаться офицером всегда. Офицер, подрабатывающий на охране всевозможных коммерческих ларьков, на разгрузке вагонов, перекрывающий крыши, хочет он этого или не хочет - перестает быть офицером. Если кому-то кажется, что можно безболезненно на месячишко окунуть офицера в дерьмо, а потом вытащить, и ничего, перышки почистит и... дальше!.., тот глубоко ошибается. Подобного рода действиями наносится колоссальный моральный ущерб офицерскому достоинству. Офицер, копающий окоп, - да! Офицер, тянущий вместе с солдатами пушку, - да! Да что тут перечислять. Любой, самый тяжкий солдатский труд - он в основе своей благороден. Но окурки, но унизительная косьба палками - какой мерой можно измерить ущерб, нанесенный достоинству, самолюбию и чести? Где и на каких этапах дальнейшей службы сработает эта мина замедленного действия? Не это ли один из источников нетерпимого хамства, чванства, высокомерия со стороны старших по отношению к младшим? Кто знает, не сводит ли бывший капитан (ныне генерал-майор) поздние счеты с тогдашним наглым ефрейтором.

Человеческое достоинство теоретически должно быть у

каждого. А практически, увы, может и не быть. Но офицерское достоинство - категория особая. Оно предполагает обязательное наличие достоинства человеческого. И должно быть минимум на порядок выше его. Тогда держава может спать спокойно.

Едва мы слезли с крыши, как нас построили, зачитали приказ, что все мы слушатели. Было дано пять дней на устройство личных дел и велено было прибыть 31 августа к 10.00.

Народ устремился устраиваться в общежитие.

31 августа в 10 часов курс был построен в коридоре на 7-м этаже академии. Старшина пошел докладывать. Появился седой, простоватого вида полковник и скомандовал: «Вольно!» Представился: «Я - ваш начальник курса. Фамилия моя, как у последнего русского царя, - Романов. Зовут, как Суворова, -Александр Васильевич».

И назавтра мы начали учиться. Сразу надо сказать, что за простоватой внешностью полковника Романова скрывалась глубокая мудрость, знание тонкостей дела и психологии людей. Он руководил курсом уверенно, строго и жестко, но никто на него не обижался, потому что был он прежде всего справедлив. Умел найти выход из любой сложной конфликтной ситуации. Такие на первых порах возникали часто.

«Папа» Романов умудрялся всегда исключительно вовремя смягчить обстановку улыбкой, к месту сказанным острым словом, был вездесущ всезнающ. Появлялся всегда там, где его не ждали. Был методичен и скрупулезен, как немец. Любил большой военный порядок и умел привить к нему вкус нам. В то же время не был мелочно придирчив. Курс в его руках действовал как хорошо отлаженные часы. На мой (да и не только на мой) взгляд, Александр Васильевич был образцом офицера-воспитателя.

Если «папа» брался кого-то ругать, а без дела он никого не ругал, то делал это безо всякого хамства и мата, исключительно литературно и вежливо. Но при этом он с такой едва уловимой ехидцей изображал в лицах все действующие стороны конфликта (и кто, и что, и чем при этом думал), что все единодушно сходились во мнении: на язык «папе» желательно не попадаться, и лучше бы он просто отматерил, чем стоять и слушать, что о тебе думают твои 10-12-летние дети и как в свете твоих деяний выглядит твоя очень взрослая жена.

Ко всему еще Александр Васильевич был большой дипломат, благодаря чему нас совершенно не доставали никакие политорганы. Жили и учились, что называется, как у Христа за пазухой. Все мы, выпускники Александра Васильевича Романова, помним, любим его и благодарны ему за то, что он в нас вложил. А главное среди этого - всегда, везде, как бы высоко ни вознесла тебя судьба или низко ни опустила, оставайся человеком и никогда ни на какие блага не разменивай честь.

Вначале, как и всегда, учебный процесс разворачивался тяжело. Были тому объективные и субъективные причины. Главной среди объективных причин, на мой взгляд, являлась следующая. Академия была основана в 1918 году, в эпоху царствования кавалерии, матушки пехоты и довольно-таки допотопной артиллерии. Танковые войска и авиация были в эмбрионном состоянии. О ракетных, космических, воздушно-десантных войсках никто и не помышлял. Шло время, создавались новые рода и виды Вооруженных Сил, совершенствовались и переходили в другое качественное состояние тактика, оперативное искусство, стратегия; а три года обучения оставались неизменными.

Существенные изменения проходили внутри этой трехлетней программы обучения. Военное искусство, которое в период становления академии изучали очень детально, с прилежным изображением схем взятия Ганнибалом Карфагена, вынуждено было потесниться. Росло количество новых предметов, с ним количество кафедр, создавалась новая учебно-материальная база, но всегда академии были присущи два больших порока: не было оптимизации соотношения изучаемых дисциплин и систематическое, порой достаточно значительное отставание учебных программ от реальной жизни войск. Подчеркиваю, это только на мой взгляд.

Оптимизировать соотношение дисциплин нельзя было по простейшей причине. Реально это могла сделать только компьютерная система, но ее не было. Я не уверен, что она есть сейчас! Поэтому программу определял начальник академии.

Боже меня упаси сказать что-либо хулительное в адрес всех ушедших и ныне здравствующих начальников академии. Последнее это дело - швырять камни и грязь в спину оставивших свой пост и яркий след в жизни заслуженных генералов. Но здесь надо видеть объективную сторону. Каждый

начальник академии - прежде всего человек, и ему присущи определенные симпатии и антипатии. Один уповал на танки, второй - на артиллерию, третий делал ставку на ракетные войска.

В соответствии с этим доворачивалась программа, но во всех случаях это все равно не был оптимальный вариант. В результате постоянно перенасыщенная, безобразно раздутая, иногда перекошенная в ту или иную сторону программа, которую реально в полном объеме не мог освоить даже человек с повышенным интеллектом. Еще Козьма Прутков сказал: «Нельзя объять необъятное».

Отставание академии от войск хорошо просматривается на примере становления относительно молодого тогда предмета АСУВ - автоматизированные системы управления войсками. В недрах ВПК вовсю шла разработка этих систем, создавались экспериментальные части, на их базе проводились учения, а в академии на этот период усилиями энтузиастов было создано два класса. Без учета всех остальных только на первом, основном факультете было 24 группы. Вопрос: возможно ли научить такое количество слушателей на базе двух классов?

Даже если считать, что все оборудование этих классов беспрестанно находится в безупречно исправном состоянии, чего практически не бывает, все равно ответ один - невозможно! В результате преподаватели вынуждены большую часть занятий проводить на пальцах, что полностью исключает усвоение материала, и слушатель выпускается со смутным представлением о том, что где-то они есть, системы управления - большие и красивые. И даже если военная злодейка-судьба сводит его с ними, то ему приходится не доучиваться, а просто учиться заново.

Главным среди субъективных причин, на мой взгляд, является уровень подготовки преподавательского состава. У каждого в армии есть свой потолок. Не все его ощущают, но есть он у всех. Был хороший командир батальона, ушел в академию, выпустился заместителем командира полка. Работает уверенно - молодец. Поставили командиром полка, и вот тут он, этот чертов потолок, в большинстве случаев и срабатывает. Две самые тяжелые должности в армии - командир роты и командир полка. Старается офицер, бьется, как рыбка, рано приходит, поздно уходит - а толку нет. Дела в полку все хуже и хуже. Чем хуже дела в полку, тем больше

он нервничает, кричит и ругается. Чем больше он кричит и ругается - тем хуже дела в полку. Не кричать надо - управлять, а не получается.

Посмотрят на него мудрые старшие начальники, вроде не пьет, не курит. Опять же старается, вроде не дурак, а не тянет. Ну куда его, такого непутевого? - В преподаватели. И получается свинский замкнутый круг: кто может играть - играет; кто не может играть - идет учить, как играть. А кто и на это не способен, тот идет учить, как учить.

Количество преподавателей, которые являются учителями милостью Божией, в академии можно сосчитать по пальцам. По крайней мере, из тех, с кем я сталкивался и кто меня учил. Это полковники: Николай Николаевич Кузнецов, Алексей Петрович Лушников, Виктор Григорьевич Барулин.

Учиться у них было тяжело и сложно. Но то, что они дали и как они дали - останется на всю жизнь. Мало обладать самому глубокими и разносторонними знаниями, надо еще уметь доходчиво, понятно довести их до аудитории. Эти люди владели методикой преподавания в совершенстве. Но даже среди них особо выделялся полковник Кузнецов. Огромный, медвежковатый войсковой разведчик времен Великой Отечественной войны, со слегка подрагивающей (с тех же времен) после контузии головой, с острыми и умными глазами. Он был фанатически предан своему предмету - тактике, знал его потрясающе глубоко и разносторонне, до тонкостей, до нюансов, и, главное, он умел передать этот свой фанатизм. Он всевластно довлел над аудиторией. В его интеллекте растворялись все без исключения. Он был непререкаем и жесток. То задание, которое определил Николай Николаевич, не выполнить было невозможно. С отстающими он был готов заниматься с 7 утра и до 21 вечера. Занимался бы, наверно, и позднее, просто академию в это время закрывали.

Самые сложные тактические операции в его изложении открывали свой потаенный, сокровенный смысл, представлялись простыми и легко осуществимыми. Ему не нужны были никакие «точняки». «Точняк» -это когда в рамках единой тактической задачи, на фоне единой тактической обстановки все кафедры отрабатывают свои частные составляющие. Тактическая задача рассчитана к отработке, как правило, на семестр. Разработка ее, согласование со всеми кафедрами - работа колоссальная; поскольку компьютеризации

никакой, задача, разработанная на картах, текстуально являет собой образец неповоротливости. Попробуй на каком-нибудь этапе принять нестандартное, нешаблонное решение и дальше - тупик! Согласование рухнуло - все пошло вразнос. Поэтому преподаватели средней руки и даже несколько выше, не говоря о начинающих, просто вынуждены держаться «точняка», аки слепой стенки, и безжалостно подавлять всяческое вольнодумство и покушение на оригинальность мышления. Что хочешь делай - как угодно обосновывай, все равно в конечном итоге все вернется к «точняку». Это пагубно влияет на развитие творческого мышления офицеров, убивает свежую, оригинальную мысль даже у самых настырных.

Николай Николаевич мог позволить себе, следуя за мыслью слушателя, уйти от «точняка» сколь угодно далеко. Сопереживать слушателю, спорить с ним, плавно и тактично подвести его к мысли о несостоятельности его замысла, подчеркнув при этом его достоинства и преимущества. Причем все это происходило как-то удивительно ненавязчиво. Он учил думать, он давал право на мнение, возбуждал творческое мышление. Где-то по-мальчишески увлекаясь, где-то слегка ерничая, но никто никогда ни разу не забылся. Все видели перед собой Мастера, знающего предмет глубоко, широко и всесторонне, именно по этой причине способного позволить себе любую импровизацию. Да, настоящий преподаватель -это от Бога.

Основная масса преподавательского состава не оставила о себе плохих воспоминаний, но и хороших тоже. Человек добротно, старательно готовится к занятиям, проводит их формально методически правильно, но невооруженным взглядом видно, что это ремесло. Николай Николаевич, Алексей Петрович, Виктор Григорьевич - это искусство, а у всех остальных - ремесло. От этого ремесла веет серостью и тоска берет. Были и вообще выдающиеся кадры. Я помню их фамилии, но не стану их называть. Сейчас это уже пожилые люди, и пусть останется на их совести то, как они относились к исполнению своего профессионального долга. Был Артиллерист - четыре часа занятий по артиллерии воздушно-десантной дивизии. Все четыре часа без малости, дыша густым устоявшимся перегаром, рассказывал ветхозаветные анекдоты, байки, побасенки о парашютах и парашютистах, о пушках и артиллеристах, даже об НЛО. За пять минут до

конца занятий: «Кто не знает артиллерию ВДВ?» Ясное дело, всякий знает.

- Молодцы ребята, бывайте!

Был Летчик. На первом курсе пришел, нарисовал кружок, справа-слева по палочке - самолет в разрезе. Правее такой же кружок, такие же палочки, над кружком кривой эллипс - вертолет в разрезе. И два часа, не переводя дух, рассказывал, какие бомбы и ракеты можно к тому и другому подцепить и что с их помощью натворить. На втором курсе повторилось то же самое. А на третьем пришел, а на доске уже кружки и палочки нарисованы и про все бомбы и ракеты все написано. «Надо же, хамы, кусок хлеба отняли», - можно было прочитать на его лице. Сослался на нездоровье и ушел.

Был Связист. Приходил: «Здорово, мужики! Когда я служил под знаменами незабвенного Василия Филипповича Маргелова и...» - далее без остановки на два часа о чем угодно, кроме связи.

Я не хочу бросать тень на академию в целом. Артиллерист, Связист, Летчик - это все-таки исключение из правил. Большинство преподавателей в ней стараются делать свое дело хорошо. И не их вина, а их беда то, что в академии в конечном счете господствует рутина. Нужен приток свежего воздуха, новой крови, иных мыслей. Надо поставить все с головы на ноги. Академия должна быть носителем самых передовых идей военной мысли, а для этого ей необходимо тесно работать с военно-промышленным комплексом, с Генеральным штабом, с главными штабами видов и родов Вооруженных Сил.

Приток свежей крови можно обеспечить, наладив систематический обмен стажерами. Офицеров звена заместители командира полка -заместители командира дивизии, допустим, на полгода в соответствующую академию, а преподаватели на те же полгода на их места в войска.

Только без дураков: стажер, отданный приказом, со всеми отсюда вытекающими последствиями. Одни вернутся обогащенные войсковым опытом, другие - академической методикой. Здесь есть над чем подумать.

Я рассуждал с позиций рядового майора, командира батальона, который был, как принято говорить, винтиком. Если кто-то увидел в этих рассуждениях попытку бросить ком грязи в академию - неверно. Если кто-то решил, что это попытка

очернить преподавательский состав, принизить его роль - неверно. Если кому-то показалось, что я Иван, родства не помнящий, пес, кусающий руку, которая его кормит, человек, не способный испытывать чувство элементарной благодарности, - неверно. Если кто-то просто по-человечески обиделся на меня - пусть не обижается. Армия - институт глубоко консервативный, и по большому счету это хорошо. Но когда погружается в консерватизм, погрязает в рутине, утопает в догматизме сердце армии - ее высшие учебные заведения, это может привести к катастрофическим последствиям. Почему сердце? Обратимся к общеизвестным истинам. Генеральный штаб - мозг армии. Никто не спорит. Академию вообще, и военную академию имени М.В.Фрунзе в частности, анатомируя армию дальше, можно сравнить с сердцем, ибо именно академии подпитывают свежей кровью все остальные составляющие армейского организма, включая и его мозг. Порок сердца чреват нарушением нормального кровообращения, хирением, старением и умиранием организма. Этого никак нельзя допустить. Пороки нужно лечить в зародыше. Поэтому все мои речи направлены на одно и пронизаны одним желанием - изменить положение дел в позитивную сторону.

Но жизнь в академии состояла не из одной учебы, точнее, не только из нее. В связи с этим хочу остановиться на некоторых моментах, до известной степени характеризующих морально-нравственную атмосферу как в академии, так и вокруг нее.

Сентябрь 1982 года. Завершен курс лекций и начались практические занятия. Приходит преподаватель и оставляет мне листок бумаги с перечнем литературы, которую необходимо изучить к завтрашнему занятию. Перечень что-то великоват - 22 наименования. В сочетании с выражением «завтрашнее занятие» такой перечень как-то не смотрится. Но спорить тут нечего, и я довожу перечень литературы до группы. Наиболее алкающие знаний слушатели устремляются в библиотеку. Возвращаются, неся впереди себя, как кирпичи, неоглядную груду учебников. Раскладывают их по столам и совершенно единодушно и дружно немеют от «восхищения». Все это не только прочитать к завтрашнему дню, но и пролистать невозможно.

Кто-то из наиболее настырных и добросовестных вяло пытается что-то листать. Основная масса делает однознач-

ный вывод, что, поскольку нельзя объять необъятное, то и связываться нечего, и дружно возвращает литературу в библиотеку. Группа к занятиям не готова. Поскольку это только начало большого учебного пути, все томятся предчувствием большого скандала с двойками, партийными разбирательствами и другими подобными «прелестями» в финале. Начинается занятие. Идет себе ничего, бойко! Мы не вспоминаем о 22 непрочитанных книжках, и преподаватель не вспоминает. Создается впечатление, что он листочка не приносил. Все начинают коситься на меня. Я понимаю их косые взгляды: «А не сам ли ты, дружок, этот дурацкий список выдумал?»

Занятие заканчивается, преподаватель уходит, все набрасываются на меня:

- Иваныч, где ты взял этот дурацкий список?

- Он дал!

- Так что ж он ни сном, ни духом даже не помянул? Ты, может, сам, того?..Списочек, а?

- Ребята, я вам прямо скажу, не боясь умереть от скромности, - я не глуп, но сочинить список из 22 наименований с инвентарными номерами я не в состоянии. Да и зачем мне это?

- Это логично!

Вопрос умирает. Можно ли привести пример большего формализма? Можно и нужно было сказать: «Товарищи офицеры, вот вам перечень, прочитайте из него то, что сочтете необходимым». Но было сказано: «Обязательно прочитать!»

Все обязательно не прочитали, и за это никто не спросил. С этого дня читать начали то, что считали нужным сами. И очень хорошо получалось, должен я отметить.

Конспекты первоисточников - о, это симфония. Кафедр общественных наук в академии было две. Под крышей одной собраны были: научный коммунизм, марксистско-ленинская философия и политэкономия; под крышей другой: история КПСС и партийно-политическая работа. К каждому семинару огромный перечень литературы, который необходимо не просто прочитать, а подчеркиваю - обязательно законспектировать. Поскольку сделать это опять физически невозможно, то народ изощряется, как может. Реально в полном объеме не конспектировал никто. Двое конспектировали частично. Это я точно знаю. Остальные списывали. Но здесь тоже были вариации. Примерно половина эксплуа-

тировала собственных жен. Другая половина сдирала самостоятельно, чисто механически, не утруждая себя попытками вникнуть: о чем же там? Потом начинался процесс имитации глубокомыслия. На полях в произвольном порядке расставлялись восклицательные и вопросительные знаки, галочки и птички, кто-то что-то подчеркивал с помощью цветной пасты. Некоторые «стружили» на листы конспектов цветные карандаши и растирали с помощью бумажки, оттеняя таким образом наиболее важные, по их мнению, места.

Потом я распределял вопросы семинара, но не просто: один вопрос - один человек, а так, чтобы была так называемая «активность». В зависимости от объема семинарского занятия на каждый вопрос отвечали от двух до пяти человек.

С одной стороны, это старо, как мир, а с другой - никто ничего не терял. Группа была умненькая. По этой причине аргументированно спорить в ней почти все были горазды, главное было - втянуться в семинар, а там уже страсти раскалялись так, что и остановить было трудно. Спорили от души, конспектировали формально, а знания стремились получать все-таки не формальные. Поскольку система была во всех академиях совершенно одинаковой, то каждый год академии выплескивали в войска все новые толпы формальных неформалов или неформальных формалистов - кому как нравится. Это одна из причин того, почему «рыба» под названием КПСС столь бесславно и быстро сгнила. А армия, 90 процентов офицерского состава которой были коммунистами, в лучшем случае безучастно наблюдала за этим процессом. Такова она, цена махрового формализма.

Хорошее это слово - традиции, и смысловая нагрузка этого слова высока. Но это если к ним, традициям, подходить с позиции здравого смысла. А если как-нибудь по-другому? Традиционно две десантные группы первого курса составляли академическую похоронную команду. Почему именно десантные?.. Все остальные ходили на парад, а мы - нет. Раз так, надо же нам найти какое-то дело. Парад - мероприятие плановое, а похороны - стихийное.

Позволю себе напомнить, что в академии я учился с 1982-го по 1985 год. За этот период только Генеральных секретарей из жизни ушло трое. А там еще Маршалы Советского Союза Баграмян, Устинов, член Политбюро ЦК КПСС Пельше. И еще масса других менее известных, но не менее зна-

чительных лиц. Работы нам хватало. Мы носились с похорон на похороны с интенсивностью пожарников. Я по воле заместителя коменданта города Москвы полковника Макарова почему-то постоянно попадал в пару, на которую возлагалась обязанность нести портрет. По этому поводу в мой адрес сыпалось достаточное количество, мягко говоря, двусмысленных шуток. А В.А.Востротин ехидно сформулировал, в чем тут дело:

- Тебя, Иваныч, Макаров к портрету постоянно приставляет за природную ласковость лица.

Похороны - это горе. Ушедший был чьим-то мужем, отцом, дедом или даже прадедом. Но это внешне. А мы в силу своих специфических обязанностей соприкасались с процессом изнутри. На мой взгляд, это было довольно противно. Кто-то из родни, при содействии комендатуры, ревниво читает надписи на венках и ведет скрупулезный подсчет приславших их организаций и персоналий. Кто-то кропотливо считает венки, заботливо при этом приговаривая: «Вот если принесут еще два, то будет столько же, сколько было у такого-то, что, к сожалению, значительно меньше, чем было у такого-то, но зато, к счастью, несравнимо больше, чем у такого-то». При чем здесь сожаление и счастье - непонятно. Здесь же ребята из КГБ деловито «шмонают» венки на предмет наличия взрывчатых веществ. Им плевать, от кого те венки, - работа у них такая.

Какая-то пожилая, настырная родственница озлобленно пытается доказать Макарову, что медали должны быть разложены индивидуально, на отдельную подушечку. Макаров ей отвечает, что такая привилегия предусмотрена только для орденов. Но родственница никак не может успокоиться: «Он был такой человек, а вы!»

Слышится чей-то зычный, без стеснения голос: «Поторопите там этих старых хрычей. Пора тело выносить!»

Смотришь на это все, слушаешь, и складывается устойчивое впечатление, что это не горе, а чванное мероприятие, где каждый старается вырвать какие-то мизерные преимущества, чтобы потом где-то при случае можно было сказать: «А вот у нашего-то венков было столько-то, это на 100 меньше, чем у Суслова, но зато все остальные далеко позади. И поздравили все-все, кроме Газпрома. Надо бы с министром разобраться!»

И вроде ты ко всему этому не причастен, находишься,

так сказать, при исполнении служебных обязанностей, и дело твое здесь, что называется, телячье, но все равно ощущение такое, как будто тебя погрузили в зловонную лужу.

Запомнились похороны генерал-лейтенанта Гермашкевича. Я был, как всегда, при портрете, то есть на острие клина. Генерал-лейтенант Гермашкевич был боевой генерал, от звонка до звонка отвоевавший всю Великую Отечественную, награжденный, если мне память не изменяет, девятью боевыми орденами. Но в последние годы жизни заведовал всеармейским военно-охотничьим обществом! Это последнее обстоятельство, по-видимому, произвело столь сильное впечатление на некоторых товарищей, что перед его разверстой могилой они забыли об орденах, о войне, которую генерал прошел от и до! Говорили на разные лады об одном: какой высокой культуры охотник ушел от нас и какие дивные загоны он горазд был организовывать. Не знаю, как кому, но мне при портрете было стыдно.

Были и другие неприятные моменты.

Июнь 1983 года. Наш курс вышел в полном составе на учебный центр академии. Планировалось провести в течение месяца занятия на местности, после чего убыть в Киевский военный округ для участия в крупных учениях. Но это все потом, позже, а сейчас, сегодня, учебный центр, чистый воздух, река Нара, спортгородки на любой вкус - прекрасно!

Вечером, после самостоятельной подготовки, все на них и устремились. И я не исключение. Не берусь объяснять почему, но я всегда любил гимнастику. При росте в 185 сантиметров претендовать в ней на что-либо невозможно, но любил - и все! Вот и сейчас, предварительно размявшись, с удовольствием прыгнул на перекладину. Мах дугой, подъем верхом, переход, мах дугой с поворотом на 180 градусов. Стоп! Симфония окончилась. При переходе рука сорвалась. Полет, удар и дикая боль в правой ноге.

Когда поднял нос из опилок, взору моему предстала моя левая рука. Тыльная часть ладони неестественно почти лежала на предплечье. Первая осознанная мысль: «Идиот! Умудрился сломать левую руку и правую ногу. Как же я ходить-то буду?» Но с ногой оказалось все в порядке или почти все - сильный ушиб надкостницы о бортик ямы, а вот рука - перелом обеих костей, как принято говорить, в типичном месте.

Набежавшие ребята с помощью носовых платков привя-

зали мою руку к какой-то подвернувшейся грязной дощечке и повели меня было в медпункт. Но прибежавший «разведчик» доложил, что в медпункте никого нет. Все ушли на фронт или еще куда... короче, никого!

Задействовали чью-то частную машину и отвезли меня в Нарофоминский госпиталь. Дежурный врач - майор, на орденской планке висящего на спинке стула кителя - орден Красной Звезды, медаль «За отвагу» и нашивка за легкое ранение (свой, значит, брат, афганец) , был в состоянии подпития средней степени тяжести. Брезгливо посмотрев на мою (почему мою?) грязную дощечку, повел меня на рентген. Получив еще влажный снимок и внимательно всмотревшись в него, констатировал факт: «Обе, в типичном!»

- Тебе повезло, - сказал он. - Я хирург... и не просто хирург, а... - он поднял палец, - впрочем, это не важно. Под наркозом с 50-процентной гарантией, без наркоза - со 100-процентной. Выбирай!

- Конечно, со стопроцентной!

- Ну смотри, я тебя предупредил?

Довольно бесцеремонно отвязал дощечку и платки, выбросил все это в урну и брякнул моей, какой-то ставшей очень отдельной, кистью о стол. Меня передернуло. Он долго и тщательно мыл руки. Вытер их и закурил.

- Дай и мне!

Мы с ним покурили. Во время перекура я присматривался к нему, оценивая степень его «ужаленности» и прикидывая в связи с этим возможные последствия для моей и без того несчастной кисти.

А он, как скульптор, вознамерившийся отсечь от булыжника все лишнее и явить миру шедевр, вприщур смотрел на мою руку.

Он потушил сигарету, я потушил сигарету.

- Начнем?

- Начнем!..

Он совмещал мне кости, гипсовал и вообще работал 40 минут. Я эти 40 минут, как принято говорить в таких случаях, не забуду никогда. У него была оригинальная методика. Правильность своих действий он проверял по моей реакции. Как только он составлял обломки костей и меня передергивало, майор удовлетворенно бормотал: «Хорошо, хорошо...» Поэтому ему был не нужен наркоз.

Первые минут десять я молчал, покрываясь холодным по-

том. Еще примерно такое же количество времени я мычал. Потом перешел на рычание вперемешку с невнятными ругательствами. К тому времени пот почему-то высох. Примерно к 30-й минуте я ощутил непреодолимо страстное желание дать ему в ухо! Внутренний голос говорил, что этого не следует делать. Ну, очень хотелось! Я мысленно прикинул, куда он покатится, решил сосчитать до десяти и воплотить свое желание в жизнь.

- Маша, - вдруг услышал я, - заверника-ка ему правую, он сейчас мне врежет.

Сказано это было очень спокойно, но сестра (крупная пожилая женщина) вцепилась в мою правую мгновенно. Я обмяк. Он меня очаровал. Мне даже стало не так больно.

Доктор был психолог. То ли его раньше в аналогичных случаях судьба не уберегла, то ли все было написано у меня на лице - не знаю. Но он отдал соответствующее распоряжение исключительно вовремя. Он поймал момент. За это его нельзя было не уважать. Да и работу свою он в скорости закончил, облепив руку гипсом и прихватив бинтом, повесил ее на косынку.

Мы выкурили с ним еще по сигарете. Пока мы курили, я сказал ему, что он сволочь и садист. Это фабула, говорил я значительно больше и цветистее.

Он не обиделся. Выпил принесенную медсестрой мензурочку спирта, выдохнул, глубоко затянулся, выпустил дым, театрально развел руками: «Ну, что делать, сволочь так сволочь! Работа такая».

Расстались вежливо, но несколько прохладно.

Я вернулся в лагерь, собрал вещички и, отпущенный «папой», покатил в Москву на каком-то попутном автобусе.

Как всегда в таких случаях, дорога была удивительно неровная. Пальцы опухали прямо на глазах. Пока я добрался до Москвы, они превратились в какие-то багрово-сине-зеленоватые сардельки.

Женщина - дежурный врач в медпункте академии, испуганно взглянув на мою руку, сказала, что она терапевт, что делать с такой рукой - не знает, и порекомендовала обратиться в травм-пункт.

- А где травмпункт?

- Не знаю!

- Ну хотя бы примерно?

- Не знаю!

Было уже темно и достаточно поздно. Злой, как черт, я вышел на улицу. Произвел опрос прохожих. Кто-то вспомнил, что если сесть на такой-то автобус, проехать четыре остановки, то будет травмпункт. Я поехал, пугая пассажиров скорбной миной и чудовищной рукой. Травмпункт оказался на месте, но детский.

- Так вы, может быть, сделаете что-нибудь? - спросил я.

- Нет, у нас детский, а вы... извините, никак!

Я действительно никак на дитятю не походил.

- А где взрослый травмпункт?

Тут, спасибо, подробно все рассказали. Добрался! А там, о счастье, точно такой же бухарик, как в госпитале. И, наверное, по этой причине предельно лаконичный.

- Косынку сымай!

Снял. Он взял ножницы и красивым широким движением взрезал бинты. Крякнув, раздвинул гипс и потом снова его сжал.

- Теперь легше?

По пальцам почти мгновенно «побежали иголочки».

- Теперь легче.

Он прихватил гипс бинтом.

- Ну, будь здоров!

- Спасибо.

Рука срослась исключительно правильно.

Поэтому мне остается только принести тому «садисту и сволочи», который ее тогда собрал, свои искренние, хотя и запоздалые, извинения за нанесенные оскорбления. Честно, по-офицерски, по-мужски выразить свою благодарность за профессионализм.

Случались и курьезы. Сдан последний экзамен, окончен первый курс. В аудиториях царит веселое оживление. Впереди отпуск. Остались мелочи - рассчитаться с библиотеками, делопроизводством, все закрыть, опечатать, дождаться вожделенной команды: «Свободны. Сбор во столько-то, тогда-то» и... убыть.

У нас в группе все расчеты были произведены загодя, поэтому мы сидели в классе и зубоскалили в ожидании... Както спонтанно рождается идея отметить окончание первого курса. Сказано - сделано. Посланные гонцы принесли 4 бутылки водки, батон вареной колбасы, две буханки хлеба. Выпили, закусили, ликвидировали последствия. Тут появился дежурный по курсу.

- Построение через 10 минут в коридоре. «Папа» намерен напутственное слово сказать.

Черт бы побрал напутственное слово «папы», но деваться некуда. Мы строимся.

Александр Васильевич ускоренным шагом проходит вдоль строя и вдруг резко останавливается и замирает против нашей группы. Всматривается в лица. Я стою лицом к строю и вижу, как наливаются краснотой лица - группа не дышит.

Полковник Романов резко поворачивается ко мне:

- Прикажи им дышать. Сам после построения зайдешь ко мне.

Народ задышал - чего уж теперь сделаешь. Захожу после построения. Лучшая защита - нападение. Начинаю: «Товарищ полковник... Кончили первый курс... Не маленькие, по пятнадцать капель, почти культурно».

- Вот именно, почти. Подумать только, командир группы, старший офицер, организовывает пьянку и где?.. В академии!..

«Папа» поднял на меня скорбный взор и палец кверху: «Тебе за организацию пьянки - выговор». «Тебе» - это хорошо. На ты «папа» разговаривает с хорошими людьми или по крайней мере с подающими надежду. Если «вы» - значит, ты уже отпетый, ни одного светлого пятна.

- Поносишь отпуск, подумаешь, а потом я посмотрю.

- Товарищ полковник, первое место вроде заняли, и выговор!

- Вот именно! Первое место, потому и выговор. Было б не первое, был бы строгий выговор. Иди!

Ни я, ни «папа» позже о выговоре не вспоминали.

На втором курсе запомнились мне командно-штабные учения. На первом этапе я - член Военного совета, начальник политотдела армии. От подобного рода должностей я старался всегда увернуться, но тут как-то попался. С другой стороны: неплохо: за все болеешь - ни за что не отвечаешь, рот закрыл - убрал рабочее место. Но тут я не угадал. Откуда-то в качестве наставника появился новый, никому доселе неведомый полковник с волчьей хваткой матерого начальника политотдела дивизии и насел на меня довольно-таки основательно. Проклиная все на свете и чертыхаясь, я кропал целую кучу даром мне не нужных бумажек. К концу этапа «шеф» выразил пожелание, чтобы я выпустил боевой листок, в котором бы нашли отражение

все достоинства и недостатки каждого участника командно-штабных учений.

Я пытался ему, на мой взгляд, резонно доказать, что подобного рода работа начальнику политотдела армии не по чину, но он был неумолим: боевой листок на бочку! Я разозлился, хотя для меня проблемы не было. Прокомандовал восемь лет курсантами - боевых листков передо мной прошла тьма. Разозлившись, я взял бланк и в течение часа высокохудожественно оформил боевой листок, состоящий из заметок, смысл которых сводился к тому, что майоры X, Y, Z в ходе первого этапа показали себя как молодцы, а капитан D как бяка, и понес свое творение на кафедру, чтобы получить свою оценку за этап.

Полковник встретил меня вполне доброжелательно:

- Ну вот, видите, товарищ майор, оказывается, можете. А пререкались. Нехорошо. Положите на стол, идите!

Я вышел. Что я у него забыл спросить, уже не помню. Факт тот, что я тут же вернулся. Полковник, слегка примяв, запихивал плоды трудов моих в урну. У меня на лице он прочитал, по-видимому, что-то такое, что опустил глаза и покраснел. И то слава Богу, не конченый, значит, человек.

В связи с этим хочется коснуться еще одной истории, свидетелем которой я стал случайно, через жену, которая работала машинисткой на кафедре истории КПСС и партийно-политической работы.

В 1982 году кафедра на своем партийном собрании постановила: каждый преподаватель должен быть кандидатом каких-нибудь наук. И облекла это все в форму повышенных соцобязательств. На кафедре долгие годы трудился преподавателем полковник по имени Михаил Васильевич. Я не хочу называть его фамилию, он был хороший, душевный человек и преподаватель очень хороший. Полноватый, лысоватый, занятия он вел весело и непринужденно, не забывая периодически напоминать нам, что сущность партийно-политической работы сводится к трем О: кино, вино и домино! Короче -прекрасный человек Михаил Васильевич - только ученый никакой! Да и на тот период ППР для научной деятельности была та же пустыня Гоби - никакой надежды на всходы. Михаилу Васильевичу было 47 лет, три года до пенсии, уважаемый человек. А тут на тебе -такое решение партийной организации, да на такой кафедре. Не выполнишь - вышибут ведь без выходного пособия.

Михаил Васильевич начал творить. В конечном итоге проект кандидатской диссертации попал на перепечатку к моей жене, как побочная работа, с условием печатать только дома и никому не показывать.

«Научный труд» представлял собой ну о-че-нь пухлую здоровенную зеленую тетрадь, в которую были вклеены огромные, иногда до полустраницы величиной, цитаты, вырезанные ножницами из произведений Леонида Ильича Брежнева, учебников ППР, журнала «Коммунист» и других тому подобных изданий. Чтобы придать этому бредовому набору хоть какую-то стройность, печатные цитаты были соединены между собою двумя-тремя предложениями, написанными от руки и от души соответственно. Соотношение печатного текста к рукописному - девять к одному.

Пока моя милая женушка все это печатала, она не раз рыдала от смеха, акцентируя вечерами мое внимание на особо выдающихся местах. Название этому труду было одно - галиматья. Научная ценность определялась весом тетради как макулатуры. Но, к моему глубочайшему удивлению, труд был рассмотрен на Научном совете. Михаил Васильевич получил положительную рецензию и ходил гордым, ощущая себя без пяти минут кандидатом околовсяческих наук. Но тут судьба-злодейка нанесла по нему первый страшный удар - умер Леонид Ильич, умер в данном случае удивительно некстати. Работа мгновенно утратила актуальность и остроту.

Михаил Васильевич спал с лица, но устоял. Собрал волю в кулак и на скудном материале из статей, выступлений и единственной книги Ю.В.Андропова, с использованием журналов «Коммунист», «Коммунист вооруженных сил» и тех же учебников ППР родил новый опус. Метода изготовления была прежней, только по объему труд получился раз в пять худее прежнего.

Надо думать, что Михаил Васильевич прекрасно отдавал себе отчет, какова цена его кандидатской диссертации. Потому что работа опять попала на перепечатку к моей жене, переговоры велись с глазу на глаз, с самым заговорщицким и таинственным видом с многочисленными наставлениями: никому не показывать и печатать только дома.

Есть все основания полагать, что происков ЦРУ Михаил Васильевич не опасался, хотя для «цэрэушников» стянуть сей труд было бы смертельно опасным. Не менее половины из них, прочитав, умерла бы от смеха. Работа адова была перепечата-

на, опять получила положительную рецензию, но... судьба... судьба... Умер и Юрий Владимирович! Этого уже Михаил Васильевич не снес. Злые языки рассказывали, что он ревел, как раненный в ягодицу медведь, и поклялся на самом пухлом учебнике ППР никогда и ни за какие коврижки близко не подходить к научной деятельности. Это нахальное заявление было встречено спокойно. Кафедральный порыв как-то незаметно сошел на нет. Можно предположить, что остальные соискатели кропали свои труды каким-то аналогичным образом, и как только один за другим угасли два источника вдохновения, иссяк и энтузиазм. Думать одно, творить другое, делать третье - в условиях, когда Генсеки меняются с калейдоскопической быстротой, - задача невыполнимая.

Завершающий год обучения в академии был ознаменован известным решением Политбюро ЦК КПСС, согласно которому мы, грешные, до 15 мая 1985 года все пили, а 16-го с утра, не опохмелившись - бросили!

Так не бывает, но это неважно. ЦК решил! Исполнительные олухи с радостным воем вырубали виноградники и били бутылки на ликеро-водочных заводах, торопясь доложить, что вот уже... уже... Выполнено! Отдельные нахальные партийные организации рапортовали об окончательной и бесповоротной победе, одержанной над «зеленым змием». Первым завязал, естественно, секретарь. Появилась у некоторых крупных начальников потребность при любом удобном случае сделать глубокий выдох в сторону аудитории: мол, знай наших, ни росинки, ни капельки, ни-ни, выхлоп не загазованный! Бугры всех мастей, рангов и калибров наверху блажили. А внизу? А внизу советский народ, в котором давным-давно было исключительно высоко развито чувство противоречия, насмерть, втихую пил. Пить начали даже те, кто вообще никогда не пил. Раньше водка стояла в магазине: хочу - куплю, хочу - не буду. Теперь тебе дают талон - две бутылки в месяц. Ну как тут не отстоять дурную очередь, схлопотать пару раз в ухо, отоварить вожделенный талон и не напиться? Святое дело! Если и раньше бутылка водки была во многих случаях эквивалентом какой-то разовой сделанной работе, то теперь она приобрела твердость доллара, чем больше вводилось квот, лимитирующих потребление спиртного на душу населения, тем больше сатанели советские люди. Они демонстративно начали пить все подряд: оде-

колон, денатурат, политуру... Они смели с прилавков аптек все спиртовые настойки, занялись самым черным самогоноварением. Материалом для него могло стать все, что угодно. Особенным почетом пользовалась «семитабуретовка». Ну нельзя же так, товарищи начальники. Надо хоть немного, хоть чуть-чуть знать менталитет подчиненного вам населения. Надо же было действовать совершенно, диаметрально противоположно. Возвести памятники алкашам, безвременно сгоревшим от избытка спиртного, обратиться к населению с призывом: «Дай Бог вам подохнуть с перепою самое позднее через три дня!» Организовать социалистическое соревнование между сменами, цехами и целыми предприятиями под девизом: «Чьи алкаши перемрут быстрее!» Вторгнуться в область спорта, проводить соревнования «Кто больше выпьет», но обязательно с летальным исходом. Победителей хоронить как национальных героев. Учредить звание «Почетный бормотолог СССР», ну и так далее. Идеологический аппарат в ЦК был силен, и получи он своевременно задачу... Глядишь, мужики сами бы погромы винных магазинов учинили и виноградники добровольно повырубили. Но - увы! Все было сделано так, как и сделано.

А офицеры что, не народ? Народ! А раз так, то и менталитет тот же. Всеми нами в июне 1985 года, при выпуске, овладел странный зуд. Группа, честно говоря, употреблением спиртного никогда не грешила. Так, по случаю, чисто символически. Но тут все единодушно решили, что плевать мы хотели на эти дурацкие указивки, и мы пойдем куда-нибудь в самый центр Москвы и «нарежемся»... И выпьем столько, сколько мы сочтем необходимым, а не сколько нам указали, а тем более запретили вообще. И мы пошли... В «Славянский базар»... И мы нарезались вместе с нашими глубоко уважаемыми и почитаемыми учителями полковниками Николаем Николаевичем Кузнецовым и Алексеем Петровичем Лушниковым. И вышедши из ресторана, решили, что этого мало. Мы обязательно должны сходить на Красную площадь и спеть там что-нибудь теплое, душевное, российское - хором. И мы пошли... с песнями...

- Товарищи офицеры, здравия желаю! - Милицейский сержант, высокий, стройный, затянутый в «бутылочку», стал перед нами.

- У нас на Красной площади петь не принято! - И он веж-

ливо посторонился, уступая нам дорогу. В глазах его читалось: «Я вас, мужики, предупредил, вы все старше по званию, вас много, думайте, решайте!»

Если бы он не посторонился, мы бы его, конечно, подвинули. Но он был изысканно вежлив. Он был при исполнении. Он поступил как мужчина и джентльмен. И мы дружно, не сговариваясь, повернули в другую сторону, решив не петь на Красной площади. Может быть, оно и к лучшему.

ПАРАДЫ И БУДНИ

Летом 1985 года я успешно закончил обучение в академии имени М.В.Фрунзе. Восьмая группа, которой я имел честь командовать, завершила учебу блестяще. Впервые в истории академии (по крайней мере, по словам начальника курса), в одной группе из 16 человек было два золотых медалиста - майоры Ю.Ю.Попов, В.В.Гайдукевич и пять слушателей закончили Академию с отличием. Забегая вперед, можно сказать, что это не были дутые, липовые отличники. На сегодняшний день шестеро из семи являются генералами - это генерал-майоры А.П.Колмаков, Ю.Ю.Попов, И.И.Бабичев, В.В.Гайдукевич, генерал-лейтенант В.А.Востротин и я. В резерве еще И.Г.Комар. При этом трое из шести - командиры дивизий, один - слушатель академии генерального штаба, один - командующий армией, один - заместитель министра по чрезвычайным ситуациям. Группа является предметом моей гордости. Три года моего командирского труда на должности заместителя командира взвода без прав не прошли даром.

Но вернемся к завершению учебы. Как и на всяком порядочном выпуске, особенно если этот выпуск был предрешен как успешный, царило радостное оживление и суматоха. Застоявшиеся, хорошо подготовленные офицеры рвались в войска. Радостное настроение не испортило ни Постановление ЦК КПСС о борьбе с пьянством и алкоголизмом, ни обещанные, но не присвоенные звания «подполковник» досрочно.

Несколько омрачило настроение другое: полная кадровая неразбериха, а с ней и неопределенность. Что это значит, поясню на собственном примере. Из беседы с начальником отдела кадров ВДВ я уяснил, что поеду заместителем

командира полка во Псков. Первый заместитель командующего ВДВ генерал-лейтенант В.Н.Костылев Псков категорически отверг и не терпящим возражения тоном объявил, что я буду начальником штаба полка в Алитусе. Командующий ВДВ генерал армии Д.С.Сухоруков в присущей ему корректной манере довел до меня, что я поеду заместителем командира полка в Тулу, а когда я за день до выпуска получил наконец предписание, выяснилось, что я заместитель командира полка, но в Рязани. Такой подход лишал возможности настроиться на определенный регион и подготовиться к убытию в него. А поскольку игра велась «втемную», она откровенно действовала на нервы. Ехать в Афганистан, в Гянджу или в Прибалтику - это совершенно разная подготовительная работа, и постановка перед фактом здесь, на мой взгляд, недопустима. Нужно дать офицеру возможность решить свои семейные дела, тогда по прибытии в часть он начинает заниматься службой, а не размышлениями на тему, как там себя чувствует брошенная второпях жена с детьми, где они живут и как они живут. Но всему приходит конец, все утряслось. Перед убытием в отпуск мы с Иваном Бабичевым, назначенным в этот же полк командиром батальона, решили заехать в будущую родную часть и представиться командиру полка.

Командира полка на месте не оказалось, он находился в отпуске, а нас ждал «приятный сюрприз». Первым, кого мы встретили, был заместитель командира полка подполковник Виктор Иванович Миронов. Я оказался вторым заместителем полка на одной должности. Да и командир второго батальона, на место которого был назначен Иван, по словам Миронова, никуда не собирался. Мы плюнули и уехали в отпуск.

Когда мы вернулись, почти ничего не изменилось. Заместитель командира полка и комбат-2 уже куда-то собирались, но куда и когда - было неясно, смутно и неприятно. В первый день службы я прибыл в полк в половине шестого утра, имея целью посмотреть подъем, физическую зарядку, утренний осмотр и составить, таким образом, представление об организации, куда я попал. Но и тут меня ждала неожиданность. Оказалось, что ночью в полк для внезапной проверки прибыла весьма представительная комиссия штаба Воздушно-десантных войск. Я наспех успел представиться командиру полка и «с марша вступил в бой». Никого не волно-

вало, что я в должности был два часа, никого не трогало, что я был заместителем командира полка № 2. С разных концов полка неслось: «Заместитель командира полка, почему ободрана трибуна, почему она засыпана листьями, почему скверно и нечетко разлинеен плац? Стройте офицеров на физическую подготовку!» Оправдываться не имело смысла, я улыбался и говорил: «Есть!» Заставлял скрести, мести. Строил, вел. Все сдавал лично. В общем-то, этой проверке можно сказать большое спасибо: она сразу поставила меня на боевой взвод и создала определенный задел уважения ко мне со стороны проверяющих офицеров и генералов за то, что я не скулил и не ныл, а делал дело. На третий день проверки, когда управление полка десантировалось на начавшихся командно-штабных учениях, на полигоне полка состоялся разговор с командиром дивизии полковником Ф.И.Сердечным. Лично я проверку сдал не ниже «хорошо» по всем показателям. Это командиру дивизии, судя по всему, понравилось, и он начал расспрашивать меня о прохождении службы. Послужной список мой ему не понравился. В самом деле: командир курсантского взвода, роты, сразу - комбат-скороспелка (правда, воевавший), потом академия. Какие выводы сделал командир дивизии, точно не знаю, по-видимому, положительные, потому что вскоре состоялся приказ о назначении меня командиром 331-го парашютно-десантного полка в город Кострому. И вот, не пробыв заместителем командира полка и двух месяцев, 11 сентября 1985 года на самолете АН-2 вместе с летевшим представлять меня комдивом я убыл в Кострому.

Кострома встретила пронизывающим холодным ветром и мелким дождем. На маленькой, скверно асфальтированной площадке, которая почему-то звалась плацем, был выстроен полк. Командир дивизии представил меня, сказал запомнившиеся на всю жизнь слова: «Десять секунд времени на уяснение того, что ты командир полка!» И... улетел!

То, что полк сыпался по всем показателям, мне было известно. То, что меня послали затыкать эту дыру по жестокой методике обучения плаванию: бросить в глубокое место, выберешься - честь тебе и хвала, а не выплывешь... - что тогда, мне тоже было известно. Радужных картин я себе не рисовал. Но действительность превзошла мои ожидания. Проводив командира дивизии, мы с моим предшественником, подполковником Н.В.Вашкевичем, вернулись в полк,

взошли на крыльцо штаба. Он немного подумал, потом показал пальцем: «Вот это - казарма первого и второго батальонов, вот это - третьего и спецов, вот то - парк, вот там - отсюда не видно - склады. Ну, бывай!» И вот, таким оригинальным образом сдав дела и должность, сел в машину и уехал... А я пошел осматривать теперь уже мое хозяйство. Самый поверхностный осмотр дал самые плачевные результаты. Все в полку поражало серостью, убогостью. Самому юному зданию на вид было никак не менее 40 лет, территория полка захламлена. Это неудивительно, так как мне не удалось обнаружить ни одной урны, ни одного мусоросборника. В парке сгрудившиеся по какому-то совершенно дикому плану металлические хранилища со сплошь и рядом битыми, причем довольно изрядно, воротами, кривые навесы, стоящие в грязи машины. Территория складов в диком бурьяне. Особенно поражала внутренняя убогость казарм. Казарм в полку всего две, а на потрясающую скученность людей (что было в какой-то степени объективно) накладывалось самое хамское отношение к содержанию казарм. Достаточно сказать, что во всех ротах без исключения не было ни сушилок, ни бытовых комнат. Туалеты, умывальники представляли собой потрясающее зрелище развала. Разбитые бачки, раковины, свернутые краны (кое-как действовала 1/4 часть), по стенам слизь и плесень, все плывет, течет, воняет. В спальном помещении панели покрашены или ядовито-голубой, или темно-зеленой краской, той, что красят боевые машины, а выше -«побелено» цементом. Тумбочки, табуретки побиты, ободраны. На все спальное помещение в заросших пылью плафонах горит 2 - 3 лампочки. Старший призыв спит как положено, остальные - как придется. Кто-то - на матраце, матрацем укрывается. У кого-то одеяло без простыни. Ни тебе ковриков, ни тебе тапочек, ни тебе какого-то яркого, радующего глаз пятна на стене. Серо, убого, удручающе. Тоска и безысходность, удушье, желание сделать ближнему своему что-то скверное, подлое, жестокое осязаемо висело в воздухе, в атмосфере этих казарм. Это были казармы в самом гнусном смысле этого слова, всякий попавший в них чувствовал себя просто обязанным совершить что-нибудь преступное. Поэтому неудивительно, что из 55 преступлений и происшествий в дивизии 27 приходились на несчастный Костромской полк. В общем, - старое деревенское кладбище с покосившимися крестами, как сказал однажды Дмитрий Се-

менович Сухоруков. Особенно все это резало глаз на фоне того, что полк-то был парадный, солдаты в него подбирались рослые, видные, красивые парни. Редко встретишь солдата ростом 180 см, основная масса в интервале от 185 см до двух метров. И вот то, что могло и должно было быть лицом воздушно-десантных войск и действительно таковым являлось, когда прибывало на парадную площадку, в повседневной жизни жило в самых хамских, нечеловеческих, потрясающих своим бесстыдством и безответственностью условиях. Взгляды у солдат, да и у офицеров, угрюмые, недоверчивые, смотрели все одинаково, без огонька и блеска. Нечто подобное можно наблюдать в передвижных зоопарках, где обитают в клетках очень скверно содержащиеся волки, и некогда могучий, сильный и гордый зверь превращается в жалкое подобие особи, едва волочащей ноги.

Я вернулся в штаб, мягко выражаясь, в сильно удрученном состоянии. Сел в кабинете и задумался. То, что это мое, я уже понял, то, что я не смирюсь с этим свинством, - тоже понял. То, что все это придется взломать, вздыбить и разнести и переделать, - тоже понял. Вопрос был в том, с чего и как начать.

Где-то очень близко послышалось не очень стройное, по всему видно, пьяное пение. «Вот черт, уже галлюцинации начались»,- подумалось мне. Я тряхнул головой. Пение не исчезло. Заинтересовавшись, я спустился вниз со второго этажа, вышел на крыльцо штаба. Внизу, перед крыльцом, стояло человек двадцать офицеров, прапорщиков - сильно пьяных среди них не было, но «врезавши» были все. Вызывающе поглядывая на меня, они пели «Стеньку Разина». «Чего они ждут от меня? Ждут, что я соколом слечу с крыльца, начну махать кулаками, возмущаться?» Не-е, ребята, не угадали. С радостным видом я спустился с крыльца и вошел в толпу: «Плохо и нестройно поете, мужики! - сказал я. - Давайте вместе!» И подхватил. «Брови черные сошлися, надвигается гроза. Алой кровью налилися атамановы глаза». Совершенно случайно этот куплет с вполне определенным смыслом совпал с моим вступлением в хор. Последние две строчки я допевал самостоятельно. «Ну же, мужики, дальше!» Дальше не пелось. Изумление, растерянность, недоумение в не очень-то пьяных глазах. Пили, что называется, для запаха - дури своей хватало. Воспользовавшись моментом, сгреб всю эту толпу и, приговаривая: «Ну хватили лиш-

него, ну, бывает, ну, по домам, ну, завтра служить начнем», сопроводил их всех до КПП и выпроводил за ворота.

Вернулся в кабинет и позвонил напрямую командующему ВДВ. Доложил: «Товарищ командующий, личным осмотром установил, что вверенный мне 331-й парашютно-десантный полк является жалкой и постыдной пародией на десантную часть. Для приведения его в порядок прошу вас предоставить мне особые полномочия по кадровым перестановкам и дополнительное финансирование». Здесь должен высказать свое мнение, и не только свое. За весь период существования ВДВ в них были два командующих - недосягаемый и великий Василий Филиппович Маргелов и мало в чем ему уступавший, разве что менее размашистый, глубокий и мудрый - Дмитрий Семенович Сухоруков. Именно благодаря мудрости, за что огромное ему спасибо, командующий сразу оценил, почему стало возможным, что командир полка первого дня службы, минуя все промежуточные инстанции, вышел напрямую на него. Я получил сначала полномочия, потом деньги.

Вывод, который я сразу сделал после разговора с командующим, пришел легко и просто. Заключался он в расхожей фразе: «Бытие определяет сознание!» Сначала надо перестроить бытие, создать людям человеческие условия, заставить их ощутить, что они - люди, а не гамадрилы, а уже потом на фоне этого и с помощью этого подтягивать сознание, ибо если человек живет, как человек, он и служит по-человечески, а если как свинья, то и все остальное по-свински...

На фоне того, что ежеминутно резало в полку глаз, задача казалась поистине грандиозной. Но глаза страшат, а руки делают. На следующее утро, выйдя из двери полкового бассейна, где я поселился, а бассейн расположен точнехонько против штаба, я увидел галдящую толпу - человек около десяти. Слышались обрывки фраз: «У меня автобус стоит, где люди?» Дежурный по полку подал команду, доложил мне о состоянии дел, и толпа, уяснив, что я новый командир, попыталась решить свои вопросы с ходу нахрапом. Раздались возмущенные, нахальные и громкие требования: «Майор! Командир! Я уже полчаса как стою, мне обещали роту!..» ... «А мне должен был быть выделен взвод!» - «В чем дело?» Покричали они секунд 10, пока я не разобрался, в чем дело. Работодатели вылетели из пол-

ка на предельно возможной скорости. Начались трудовые будни.

Надо сказать, что полк стоял на отшибе, далеко, за 600 километров от штаба дивизии, и, казалось бы, его географическое направление предопределяло отправлять туда в качестве командиров людей самостоятельных, волевых и хозяйственных. Тем не менее, как это ни странно, по докладу старожилов, попадали туда то более охотники, чем пьяницы, то более пьяницы, чем охотники. Полк при таком мудром управлении стремительно деградировал. Насколько я разобрался, один Иван Андреевич Химич пытался серьезно исправить положение дел и во многом преуспел, но, к сожалению, быстро ушел из полка.

Широко развернулись работы по завершению строительства трехэтажных пристроек по всем казармам, где планировалось разместить соответствующие требованиям устава туалеты и умывальники. Старые развалили, помещения высушили, взялись варить в них сушилки и оборудовать бытовые комнаты. Казармы побелили, убрали из них ядовито-голубые и танково-зеленые цвета. Повесили люстры, вкрутили все лампочки. На стены - картины, на колонны - цветы. Каждому - персональный комплект постельного белья. Всех одели и обули. Расставили по полку урны и мусоросборники. Круто навели порядок в столовой. Организовали боевую подготовку, и глаза наконец начали блестеть. За дело народ взялся охотно, свинство всем надоело. Но для того чтобы окончательно переменить настроение, нужен был какой-то крупный успех. И тут я попал на областную партийную конференцию. Первый секретарь Костромского обкома Юрий Николаевич Баландин был к тому времени секретарем обкома 24 года. Трудно ли быть командиром взвода? Первые 17 лет трудно, а потом привыкаешь. Исходя из этого соображения, Юрий Николаевич поставил дело так, что последние примерно 17 лет вопросов ему никто никаких не задавал, и даже мысль такая кощунственная никому в голову не приходила. Какие могут быть вопросы к Солнцу? Доклад, продолжительные аплодисменты, чинные выступающие, проект постановления за основу, в целом, бурные, продолжительные аплодисменты - все как положено. И вот Юрий Николаевич читает доклад, а командир полка майор Лебедь пишет ему записку, в коей указывает, что в нарушение постановления ЦК КПСС от такого-то числа такого-то месяца Кос-

тромской горисполком не выделил полку большое количество квартир. Записка ушла в президиум. Когда по завершении доклада пораженные в самое сердце, укоризненно качающие головами члены президиума из рук в руки передали ее Юрию Николаевичу, на лице его выразилось безмерное удивление. «Берет, как бомбу, берет, как ежа, как бритву обоюдоострую, берет, как огромную, в двадцать жал, змею двухметроворостую». Осторожно, неловко развернув ее, Юрий Николаевич пробежал глазами. Какой-то майор Лебедь, какие-то квартиры - и, обратив преисполненное страдания лицо в сторону президиума, нервно сделал жест рукой: «Да... дайте... ему!» И назавтра я получил семнадцать квартир. Это был успех, но успех, как я его расценил, - промежуточный. Я рассудил так: имея в полку более 80 бесквартирных, я за счет этих квартир имею возможность покрыть чуть более 20 процентов потребности и остаюсь без перспективы. Но у меня есть пятна застройки, с которых надо из бараков отселить двенадцать семей, снести бараки и построить дома. Тогда появляется перспектива закрыть жилищную проблему полностью. Я так и сделал. В пожарном порядке было проведено отселение. Честно говоря, никто и не сопротивлялся. Когда вместо постылого барака предлагают благоустроенную квартиру - что тут выбирать?

Пять оставшихся квартир выделил самым нуждающимся. Это вызвало определенное недовольство, далеко не все в полку меня поняли. Как это так, при нашем бесквартирье шиковать и отселять каких-то гражданских? Тут еще вмешался командир дислоцировавшейся поблизости ракетной дивизии. Заехав как-то в полк, он заявил, снисходительно поглядывая на меня: «Майор, я здесь, по сути, формирователь титула. У меня 24 миллиона, у меня УИР (управление инженерных работ), у меня своя КЭЧ - ваши полудохляки ничего здесь не сделают. То, что отселил, - молодец, спасибо. Отдай пятна застройки и не дергайся». Я уперся: «Пятна мои, и строиться буду я!» Последовало насмешливое: «Ну-ну!..» Через час после убытия комдива ко мне с ультиматумом прибыл начальник УИРа: или я в десятидневный срок сношу бараки и предоставляю ему готовую площадку под застройку, или он снесет их сам, но тогда строить будет по плану командира дивизии. Я сделал хорошую мину при очень плохой игре и сказал: «Хорошо!» Ухмыляясь, полковник ушел. Я задумался. Два мощных, толстостенных приземистых барака

постройки 30-х годов (а строили тогда на совесть) являлись серьезной проблемой. Усугублялось все это тем, что на улице стоял ноябрь. Снега было немного, но мороз ударил подходящий. Ковырять бараки ломиками и кирками - несерьезно. Взрывать в центре города не будешь. Тут осенило: у меня же два танка есть для обкатки личного состава. Заместитель по вооружению получил приказ: ночью перегнать танки с учебного центра в полк. Два видавших виды, но надежных Т-55 прибыли. Назавтра было воскресенье. И вот, придав каждому танку по отделению для очистки триплексов от кирпичей и досок, я выгнал их в город. Началась операция: танки против бараков. Отвернув башни, танкисты примерились, и первая боевая машина нанесла мощный таранный удар в угол барака. Здание содрогнулось, посыпались кирпичи, танк сдал назад. Пехота быстренько очистила триплексы и люк. Еще удар - по зданию пошла трещина. Рядом соседним бараком занялся другой танк под руководством заместителя по вооружению подполковника Давыдко. Поглазеть на такое диковинное зрелище сбежалась вся округа. Возникла дополнительная трудность. Приходилось следить еще за тем, чтобы радостно-возбужденные детишки и взрослые не попали под гусеницы. Танки растоптали бараки, превратив их в огромные груды битого кирпича, штукатурки, щебня.

Возникла новая задача - надо вывезти несколько десятков тонн строительного мусора. Экскаватора в полку нет, бульдозера нет, самосвал только один, и у того главная задача - подвоз угля на учебный центр. Но я уже ухватил удачу за хвост!.. Пока я размышлял, что же мне делать с вывозом, доложили о страстно желающем меня видеть председателе какого-то гаражного кооператива. Передо мной появилась небольшая, круглая, самоуверенно-приблатненная фигура: «Командир, сколько ты хочешь за этот хлам, что у тебя за стеной?» Внутренне я чуть не заорал от радости, от предчувствия быстрого и радикального разрешения тяжкой проблемы. Но надо было играть. Я потянулся и зевнул: «Нисколько. Спорить люблю». - «Что значит спорить, командир?» - «А вот так. Если ты за три дня вывезешь строительный мусор, я с тебя не возьму ни копейки, но если опоздаешь хоть на час от установленного срока - заплатишь вдвойне». Глаза председателя заблестели. Он, как выяснилось, тоже любил спорить. То ли из почтения ко мне, то ли от сознания своего превосходства (я так и не понял), но он сменил форму

обращения: «Шеф, по рукам! Давай оговорим сроки». - «Стоять, приятель. Сказанное улетает, написанное остается».

И мы дружно родили договорчик, в котором было сказано, что если до 16 часов такого-то числа куча строительного мусора будет ликвидирована, полк никакой платы не взимает; если же кучи к установленному сроку не исчезнут, оплата будет произведена вдвойне, по расценкам КЭЧ. Мы ударили по рукам и, забрав каждый по экземпляру договора, разошлись. Высланная разведка доложила, что председатель кооператива любил спорить серьезно. Уже через час к месту баталии прибыл экскаватор, еще через час - бульдозер, почти одновременно с ним четыре КамАЗа выстроились, как «Мессеры», вкруг, и работа закипела. К концу второго дня строительная площадка была очищена, спорщик-председатель не поленился завезти не менее полумашины песка и демонстративно ее посыпать. Все его действия мне систематически докладывались, но когда он прибыл констатировать факт выигрыша спора, я прикинулся страшно удивленным. Прибыв на площадку, я выразил восхищение его организаторскими способностями, посокрушался, что так бездарно проиграл спор, вернул ему второй экземпляр договора. Повидимому, я был достаточно искренним, потому что председатель проявил максимальное великодушие. Достал из дипломата бутылку коньяка и предложил выпить за тех, кто живет спором. Мы ее выпили, вернувшись ко мне в кабинет, и расстались, каждый довольный по-своему. Был вечер седьмого дня. Я помчался к начальнику УИРа. Звали его Николай Николаевич, фамилию, к сожалению, забыл. Оказался он глубокопорядочным, толковым и знающим свое дело человеком, как выяснилось впоследствии. Мы с ним плодотворно работали. Начальник УИРа был на месте. «Поехали принимать строительную площадку и заактируем это дело», - сказал я. «Какую площадку? И откуда ты упал?» - «Поехали, поехали!» Николай Николаевич перешел на официальный тон: «Товарищ майор, вы из меня дурака не делайте!» - «Товарищ полковник, я без дураков. Поехали!» Прибыв на площадку, Николай Николаевич, покряхтывая, обошел ее вдоль и поперек, полюбовался демонстративно насыпанным песочком, протянул мне руку: «Все, майор, строю для тебя. Не часто бывает!» И дом пошел! Это был конец ноября.

А теперь необходимо вернуться к событиям двухмесячной давности. 1 октября в полк с проверкой прибыл коман-

дир дивизии Ф.И. Сердечный. Жестокая это была проверка. Комдив и некоторые офицеры управления дивизии откровенно пинали полк. Да, честно говоря, и было за что! Выяснилось, что полк умеет стрелять громко и часто, но отнюдь не метко. Преодолевать препятствия на танкодроме могли далеко не все и далеко не каждое. Техника постоянно ломалась. Вооружение выходило из строя. Ноги к перекладине не подносились, ну и так далее... Запомнилось состояние потрясающей унизительности, когда командир дивизии, вдоволь поиздевавшись, наконец с множественными оговорками (скидка на молодость командира полка, скидка на его пролетарское происхождение, ввиду того, что полк убывает на парад, и в надежде на то, что он когда-то перестанет быть захудалым) вывел полку тройку. 10 октября полк убыл на парад. Этот первый парад (а всего я участвовал в пяти: в двух - в качестве командира пешего полка ВДВ, в трех - будучи командиром дивизии) запомнился мне надолго и позволил сделать ряд интересных наблюдений. Отправленная ранее тыловая группа подготовила палатки для размещения полка, столовую и другие объекты. Необходимо было вдохнуть во все это жизнь, привнести в нее порядок и уют.

Надо сказать, что парадная площадка - это 10-тысячное скопление представителей самых разных видов и родов вооруженных сил, несколько сотен единиц самой разнообразной техники.

Это общежития, парки, склады, стоянки, столовые. Все прибывают на парадную площадку со своими привычками, взглядами, понятиями о порядке, и удержать в узде эту разношерстную орду может только сильный, волевой и жесткий человек.

Начальник гарнизона парадной площадки генерал-майор Бельтюков - его, к сожалению, уже нет в живых - был именно такой. Маленького роста, коренастый, но нисколько не толстый. Лобастое, квадратное лицо, пенсне а-ля Берия. Он был воплощением энергии, деловитости, распорядительности и жесткости, порой переходящей в жестокость. На ежедневно проводимых совещаниях генерал Бельтюков мог разделать под орех любого командира части, не утруждая себя выбором выражений. В то же время, когда на тренировке появлялся командующий округом, кто-то из заместителей министра или сам министр обороны, неизменно следовал доклад: «Все без исключения офицеры - молодцы, старают-

ся, являют собой образец исполнения служебного долга». Дед никогда, никому, ни на кого не жаловался, а драл сам по-отечески. Может, это кому-то покажется странным, но это очень ценное и важное качество начальника. На парадной площадке, при систематическом посещении ее министром обороны и его заместителями, очень легко было слететь с должности или вообще вылететь из армии. Поэтому вот такая манера поведения Бельтюкова всем без исключения импонировала. Все знали, что если пролетел - свое получишь сполна и круто, но вождь парадной площадки тебя никогда не сдаст. Поэтому, обижаясь на него по мелочам, ему прощали любые выходки. В первые три дня главным героем на каждом совещании был я. Все у меня было плохо, все не так. Особенно потрясающие доклады о катастрофическом состоянии противопожарной охраны в полку делал начальник этой самой охраны майор Соболь. Вышел я из положения совершенно неожиданным образом. Надо сказать, что практика совещаний была такова: первые десять - пятнадцать минут начальник штаба парадного расчета доводил общие указания и распоряжения, потом в зал совещаний стремительно врывался Бельтюков. «Товарищи офицеры!» Появление начальника гарнизона сопровождалось, как правило, демонстрацией какого-нибудь уникального образчика «гомо сапиенс» или до предела изуродованного предмета снаряжения. Разминка начиналась с команды: «Заводи!» или «Заноси!»

На этот раз последовало: «Заводи», и комендант парадной площадки представил на всеобщее обозрение курсанта военно-морского училища. Роста в курсанте было где-то метра под два, но чтобы всем было ясно, о чем речь, Бельтюков приказал: «Залазь на стол!» Курсант залез и как атлант взвалил потолок на плечи. При таком росте размер обуви у него был никак не меньше сорок пятого, но во что он был обут и был ли обут вообще, осталось для всех тайною. Потому что, согласно морскому обычаю, брюки у него были клеш, в данном случае это был какой-то суперклеш, ибо ширина штанин у самой земли была примерно пятьдесят и под этой «запорожной роскошью» начисто терялась предполагаемая обувка. Последовал бурный комментарий к такому изощренно-злостному нарушению формы одежды. Бельтюков имел привычку по ходу разбирательства втыкать в кого-нибудь указующий перст и спрашивать: «Что ты дума-

ешь по этому поводу?» На сей раз перст воткнулся в меня. Я доложил: «Великий Суворов сказал: «Чем выше чердак, тем больше хламу». Напомню, что Бельтюков роста от силы 162 см. Он онемел: «Как, как ты сказал?»

- Да не я, а великий Суворов: «Чем выше чердак, тем больше хламу».

С тех пор как отрезало. Даже когда я действительно в чем-то был виноват, разбор генерал Бельтюков делал почти нежно, поглядывая снизу вверх на мои 185 см, иронично поблескивая очками, вопрошал: «Так что там сказал великий Суворов?»

Парад, точнее, подготовка к нему - это прежде всего тяжелый труд. В любую погоду, несмотря ни на что, надо превратить большую массу по-разному подготовленных в зависимости от срока службы солдат в монолитную, мощную молодецкую колонну, где все - голос в голос, волос в волос, ствол в ствол. Только такая колонна впечатляет и вызывает восхищение. Научить шеренгу, в которой 22 человека, красиво и слаженно ходить - задача повышенной категории сложности, особенно вначале, когда шеренги извиваются, как змеи; стволы автоматов, несмотря на все объяснения, торчат в разные стороны; левый фланг относительно правого заносит на расстояние до 2,5 метров в ту или иную сторону, вперед или назад. И каждому надо поставить подбородок, носок, ствол, локоть. Добиться однообразия и монолитности, пустить по две, по три, потом по пять и, наконец, по десять шеренг. Это все на простом понятном человеческом фоне: участвовать в параде хотят все, а вот систематически тренироваться - ну, только о-о-очень сознательные. Существует целая система маленьких тайн, хитростей, стимулов с целью понудить солдат заниматься сознательно и старательно. Это вручение непосредственно после занятий лучшим шеренгам билетов в престижные кинотеатры и концертные залы, это и флажки на автоматы, это и ежедневный пятикилограммовый кулек конфет лучшей шеренге одного и другого батальона. Это и методически грамотная подначка старшин - старших шеренг, когда доведенный до отчаяния снисходительными насмешками старшина начинал своей волей дополнительные занятия и сплошь и рядом если уж и не попадал в лучшие, то, по крайней мере, однозначно уходил из худших. Это и ежедневный чай с бутербродами, это и эпизодически, спонтанно осуществляемые совместные тре-

нировки с «тысячетрубным оркестром». Это и фильмы, концерты, встречи на самой парадной площадке. Это и многочисленные смотры-конкурсы на лучшую «коробку», лучшую песню, лучшую ленинскую комнату, комнату хранения оружия, с вручением призов; и, соответственно, антистимулы - худшие шеренги скребут территорию, метут, драят, носят. В общем-то, надо сказать, что, несмотря на напряженность и занятость, разборы и разносы, обстановка на протяжении всей подготовки к параду царит деловая и в то же время предпраздничная. Подготовка к параду сама по себе отнюдь не монотонна, а на этом фоне есть ряд пиков напряжения - это две ночные тренировки на Красной площади и генеральная репетиция. Эти пики подготовки требуют всех физических и моральных сил. Все предшествующие фрагментарные наработки надлежит слить воедино и продемонстрировать, что ты отнюдь не даром, как выражались некоторые, «белый хлеб жрешь и одним воздухом с Политбюро дышишь».

На таких тренировках присутствует министр обороны, все его заместители: главкомы видов вооруженных сил, командующий ВДВ, начальники главных и центральных управлений. Каждый гордится своими и хочет, чтобы его войско прошло как можно лучше. Возникает соревновательность, задор и азарт между ними. Это передается войскам. Подготовка и участие в параде, какие бы кто ни вешал на них ярлыки, есть явление не рядовое, праздничное, возвышенное, способствующее сплочению людей, проявлению их самых лучших душевных качеств, выработки у них воли, коллективизма, ответственности за одно большое общее дело.

И вот наступил день парада. Здесь мне сразу вспомнился А.И.Куприн, его совершенно замечательные строчки, написанные более ста лет назад: «Строевой смотр в полку был назначен в 13 часов дня, капитан Слива вывел роту на плац в 6 часов утра и с ужасом увидел, что полк уже стоит». Подъем в 4 утра, завтрак в полпятого, выезд по графику в интервале 5 - 5.30. В 6 часов ты на месте, на подступах к Красной площади, и тебе с полком предстоит мило провести четыре часа времени в осенне-зимнюю погоду на свежем воздухе. С учетом наглаженности и надраенности, с одной стороны, и торжественности предстоящего действа - с другой, какие-либо резкие массовые движения исключены. Можно чинно и благовоспитанно прохаживаться, в крайнем случае, можно «зайчиком» попрыгать. Здесь уместно вспомнить, что, в

соответствии с традицией, на параде две части - полк ВДВ и полк морской пехоты, ходят раздетыми: берет соответствующего цвета, тельняшка, укороченные сапоги и, как ни изощряйся, поддевая под китель ватную безрукавку, все равно, мягко выражаясь, прохладно. Здесь нужен определенный аутотренинг и опять же маленькие хитрости: самая распространенная - перцовый пластырь на подошвах. Голь на выдумки хитра.

Моим любимым развлечением на тренировках было - в перерыве подойти в кителе к одетым в шинели, укрывшимся за каким-нибудь стендом от ветра, курящим офицерам и предложить: «Хорошо бы сейчас, мужички, по кружечке холодного пивка!» Мой вид в сочетании с предложением вызывал инстинктивный озноб: «Пошел бы ты со своим пивом!»...

...К 9 часам, предъявив пропуска, командиры втянули колонны на Красную площадь.

Остался самый мучительный час. С одной стороны, нельзя дать солдатам застыть, с другой стороны, нельзя на главной площади страны, за считанные минуты до начала парада, неприлично резво прыгать. Перебились. Степенно так поворачиваясь налево, направо, кругом, бессчетное количество раз приподнимаясь на носки. Тут подстегнуло и в какой-то степени согрело еще одно обстоятельство. В соседней с нами колонне академии имени Жуковского, не выдержав напряжения, упали в обморок два офицера. Их заменили на запасных. Навернулась мысль: «Не хватало мне еще такого позора!» Пришлось забыть про приличия, заставить подчиненных резко двигаться, рассказывать разные веселые, не относящиеся к делу истории, снимая тем самым растущее напряжение. Выстояли. Команда, объезд строя министром обороны, речь министра, команда, пошли. При повороте налево у Исторического музея нажал кнопку секундомера. На прямых ногах, как-то удивительно легко прошел мимо трибуны Мавзолея, слыша позади единый, как метроном, топот «подзвоненных» сапог, спиной чувствуя, что идут уверенно, идут здорово. Ушел вправо, пропуская строй вперед. Кнопка секундомера: стоп! Предъявив пропуск, прошел на площадку разбора перед Мавзолеем.

Мимо трибуны нескончаемой рекой величественно плыла техника. Прошли последние четыре уазика, краткий разбор. «Спасибо» и «Молодцы!» - от министра обороны, поз-

дравление с праздником и пожелание счастливого пути. Я поспешил к колонне, ибо времени было 10.45, а в 16.50 мне надлежало со всем полком, оставив тыловую группу, сидеть в поезде. На Васильевском спуске достал секундомер. От поворота до «вольно» - 32 секунды. Появилось ощущение какого-то дикого несоответствия всей громадности проделанной работы, затраченных средств, количества привлеченных людей, нервотрепки этой половинке минуты. Я стряхнул с себя это ощущение как наваждение и поспешил к полку. Прибыв с колонной на парадную площадку, в который уже раз в своей армейской службе убедился, что праздник для офицера - что для лошади свадьба: морда в цветах, а зад в мыле. В считанные часы надлежало сдать 400 стволов оружия, парадную форму, комплекты знаков, душегрейки, рассчитаться с постельным бельем и прочее, и прочее, и прочее... При этом каждый солдат норовил оставить себе какой-нибудь сувенир на память о параде. Еще несколько часов назад монолитное войско на какое-то непродолжительное время превратилось в толпу мелких жуликов, что-то утаивающих, что-то на что-то меняющих. Это быстро кончилось. Понимание этого момента пришло ко мне позже. Это была своеобразная психологическая разрядка, спад долго аккумулируемого напряжения, своеобразный, несколько затянувшийся вздох облегчения. Да и по сравнению с громадьем вложенных в парад средств утаенный солдатом в качестве сувенира знак - мелочь, о которой не стоит говорить. В 24 часа московского времени полк высадился на вокзале города Костромы и в сопровождении оркестра проследовал стройной колонной в военный городок.

Праздник кончился. Опять наступили трудовые будни. Энергично менялось бытие, не менее энергично вместе с ним менялось сознание. Все больше и больше людей охватывало очень нормальное человеческое желание - сделать так, чтобы вокруг тебя было красиво, уютно. Превратить расположение роты, каждое ее помещение в место, куда было бы приятно войти, где бы все радовало и успокаивало глаз. Уйти от слова «казарма» в худшем понимании этого слова.

В марте полку предстояло участвовать в дивизионных учениях с десантированием. Я, по молодости и по неопытности, решил, что времени у меня предостаточно, да и, честно говоря, методологию этой подготовки представлял достаточно поверхностно и продолжал увлеченно заниматься реше-

нием бытовых вопросов. Но тут командир дивизии объяснил мне практически, что я не прав, продемонстрировал, что щука существует в реке, чтобы карась не дремал и не увлекался. 21 января полк был поднят по учебной тревоге с выходом сначала в плановые, а потом во вновь назначенные районы, что называется, со всеми потрохами. Эта тревога была фрагментом плана командира дивизии по подготовке дивизии к учению. Если с первой частью задачи (выводом техники, вооружения, запасов материальных средств из парка, со складов и построением колонны вне военного городка) я справился, как мне кажется, сносно, то, когда начался марш, я горько пожалел, что не упредил командира дивизии, самостоятельно проведя цикл тренировок. Колонны рвались и непомерно вытягивались, машины буксовали, парили, дымили, глохли. Систематически пропадала связь, а с ней и управление. Вспоминать все душераздирающие подробности из жизни кроликов что-то не хочется. Достаточно двух эпизодов.

Родная полковая инженерная техника на марше вся поголовно вымерла на первых же километрах. Посему колонные пути во вновь назначенных районах, в глубоком - до шестидесяти сантиметров - снегу, чистил мне мужик на «Кировце» с лопатой, наспех поднятый и героически продержавшийся с нами без сна и отдыха более суток, исключительно благодаря спирту, который подносил ему с темпом 50 граммов в час начпрод. Комдив ехидно рекомендовал поставить ему поясной памятник перед штабом полка, так, как есть в натуре: шапка, в которой по странному обычаю российских мужиков из глубинки одно ухо торчит вверх, другое - вниз, телогрейка, под ней рубаха с разорванным воротом, на голой груди нательный крест, в правой руке стакан, а левая делает отрицательный жест против закуски. Ехидничать-то комдив ехидничал, но если говорить по большому счету, то усилиями таких вот мужиков, совестливых, расхристанных и безымянных, Россия и выиграла все свои войны. Хороший был мужик.

И второй эпизод, когда ценой неимоверных усилий я наконец собрал полк в район и за много часов впервые присел буквально на три минуты - выпить кружку чая, - на меня свалился комдив. Застань он меня в любом другом месте, возможно, удар был бы помягче, но он застал меня именно так: с кружкой в руке, в КУНГе «142-й» радиостанции, толь-

ко что переведшего дух и на несколько минут расслабившегося.

Разнос был жесточайший. Как мне казалось, к несправедливостям, сопровождающим армейскую службу, я уже привык, но здесь, когда, с одной стороны, я никогда и нигде, включая Афганистан, не проделывал за относительно короткий промежуток времени такую колоссальную по напряжению и нервотрепке работу, а с другой стороны, никогда и нигде не получал за подобную работу столь уничижительной и презрительной оценки, от дикого перепада того, что сделано, и как оно оценено - меня в первый и последний раз в жизни прошибла слеза. К чести полковника Сердечного, он мгновенно сдал назад.

Дальше все пошло значительно спокойнее, наверное, поэтому - более толково. Урок был жестокий, но справедливый. Как это ни смешно сейчас вспоминать, больше всего меня злила и бесила именно уроненная слеза. «Что ты видел в армии?» - «Грудь четвертого человека, считая себя первым». - «Что ты делал в армии?» - «Устранял недостатки». С учетом полученного урока, я принялся их устранять. Какой это был труд, сколько каких тренировок было проведено - знаю я, знают мои подчиненные.

Важен итог. А в итоге к началу учений я руководил полком играючи. Эта отлаженная и прекрасно настроенная махина резвилась от сознания своей мощи и непобедимости. Стройные колонны, дистанции, как нарисованные, образцовое управление со стороны всех категорий командиров. Потом был марш на аэродром в Иваново, загрузка техники для десантирования, десантирование всем полком без потерь и учения, где полк единственным из всех был оценен «хорошо». Оценку эту поставил сам командующий ВДВ генерал армии Д.С.Сухоруков. Это очень высокая оценка, я никогда в жизни не видел отличных оценок полку на дивизионных учениях. Какое же это непередаваемое ощущение, когда проделанная тобою работа, твой труд выливается в одну какую-то неподражаемую, непередаваемую симфонию, когда многосотенный воинский коллектив действует, как единое целое, когда каждый солдат знает свой маневр. Когда каждый офицер ощущает себя офицером и именно поэтому гордится собой. Когда персональная гордость каждого сливается в единую, непобедимую гордость всего полка. И когда вот этому возвышенному, приподнимающему всех чув-

ству подвел итог двумя простыми, незамысловатыми словами солдат, заоравши после разбора: «Мы! Могем!» Это еще одна моя личная, персональная гордость: 331-й Костромской парашютно-десантный полк. Битый, ломаный, свершающий отчаянные переходы от красивой сытой жизни на парадной площадке к серому и убогому существованию в пункте постоянной дислокации. Я с ним и он со мной, мы вместе вставали на ноги... И встали. Он до сих пор славен и дружен.

Весеннюю проверку полк сдал легко и непринужденно на «хорошо». Потом был период великих строек. В короткое время в полку был построен клуб, заасфальтирован наконец подобающий парадному полку плац. Коренным образом перестроена парковая зона в пункте постоянной дислокации, складская зона в учебном центре. Вся техника стала под крышу. Разместились на свои места все запасы материальных средств. Появился вкус к нормальной человеческой жизни. Люди получили возможность отдыхать, появилась уверенность в завтрашнем дне. 30 июля 1986 года мне позвонил командующий, поздравил меня с присвоением воинского звания «подполковник»!

Это не значит, что все шло исключительно гладко, без сучка и задоринки. Просто не бывает все хорошо, как и все плохо. Не бывает! Можно вспомнить то же строительство плаца. Готовился я к нему долго, исподволь запасал бордюрный камень, щебень, битум. Построили его за четыре дня. Естественно, левым порядком, и, естественно, вне титула.

Пока строил, все восхищались. Восхищение кончилось, когда был представлен счет мне, а мною в вышестоящие финансовые органы дивизии. Счет на 108 тысяч рублей. Какой тут поднялся шум! Как меня только ни обзывали, «финансовый гангстер» - было самым мягким ругательством. Обиднее всего, что счет я предъявил предельно минимальный. Проинструктированные мною соответствующим образом командиры батальонов и начальники родов войск и служб порезвились вовсю, ловя машины с асфальтом на подступах к полку. В короткие сроки дополнительно заасфальтированы отливы у всех казарм и спортивного зала, волейбольная площадка, дорожки перед медпунктом, кое-что в автопарке.

В конце концов после долгой ругани, препирательств, ходатайств, опять ругани счет оплатили.

Или клуб. Вторую двухэтажную пристройку к нему воле-

вым решением командира полка саперы начали возводить еще зимой, используя раствор с солью. Пока была зима - все было красиво и ровно, как только пригрело солнышко - стены заплакали горючими слезами, местами угрожающе покосились, местами треснули. И от греха все это строение пришлось разобрать и переложить по-новому. Из чего я сделал для себя вывод, что с волей надо обращаться осторожнее.

Или складская зона. С учетом построенных двух хранилищ, складов под пиротехнику, надо было существенно расширить ее границы, вкопав огромное количество бетонных столбов, натянув на них колючую проволоку. В то же время нельзя было на какое-то длительное время разгораживать имеющуюся. Нельзя было работать поэтапно: построить новое, потом разобрать старое, так как все столбы со старого ограждения должны были перейти на новое. Иными словами говоря, за один световой день надо было сделать чудовищно большую работу. Я долго думал, как объять необъятное, и выход нашелся. В одну из суббот рано поутру на учебный центр был вывезен личный состав двух батальонов и артиллерийского дивизиона, подкрепленный соответствующими механизмами, поставлена хорошо продуманная задача, солдаты, как муравьи, растащили одно и воздвигли другое. И когда вечером перед нашими глазами предстала складская зона совершенно иной конфигурации, где даже вышки по углам успели вкопать, мы сами себе удивились: «Ай да мы!»

Стройки сочетались с интенсивной боевой подготовкой. Как-то очень незаметно мигнуло и кончилось показавшееся очень коротким лето, в течение которого я все собирался искупаться в Волге, да так и не собрался. Опять наступила проверка, на которой я получил максимум удовольствия. Проверяло меня уже не управление дивизии, а управление боевой подготовки ВДВ во главе с генерал-лейтенантом Освальдом Миколовичем Пикаускасом. Освальд Миколович известен в воздушно-десантных войсках как человек абсолютно неподкупный, глубоко знающий свое дело, беспристрастный, скрупулезный. На тот период второй ротой командовал Арунас Тамаускас, а водителем у меня был Гиринтас Лаяускас, благодаря чему родился каламбурчик: сдает Тамаускас, принимает Пикаускас, возит Лаяускас. Перипетии самой проверки есть смысл опустить. Проверка - она и

есть проверка. Важен результат. Полк был оценен «хорошо», да еще не кем-нибудь, а самим генералом Пикаускасом. Оценен «хорошо» впервые за последние лет пятнадцать. У меня были все основания гордиться проделанной мною работой.

Опять парад, тренировки, нервотрепки, разборы... концерты!

На ночной тренировке на Красной площади командующий ВДВ генерал армии Сухоруков, как бы походя, задал вопрос: «Как вы смотрите на то, чтобы стать начальником штаба Кировабадской дивизии?» «Поеду, куда Родина прикажет», - сказал я.

На этом разговор закончился,тема была исчерпана, но, зная по опыту, что командующий ничего зря не говорит, я начал исподволь готовиться к тому, чтобы к началу нового учебного года возглавить штаб славной 104-й воздушно-десантной дивизии, дислоцирующейся в солнечном Кировабаде Азербайджанской ССР.

Кончился парад, я опять вернулся в Кострому, захлестнула, закрутила обычная армейская текучка рабочего периода, разговор как-то забылся. Отголоски разговора явились совершенно неожиданно, в виде приказа от 10 декабря 1986 года о назначении меня заместителем командира 76-й воздушно-десантной дивизии во Пскове. Кадровики мне потом конфиденциально сказали: «Если бы ты не ответил так, как ты ответил - молниеносно и без сомнений, еще б минимум год командовал полком. И все равно, скорее всего, оказался бы в Кировабаде. Ну, а ответил - получи Псков».

Если полк проводил меня очень тепло и душевно, да и у меня, чего греха таить, щемило то место, где предположительно должна быть душа, то костромская погода сделала все, чтобы максимально усложнить мне задачу по сдаче дел и должности.

Все две недели, что я сдавал полк подполковнику Е.Ю.Савилову, мороз колебался в пределах 39 - 44 градусов. Полетело отопление в столовой, пришлось срочно убирать батареи, варить «гребенки», развернув одновременно пункты довольствия и питая людей в казармах. Но все проходит. Полк я сдал. Тепло с ним попрощался и убыл к новому месту службы.

20 января 1987 года представился командиру дивизии полковнику В.С.Халилову. Надо сказать, забегая вперед, что Вя-

числав Салихович - человек, безусловно, талантливый. Командир, что называется, от Бога, организатор высокого класса. Служба с ним мне очень многое дала. Это был человек чуть ниже среднего роста, широкоплечий, с мощными руками и торсом. Говорили о нем в дивизии с любовью, подшучивали: «Проще перепрыгнуть, чем обойти». Он являл собой образец искрометной энергии, деловитости, неиссякаемого организаторского таланта. Где появлялся Халилов -все начинало крутиться и вращаться минимум в два раза быстрее. Благодаря ему я понял, что старые, полушутливые принципы работы заместителя: командир работает - не мешай, отдыхает - помогай, командира ругают - отойди в сторону, хвалят - встань рядом, мягко выражаясь, не совсем верны. Халилов сумел в короткие сроки добиться такого положения, когда он, комдив, его заместители, ведущие начальники родов войск и служб стали единым монолитным механизмом, где у каждого было свое «я», но каждому позволено было тянуть одеяло на себя ровно на столько, на сколько это требуют интересы общего дела. Если генерал Ф.И.Сердечный строил работу с заместителями, искусственно поддерживая дух соперничества, зачастую нездоровый и даже конфликтный, у него были любимцы, и были люди, которых он просто терпел в силу служебной необходимости, то здесь были все Офицеры. Если у Сердечного все строилось, по-русски говоря, «на горле», на грубости, сплошь и рядом переходящей в хамство, на унижении офицера и смешивании его с грязью, то полковник Халилов был его полной противоположностью. Умение выслушать человека, умение нацелить на выполнение одной общей задачи, умение четко определить каждому место и объем работы, редкий талант - поставить даже самую трудную задачу таким образом, чтобы подчиненному она не казалась трудной. И все это полковник Халилов. Красиво он командовал дивизией.

Заместителем командира дивизии я был один год и три месяца. Есть о чем поговорить, многое можно вспоминать. Ограничимся несколькими эпизодами. В феврале 1987 года на полигоне Струги Красные я занимался подготовкой к полковым тактическим учениям с боевой стрельбой, готовил мишенную обстановку. Местность на полигоне очень сложная, резко пересеченная; лес, кустарник, а главная трудность состояла в том, что прямо перед рубежом предполага-

емой атаки протекала речонка под названием Курея, неширокая, извилистая, мелкая, никогда не замерзающая, местами с крутыми, местами с заболоченными берегами. На первый взгляд, препятствие вроде и не значительное, но коварство ее было известно многим поколениям командиров, проводивших на том полигоне учения. При всей ничтожности Курея требовала к себе самого уважительного отношения. Наплевательское отношение было чревато срывом графика этапа боевой стрельбы, а это всегда лишняя и никому не нужная нервотрепка. Короче, наряду с мишенным полем надо было готовить проходы для техники и людей. Просчитав возможности, я уяснил себе, что к указанному сроку имеющейся в моем распоряжении инженерной техникой я задачу не выполню.

Позаботился о том, чтобы железнодорожным транспортом мне были переброшены два путепрокладчика БАТ-М. Путепрокладчики прибыли, руководить их работой я назначил подполковника Лапшина, заместителя командира 234-го полка. Надо сказать, что Лапшин как человек, мягко выражаясь, был странноват. Очень высокого, более 190 см, роста, он, как правило, всегда находился под рукой, важно, как журавль, расхаживая в каком-нибудь углу дивизионного полигона, в то же время умудрялся занять какую-то отстраненную позицию, систематически пытаясь поставить дело так, что боевая подготовка подчиненных ему батальонов вроде как не прямая его обязанность, а он при ней присутствует в роли то ли инспектора, то ли «ооновского» наблюдателя. Посему на первых порах нередко случались недоразумения следующего порядка. Вопрос комбату: «Почему рота не стреляет?»

«Заместитель командира полка запретил». - «Почему запретил?» - «За нарушение мер безопасности!» - «Он вам объяснил, какие меры безопасности нарушены? Провел с вами занятие?» - «Нет. Сказал: «Дураки, думайте. Когда дойдет - доложите!»

Вопрос Лапшину: «Почему рота 40 минут стоит?»

«Нарушение мер безопасности на рубеже прекращения огня и при возвращении машин в исходное положение». - «Так что вам мешало построить людей, объяснить, рассказать, потренировать, добиться устранения недостатков и продолжить стрельбу?» - «Я хотел, чтобы до них самих дошло». - «Ну так до них 40 минут не дошло, и, судя по настро-

ению, в ближайшие 4 часа не дойдет!» - «Значит, будут стрелять ночью». - «И не будут нарушать меры безопасности?» - «Нет, будут!» - «Значит, все равно придется учить?» «Придется». - «Так зачем для этого ждать ночи?»...

В общем, глядя на Лапшина, я воочию убеждался в правильности старой истины, что академия ума не добавляет, а дает диплом. И вот как-то дивному подполковнику, оставив ему схему прокладки колонных путей и оборудования проходов, я имел глупость поручить этот ответственнейший участок работы. Сам уехал на другой участок полигона. Вернулся часа через два. Поразила тишина. Встреченные солдаты из мишенной команды как-то странно на меня посматривали и ухмылялись.

«Где БАТы? Где Лапшин?» - «Там», - последовал невразумительный ответ. «Там» - жест рукой.

Прогулявшись в указанном направлении по глубокому снегу метров триста, я увидел следующую картину: в русле Куреи на крутом повороте, уткнувшись рабочим органом в крутой, градусов 60 - 70, берег высотой до двух метров, стоял основательно хлебнувший воды и намертво заглохший БАТ. На обрыве следы от троса, за бугром второй БАТ с порванным тросом и не менее мертвый.

- Как вы сюда попали, черт бы вас побрал? - воскликнул я.

Из маловразумительного доклада я уяснил для себя следующее: Лапшин нашел брод и дал команду водителю переправиться на другой берег. БАТ вошел в воду. Глубина брода действительно незначительная, но берега Куреи подмерзли, образовав своего рода природные эскарпы. Грунтозацепы на гусеницах БАТа слабые, и он попался: ни назад, ни вперед! Решение напрашивалось самое простенькое: два солдата, два лома, пять минут времени, эскарп разрушен, БАТ на берегу. Лапшин относился к категории людей, которые простых решений не приемлют, и дал команду водителю: «Поворачивай, пойдем по руслу, оно мелкое, где-нибудь вылезем». Солдат сказал: «Есть!» По руслу БАТ прошел метров 70, крутой поворот направо, через 10 метров крутой поворот налево, на изгибе омут... Не глубокий, но достаточный, чтобы БАТ хватил воды и заглох, как уже было сказано, уткнувшись носом в обрыв. Последовала не менее молодецкая команда: «Сейчас вытащим!»

Второй БАТ был переправлен на другой берег уже с помощью ломов. Вытащить своего застрявшего собрата на об-

рыв он, естественно, не смог. Дело кончилось порывом троса и посадкой двигателя.

Что я ему говорил, когда вытаскивали, ремонтировали БАТы - лучше умолчать, это непередаваемо и на бумагу никак не ложится. В конце концов задача была выполнена. Но тут я получил еще один урок. Посмотреть готовность рубежа атаки, колонных путей и мишенной обстановки на двух рубежах можно было только со смотровой площадки, оборудованной на высоком холме, на который вела лестница, основательнейшим образом заметенная снегом. Прибыл командир дивизии, выслушал мой доклад о готовности. «Ну, пойдем, посмотрим».

Подойдя к лестнице, он демонстративно горестно покрутил головой, взял у солдата лопату и начал расчищать ступени. А я чуть под землю не провалился. Лестницу быстро расчистили, серьезных замечаний больше не было, а я уяснил себе, что всякое дело нужно доводить до конца и мелочей не бывает.

Запомнился мне еще один эпизод. 1 августа 1987 года командир дивизии ушел в отпуск, а я, в соответствии с Уставом, остался исполнять его обязанности. Есть такой принцип - хороший начальник, уходя в отпуск, должен понудить своего заместителя сделать за месяц то, что он сам не успел или не сумел за предыдущие одиннадцать. Вдруг он не знает, что это очень трудно, и сделает. Вячеслав Салихович озадачил меня в строгом соответствии с этим принципом, и я энергично взялся за дело. Но 7 августа природа внесла самые серьезные коррективы в мою кипучую деятельность. Над Псковом пронесся ураган. Скорость ветра достигала 25 - 27 метров в секунду. Ураган сопровождался проливным дождем. Буйствовал он около двух суток. В результате на территории военного городка дивизии рухнуло свыше 400 тополей, падая, деревья порвали провода, побили стекла, крыши. Часть крыш снесло ветром без помощи деревьев. Вся эта предельно милая композиция была щедро залита водой, и как в этом буйстве природы никто не погиб - для меня до сих пор загадка. Факт то, что все пришлось бросить и вплотную заняться ликвидацией последствий.

Целый месяц пилили на части и вывозили деревья, завозили всевозможные строительные материалы, шел тотальный ремонт и восстановление всего и вся...

К прибытию комдива статус-кво было восстановлено, но

не более того. Командир знал, что произошло в дивизии, и я знал, что он это знает. Тем не менее он не преминул выразить притворное удивление: «Чем же ты тут целый месяц занимался?»

И еще об одном. Два раза, в марте 1987-го и в марте 1988 года, мне пришлось организовывать и представлять к проверке полки для участия в лыжной гонке на 20 километров со стрельбой на финише на приз газеты «Красная звезда».

Запомнились эти соревнования, с одной стороны, как торжество человеческого духа, воли, а с другой - как нескончаемый, непрерывный обман на всех уровнях, щедро орошаемый алкоголем в соответствии со сложившимися на тот период времени традициями и правилами игры. С тех пор я люто ненавижу массовые спортивные соревнования такого рода. Кому-то их результаты тешат самолюбие, кому-то приносят очередную звезду, а для большинства - это жестокое разочарование и потеря надежды на торжество справедливости.

В ноябре 1987 года в ВДВ произошли серьезные изменения. Генерал армии Д.С.Сухоруков стал начальником Главного управления кадров - заместителем министра обороны, командующим ВДВ был назначен генерал-полковник Н.В.Калинин. В декабре новый командующий прибыл в дивизию. Он как-то очень внимательно и придирчиво приглядывался ко мне, объехал весь полигон. Мне это, естественно, не очень понравилось. Но чем больше меня жмут, тем больше во мне крепнет желание не уступить, не поддаться и не проиграть. По-видимому, впечатление сложилось благоприятное, потому что, улетая, уже у трапа самолета Николай Васильевич вскользь обронил: «Ты рассматриваешься на должность командира дивизии, готовься в январе!»

Точно, 10 января 1988 года мне было досрочно присвоено воинское звание «полковник», а через несколько дней я был вызван в Москву на собеседование. Беседа с командующим была предельно краткой, после чего я отправился в Главное управление кадров.

Собеседование прошло по нарастающей: начальник отдела, заместитель начальника управления, начальник управления. С первыми двумя побеседовали весьма доброжелательно, а при встрече с начальником управления генерал-лейтенантом Цыганковым вышла неувязочка. Дело в том, что каж-

дому из вышеперечисленных начальников сопровождавший меня офицер представлял мое личное дело с приколотой сверху маленькой справкой о прохождении службы. И вот, когда я предстал пред светлые очи генерал-лейтенанта Цыганкова, а он бегло ознакомился со справкой, разговор сразу принял крутой характер:

- А как это ты в комдивы метишь? Ты же проходимец! Ты же все должности прошел! Ты же не служил, а отмечался. Это же надо, заместитель командира полка - 2,5 месяца, командир полка - год и три месяца, заместитель комдива - год и три месяца! - Далее последовала мораль на тему о необходимости вызреть, набраться служебного опыта, дорасти и официальный вывод: «Коль скоро вы ко мне попали, я вас, конечно, начальнику Главного управления кадров представлю, но этот вопрос вряд ли будет решен положительно!»

Потешность ситуации заключалась в том (правда, я с этим разобрался несколько позднее), что, уходя с командования воздушно-десантными войсками, генерал армии Д.С.Сухоруков сказал: «Лебедь - это последний комдив, которого я назначаю, а дальше - ваше дело!» Отсюда и повышенная придирчивость и, до известной степени, предвзятое отношение ко мне со стороны нового командующего ВДВ.

Пока мы шли по длинному коридору к кабинету Сухорукова, генерал Цыганков не переставал возмущаться: «Это ж надо, молокососа на дивизию ставить! Прокрутился, блеснул, и вот на тебе - дивизия!» Я молчал, про себя прикидывая, что, во-первых, в тридцать семь лет на молокососа я уже никак не тяну, во-вторых, от службы никогда не бегал, кадрированно-кастрированными частями никогда не командовал, при назначении на очередную должность моего согласия мало кто спрашивал, посему и обвинять не в чем, и, в-третьих, если рылом не вышел, зачем было очередное звание досрочно присваивать и вообще всю эту бодягу затевать.

Зашли в приемную, Цыганков пошел докладывать. Секунд через 20 - 30 пригласили меня. Дмитрий Семенович Сухоруков вышел из-за стола, очень тепло со мной поздоровался. Предложил сесть, минут на 15 мы погрузились в совместные воспоминания. Вопросы сыпались очень часто: «А как такой-то полк?.. А воздушно-десантный комплекс там-то достроили?.. А вот такое-то десантирование помнишь?.. А тан-

кодром уже запущен?.. А парк уже заасфальтировали?.. А как здоровье подполковника М.?..»

В начале беседы генерал Цыганков сидел с непроницаемым лицом. По мере ее продолжения выражение его лица все более и более менялось и в конце, когда Дмитрий Семенович поздравил меня с назначением на должность командира дивизии, выразил уверенность в том, что я достойно пройду собеседование в ЦК КПСС, на лице генерала Цыганкова сияла широкая, радостная, если не сказать восторженная, улыбка. Мы попросили разрешения идти и не успели дойти до двери, как я был полуобнят за талию и отчетливо прозвучала фраза: «Я же говорил, Александр Иванович, что все будет хорошо!»

У меня хватило такта «искренне» поблагодарить генерала Цыганкова за проявленные заботу, участие и содействие...

Завтра я должен был идти в ЦК.

Пришел, предъявил партийный билет - пропустили, нашел указанный мне кабинет, представился; попросили подождать.

Прождал часа три с половиной, после чего передо мной весьма вежливо извинились и сказали, что сегодня собеседования не будет. На вопрос, когда же оно будет, последовал ответ, что время будет сообщено дополнительно.

Я уехал к себе во Псков.

Потом был звонок: «Послезавтра собеседование в ЦК». Собрался ехать, но через час дали команду отставить. Прошло еще две недели. Опять звонок: «Прибыть для собеседования!» Прибыл, предъявил партийный билет, прошел к указанному кабинету.

Если в первое мое посещение в кабинете и вокруг него царила благостная тишина, то сейчас картина разительно изменилась. Я не помню подробностей, но суть в том, что где-то в Западной группе войск заблудший танк вылез на железнодорожное полотно, столкнулся с поездом, погибло и было ранено большое количество пассажиров, шло крутое разбирательство. Шум стоял великий, вокруг ходили распаренные, красные генералы и офицеры. «Ну и попал!»

Пока я прикидывал, как мне дистанцироваться от этих несчастных мужиков и с первых фраз четко обозначить цель моего визита, кто-то потрогал меня за локоть. Я обернулся. Передо мной стояло Некто ростом «метр с кепкой на конь-

ках», лысоватое, пузатенькое, в пронзительных очках: «Вы полковник Лебедь?»

- Я полковник Лебедь.

- Мне поручено с вами побеседовать!

Мы прошли в другой конец коридора, зашли в какой-то кабинет, сели за Т-образный стол и начали беседовать. Стол был совершенно пуст: ни чернильного прибора, ни ручки, ни листа бумаги. Говорил все сорок минут мой визави, причем говорил в манере, присущей М.С.Горбачеву: на третьей минуте нить разговора полностью теряется, и забываешь, о чем говорилось на первой. Мне оставалось сопереживать: «Да», «Нет», «Так точно!» Я никогда ни перед кем не терялся, у меня хорошая память, но как я потом ни пытался вспомнить, что же он говорил, мне это не удалось. Это какое-то особое, высшее, недоступное мне искусство болтовни, «оно, поди, пошто, конечно, а что касаемо относительности, то оно и надо бы, а то случись какое дело, вот тебе и пожалуйста!»

В конце разговора был подведен итог: «Достаточно, идите! Результаты собеседования вам будут сообщены!» Я ушел, сотрясаясь от унижения. Этот свиненок никогда меня не видел и никогда меня не знал, и я не уверен также, что он заглянул в мое личное дело. Сорок минут он, как павлин, распускал передо мной словесный хвост, упиваясь словоблудием, но в его руках была моя судьба. Он сделал вывод положительный, казалось бы, я должен был быть ему за это благодарен, но сделал он его потом, без меня, не объясняя причин, не доводя обоснований. В равной степени он мог бы сделать и отрицательный вывод, и тогда у меня на всю мою дальнейшую армейскую жизнь на лбу сияло бы таинственно-загадочное клеймо: «Не прошел собеседование в ЦК». И никому никогда ничего я бы уже не смог доказать. И все попытки объяснить, что собеседования как такового не было, были бы детским лепетом. Любые объяснения на эту тему рассматривались бы как упорство в своих заблуждениях и давали бы основания политработникам все больше сгущать тучи над моей головой. Образовался бы замкнутый порочный круг, из которого нельзя было бы выбраться. Я тогда ощутил впервые, что я не человек, а винтик, бракованный или нет, не ему, винтику, решать! Годен - ввернут в какую-нибудь дыру, не годен - выбросят.

Такого унижения я не испытывал ни до, ни после того.

Ощущение, что все твои мозги и мышцы, организаторские способности и волевые качества ничто перед любым капризом пузатенькой партийной крыски, непереносимо!

Но решение состоялось: «Да, да!» Приказом министра обороны от 18 марта 1988 года я был назначен командиром Тульской воздушно-десантной дивизии. Тогда я еще не знал, что это назначение совпало с началом нового отсчета времени, именно тогда, в феврале-марте 1988 года начала писаться непредсказуемая, неожиданная, дикая, местами кровавая, местами предельно подлая страница и в истории ВДВ, и в истории Отечества, и в моей личной биографии. Самое печальное заключается в том, что подлость, нечистоплотность, неразборчивость в выборе средств проистекала от людей, занимавших самые высшие посты в государстве. Они там, наверху, преследовали какие-то свои высшие стратегические цели, интриговали, заключали любые сделки, в том числе и с сатаной, а внизу с их подачи, при их активном участии или преднамеренном неучастии, происходило стравливание народов, ширился и рос кровавый беспредел, закладывались основы (если это можно назвать основами) развала и краха великого государства.

НАЧАЛО АГОНИИ

По прошествии нескольких лет тяжело писать, потому что сейчас уже ясно, к каким тяжелым последствиям привели трусость, подлость и конъюнктура. Сколько пролито крови, поломано судеб и сколько еще будет пролито и... поломано...

Тяжело еще и потому, что теперь ясно, к чему может привести своевременное непринятие, может быть, самых крутых и тем не менее государственных, не побоюсь этого слова, мер. Но тогда, в феврале - марте 1988 года, этот чудовищный маховик только начинал раскручиваться. Наверное, нет смысла все описывать подробно, это и утомительно, да и не нужно. Поэтому я постараюсь остановиться на наиболее ярких страницах этого дикого «винегрета», состоящего из всевозможных конфликтов, учений, парадов, показух и просто государственной и армейской дури.

В марте 1988 года я принял дивизию. Принял в момент, когда один из ее полков - 137-й Рязанский - уже более месяца находился в Сумгаите, локализуя армяно-азербайджанский конфликт.

Пока принимал дела и должность, входил в курс дела, я в Сумгаит, естественно, не попал. Да и наследство мне досталось тяжелое. Во-первых, потому, что географически дивизия располагалась в пяти гарнизонах, при этом Костромской полк находился на удалении от штаба дивизии на 600 километров, Рязанский - на 200 километров, Ефремовский - на 150 километров. Во-вторых, потому, что предшественник мой, генерал-майор Ф.И.Сердечный, был человек непомерно крутой и жестокий, при таком характере ненавидели его в дивизии многие, из-за чего были существенно нарушены основные звенья управления. Много лучшего оставляла

желать и морально-нравственная атмосфера в частях. Чрезмерная крутость не менее вредна, чем чрезмерная кротость. Есть такое понятие, как мера.

В Сумгаите я побывал несколько позже. И там я впервые, после Афганистана, на родной своей (как я тогда считал) земле увидел сожженные грузовики и автобусы, сгоревшие дома, природно-черные, но побелевшие от пережитого ужаса волосы людей и глаза, глаза... Тогда же пахнуло средневековым садизмом, звериной, нечеловеческой жестокостью, густо перемешанной с глупостью, но это было потом, а пока предстояло взять бразды правления в свои руки. И я отправился по частям.

Решил начать с дальнего, Костромского полка. Во-первых, родной, во-вторых, самый дальний. Не скрою, очень хотелось посмотреть, что же там и в какую сторону изменилось за прошедшие полтора года. Итак, в вертолет - и вперед!

С первых шагов в полку поразили угрюмость и настороженность. Меня это покоробило. В свое время я вложил в этот полк массу душевных сил, оставил его на подъеме. Уходил от жизнерадостных, начавших себя уважать и познавших свою силу людей и, честно говоря, ожидал совершенно другого приема. Когда хмурятся два человека, то за этим стоит частная причина, когда хмурые и злые все - надо искать общую. И она скоро нашлась. Прибывшие со мной офицеры занялись проверкой порученных им участков, а я пошел обходить полк, одновременно внимательно приглядываясь. Один, второй, третий... семнадцатый солдат без ремня.

- Евгений Юрьевич, - обратился я с вопросом к командиру полка подполковнику Савилову, - что за большая гауптвахта, как это понимать?

- Товарищ полковник, тут замполит перестарался. Разрешите, я потом доложу!

У некоторых солдат на куртках на правой стороне груди были пришиты грязные кусочки картона. Остановил одного: «Что это такое?» Солдат потупился. На рваном с обтрепанными краями куске картона пастой было написано: «Гвардия».

- Евгений Юрьевич, а как это понимать? Почему такое хамское издевательство над гвардейским знаком?

- Товарищ полковник, знаков не хватает... замполит... разрешите, я вам потом объясню.

Прибывшие со мной офицеры установили, что в первой роте из-за отсутствия сапог пять солдат ходят в столовую по очереди. Методика простая: рота идет в столовую не в полном составе, по возвращении пятеро разуваются и отдают сапоги братьям по несчастью, а те пробираются к месту «кормежки» задворками. Такое вот новое слово в деле питания личного состава.

Выяснилось, что предупрежден о неполном служебном соответствии начальник клуба и представляется к увольнению в запас прапорщик из роты связи, ответственный за электро- и радиоаппаратуру клуба. Очень хороший и добросовестный прапорщик, у которого были золотая голова и руки, но он совершенно не умел командовать людьми. В свое время я уяснил эту его особенность и прикомандировал его к клубу, где он и нашел себя. Причина: на 25 рублей капитан и прапорщик закупили на каком-то предприятии десять старых телевизоров «Рекорд» по 2 р.50 коп. за штуку. Зачем? На радиодетали. Привезли и сгрузили в кладовую клуба. Туда заглянул замполит полка, майор Захарик. Удовлетворенно подытожил, увидев телевизоры: «Когда захотите, можете работать! Вот эти выдать в седьмую, девятую и саперную роты, вот этот - в оркестр, вот этот на полигонную команду, а остальные - мой резерв».

- Товарищ майор, - возразил ему прапорщик, - но ведь они по 2р.50 коп., на запчасти! Они свое давно отработали.

Слово за слово, в итоге оказался прав тот, у кого больше прав. Капитан был предупрежден о неполном служебном соответствии, прапорщика решили уволить за нетактичное поведение и злостные пререкания с Самим Замполитом Части. И еще масса трудноукладывающихся в голове вещей предстала передо мною. В отношении ремней, сапог и знаков выяснилось следующее. Прилетел я в полк в понедельник, а в воскресенье ответственный по полку Захарик решил, с одной стороны, навести порядок, с другой - где-то прогнуться перед прибывающим комдивом. Построил в обед полк, своей замполитской ордою проверил всех на предмет нарушения формы одежды, приказал содрать и сложить в кучу испорченные ремни, сапоги, бляхи. Куча получилась не так чтобы очень внушительная, но все же... Вытащили колоду, топор и порубили все в лапшу. Методика, мягко выражаясь, спорная, особенно со стороны замполита. Как-то ее можно обосновать при соблюдении одного из двух условий. Первое: со-

лдат испортил элемент формы одежды - проведено расследование, взысканы деньги, испорченное имущество изъято, со склада немедленно выдано новое. Вариант? - вариант! Условие второе: все необходимое имеется в магазине военторга, солдату даны 20 минут, пошел, купил, переоделся, прибыл, испорченное оставил себе на память или выбросил - дело хозяйское, исполнение доложил. Ни на складе, ни в магазине на тот период ни ремней, ни сапог, ни блях к ремням не было.

- Где гвардейские знаки? - спросил Захарик.

- Так нет знаков, товарищ майор, не хватает, - отвечали бойцы.

- Вырезать из картона, из дерева, из чего угодно, подписать и пришить!

В подобных ситуациях солдаты всех поколений воздушно-десантных войск, да и не только ВДВ, подчеркнуто исполнительны. Трудно себе представить более горящие любовью к начальству глаза. В ход пошли коробки из-под обуви, обложки книг, любые другие остатки тары и упаковки. О них предварительно вытерли замасленные руки, потушили окурки, с помощью штык-ножей вырезали нечто напоминающее букву «Зю» и пришили к курткам. Доложили: «Сполнено!»

Замполит удовлетворился. А как же: воля начальника сотворила чудеса. В общем, к вечеру майор Захарик предстал пред мои светлые очи для беседы. Надо сказать, что воздушно-десантные войска относительно невелики и подавляющее большинство офицеров в той или иной степени друг друга знают. Но этот уникум попался мне впервые: среднего роста, сухой, спортивный, со стеклянным взглядом.

- Садитесь, товарищ майор! Доложите мне, каким образом стало возможным, что вы, старший офицер, замполит полка, человек, в силу служебных обязанностей отвечающий за воспитание и моральное состояние людей, позволяете себе кощунственным образом издеваться над гвардейским знаком и являете дикий пример массовых неуставных взаимоотношений с далеко идущими последствиями?

Хе-хе. Тут я не угадал! Объяснений не последовало. Последовала стремительная атака. Майор вскочил и принял строевую стойку:

- Товарищ полковник, я вам ничего объяснять не буду. Да, я отвечаю за воспитание и моральное состояние и я выполняю свой долг! Меня на мою должность партия поставила!

- Товарищ майор, прекратите выпускать дым из ноздрей, вы мне по сути докладывайте. Меня тоже комдивом партия поставила, я даже на собеседовании в ЦК был. Поэтому к сути, к сути, товарищ майор.

Захарик гордо выпрямился и молча уставился стеклянными глазами куда-то в точку, находящуюся выше моего левого уха. От него повеяло оскорбленной невинностью и добродетелью. Разговор явно не клеился.

- Ну, не хотите говорить, товарищ майор,- сказал я, - не надо. Пока, по совокупности проделанного вами, я вас предупреждаю о неполном служебном соответствии, персонально предупреждаю, что в случае повторения подобных действий я поставлю вопрос об отстранении вас от должности. Пока идите, к разговору вернемся вечером.

- Есть! - последовал четкий разворот через левое плечо, три демонстративных строевых шага...

Захарик вышел...

Я пригласил командира полка.

- Евгений Юрьевич, где вы сей реликт откопали? Он, помоему, просто опоздал родиться. Родись он чуток раньше, он бы по праву занял место первого заместителя Берии или, минимум, Мехлиса.

Вопрос был, конечно, риторический. Вины командира полка в том, какого замполита ему дали, не было никакой, но воспитание замполита входило в обязанности командира полка, поэтому командир виновато улыбнулся.

Через несколько минут раздался звонок. Звонил член военного совета воздушно-десантных войск генерал-лейтенант С.М.Смирнов. Не здороваясь, он сразу взял круто: «Я за вас двумя руками... А вы ...замполита... о неполном служебном соответствии...» Трубка шкворчала благородным негодованием и задыхалась. В конце концов, задохнулась и полетела на рычаги. Через три минуты звонок повторился. Этого времени, видимо, хватило, чтобы Сергей Михайлович перевел дыхание.

- Как вы могли? Как вы посмели?

Трубка снова задохнулась и полетела. Я позвонил на АТС:

- Если еще будет звонить генерал Смирнов, доложите, что я убыл на полигон.

Выждав несколько минут, я вызвал Захарика. В стеклянных глазах светилось откровенное любопытство. Не обнаружив предполагаемого эффекта, Захарик быстро погасил

его последние искорки. Опять строевая стойка, опять стеклянный взгляд. Во мне бушевали страсти. Но я быстренько их подавил. Весь мой служебный опыт говорил о том, что, чем бо́льшая передо мной стоит свинья, тем более ровным, выдержанным, вежливым я должен быть. Разговаривать - исключительно на вы. Боже упаси повысить голос. При этом желательно иметь не менее двух свидетелей. Если эти простейшие правила не будут соблюдены, можно быть на 100 процентов уверенным, что суть дела будет сначала отодвинута на задний план, а потом и совсем исчезнет. Партийное собрание, партком, парткомиссия будут бесконечно разбирать бодягу под девизом: «Он на меня кричал, он меня оскорблял, я не выдержал!» Посему я был холоден, как лед:

- Товарищ майор, доложите, кто является вашим непосредственным начальником и кто - прямыми?

В стеклянных глазах метнулась встревоженная мысль: «Куда клонит?» Но, поскольку вопрос был внешне невинный, не отвечать на него не было ни малейших оснований. Захарик не очень уверенно доложил: «Непосредственный начальник - командир полка, прямые - начальник политотдела дивизии, вы...»

Я его прервал: «Достаточно! Вы доложили начальнику политотдела о наложенном на вас взыскании?»

Тревожный блеск усиливался: «Ай - яй - яй - прокол!» Врать было бесполезно, трубка была у меня под рукой. Я мог тут же все проверить!

Усугублять положение Захарик не стал.

- Нет, не доложил!

- На каком основании через головы прямых начальников вы вышли на члена военного совета и доложили ему ситуацию в извращенном виде?

Молчание. Крыть нечем.

- Товарищ майор. Ваши горячечные действия убеждают меня в том, что я был прав, наложив на вас взыскание. Пойдемте прогуляемся по территории полка, вы расскажете, а лучше молча покажете, что вы как замполит полка конкретно проделали для улучшения бытовых условий людей, создания здоровой моральной атмосферы.

И мы пошли. На крыльце я задал Захарику первый контрольный вопрос: «Вот две казармы. Доложите, в каком подъезде, на каком этаже, какое подразделение живет?» Это был бывший мой полк, и я знал отлично, кто и где живет. На-

дуть меня было невозможно. Ответ воспроизводить не хочу, настолько он был путаный, противоречивый и неправильный. Сначала мы пошли в чайную, которая представляла собой предельно грязное, полутемное помещение, с исчирканным солдатскими сапогами полом, замызганными, грязными столами. Стульев не хватало примерно половины. Ассортимент убогий, наряда нет, вследствие чего посуда грязная. Как шутили солдаты: «многоразового пользования».

- Почему в таком состоянии чайная?

Четкий ответ: «Это дело зам по тылу».

- Дело зам по тылу - обеспечить соответствующие материалы, а чье же дело - организовать работу, чтобы сделать одно из немногих помещений в полку, которое посещает каждый солдат, уютным, красивым?

Четкий ответ: «Это дело командира полка».

- А какова же ваша роль?

Молчание.

Потом мы пошли в парк. В парке я предложил Захарику рассказать и показать пальцем, в каком боксе и какого подразделения стоит техника. Высокомерное молчание верблюда. В глазах читалось:

«Вопрос не по чину и вообще - это дело зама по вооружению».

- Понятно, товарищ майор. Последний вопрос на всплытие - ведите меня в аккумуляторную, там на месте поясните: получают ли аккумуляторщики молоко и как они обеспечены спецодеждой? Я готов смиренно следовать за вами.

Захарик повернулся и очень уверенно зашагал в угол парка, в сторону, диаметрально противоположную аккумуляторной. До того уверенно зашагал, что у меня в душе шевельнулось сомнение: не перенес ли командир полка аккумуляторную в другое место?

Но по мере того, как мы шли, сомнения мои развеялись. В этом углу парка стояли навесы со сваренными из арматуры воротами, где под крышей, но практически на свежем воздухе хранилась техника роты материального обеспечения. Аккумуляторной там не было и быть не могло. Но я молча шагал за Захариком, прикидывая, как же он будет выворачиваться из этого положения. Захарик остановился, внимательно исследовал взором навесы. Я ехидно подсказал: «Товарищ майор, я вас просил привести меня в аккумуляторную».

Бесстрастный ответ: «Она была здесь!»

Командир полка не выдержал и захохотал.

Что было потом? Потом был звонок командующего, генерал-полковника Калинина, с мягкой рекомендацией: обращаться с замполитами поосторожней. На что я доложил, что единоначалие в армии никто не отменял, и он такой же заместитель командира полка, как и все остальные. Причем заместитель пустой и злобный, и его работа, вернее, отсутствие таковой, приносит несравнимо больше вреда, чем пользы. Если бы я взыскал с любого другого заместителя командира полка, то этого бы никто не заметил. Командующий от дискуссии на данную тему уклонился.

Потом был визит члена военного совета генерал-лейтенанта Смирнова, когда образцово-показательно отстаивалась честь мундира, корпоративные интересы были возведены в абсолют, и работа по схеме: отыскание виноватых - наказание невиновных - поощрение неучаствовавших. Было уволено два прапорщика, все кругом получили взыскания, кроме, конечно, Захарика, потому как он в силу своей должности обязан быть правым, его ведь партия к делу приставила. Он с ней вроде как на ты! Ну, а все остальные: командиры, зампотехи, «пэвэошники», тыловики - это быдло, удел которых быть виноватыми всегда! Но потом в офицерском корпусе полка возродились нормальное самолюбие и гордость русского офицера, который никогда быдлом не был и не будет, а если его таковым и пытаются делать, то это временно, на непродолжительный срок, пока он не разобрался: кто есть кто! В конечном итоге оказался майор Захарик замполитом артиллерийского полка в Шамхоре, в славной Кировабадской 104-й «Дикой» воздушно-десантной дивизии. Ребята там простые, откровенные. Сущность замполита они схватили быстро. Пару раз намяли ему бока, после чего его отправили в адъюнктуру на педагогический факультет. Кто умеет играть - тот играет, а кто не умеет - идет учить, как играть!

Дивизия, особенно если это дивизия «придворная», да еще и такая разбросанная по городам и весям, - организм очень интересный, и работы в ней непочатый край. Кроме того, это просто большой организм. Воздушно-десантные войска никогда в своих рядах сокращенного состава, не имели, и этот большой организм являлся, в известной степени, сколом государства, а на другом, тактическом уровне - ко-

мандира. Работа с дивизией была большой, интересной, если угодно - творческой. Здесь ни убавить, ни прибавить. Если бы не систематически внедряемая в армейский организм идеологическая зашоренность и образующаяся вследствие ее армейская «простота», которая, как известно, бывает хуже воровства, жизнь была бы прекрасна. Такая служба - это та стихия, в которой я всегда себя чувствовал предельно комфортно, как рыба в воде, несмотря ни на какие трудности, лишения, тяготы, мороки. Это был 1988 год. Год, когда поливание армии грязью отложилось у всех в сознании, как добрая традиция, когда не лаял на армию только ленивый, и вдвойне, втройне было приятно доказать, что она есть армия, для которой нет задач невыполнимых. Хорошее это было время. Хорошее в смысле надежд. В офицерском корпусе жила ни на чем не основанная вера в то, что вся эта грязь и муть схлынут, а здравый смысл возьмет верх. Держава оценит по достоинству свои Вооруженные Силы, и придет массовое осознание того, что ей, Державе, без Вооруженных Сил не быть! Так уж устроен мир: слабых и беззубых клюют все. Даже те, у кого в другое время и мысль такая не шевельнулась бы. Веру с надеждой убили позже. Убили, предварительно тщательно вытерев о них ноги, привнеся в армейскую среду никогда в широких масштабах не свойственные ей цинизм, коррупцию, предпринимательство. Все это гниль, все это коррозия, она гложет, разъедает, тем не менее, смею настаивать, что Вооруженные Силы - один из самых стойких институтов государства. Они сохранили в себе колоссальные запасы жизнестойкости, способности к самоочищению. Это жар, сильный жар, который таится под слоем искусственно набросанного пепла, они способны встряхнуться, способны встряхнуть государство, они способны все поставить на свои места. Никому не дано очернить, оплевать ту глубоко патриотическую сущность, которую изначально несут в своих генах Вооруженные Силы, ибо всегда, во все времена лучшие, умнейшие, талантливейшие люди страны в переломные моменты вставали в армейский строй, и жила Держава и будет жить!

А жизнь продолжалась. 137-й Рязанский парашютно-десантный полк в плане территории был скомпонован крайне неудачно: огромные площади садов, несоразмерно длинные дороги, открытость во многих местах территории создавали массу неудобств. Содержать такую территорию в

удовлетворительном состоянии было крайне утомительным занятием. Поэтому еще в бытность командующего Д.С.Сухорукова был создан и утвержден план, выполнение которого позволило бы четко обозначить контуры полка, придать городку стройность, логичность, завершенность. Дмитрий Семенович ушел на другую должность, а план начал претворяться в жизнь волей и трудолюбием прекрасного командира полка, на тот период подполковника, а ныне генерал-майора В.Ф.Хацкевича. Командир полка «пробил» финансирование и в соответствии с планом начал огораживать территорию. Прибывший в полк вновь назначенный командующий ВДВ генерал-полковник Н.В.Калинин развернувшиеся работы не одобрил. Первое, что ему не понравилось, - это КПП, который строился справа от дороги. Ленточный фундамент уже был готов, кладка поднялась местами на метр: «Почему здесь строится КПП?»

- В соответствии с планом, утвержденным командующим ВДВ.

- Кто командующий ВДВ?

- Вы, товарищ генерал-полковник!

- Перенести на левую сторону дороги.

Перенесли. Надо сказать, что история с КПП имела свое продолжение. Когда КПП закладывался, была вырублена часть яблоневого сада. Кладку разобрали, блоки вытащили, канаву заровняли. В саду образовывалась быстро заросшая бурьяном плешь. Когда Калинина сменил Ачалов, выяснилось по его прибытии, что на этом месте росла лично им посаженная в бытность командиром Рязанского полка любимая яблоня. Опять скандал. Второе, что не понравилось Калинину, - центральная въездная дорога в полк. Кривая была дорога, кто, когда и при каких обстоятельствах ее спроектировал - история умалчивает, но она шла по плавной дуге.

- Спрямить! - приказал Калинин.

- Товарищ командующий, пробовали, но тогда дорога упирается в котельную, - доложил командир полка.

Отдать распоряжение перенести котельную генерал-полковник Калинин не рискнул, приказал думать, и... чтоб дорога была прямой.

Далее последовали распоряжения возвести на месте воздушно-десантного комплекса столовую. Объединенными усилиями зам по тылу ВДВ генерал-майора А.Г.Зуева, заместителя по воздушно-десантной подготовке генерал-лейтенан-

та В.М.Лебедева и моими эту катастрофическую по своим последствиям идею удалось локализовать, ибо воздушно-десантный комплекс Рязани - один из лучших в ВДВ, а на нетитульное строительство столовой денег просто не было. Перспектива вырисовывалась такая: развалить лучший ВДК и на его месте не поставить даже плохонькую столовую. Зато Николай Васильевич отыгрался на нас при решении вопроса об учебном корпусе. Дело в том, что на протяжении ряда лет на территории Рязанского полка жил и, соответственно, обучался первый курс Рязанского десантного училища. Для курсантов были построены хорошая казарма и типовой трехэтажный учебный корпус. Позднее командование училища изыскало возможность разместить 1-й курс на территории училища, а казарма и корпус остались. Казарму использовали по назначению, а в отношении учебного корпуса в соответствии с планом, утвержденным генералом армии Д.С.Сухоруковым, было принято решение: на первых двух этапах разместить штаб полка, на третьем - медицинский пункт. Это решение диктовалось жизнью. Штаб полка на тот период представлял собою стоящее в медвежьем углу захудалое двухэтажное здание, построенное до 1917 года, а медпункт размещался в сборно-щитовой казарме барачного типа, которая давным-давно выслужила установленные сроки. Ремонт был бесполезен, про такое говорят: выкрасить да выбросить.

- Оставить учебный корпус! - такое решение принял новый командующий. Не помогли никакие уговоры и увещевания. С превеликим трудом удалось отстоять третий этаж, да и то временно. На первых двух было приказано оборудовать образцовые классы.

В ВДВ нет задач невыполнимых. Заместитель командира полка майор Иван Ильич Бабичев, человек талантливый и волевой (ныне это генерал-майор, командир 76-й воздушно-десантной дивизии), вложил массу трудов, денег и оборудовал воистину восхитительный учебный корпус. Беда в том, что он никому не был нужен: солдат не курсант, его академия - поле, полигон, танкодром. Тогда он солдат. И остался учебный корпус памятником командирской воле.

В трудах, хлопотах, учениях, стрельбах пролетело лето, наступила осень, а с ней и подготовка к параду. Теперь уже на парад как командир дивизии я представлял Костромской пеший, Рязанский механизированный и часть артиллерий-

ского полка. Технически подготовка парада от предыдущих ничем существенно не отличалась. В моральном плане обстановка значительно усложнилась, особенно при проведении тренировок вне парадной площадки. По стране прошлась «демократическая рябь», целенаправленно продолжали литься потоки грязи на армию, в чем преуспели журналы «Огонек» и «Юность», ну, а крайними и виноватыми оказались, как всегда, солдаты и офицеры низшего звена. При следовании по московским улицам в колонне на технике нередко можно было нарваться на оскорбление, иногда в машины летели огрызки яблок, яйца, попадали камни.

Пострадать, к счастью, никто не пострадал, но морально это было тяжело. Солдат, офицер - человек казенный, государственный, и не ему решать, чем ему заниматься: приказано готовиться к параду - армия готовится. Дадут приказ - отставить, и уйдет армия в пункты постоянной дислокации. На то она и армия, чтобы приказы выполнять, не деля их на преступные и непреступные. С этим далеко заехали, слава Богу, вовремя остановились. Если каждый сержант начнет подозревать каждого лейтенанта в отдаче преступного приказа, а не думать над тем, как его выполнить, лейтенант станет анализировать приказы майора, тот - полковника, то не будет армии вообще. Смешно, когда умные, взрослые, убеленные сединами и украшенные благородными лысинами дяди очень убедительно и серьезно, с умилением и придыханием рассуждают о демократизации армии. Какая, к чертовой матери, демократия, когда одному человеку дано право послать на смерть другого? Ну что тут, собрание проводить, голоса считать? В боевой обстановке первейшая священная обязанность командира любого ранга немедленно, без суда и следствия, пристрелить на месте, как бешеного пса, любого, независимо от должности и звания, кто попробует развести подобного рода дискуссии. Да, можно и нужно перестроить взаимоотношения в армии. Можно и нужно сблизить офицера и солдата, можно и нужно регламентировать рабочий день, можно и нужно материально и морально компенсировать любому военнослужащему дополнительный труд. Многое можно сделать, и это будет и гуманно, и правильно, и разумно, но нет, не было и не будет в мире демократической армии. Если такое произойдет, то эту организацию можно назвать как угодно, но не армией. Армия без единоначалия, без силы приказа, без дисциплины - это не

более чем сброд. При любом боевом столкновении половина ее разбежится, половина будет перебита.

Парад прошел, как всегда. Оценен был на отлично! Войска, техника убыли в части. Тыловая группа задержалась со сдачей имущества и прибыла в пункты постоянной дислокации 20 ноября. И вот тут привычный ритм впервые серьезно был нарушен.

21 ноября 1988 года дивизия была поднята по тревоге. Совершила марш на аэродромы, и вся, в полном составе, приземлилась в Баку. После Сумгаита это был второй, значительно более мощный, всплеск народных волнений. Объяснялись эти волнения очень просто и логично. Михаил Сергеевич куда-то отлучился ненадолго, а нехорошие Визиров и Демирчян, воспользовавшись его отсутствием, в очередной раз сцепились. Впоследствии выяснилось, что отсутствие в момент назревания и разрешения конфликтных ситуаций - это стиль работы Горбачева, но тогда это еще было неясно. Задачу дивизии поставили очень смутную; если отбросить всю словесную шелуху и оставить суть, то, в несколько вольном изложении, устный приказ звучал примерно так: «Летите, голуби - летите, там беспорядки, кто, кого бьет - не ясно; но на месте разберетесь и вмешаетесь, кулаки у вас большие. Но не стрелять - Боже вас от этого упаси. Уговаривать, убеждать - это можно!» Неясно, правда, кого уговаривать и в чем убеждать. К тем временам относится рождение известной формулы: «Воздушно-десантные войска плюс Военно-транспортная авиация равняется Советская власть в Закавказье».

Я стартовал на Баку отдельно от дивизии, с аэродрома Чкаловский, вместе с первым заместителем командующего ВДВ генерал-лейтенантом В.Н.Костылевым и оперативной группой штаба ВДВ. Нам было вменено в обязанность разобраться в обстановке до прибытия дивизии и определить полкам конкретную задачу.

Взлетали мы с запорошенного первым снегом, продуваемого колючим ветром московского аэродрома, а приземлились в теплую, по нашим меркам, даже жаркую, бакинскую осень.

На аэродроме и вокруг него было все спокойно. Встретившие нас офицеры штаба Ставки доложили, что на центральной площади города - площади имени Ленина третий день идет многотысячный митинг. Тема та же - Карабах. В

городе обстановка относительно спокойная. Имеют место локальные стычки между армянами и азербайджанцами.

Мы поехали в Ставку. По дороге стало очевидным, что город живет в целом нормальной жизнью. Магазины работают, транспорт ходит. Большинство людей нормально обеспечены, в меру веселы. Встретилось несколько немногочисленных групп юношей в возрасте 13 -17 лет, которые размахивали флагами с полумесяцами на длинных шестах и громко вопили: «Ка- ра - бах! Ка - ра - бах!..»

Оперативная группа Главного штаба сухопутных войск находилась уже на месте. Скоординировали действия. Я получил задачу: взять любой полк, какой первый прилетит и высадится, и выдвинуться к площади Ленина с западного направления по проспекту Нефтяников, найти на площади командный пункт внутренних войск и организовать взаимодействие со старшим начальником МВД. Ни фамилии, ни звания этого начальника, ни точного места командного пункта мне доведено не было. Но это еще не самая главная беда. Я выдвинулся на аэродром «Насосная» (30 километров от Баку), там уже приземлились первые самолеты с 51-м Тульским парашютно-десантным полком. Прозу жизни опустим. Во главе полка часов около десяти 24 ноября, находясь во главе колонны в УАЗике, я выдвинулся на подступы к площади Ленина. Почему на подступы? Потому что по мере приближения к площади количество людей все увеличивалось и увеличивалось, а скорость движения колонны все уменьшалась и уменьшалась. А метрах в четырехстах от площади колонна стала вообще. Проспект был забит людьми «от дома до дома».

Что я должен был делать на площади, а особенно, что должен был делать парашютно-десантный полк на БМД-1 с полным боекомплектом, в массе своей с хорошо, а местами отлично подготовленными солдатами и сержантами, но подготовленными для войны с внешним противником, я не представлял. Вышел из машины, и меня мгновенно обступили люди. На лицах их не было вражды. Была тревога: «Зачем вы сюда пришли?» Я им прямо так и сказал: «А черт его знает!.. У вас здесь вроде беспорядки какие-то». Все с жаром бросились уверять, что это не так. Что митинг организованный, политический. Людей много, но за порядком следят представители соответствующих формирований народного фронта. Фактов насилия нет и, дай Бог, не будет. В общем

они - ничего! Я им сказал, что раз они - ничего, то я - тоже ничего. И колонна будет стоять, где стоит, а я, если они не возражают, прогуляюсь по площади. Возражений не последовало. Взял с собой командира полка подполковника В.И.Орлова, двух автоматчиков и пошел. Когда подошел к площади, мне стало ясно, почему на проспекте Нефтяников образовалась эта громадная людская пробка. Вход непосредственно на площадь закрывали «бэтээры» дивизии внутренних войск имени Дзержинского. Перед «бэтээрами» находилось большое количество солдат в касках, бронежилетах, с автоматами в положении «За спину», с щитами и дубинками. Толпа бушевала, требуя пропустить ее на площадь. Солдаты, по изнуренному виду которых было видно, что стоят они как минимум пару суток, лениво отвечали, что команды на это нет, будет - пропустят. Я нашел старшего на «баррикаде», коротко объяснил, кто я такой, зачем и куда иду. Здоровенная фигура отодвинулась на полметра в сторону, освободив узкую щель между «бэтээрами», и мы протиснулись на площадь. С первого взгляда стало ясно, что площадь велика: метров 800 - 900 в длину и до двухсот в ширину. Примыкает она к зданию Дома Советов и раньше использовалась для проведения различных торжеств. Все это громадное пространство, скверики, примыкающие к нему со стороны набережной, были заполнены народом, где - гуще, где - реже. Сколько там было человек - кто знает. Я думаю, что тысяч 350 - 400, не меньше. Какой был смысл в баррикадах, закрывающих подступы к площади, тоже не ясно. Солдаты внутренних войск находились практически в окружении. С фронта - толпа, с тыла - тоже толпа. У меня сложилось впечатление, что основное назначение баррикад - вызывать сильное раздражение у людей.

В поисках командного пункта я обошел всю площадь. Странное это было зрелище. Кто-то недобро косится, кто-то сквозь зубы матерится. Большинство смотрят удивленно. Я, при росте 185 сантиметров, был в нашей группе самый маленький и самый худенький. Вадим Орлов был 190 сантиметров роста и весил 105 килограммов, а солдаты подобрались ему под стать. Некоторые люди пытались нас останавливать и с жаром доказывать, какие скверные люди армяне. Юноша интеллигентного вида развернул плакат, на котором красовалась надпись: «Ты - раб, ты - вор, ты - армянин». Подпись под цитатой была - А.С.Пушкин. Юноша громко

восхвалял великого русского поэта, написавшего эти слова. В кустиках под деревами раскинулась масса палаток. На деревах огромное количество лозунгов на русском, азербайджанском и, черт знает, еще на каких языках. Здесь же массово резали баранов, жарили шашлыки, варили суп под названием то ли шулен, то ли шурпа, точно не помню. Внутренности, шкуры, вонь. По кустикам народ, за неимением другого места, справляет естественные надобности. На ступеньках Дома Советов толпа человек в 400, переделав фамилию 1-го секретаря ЦК КПА Визирова на армянский лад, скандировала: «Ви - зи - рьян! Ви - хо - ди! Ви - зи - рьян! Ви - хо -ди!..» Здесь же я разобрался, почему это происходит. Толпа, оказывается, третий день домогалась, чтоб товарищ Визиров явил свой светлый лик народу, а он, по каким-то там своим причинам, не являл. Толпа изощрялась в поисках средства для вызова вождя. В разных местах, в разных направлениях на площади стояли редкие цепочки заморенных солдат внутренних войск. Их никто не трогал, они никого не трогали. Наоборот, отношения были самые дружеские. Горожане угощали солдат сигаретами, фруктами. Здесь же, несколько в стороне, я отыскал вожделенный командный пункт, который представлял собой обычный с виду автобус ЛАЗ, но внутри это был, действительно, командный пункт. На командном пункте встретил я генерал-майора Сафонова, представителя внутренних войск. Когда я ему представился (а был я на тот период полковником), он меня радостно приветствовал:

- Во! Еще один дурак, кроме меня, объявился! Можешь больше по площади не шастать. Я тебе точно говорю: никаких партийных и государственных руководителей ты не найдешь. Я здесь Бог, царь и воинский начальник! И притом не знаю, за каким чертом я сюда попал, что мне здесь делать и до какого времени находиться.

- С кем у вас есть связь?- спросил я.

- Вниз со всеми.

- А вверх?

- А вверх!.. - генерал развел руками.

- Сколько вы здесь находитесь? - уточнил я.

- Двое суток.

- Какая у вас задача?

- Известная. Поддерживать общественный порядок. Не допустить кровопролития. Только его, общественный порядок, никто не нарушает. Сам видишь.

- Так зачем меня к вам послали и какие действия я с вами должен координировать?

- А черт его знает? Садись, выпей чайку...

Чаю мне от такого муторного разворота не хотелось, я вежливо откланялся и пошел через площадь назад, к колонне. При всей неясности и двуемысленности полученной задачи одно ограничение было доведено: «В радиосвязь не входить». Посему я как истинный военачальник прогулялся до ближайшей будки-автомата. Бросил две копейки, набрал номер, который был мне дан (записан на клочке бумаги) и по которому велено было звонить в случае крайнего обострения обстановки или ее неясности. Нервно высокий голос отозвался: «Слушаю!» Я представился: «Полковник Лебедь, командир воздушно-десантной дивизии. С кем имею честь?»

- Генерал-майор... - и неразборчиво прозвучала фамилия.

Я вкратце доложил обстановку: с парашютно-десантным полком нахожусь на подступах к площади Ленина. Голова колонны 400 метров западнее площади. В контакт с представителем МВД вошел, координировать действия не представляется возможным. Он задачу не знает. Прошу уточнить задачу!

В ответ неожиданно истерически: «Немедленно атакуйте! Вырвитесь на площадь! Оцепите Дом Советов!»

Честно говоря, я слегка опешил. Я только что обошел всю площадь. Она была полна разными, всякими, но живыми людьми, которые в подавляющей массе своей вели себя пристойно. Солдат моих, сидевших на броне, вовсю угощали фруктами. Произошел, правда, мелкий инцидент: выскочивший из толпы шизофреник ударом кулака разбил губу прапорщику, но толпа сама же стукнула шизофреника по голове и сама унесла, принеся самые искренние извинения.

Прапорщик, который был в два раза больше шизофреника и раз в десять сильнее, сначала онемел от такой дерзости, а потом, осознав комедийность ситуации, громко расхохотался, за ним рассмеялись солдаты, а потом и люди. Это разрядило обстановку. Какая же на таком фоне может быть, к чертовой матери, атака?..

Я попытался объяснить ситуацию моему визави. Ничего из этого не вышло. Он зашелся в истерическом визге: «Полковник! Повторяю! Немедленно атакуйте!» Я на тот период был еще молодой полковник и командир дивизии тоже молодой. Я считаю себя человеком вежливым, по крайней мере

настолько вежливым, чтобы не посылать незнакомых генералов на три известные буквы. Но тут меня заело. Этот истерический осел, распоряжающийся неизвестно от чьего имени, меня достал. Выполни я бездумно его команду - мог бы спровоцировать колоссальное кровопролитие, ибо атаковать в той ситуации, поскольку толпа стояла стеной, можно было только одним способом: всех под броню, автоматы в бойницы, пулеметы к бою и идти по трупам. Если такое количество людей собралось в одном месте, значит, у них на то была о-о-очень веская причина. И это были МИРНЫЕ люди. Я очень коротко, и, как мне показалось, емко высказал все, что я думал о его умственных способностях, и... положил трубку.

Сразу скажу, что все осталось без каких-либо последствий. Никогда больше не видел и не слышал этого генерала. Но его голос до сих пор звучит у меня в ушах - голос недоумка-фанатика, голос морального урода, способного бросить на непонятно какой алтарь и непонятно во имя чего сотни, если не тысячи, человеческих жизней. И чьими руками это делать? Руками армии, первейший, священный долг которой состоит в защите своего народа от внешнего врага. А кто он, этот свой народ, по национальности - какое это имеет значение!..

Я вернулся к колонне. Там уже находился генерал-лейтенант Костылев. Генерал Костылев - человек многомудрый, многоопытный. Он сразу нашел нормальный выход из положения, заставил заниматься всех привычным делом - обслуживать технику, приводить в порядок обмундирование, оружие. Организовал дополнительное патрулирование. Я доложил ему содержание разговора. Генерал Костылев был немногословен:

- Как фамилия этого дурака?

- Не разобрал!

- Не врешь?

- Нет, точно не разобрал.

- Что ты ему сказал?

- Дал ему уклончивый ответ - послал его подальше.

- Молодец! Никаких атак не предпринимать! Слышишь, Саня, никаких атак! Ждать меня, я скоро вернусь.

Генерал Костылев уехал. Прошел час, прошло два. Количество людей вокруг колонны все возрастало. Люди совали солдатам фрукты, овощи, пытались вручить деньги и всеми

другими способами демонстрировали свое дружелюбие. От денег солдаты отказывались, фрукты со словами благодарности принимали. Все заверяли, что никакой стрельбы не будет, нет для этого основания. Вокруг меня функционировал постоянно действующий дискуссионный клуб. Мне с жаром пытались доказать, какие скверные люди армяне, приводились многочисленные исторические примеры того, как они нагло захватили исконные азербайджанские земли - Карабах. Рассказывались разные случаи, призванные подчеркнуть коварство, подлость, непорядочность армян. В ответ я пытался им доказать, что не знаю ни одной нации, состоящей из сплошных подлецов, что нельзя рассматривать в качестве врагов всех армян без исключения. Что каждой нации дано право иметь своих гениев и злодеев, умниц и дураков, трезвенников и пьяниц. На меня смотрели снисходительно. Постоянно дуплетом задавался один вопрос с последующей констатацией факта: «Вы в Азербайджане раньше бывали?»

- Нет, не бывал, - повторял я.

- Ну, тогда вы не знаете просто, что за люди армяне. Поживете - узнаете.

И новый поток случаев, фактов, параллелей обрушивался на меня.

Наконец прибыл злой и взъерошенный генерал Костылев.

- Разворачивай колонну, отводи на территорию дорожной бригады. Черт знает, что такое!

Валентин Николаевич в целом был человек душевный, много на своем веку повидавший, и разговаривать с ним мне по крайней мере было легко. Но здесь он был настолько зол, что я благоразумно не стал спрашивать, где он был и с кем он разговаривал.

Мы весьма любезно раскланялись с толпой, пожелали друг другу успехов, доброго здоровья и долгих лет жизни, колонна аккуратно развернулась и ушла в городок бригады.

Сразу по прибытии в бригаду я был вызван на совещание к коменданту особого района города Баку генерал-полковнику Тягунову. Было Тягунову на тот период 68 лет, война за плечами, и не она одна. Высокий, очень худой, похожий на Дон Кихота, я бы даже сказал, на классического Дон Кихота: длинная, нескладная фигура, с высоким голосом, в который уже примешивалось старческое дребезжание. Он

был мудр, дальновиден и добр. Совещание он начал с того, что со всеми детально познакомился. Зачитал приказ о назначении его комендантом особого района, о назначении ряда других генералов и офицеров комендантами отдельных районов Баку (согласно этому приказу я стал комендантом Насиминского района с населением в 240 тысяч человек). Предложил приступить к исполнению служебных обязанностей. В заключение генерал Тягунов сказал примерно следующее: «Товарищи генералы и офицеры! Мы с вами приступаем к делу совершенно новому. Правовой базы под ним нет. Именно поэтому я не могу предложить вам написанных прав, написанных обязанностей. Поэтому прошу вас действовать вдумчиво, неторопливо, взвешивать каждый шаг. Прошу вас помнить о том, что мы на своей земле. Это наши люди. Возникла между ними конфликтная ситуация, они разберутся. Наша задача - не допустить кровопролития. Нужно ввести ситуацию в русло политических переговоров, не армейское это дело - поганить знамена свои и честь войной против своего народа. Помните об этом. С Богом!»

Когда все вышли, он оставил меня:

- Лебедь, у тебя, наверное, самый сложный участок. В нем два района компактного проживания армян: Арменикенд и Армянский хутор. Идут постоянные провокации, стычки, схватки. Кроме того, Насиминский район непосредственно примыкает к району 26 Бакинских комиссаров, а там, ты знаешь, площадь Ленина. Ты, сынок, постарайся сделать так, чтоб люди жили. У них это временное, у них это пройдет. Они потом, когда опамятуются, тебе спасибо скажут. Помрачение умов это. Пройдет это, не может не пройти.

Никогда не встречался ранее с генералом Тягуновым, но говорил он так, как будто давно меня знал, и в голосе его была страстная вера в свою правоту. Я поехал осваивать территорию. Густонаселенный район города, 27 предприятий, два компактных района проживания армян, разливанное море социальных проблем.

Комендатуру, по согласованию с первым секретарем Насиминского райкома партии А.Ф.Джалиловым, определили на 4-м этаже здания райкома.

Я в Арменикенд и в Армянский хутор втянул по парашютно-десантному батальону, организовал службу, определил места комендантских постов, создал тройной резерв. В первом эшелоне, условно говоря, 10 оперативных групп по 8 -10

человек на ГАЗ-66, во втором - незадействованный полк. Определил зоны ответственности полкам. Провел еще массу мероприятий, но очень быстро выяснилось, что гладко было на бумаге, но забыли про овраги, а по ним ходить.

Оказалось, что советский народ не приучен к особым положениям и комендантскому часу и плевать хотел на комендантские посты, у которых, кроме автоматов и кулаков, ничего за душой не было. На них демонстративно никто не реагировал. Нарушение требований комендантского часа носило массовый характер. На третий день произошел инцидент, который вынудил принимать радикальные меры. Комендантский патруль попытался остановить «Жигули», в которых (как позже выяснилось) находились, строго в соответствии с основными положениями и принципами интернационализма, две пары друзей - азербайджанец и азербайджанка, армянин и армянка. За рулем был азербайджанец. Солдат поднял автомат, пытаясь остановить машину. Подвыпивший водитель направил машину на солдата. Солдат был хорошо подготовлен и «рыбкой» улетел в сторону. Вторым, на удалении 10 -12 метров, оказался лейтенант - начальник патруля. К сожалению, фамилию не помню, но офицер был очень добросовестный и старательный. Окончил гражданский институт связи и приложил массу усилий, чтобы попасть в воздушно-десантные войска. Машина мчалась на него. Лейтенант молниеносно увернулся, передернул затворную раму и дал вслед удаляющейся машине очередь из семи патронов. «Жигуленок» вильнул и врезался в столб. Скрежет искореженного металла, и машина заглохла. Из салона солдаты извлекли пассажиров в изрядном подпитии, страшно перепуганных, но живых и здоровых. Это удивительно, так как «Жигули» - машина небольшая, полный салон людей, четыре пули из семи попали в цель, две навылет. Наличие шести дырок в машине и отсутствие даже малейшей царапины на ее пассажирах можно объяснить только одним - везет дуракам и пьяницам. Лейтенант тут же словил кличку «снайпер». Думаю, что и по сей день с ней ходит.

Пришлось обложить данью руководителей предприятий. За их счет, из их материалов в рекордно короткие сроки была сварена масса шлагбаумов, знаков: «Стой! Комендантский пост», «Стой! Стреляю!» Изготовлены приспособления для насильственной остановки автотранспорта - доски с гвоздями. Пришлось и существенно пересмотреть систему ко-

мендантских постов, задействовать один из кинотеатров района для содержания нарушителей комендантского часа. Кстати, занятие дурацкое. Солдаты задерживали нарушителей, доставляли в кинотеатр, сдавали охраняющим его местным милиционерам, а те вовсю резвились. Кто мог откупиться, оставляли кинотеатр в течение часа. До утра там задерживались только бомжи и недальновидные балбесы, у которых по каким-то причинам в карманах оказывалось пусто. Декабрь в Баку - это не декабрь в Подмосковье. Но когда ветер дует с моря, 20-градусные подмосковные морозы вспоминаются со слезой умиления. Пришлось изыскивать помещения, а где их не было, ставить вагончики для несущих службу солдат. Вагончики оборудовали топчанами, печами, освещением.

Потом выяснилось, что в армянские районы систематически не доставляются хлеб и другие продукты питания. Пришлось организовывать при комендатуре «продуктовую» комиссию. Нашелся медицинский «сокол» из числа ура-патриотов, который почему-то, вопреки мнению всех медиков мира, решил выписывать рецепты не на латыни, а на азербайджанском языке. «Сокол» был из числа руководящих, поэтому все аптеки района наполнились рецептами на азербайджанском языке с грамматическими ошибками. Фармацевты, большинство из которых были не азербайджанцы заметались. Пришлось для погашения всплеска этой дури создать при комендатуре «медицинскую» комиссию.

Вывернулась наружу и приобрела характер бича божьего проблема самовольных застроек. Добрая четверть района была застроена добротными домами, так называемым «самостроем». Это означало, что люди посредством дачи взяток через знакомых, родственников добивались молчаливого благословения на строительство властей предержащих, строились, но ни документов на отвод земли, ни решения архитектурного управления на руках не имели. Дома фактически были, а юридически они висели в воздухе. Многочисленные владельцы решили воспользоваться смутной ситуацией и положительно решить проблему. Было и еще одно обстоятельство: многочисленные на тот период армянские семьи пытались продавать дома и квартиры, менять их, сдавать на долговременной основе. Никто им в этом не содействовал и не способствовал, везде они нарывались на ответ, который в переводе на русский звучит примерно так: «Ос-

тавляйте все, собирайте чемоданы и проваливайте, сволочи, пока целы!..»

На комендатуру обрушился шквал звонков и просителей. Пришлось создавать эвакуационную комиссию. Обеспечивать вооруженное сопровождение уезжающих в сторону Дербента людей. Пытались считать эти машины, досчитали до тысячи - сбились!.. Я и сейчас не знаю, сколько сопроводили машин. Помню, что самая большая колонна из тех, что сопроводили, насчитывала до 500 единиц.

Случались и аварийные ситуации. Канализация течет при всех властях. Она есть, она течет, иногда прорывается. Ей при этом глубоко безразлично, какая на улице политическая погода. Образовалась соответствующая зловонная лужа на площади, перед райисполкомом. Лужа росла, размеры ее угрожающе увеличивались. Через площадь ходили машины, которые наматывали на колеса и развозили по близлежащим улицам всю эту прелесть. В воздухе начинало попахивать гепатитом, дизентерией, другими не менее милыми инфекционными заболеваниями. Райисполкомовские работники во главе с председателем разводили руками: «Слесаря бастуют!» Мне надоело это, и я отдал приказ: «Адреса!.. Опергруппы, вперед!»

По указанным адресам опергруппы отловили и привезли трех насмерть перепуганных слесарей. Здесь надо сказать, что, с одной стороны, на миру и смерть красна, с другой - гуртом и батька бить легче, но когда государственная машина вытаскивает из общей толпы индивидуума за его конкретное ухо, немногие сохраняют мужество.

Слесаря тряслись, как осиновые листочки на ветру. На основании действующего положения я арестовал их в административном порядке на 30 суток и уже как арестованных, под конвоем, отправил ликвидировать безобразие. Перепуганные мужики-азербайджанцы менее чем за два часа устранили все недостатки, вызванные пожарные машины смыли лужи с площади и примыкающих улиц. Уборочные машины подмели и выскребли все и вся, и очищенная жизнь потекла дальше. Слесаря были тут же амнистированы и, донельзя счастливые, отправились по домам.

На третий день было установлено, что многие предприятия работают вполовину своих возможностей, а то и менее, по той причине, что на подступах к ним рабочих встречают здоровенные мордовороты и вполне конкретно обе-

щают отвернуть голову тем, кто будет продолжать работать. Пришлось организовывать патрулирование, дополнительную охрану предприятий. В общем, клубок забот с каждым днем рос, рос и рос... Все это невозможно описать детально. С каждым днем все более поражала позиция местных правоохранительных органов. Местная милиция в отношении армянского населения в самом лучшем случае занимала нейтральную позицию. В большинстве случаев армянин, попавший в руки милиции (неважно, в качестве кого: ответчика или истца), будь он тысячу раз прав, подвергался оскорблениям, унижениям, избиениям. Ни о какой справедливости, презумпции невиновности и речи идти не могло. В отношении соотечественников, людей других национальностей, но не армян, однозначно просматривалось одно стремление - обобрать как липку. Вызванный мною начальник районного отдела КГБ прибыл ко мне в полной униформе Шерлока Холмса: черное длиннополое кожаное пальто, черная кепка-«аэродром», широкий черный шарф, закрывающий нижнюю половину лица до носа, промежуток между кепкой и шарфом занимали черные очки - не хватало трубки. Не снимая ни одного из атрибутов униформы, в течение часа с многозначительным видом он выслушал все, что я ему говорил, в конце хрипло каркнул: «Все будет, шеф!..» и... исчез. Больше я его не видел, докладывали, что в какой-то командировке. Ничего, естественно, не было им сделано. В воздухе витало насилие, дикое, первозданное, звериное. Никто никому не верил. Ни друг другу, ни начальству, ни партийным, ни советским властям. Митинг на площади все продолжался. Визиров все не выходил и слово народу не молвил. Недоумение и удивление по этому поводу сменились презрением и ненавистью. Количество людей на площади волнообразно прибывало и убывало. Здесь же резали баранов, здесь же жарили шашлык, здесь же валялись внутренности, концентрация смрада все возрастала, специалисты санэпидемстанции представили выкладку, согласно которой 100 тысяч человек способны разово на-гора выдать 30 тонн мочи. Все эти тонны оседали под окружающими площадь кустиками и деревами. Кустики и дерева сохли. Напряжение прирастало в значительной мере все прибывающими беженцами из Армении. Оборванные, зачастую избитые, как правило, без гроша за душой и без корки хлеба, истеричные, рыдающие, скрежещущие зубами - это были страшные, одно-

временно вдвойне несчастные люди. Страшные нетерпимостью, доведенные до крайней точки злобы, с горящей в глазах жаждой мести, неспособные уже слушать и воспринимать что-либо позитивное. Несчастные вдвойне потому, что вынужденные спасать свою жизнь, жизнь своих детей, бежавшие от средневекового насилия и жестокости, они в одночасье лишились всего, что составляет сущность жизни человеческой: крыши над головой, скота, мебели, одежды, денег. Позади было так много всего, что в обыденности своей не замечалось и не ценилось, а мгновенное лишение всего этого, осознание пустоты, безысходности и бесперспективности грядущего бытия провело в душах людских страшную борозду. Вторая половина несчастья состояла в том, что, как выяснилось, и «исторической Родине» они были даром не нужны. Жившие веками на территории Армении, во многом утратившие язык, обычаи, нравы, они сразу же были наделены презрительной кличкой «Ераз» - ереванский азербайджанец и превратились в касту неприкасаемых. К ним относились преимущественно презрительно, в лучшем случае с брезгливым состраданием. Власти ограничивались выдачей 50 рублей на душу беженца, на том участие и заканчивалось.

Когда кошку загоняют в угол, она становится тигром. Если государство не принимает меры и ставит своих граждан на грань физического выживания или умирания, отчаяния и нищеты, граждане начинают принимать меры сами. Пошли самопроизвольные захваты армянских квартир и домов. Если семья и проживала на месте, ей ставился ультиматум с самыми жесткими сроками: «Убраться через час, два, в лучшем случае через сутки». Нас выгнали из наших домов, с нашей земли - мы выгоним вас! «Око за око, зуб за зуб! Убирайтесь!» К слову, аналогичное отношение существовало в Армении к армянам, бежавшим из Азербайджана.

И опять насилие, насилие, насилие... При очередной вспышке самопроизвольного заселения я в поисках начальника милиции попал во дворик частного дома и стал невольным очевидцем следующей картины. Посредине дворика - еще не остывший труп мужчины лет тридцати. Голова развалена мощным ударом, здесь же валялся кусок витой арматуры длиной сантиметров 70 и толщиной 20-22 миллиметра, с остатками крови и волос. Во дворике начальник РОВД, полковник милиции, фамилию не помню, врач, майор, сер-

жант. Я зашел в момент, когда стоящий ко мне спиной полковник диктовал сержанту: «Причина смерти - инфаркт миокарда». Я взбеленился: «Это вы про кого такое пишете? Про этого?»

- Так точно!

- Какой тут, к чертовой матери, инфаркт миокарда!.. Вот арматура, его убили, и он мяукнуть не успел!

Невозмутимо глядя на меня черными без блеска глазами, полковник заявил: «Товарищ полковник, вы не понимаете. Его ударили, в результате удара образовался инфаркт, в результате инфаркта он умер. Вот и врач подтверждает».

Врач закивал.

Страстно захотелось взять автомат и одной доброй очередью положить и скотов-милиционеров, и «знающего» эскулапа. Я повернулся и вышел.

Если отбросить всю эмоциональную шелуху, то причина потрясающего свинства была на поверхности. Не привыкшие утруждать себя чрезмерной работой ребята-милиционеры, твердо знающие, что любому правонарушению и даже преступлению существует в природе денежный эквивалент, попали в пиковую ситуацию. Концентрация правонарушений и преступлений на квадратный километр в единицу времени возросла тысячекратно, подходы же и мерки остались прежние: процент раскрываемости, злой дух соцсоревнования, лучший милиционер района и города, лучшее районное отделение, честь мундира или отсутствие таковой, квартальная премия и ее размеры... Вот и лепили, как говорится, и с моря, и с Дона... Констатируй полковник насильственную смерть - уголовное дело возбуждать надо, следствие вести, убийцу искать. На таком криминогенном фоне его черта лысого найдешь, значит, процент раскрываемости упадет, значит, соцсоревнование проиграешь, а тут спасительница-старушка, благодетельница - естественная смерть! Через три дня отпоют этого цветущего мужика, которому, по его кавказскому долголетию, еще лет 60-70 жить бы!.. А через четыре дня забудут. Никакая сила в мире уже не докажет, что погиб человек на пороге собственного дома, защищая свою семью от зверского удара куском арматуры. Благодетельный, спасительный инфаркт. Очень жаль, и земля пухом, и точка.

Надо, пожалуй, остановиться на двух эпизодах того времени. Они, на мой взгляд, как нельзя лучше характеризуют

атмосферу, царившую тогда в городе. Около 21 часа, в самом конце ноября, в Армянском хуторе погас свет. Армянский хутор представлял собой район компактного проживания армян. Размеры его, если привести к условной прямоугольной форме, километр на полтора. Но это к условной, а так - это нагромождение домов, домиков и откровенных хибар, пересекаемое в самых произвольных направлениях узкими и кривыми улочками с множеством тупиков, проходных тропинок. Населяли хутор самые разные люди, начиная от самых добропорядочных, кончая самыми криминогенными. Жил этот хутор, как осажденная крепость, экономили все и вся, никаких лишних движений, и вот прекращается вечером подача электроэнергии, в головах мгновенно аналогия: февраль, Сумгаит, тоже прекращение подачи электроэнергии, и через двадцать минут начало дикой резни. Хутор встал на дыбы! Мужчины с топорами, кольями, дробовиками, воющие какими-то нечеловеческими голосами женщины, зашедшиеся в диком, истерическом плаче дети. Солдат охранявшего хутор батальона буквально рвали на части. Каждому хотелось, чтобы танк стоял у него во дворе. Танками почему-то называли БМД, объяснять разницу было бесполезно. Главное, говорили они, башня, гусеницы, пушка есть - значит, маленький танк.

Каждый требовал, чтобы в его дворе было минимум два солдата, лучше отделение. Солдат спрашивали: «Научил ли тебя дяденька взводный стрелять? Сколько у тебя патронов?» Сколько бы ни было патронов, все равно говорили: «Мало!.. Бери еще...»

Напряжение и истерика стремительно нарастали. Я поднял по тревоге весь батальон, оцепил район, привел в готовность номер один все резервы и пошел к первому секретарю райкома Афиятдину Джалиловичу Джалилову. Афиятдин Джалилович мужчина был крупный и видный, с исключительно откормленной физиономией и дивным цветом кожи. В районе он был до определенного момента царь, бог и даже несколько выше, но в сложившейся обстановке както потух и съежился. Тем не менее многолетние привычки и традиции продолжали действовать. Все без исключения посетители, включая второго и третьего секретарей, входили к нему, за три метра до двери согнув спину в вежливом поклоне, примерно в 30 градусов. Неслышно открывая на себя первую дверь, ведущую в кабинет, деликатно постучав

костяшкой согнутого пальца во вторую, и выходили тоже задом, принимая нормальное положение в какой-то одной им известной точке, метрах в трех от двери. Когда я спрашивал его, почему к нему, первому секретарю райкома, входят, как к султану, он пожимал плечами и объяснял, что так уж сложилось исторически.

Мне доставляло массу удовольствия входить к нему. Первую дверь я открывал шумно, без стука нажимал пальцем на ручку второй и открывал ее ногою. Здоровался с порога и проходил без приглашения, садился к столу. Его это дико злило, это было видно по его лицу, с которого при каждом моем приходе исчезал здоровый румянец, но он мне ничего не говорил. Я, по его понятиям, был не рядовой хам, но за моей спиной была сила!..

Я вошел, присел и начал: «Афиятдин Джалилович, в Армянском хуторе погас свет!.. Там дикая паника. Давайте будем меры принимать...»

В общем, я зашел к нему озабоченный одним - поскорее подать электроэнергию, прекратить этот вопиющий кошмар. Я рассматривал его как союзника в этом. Встречен же я был лучезарным взглядом и ответом, который поразил меня до глубины души.

- Александр Иванович! Ну что вы беспокоитесь, надо же экономить электроэнергию.

На меня мгновенно накатила волна дикой, но почему-то холодной злобы. Я достал пистолет, положил его перед собой. В руках я его удержать не мог, он почему-то жег пальцы.

- Ты летать умеешь? - проговорил я.

Он начал заикаясь: «Кы-кы-как?»

«Розы» на щеках его увяли.

- А вот так, если сейчас с балкона - вверх или вниз полетишь?..

Что-то в моей природноласковой физиономии и голосе было такое, что крылья носа и лоб Афиятдина Джалиловича мгновенно покрылись испариной. Сработало, очевидно, все вместе: «ты», пистолет, голос, выражение лица. В воздухе повисла тяжелая пауза...

- Так вот, если летать не умеешь, бери любые телефоны и звони. Через час свет должен быть. Ни слова по-азербайджански. Первое предупреждение - рукояткой по зубам, второго - не будет.

Как он звонил - это была симфония!.. Исключительно на русском языке в считанные минуты он отдал десятки указаний. Через 42 минуты подача электроэнергии была восстановлена, напряжение спало, люди медленно, но успокоились, разошлись по домам.

При желании везде и во всем можно найти смешную сторону. Здесь смешным было то (насколько я назавтра разобрался), что имела место рядовая авария на подстанции. И при любых других условиях обстановки она была бы спокойно и без суеты исправлена, побурчали бы немного и тут же забыли. Но насилие, зримо и ощутимо висящее в воздухе, сыграло свою роль.

И второй эпизод, который произошел в это же время. Доложили, что прибыли мужчина и женщина, очень хотят видеть коменданта по срочному делу.

- Ну, давай их сюда, - приказал я.

Вошел среднего роста мужчина, со следами побоев на лице и перевязанной правой рукой, сопровождаемый горько плачущей женщиной.

- Садитесь, - сказал я. - Фамилия?

Пришедший назвал.

- Вы же вроде не армянин?

- Да, я осетин.

- Так в чем же дело? Осетин вроде, по моим данным, не трогают?

А суть дела состояла в том, что после почти 20-летнего стояния в очереди этому человеку выделили квартиру. Состав семьи: сам, жена, двое детей-погодков - трех и полутора лет и парализованная мать.

До этого он проживал в маленьком финском домике на двоих с соседом, а в квартире, которую ему выделили и потребовали немедленно заселиться, не было ни электроэнергии, ни тепла, ни газа. Он пошел в домоуправление возмущаться: как же ему с маленькими детьми и парализованной матерью въезжать в такую квартиру? По планам начальника ЖЭУ, в половине домика осетина предполагалось разместить то ли какой-то склад, то ли каптерку, потому начальник был крут: сутки времени на выселение и никаких разговоров!

Осетин воспротивился и не съехал. Подрыва единоначалия начальник ЖЭУ не потерпел и для восстановления законности и правопорядка прибыл к домику осетина во главе

войска, состоящего из живой силы - семи слесарей и боевой техники - крановой установки с металлическим шаром на тросу, весом примерно полтонны. Осетин, будучи мужчиной гордой кавказской крови, забаррикадировался в своем жалком жилище вместе с женой, детьми и бабкой.

- Осетин, выходи! - раздались угрожающие крики.

В ответ гордое молчание человека, готового умереть, но не сдаться.

Начальник ЖЭУ открыл боевые действия. Слесаря разломали забор, побили стекла, обрезали электроэнергию, отключили газ. Но действия это не возымело. Тогда подключили тяжелую артиллерию. С криками «Осетин, выходи!» пустили в дело установку с пятисоткилограммовой металлической бабою и нанесли ею удар по крыше дома. После третьего удара тяжелой артиллерии по дому сильно пораненный осколками стекла осетин осознал бесполезность сопротивления и сдался вместе с семейством на милость победителей. Но торжествующие победители милосердия не проявили: порядка для навешали ему по фонарю под каждый глаз и разбили нос. В отношении перепуганной семьи ограничились только словесными выпадами. Старательно перебили всю черепицу на крыше и под гром фанфар удалились.

- Живи теперь, скотина, если сможешь! Знай, кто тут начальник!

Финский домик такая конструкция, что, когда бьешь по несущей балке и один конец идет вниз, второй, естественно, идет вверх. Посему, громя «преступного» осетина, попутно молодчики из ЖЭУ разгромили и ни в чем не повинного соседа.

Одна опергруппа отправилась за председателем исполкома и замом по строительству, вторую я послал за начальником ЖЭУ. Джалилов, кем-то оповещенный, явился сам. Охал, ахал, негодовал, обещал разобраться. Первым доставили начальника ЖЭУ. Вид у него был скверный. Дело в том, что я уже имел сомнительное удовольствие с ним познакомиться при обстоятельствах весьма пикантных. Ко мне на прием пришел человек, который самым серьезным образом убеждал меня заставить начальника ЖЭУ взять взятку 25 рублей за оформление документов по обмену квартиры. Человек по-русски говорил плохо, от природы обладал повышенным темпераментом и плюс еще был взвинчен: «Понимаэш, товарыш камондыр, я ему говорю только два листочка, двадцат

пят рублэй даю. Он мне гаварыт: У менэ чертожнык мэнше ста не бэрот. Я ему говорю - два листочка, двэ мынуты - двадцат пят рублэй. Он мнэ говорыт: «Пошол вон!» Товарыш командыр, пуст он возьмет двадцат пят рублей и оформыт докумэнты».

Тогда начальник ЖЭУ был доставлен вместе с секретаршей, печатью и бланками. Начальника усадили за стол, перед секретаршей поставили машинку, а мы с начальником штаба дивизии полковником Н.Н.Нисифоровым демонстративно громко и шумно поспорили. Я утверждал, что на оформление документов с постановкой печати хватит двух минут, а Николай Николаевич был уверен, что никак не менее двух с половиной. Ударили по рукам. Время пошло. Начальник ЖЭУ был по-своему хорошо воспитанным человеком, в специфическом, естественно, смысле. По выражению его лица я понял, что мой выигрыш - дело его чести. И я действительно выиграл с результатом одна минута пятьдесят три секунды. После чего я его слегка пожурил, и мы расстались.

Теперь, с интервалом три или четыре дня, от второй встречи со мной он, естественно, ничего хорошего ждать не мог.

Вслед за начальником ЖЭУ подвезли первого заместителя председателя исполкома и зама по строительству. Председатель мудро затерялся где-то между домом и райисполкомом. Афиятдин Джалилович попытался взять бразды правления в свои руки: «Ну, я забираю их к себе, сейчас мы разберемся!»

- Нет, теперь уже я буду разбираться! - ответил я. - Всех троих в кабинет с городским телефоном. Под охрану. Выпустить, как только осетин и его обездоленный сосед продемонстрируют мне ордера на квартиры и доложат, что они ими довольны. А вам, Афиятдин Джалилович, спасибо за участие.

В течение первого часа в отведенном кабинете стоял сильный шум на чистом азербайджанском языке. Преобладали голоса двух замов. О чем шел крик, не знаю, ни один из моих солдат азербайджанскую мову «не розумил», но, надо думать, начальнику ЖЭУ крепко досталось. Через 18 часов явились счастливые осетин с соседом. Представили мне ордера, доложили, что получили квартиры в доме улучшенной планировки и даже уже въехали. Наговорили много теп-

лых слов об очень душевных и вежливых работниках райисполкома. Я не стал их огорчать известием, что главные «душки и благодетели» сидят по соседству. Поздравил с новосельем и отпустил с миром.

Обстановка на площади Ленина и вокруг нее тем временем продолжала накаляться. Тревожное ожидание чего-то непоправимого, тягостного, угроза насилия зримо ощущались в атмосфере площади, и концентрация их все нарастала. Одновременно катастрофическими темпами надвигалась антисанитария на площади и вокруг нее. В ночь с 3-го на 4-е декабря было принято решение силами дивизии имени Дзержинского очистить площадь. Поскольку, как я уже упоминал, вверенный мне район прилегал к району 26 Бакинских комиссаров, на меня была возложена задача блокирования района прочески. Было приказано всех беспрепятственно выпускать, но никого не впускать. Операцию планировали какие-то «эмвэдэшные» чины, в подробности я не вникал. Тогда считал и сейчас считаю: не армейское это дело - заниматься внутренними беспорядками. Не потому, что здоровья не хватит, как раз наоборот, от его избытка. Но возложение полицейских функций на армию вообще, и на воздушно-десантные войска в частности есть величайшее унижение армии. Армия психологически не готова к такого рода деятельности, и если ее все же к ней понуждают, это приводит только к одному результату - дикой озлобленности и тяжелым и незаслуженным оскорблениям армии толпой.

Как там было по плану, не знаю, а события развивались следующим образом. Находящимся на блокированной площади людям неоднократно в течение часа предлагали оставить ее пределы с гарантией неприкосновенности личности и указывали маршруты и проходы. Плотные шеренги рослых, одетых в бронежилеты и каски, с щитами и дубинками дзержинцев подействовали отрезвляюще, и подавляющее большинство людей через указанные проходы покинули площадь. Большое значение, на мой взгляд, имело то обстоятельство, что за сутки до этого из суммы, собираемой на нужды народного фронта, какой-то «сокол» или «соколы» умудрились украсть полтора миллиона рублей. По тем временам это была сумма! Поиски воров ни к чему не привели, и толпа, по которой быстро расползся слух о таком колоссальном хищении, была морально сломлена. Осталось человек 800 самых непримиримых. Солдаты внутренних войск,

позванивая дубинками о щиты, играючись прошлись по площади. Все оставшиеся были арестованы, никто там никого не убивал. Нескольким самым ретивым досталось дубинкой по тому месту, где спина теряет свое благородное название. Замысел состоял в том, чтобы посадить всех арестованных в автобусы, вывезти в ИТК, километров за 20 от города, и там со всеми предметно разобраться. Была подана большая колонна автобусов. Операция по очистке проводилась с трех до четырех утра. К 5 часам все были рассажены по автобусам, и колонна тронулась. Кто там за что отвечал, я не знаю, но пять автобусов поднялись от площади на три квартала вверх, ушли от установленного маршрута влево, проехали еще пару кварталов, остановились и радушно распахнули двери:

- Свободны, ребята!

Уже к семи часам утра город был оклеен листовками: «Солдаты на площади убили более ста человек! Отечество в опасности! Люди, вставайте!» И народ встал. С тротуара перед Насиминским райкомом полого уходящая вверх улица Ленина просматривалась кварталов на пять, и все это пространство, сколько хватало глаз, «от дома до дома», было забито взволнованными, негодующими, нервными людьми. На улицы вышел пролетариат Баку. В абсолютно подавляющем большинстве своем это были порядочные, честные люди. Негодование их было искренним. Только ему не предшествовало «убийство более ста человек». Необходимо вспомнить, что это был 1988 год. Это были первые беспорядки такого масштаба в стране. И солдаты, воспитанные в духе интернационализма, были добры и деликатны. Озверение подкатит потом. От деликатности не останется и следа, когда трупы этих «интернационалистов» будут пачками отправлять в российские, белорусские, украинские города и села.

Всякие резкие движения были недопустимы и могли превратить и без того вышедшую из-под контроля ситуацию в кровавый хаос. Я циркулярно дал команду: «Без крайней необходимости никаких силовых действий! Убеждать, объяснять, выбирать из толпы наиболее горластых, проводить их на площадь и демонстрировать отсутствие трупов, крови и других следов массового убийства».

Пошел на улицу и сам. Обстановка все более наэлектризовывалась. То тут, то там раздавались истеричные вопли, рыдания. В толпе, не стесняясь, шныряли «очевидцы», от-

кровенно сознавая свою безнаказанность, и вели разрушительную работу.

Я взобрался на какую-то тумбу и громко, перекрывая шум толпы, объявил, что слух о массовом убийстве - ложь, попросил соблюдать спокойствие и выдержку, предложил выбрать делегацию из трех человек и заявил, что лично отвезу их на площадь, чтобы они убедились в моей правоте. Как всегда в таких случаях, самых честных и принципиальных набралось более чем достаточно. На заднее сиденье УАЗика влезли пятеро. Задворками, переулками, в двух местах через клумбы, я вывез их на площадь, миновав несколько постов внутренних войск. Десятка три разнокалиберных тапочек и туфелек, чей-то зонтик, пуговицы, окурки, какие-то тряпки - вот и все, что увидели привезенные мною люди. Пыл спал. Той же дорогой я вернулся обратно, жестко потребовав от них громко и внятно рассказать то, что они видели. Они добросовестно и безропотно взялись за дело. Один из них влез на ту же тумбу, на которой недавно красовался я, и таким же примерно голосом начал громко кричать по-азербайджански. Толпа, поняв, что ее одурачили, начала медленно успокаиваться.

Аналогичную работу везде, где это было возможно, проводили подчиненные мне офицеры. Слух о том, что массовые убийства - чудовищная ложь, быстро прокатился по всему двухмиллионному городу. Обстановка разрядилась. Люди облегченно вздыхали, кто-то плакал, кто-то смеялся. Но в целом все, успокоенные, расходились по домам. К 14 часам, за весь город судить не берусь, но вверенный моему попечению район почти принял свой обычный нормальный вид. Но бой, как известно, действо двухстороннее. И, как показывает практика, до окончательной бесспорной победы расслабляться не рекомендуется. Убедившись, что колоссальная провокация успеха не имела, возбудить огромные массы людей и бросить их в пучину кровавой вакханалии не удалось, соответствующие силы резко изменили тактику. Одним предложением суть ее можно охарактеризовать так: «В бой идут одни юнцы!»

Наспех проинструктированные, запихнув в карман отсчитанные сребреники, кучки, стайки, шайки подпоенных, наколотых молодых людей (возраст в основном 15 -18 лет) попытались организовать массовые беспорядки в районах компактного проживания армян. Батальоны дали жесткий от-

пор. Тогда вся эта погань рассеялась по всему району и организовала массу всевозможных бесчинств. Ловили и смертным боем били армян, заодно евреев, осетин, грузин и всех, кто в той или иной степени был на армян похож. Били, что называется, по лицу, а не по паспорту. Громили и грабили квартиры и магазины, всевозможные мелкие лавочки, принадлежащие армянам. За считанные минуты превращали в груды металлолома легковые автомобили. Телефоны звонили не переставая. Окровавленные, избитые, ограбленные жалобщики шли потоками. Вой, стон и плач стояли непрерывные. Предпринятые попытки воззвать к здравому смыслу с целью прекращения бесчинства успеха не имели.

Мне страшно не хотелось повторно в течение одного дня взрывать обстановку, с такими великими трудностями приведенную к почти нормальному состоянию, но выхода не было. Тогда мной был отдан приказ: «Всеми возможными силовыми средствами, при необходимости вплоть до применения оружия, воспрепятствовать и остановить бесчинства хулиганствующих элементов. Всех, захваченных на месте преступления, доставлять в помещение комендатуры с краткими описаниями совершенных «подвигов» и с указанием фамилий свидетелей». Застоявшиеся солдаты и офицеры, которым до внутренней дрожи надоело наблюдать всю эту сплошную картину преступления и увещевать пьяных негодяев, энергично принялись за дело. Тут выяснилось, что я несколько недоучел масштабы происходящего и потенциальное количество задержанных. В течение примерно часа в помещение комендатуры было доставлено 57 человек. Брали их на месте преступления, все они, как уже было сказано ранее, были либо пьяны, либо наколоты. Терять им было нечего, и сопротивление они оказывали самое яростное. Надо сказать, что я до сих пор с гордостью вспоминаю тех моих солдат: 88-го, 89-го, 90-го годов. Какие это были солдаты! Десантные волки, для которых не было задач невыполнимых. В самых сложных ситуациях они с презрением отметали искушение применить оружие, а если и применяли его, то не по прямому назначению, а как средство, чтобы отбить лом, обрезок трубы, кол, нож. Высокая профессиональная подготовленность, не менее высокая убежденность в необходимости скорбного их труда позволили им в достаточно короткие сроки вначале серьезно сбить, а потом и практически полностью погасить вспышки насилия. Поте-

ри с нашей стороны были мизерные: семь или восемь легко травмированных. Супротивная сторона являла собой зрелище жалкое, печальное и отвратительное: расставленные вдоль стен, окровавленные, пьяные, злобные, они выли, стонали, скрежетали зубами, матерились. Кровь на полу, кровь на стенах, кровь на лицах.

- Доктор, вытаскивай, сколько можешь, своих докторят всех рангов и мастей. По два человека охраны каждому, и начинайте их штопать и перевязывать, - распорядился я. - Начальнику штаба разобраться и обеспечить доставку этих красавцев в ближайший СИЗО, организовать уборку помещения. Не райком, а какое-то гестапо. Черт знает что!..

Доктор развернулся быстро. Он сам, все находящиеся под его рукой врачи, санинструкторы с разных концов обширного помещения взялись за дело. Технология была проста. Сопровождавшие доктора солдаты отслоняли от стенки очередного пациента и усаживали на стульчик. Доктор колдовал над его головой, лицом и, по предъявлению жалоб, над другими частями тела. Дело пошло бойко. С каждым новым перевязанным количество и качество матов, угроз, скрежетаний и рыданий пошло на убыль. Убедившись, что процесс отлажен, я ушел в свой кабинет, заслушал доклады командиров полков, начальников родов войск и служб. Все докладывали, что обстановка стабилизировалась. Начальник штаба дивизии полковник Н.Н.Нисифоров разбирался с вызванными милиционерами. Позади был очень трудный и тяжелый день. Я вышел в коридор. Тотальный косметический ремонт злостных хулиганов и преступников близился к концу.

Начмед дивизии лично обрабатывал пятого по счету пациента, громадного детину с шальными глазами. Это был могучий мужчина лет под тридцать, судя по нечленораздельному мычанию, вобравший в себя какой-то наркотик. О том, какое он оказал сопротивление и каких трудов стоило скрутить его и доставить в комендатуру, говорила разбитая во многих местах голова и лицо, представлявшее собой сплошной синяк. Доктор заканчивал перевязку. Результатом его творчества был сплошной кокон из бинтов с двумя дырками для правого глаза и рта.

Доктор облегченно вздохнул: «Все! Следующий!»

Перевязанный детина неожиданно резко вскочил на ноги и с глухим низким рычанием, потрясая покрытыми ссадина-

ми волосатыми кулаками весьма внушительных размеров, двинулся на отскочившего доктора. Стоявший сбоку солдат молниеносным, точным и сильным движением ударил детину прикладом автомата чуть выше левого уха. Детина взвыл и рухнул на пол. На коконе выше левого уха проступило кровавое пятно.

Развязка этой сцены была трагикомичной. Доктор, чье здоровье, если не жизнь, несколько секунд назад подвергались самой серьезной опасности, ринулся с кулаками на... солдата. Я еле успел поймать его за шиворот. Из его сбивчивых, яростных объяснений уяснил, что он, доктор, полчаса времени положил на то, чтобы промыть, заштопать и забинтовать многочисленные дырки на наркотической голове дылды. Это труд и труд квалифицированный, а он, то бишь солдат... Доктор опять яростно зашипел на солдата. Тот, как ни странно, оценив ситуацию, рассмеялся. За ним захохотал остывающий доктор, далее сбежавшиеся на шум санинструкторы и комендачи, а за ними и стоящие вдоль стен свежеперевязанные преступники. Какой-то дурной, по-другому его трудно назвать, смех, в своей порочности заразительный, минуты три-четыре сотрясал весь этаж. Мне до сих пор крайне неприятно, когда я вспоминаю этот смех. Странный и страшный смех людей с поехавшей где-то и в чем-то крышей. Совместный смех людей, являющихся гражданами одной страны и еще несколько часов назад готовых убить друг друга. И все-таки, какой бы он ни был, этот смех как-то разрядил ситуацию. Детину подняли, посадили, разбинтовали. Обидчивый доктор сноровисто заштопал ему свежеприобретенную дырку, забинтовал.

Тут подоспели соответствующие, с позволения сказать, товарищи с соответствующим транспортом типа «воронок». Жмуриков построили, зачитали им постановление, что все они арестованы в административном порядке на 30 суток, и увезли. Вместе с ними были переданы все материалы с описанием их «подвигов» и указанием свидетелей оных. Через две с небольшим недели я снова вернулся к их судьбе и уяснил себе следующую картину: уголовного дела не было возбуждено ни одного, около 30 человек были отпущены на следующее утро, как объяснили, ввиду недостижения ими совершеннолетнего возраста, хотя мальчиков там, прямо скажем, не было. Народ был вполне здоровый и рослый. Остальные провели в СИЗО от двух до пяти суток и тоже были

с миром отпущены и растворились в огромном городе. А вместе с ними растворились и многочисленные дела об убитых, избитых, ограбленных, искалеченных, изнасилованных. Нулевой, так сказать, вариант.

Убедившись, что с контролирующими район десантниками шутки плохи, граждане, злостные хулиганы, больше масштабно не выступали. Так, множественные подлые и трусливые гнусности типа запущенного в окно или в голову булыжника, вырванных волос у женщин, короткий тычок из толпы в лицо пожилому человеку, после чего ветеран оставался сидеть на тротуаре с разбитым носом, кровь из которого капала на орден Великой Отечественной войны II степени.

Так относительно спокойно события развивались до 7 декабря. Вечером 7-го по программе «Время» было объявлено, что в Армении колоссальное землетрясение. Полностью разрушены города Спитак и Ленинакан, в той или иной степени пострадало большое количество других населенных пунктов. Точное количество жертв неизвестно, но предварительно оно огромно и исчисляется десятками тысяч человек.

Единственный телевизор стоял в фойе нашей импровизированной комендатуры, и смотрели его все: офицеры штаба, солдаты опергрупп, работники райисполкома. Диктор продолжал говорить о чем-то другом, но его не слушали, более того, вскоре телевизор кто-то выключил. В фойе повисла гнетущая тишина. В эту тишину внезапно ворвался какой-то звук, точнее, гамма звуков, сливающихся в какой-то один, общий, торжествующий радостный вой, все более усиливающийся. Я было решил, что у меня слуховые галлюцинации, но судя по тому, как все закрутили головами и начали прислушиваться, это было не так. В торце здания находился небольшой балкон. Выход на него был из коридора. Пытаясь разобраться в природе звуков, я и со мной пять или шесть офицеров вышли на этот балкон. В считанные секунды все стало ясно.

На противоположной стороне улицы, наискосок от здания райисполкома, стояла большая жилая девятиэтажка. Во всех без исключения окнах горел свет, на всех балконах орали, визжали, улюлюкали, дико хохотали люди. Вниз летели пустые бутылки, зажженная бумага, еще какие-то предметы. Девятиэтажка не была одинокой в проявлении своего кан-

нибальского восторга. Аналогичная картина наблюдалась во всех близлежащих домах. Район светился и исступленно восторженно выл. Люди, считающие себя цивилизованными, в той или иной степени воспитанные и образованные, многие, надо полагать, верующие, исповедующие заповеди Корана, вот эти все люди в единодушном порыве неприлично, варварски праздновали колоссальное чужое людское горе. Страстно захотелось взять автомат и перекрестить проклятую девятиэтажку длинной очередью. И хоть таким способом заставить опустившихся до уровня гамадрилов людей вернуться вновь в человеческий облик. Сколько добрых, веселых, разумных, радушных людей встретил я среди азербайджанцев! Какие страстные, убедительные речи говорили мне многие из них! Куда они делись, все разумные и добрые, как стало возможным, что все они растворились в этой пене, поддались порыву, степень гнусности которого трудно определить? Это загадка. Вывод из которой - промежуточный и печальный - один: от любой ступени цивилизации, любой высшей общественно-экономической формации до феодализма и даже первобытного стада один, не более, шаг, шаг назад, но один... Надо только создать соответствующие условия, и люди оказываются способными мгновенно доказать, что с дерева они слезли недавно.

Не стану говорить, что говорили и что чувствовали находящиеся со мной офицеры. Я понимаю и разделяю их чувства.

Я вернулся к себе и отдал распоряжения об усилении постов и приведении резервных подразделений в готовность номер один. Против ожиданий ночь прошла спокойно.

Землетрясение внесло какой-то моральный надлом в настроение проживающих в Баку армян. Если до него многие высказывались, что все образуется, здравый смысл восторжествует, помиримся, пена сойдет, будем жить, то после 7 декабря 1988 года, когда в глазах большинства азербайджанцев горел огонь торжества, они сломались. Начался массовый исход. Не помогли никакие уговоры, убеждения. Люди слушали, кивали, но глаза большинства из них были тусклы, мутны. До них не доходил да и, наверное, не мог дойти смысл наших увещевательных речей. Мы были для них чужие. Неплохие, человечные, гуманные, готовые помочь, но - чужие. Мы прилетели - улетели, а им здесь жить или не жить! И подавляющее большинство склонилось ко второму - не жить.

Резко возросла нагрузка на подразделения, сопровождающие колонны до Дербента, многие предпочитали этот путь, через Дагестан, как самый короткий и относительно безопасный. Ну получишь, в лучшем случае, половинкой кирпича в ветровое стекло. Если не дремать - увернешься - мелочи!!! Резко возросла нагрузка на аэропорт и вокзал. Аэропорт - это была не моя епархия, а вот вокзал... Вокзал находился во вверенном мне Насиминском районе. Пришлось сначала удвоить, а потом и утроить количество патрулей. Конфликты на вокзале носили множественный и скоротечный характер. Как правило, дело обстояло так: по вокзалу шастали разрозненные группы, изображающие из себя провожающих, встречающих, отъезжающих юнцов. Явно на обострение они не шли, но стоило патрулю отвернуться, как следовал молниеносный налет на отъезжающую армянскую семью или семьи. Следовало несколько ударов в лицо, неважно, мужское или женское, выхватывалась какая-нибудь вещь, и шпана растворялась в толпе, оставляя дико ревущих перепуганных детей и окровавленных, озлобленных взрослых. Патрули сбивались с ног.

Пришлось наращивать усилия за счет поступивших в мое распоряжение курсантов школы милиции, прибывших с Украины (город, к сожалению, не помню). Отличная, надо сказать, была школа. Все как на подбор крупные, медвежковатые, степенные, добродушные парни при таких же начальниках. Воспитывались на одном высшем принципе: неукоснительного соблюдения законности. Они умели и выслушать, и помочь, и посочувствовать. Но ровно до тех пор, пока человек вел себя законопослушно. Любая склонность к нарушению порядка вызывала мгновенную адекватную реакцию. Хлопцы умели быстро и эффективно объяснять, кто здесь есть начальник, но злобы при этом не таили. Если люди осознавали, что они неправы, они могли опять рассчитывать на сочувствие, медицинскую помощь.

Взяв с собой начальника факультета, возглавлявшего курсантов, в один из дней в 20-х числах декабря я поехал на вокзал с целью поставить ему задачу. Жизнь на вокзале била ключом, иногда по чьей-то голове. Вокзал был наводнен патрулями, люди были, как всегда в последнее время, напряжены. С полковником милиции мы обошли весь вокзал. Я детально рассказал ему, что от него требовалось. Мы с ним оговорили вопросы связи, взаимодействия, места размеще-

ния и взаимодействия резервиых групп, маршруты и места совместного и раздельного патрулироваиия и уточиили массу других иеобходимых в таких случаях деталей.

Вокзал в Баку, как и во всяком уважающем себя столичном городе, большой. С учетом того, что город представляет собой амфитеатр, иисходящий к Каспийскому морю, особенностью вокзала является то, что ои расположен в трех уровнях.

Полковиик ушел ставить задачу своим людям, а я, сопровождаемый адъютаитом с двумя солдатами, отправился иа «кольцо» - самое бойкое иа вокзале место.

«Кольцо», где останавливались и выбрасывали в чрево вокзала пассажиров миогочисленные такси и частные машины, лежало ииже вокзала, составляло оио, условно говоря, второй уровеиь. Для того чтобы попасть в здание вокзала, иадо было преодолеть иебольшую площадь и подняться по ступеиям под тройной аркой.

В свою очередь, Привокзальиая площадь лежала ииже «кольца» и соединялась с иим еще ступеиями. Вот этот безобидиый виешне архитектуриый ансамбль, позволяющий хулигаиам отлично маневрировать, и был самой горячей постояиио действующей точкой. Машины подходили, выгружались, уходили. Носильщики-азербайджанцы демоистративно не замечали армянские семьи с их многочисленными узлами и чемодаиами. Остановилась очередная машииа. Из нее вышел высокий и крепкий парень-армянин, лет 25 - 27, с ордеиом Красиой Звезды и медалью «За отвагу» иа лацкаиах пиджака. Из багажиика с помощью водителя он достал несколько узлов и чемодаиов, затем помог выйти из машииы старику (который по каким-то причииам ие мог стоять и был тут же усажеи на одии из чемодаиов), пожилой женщиие и мальчику лет десяти. Какая уж между иими родственная связь была - не зиаю. Оставив женщину и мальчика с вещами, парень посадил себе иа закорки старика и понес его в здание вокзала, решив, по-видимому, усадить его, а потом вернуться за вещами и родственииками. Едва ои успел сделать шагов 15 - 17, как откуда-то сбоку вывернулась шайка человек в 10 - 12 и всей своей массой сбила парня с иог. Мгновенно образовалась куча мала. Дико завизжала женщииа, истошио и произительно закричал мальчишка. Люди, шедшие от «кольца» в здание вокзала, шарахнулись в сторошы и, как ни в чем ие бывало, продолжили путь. Носильщи-

ки удвоили каменность лиц. В кучу врезались мы вчетвером. С помощью кулаков и прикладов удалось быстро расшвырять этот сочащийся зловонной ненавистью клубок. Как всегда в таких случаях, когда бьют толпой и злоба застилает разум, парень и старик мало пострадали, за вычетом того, что были помяты и вываляны в грязи. К концу этой скоротечной схватки на месте действия оказалось еще 10 - 12 солдат, шпана разбежалась. Парню помогли донести старика и вещи в вокзал, успокоили женщину. Прибежал сержант милиции, доложил: «Снизу, с Привокзальной площади, подпирает толпа. Нас там шестеро, не сдержим!»

Отправив солдата за резервной группой, я с оставшимися бросился к лестнице. Пятеро милиционеров, вооруженных только дубинками, образовав жиденькую цепочку посредине лестницы, увещевали угрожающе раскачивающуюся толпу.

Просвет лестницы ограничивал обзор, но даже в этой рамке просматривалось не менее двухсот агрессивно настроенных мужиков. С моим прибытием раздались крики: «Полковник, почему вы защищаете армян?..»

Когда разговариваешь с толпой, очень важно не поддаться ее агрессивному настрою, сохранить абсолютное спокойствие и выдержку. В большинстве случаев толпа осознает моральное превосходство говорившего и успокаивается. Тут надо сказать, что по способности в считанные секунды образовывать громадные, объединенные одной только им ведомой идеей толпы закавказские республики не имеют себе равных. Вот еще несколько секунд назад каждый двигался в своем направлении, по своим делам, но что-то где-то вспыхнуло, и разрозненная масса мгновенно образовывает сплоченную толпу. Почти повсеместно нетерпимую, агрессивную, нервную. Эту толпу, по всей видимости, собрала драка на «кольце». «Почему вы защищаете армян?» - это был основной лейтмотив, сопровождался он матерщиной, угрозами, кривлянием.

Я стал рядом с милиционерами. Десяток прибывших со мной солдат сделали их цепочку более густой и внушительной: «Уважаемые товарищи, прошу вас, успокойтесь! Мы защищаем не армян. Мы защищаем людей! В Армении 98-я воздушно-десантная дивизия обеспечивает эвакуацию азербайджанского населения. Нам все равно, кто и по каким мотивам кого убивает, наша задача - не допустить этого. Успо-

койтесь, прошу вас, и идите с миром. Я и подчиненные мне люди не желают вам зла».

Люди южные, кровь горячая. Люди в массе своей хорошие, возбуждаются мгновенно, но и остывают, слава Богу, тоже быстро. Агрессивность толпы прямо на глазах пошла на убыль. Но тут откуда-то из ее глубины на передний план вывернулось здоровенное мурло, по всем признакам, не совсем трезвое. Видать, из записных провокаторов.

- Полковник, ты... - дальше последовала длинная непечатная фраза. Вот тут я сорвался. Ни одному человеку в жизни я не прощал и никогда не прощу личного оскорбления. Таких людей в моей жизни было мало, но все они без исключения жестоко заплатили за невоздержанность языка и четко усвоили, что язык - это дорога, по которой в наш дом приходит несчастье.

Мне сейчас неловко об этом вспоминать, но тогда я мгновенно забыл, что я командир дивизии, что под моим началом тысячи людей. Осталось только мое личное оскорбленное «Я». Я рванулся к детине. Он знал, что делал, и был настороже, мгновенно развернулся и начал углубляться в толпу. Я за ним. За мною верный и надежный адъютант, храбрый и глубоко порядочный человек старший прапорщик Виктор Алексеевич Величкин. За ним солдаты и милиционеры, а за ними и прибывший, как я чуть позже разобрался, резервный взвод. Этот клин, на острие которого оказались мы с Величкиным, стремительно и яростно врезался в толпу, посеяв в ней панику. Толпа, давя задних в узком проходе, начала разбегаться. Величкин достал кулаком детину, следовавший за ним солдат резким выпадом ствола автомата уложил его. Отмахивались мужики в толпе от меня исключительно в целях обороны, но отмахивались. Пришлось вспомнить все, чему меня когда-либо учили, и поработать кулаками на славу.

Вырвавшаяся из узкого прохода толпа стремительно разбегалась к краям площади. Два выстрела из пистолета вверх нарастили панику, через несколько секунд площадь в радиусе 30 - 35 метров была абсолютно пуста. Несколько человек, включая провокатора, остались лежать. Провокатор был какой-то плоский и что-то нечленораздельно мычал.

С помощью тех же солдат, которые еще несколько минут назад дрались с толпою, Величкин отправлял пострадавших

в медпункт. Рослый солдат из комендантской роты, стоявший рядом со мной, обтирая разбитый нос, как-то очень хорошо и просто, по-человечески, пробурчал: «Вы так больше не делайте, товарищ полковник...»

Пострадавших унесли, и через несколько минут площадь, как ни в чем не бывало, бурлила.

Как это ни дико кому-то покажется, но такие стычки, или, как мы их называли, «бои местного значения», на какое-то время стали поразительно свинской, но нормой. Держалась эта норма вплоть до нового 1989 года, когда массовый исход армянского населения был практически завершен, остались в большинстве случаев старые, немощные, неимущие, да и те старались в общежитии маскироваться под евреев, под лезгинов, осетин - кого угодно, кроме армян. Напряжение спало, жизнь начала брать свое, люди все более и более втягивались в работу. Орать на площадях хорошо, когда тебя систематически кормят, а если нет? Январь, часть февраля были затрачены на то, чтобы полностью нормализовать обстановку. Установка была с моей стороны такая: максимально чутко относиться ко всем просьбам людей, независимо от их национальности, помогать им во всем, включая области, которые не входили в нашу компетенцию, и предельно жестко противостоять любым попыткам силового разбирательства. Солдаты помогали паковать и грузить вещи, оказывали помощь в ремонте порушенного и разбитого, проводили показные занятия, совместные вечера отдыха. Обстановка все более и более нормализовывалась. Этому способствовала во многом деятельность военного коменданта особого района города Баку генерал-полковника Тягунова. Несмотря на весьма почтенный возраст, он был вездесущ и успевал все. Толково и грамотно организовывал отлов и фильтрацию всевозможного хулиганья и отлаживал работу магазинов и хлебозаводов, проводил всевозможные встречи с представителями интеллигенции, духовенства, студенчества. Убеждал, примирял, чаще подхваливал, реже незлобиво поругивал, в общем, всеми доступными средствами добивался и добился того, чтобы жизнь вошла в нормальное русло. Благодаря этому обстоятельству к началу февраля стало возможным оставить в районе для несения комендантской службы один полк, а с остальными я улетел в родные пенаты. Простились со всем районным начальством внешне тепло и дружественно. Афиятдин Джалилович подарил мне на па-

мять сборник стихов Насими, именем которого был назван район, и путеводитель по историческим местам города Баку. Я ему - десантный стропорез. Поскольку в ВДВ дарить ножи не принято, я взял с Афиятдина Джалиловича символическую плату - три копейки, и мы расстались.

Примечательно то, что все встречавшиеся мне на ту пору грузины относились к сваре, как они ее называли, между армянами и азербайджанцами с величайшим презрением и характеризовали ее словами, самыми мягкими из которых были: «Козлы!»

Тогда я не придал этому особого значения, припомнилось это мне несколько позже.

ВЫБОРЫ ПО ЗАКАЗУ

В феврале 1989 года на меня свалилась, как у нас принято говорить, внезапно возникшая задача. В преддверии выборов в Верховный Совет СССР где-то там высоко было принято решение: по одному из тульских районных и ряду сельских избирательных округов будет баллотироваться член военного совета Группы советских войск в Германии генерал-полковник Н.А.Моисеев. Была такая метода соединения пола с потолком, водопровода с канализацией, в данном случае Группы советских войск в Германии с Тульской губернией. Поскольку я был начальником гарнизона, обеспечение и успешный исход выборов были возложены на меня. Инструктировали меня многие. Смысл инструктажа сводился к известной флотской формуле: все пропьем - но флот не опозорим!

С инструктирующими я во многом, мягко выражаясь, не был согласен, но ... Есть! Первый визит в Тулу Николай Андреевич нанес в начале февраля. Команда его, с которой я предварительно познакомился, поразила меня (по неопытности) глубоким знанием местной конъюнктуры, раскладки политических сил, знанием массы слабых мест многих представителей местного партийного, советского аппарата. Впечатлило и прибытие генерал-полковника Моисеева. Многочисленная свита, образцово-показательный ансамбль песни и пляски Группы советских войск в Германии, человек сорок (если память не изменяет) солдат-отпускников, уроженцев Тулы, масса сувениров и водка... водка... водка...

На организационном совещании под почетным председательством Николая Андреевича был уточнен намеченный ранее план действий, и машина закрутилась. В соответствии с бессмертным завещанием Н.В. Гоголя (смотри «Мер-

твые души» - визиты Чичикова) мы посетили всех сильных мира сего за вычетом разве что прокурора. Схема везде была примерно одинакова. Поскольку к депутатам у нас отношение было да и, пожалуй, осталось потребительское, следовало знакомство с бурным проявлением радости с обеих сторон, немножко маниловщины: хорошо было бы, если бы... и разговор уходил в деловую плоскость, смысл которой - а что может кандидат? Потенциально Николай Андреевич мог многое, поэтому на обещания он не скупился. Кое-что начало немедленно реализовываться в жизнь. Завершались такие встречи, как правило, поднятием ряда тостов за успех. Когда визиты к представителям тульского бомонда завершились, я под благовидным предлогом - дивизией командовать надо - от посещений сельских районов уклонился - стало невмоготу. И очень правильно сделал, ибо Николай Андреевич с каждого очередного сельского района вместе с командою возвращались «пьяным пьянющими и лыка невяжущими». Именно тогда я сказал сам себе: «Боже тебя упаси, Александр Иванович, лезть в нардепы! Ты столько не выпьешь!»

И вот предвыборное собрание в Туле. Из трех кандидатов Николаю Андреевичу по жребию досталось выступать первым. Я на том собрании сидел в качестве приглашенного и имел возможность оценить блестящее ораторское искусство генерал-полковника Моисеева. Он всех похвалил, он никого не зацепил, ненавязчиво, но многозначительно выпятил выигрышные места своей программы, не менее ненавязчиво, как бы к слову, подвел итоги уже проделанной работы. Не менее искусно ответил он и на вопросы: легко, весело, непринужденно, вдаваясь в подробности там, где тема была ему хорошо знакома, с шутками и прибаутками отметая тяжелые вопросы. Сидишь ты себе в зале, в котором почти 800 человек, и возникает у тебя какой-нибудь умный, нужный, но каверзный вопрос, записываешь его на бумажку, отправляешь в президиум и, затаив дыхание, ждешь... На твоих глазах бумажку разворачивают, пробегают ее глазами и, не озвучивая вопроса, мило улыбаясь, говорят что-нибудь типа: «Тут товарища Сидорова интересуют некоторые интимные подробности, извините!» И пошли дальше. И будешь ты подпрыгивать, пытаясь доказать ближайшим соседям, что вопрос-то умный и по делу, никакой тут интимности. И вообще, как же

так? А они на тебя будут смотреть осуждающими взорами, в которых будет читаться: «Молчи, бестактный дурак». В общем, это был высокий класс!

Закончил свое выступление Николай Андреевич под продолжительные аплодисменты большинства присутствующих в зале.

Вторым выступал кандидат-рабочий. По всему было видно, что это хороший, честный и чистый человек. Именно поэтому его было по-человечески жалко, когда он коряво и невпопад отвечал на все вопросы подряд, и в речи, и в ответах на вопросы многократно и не к месту упомянул о горячем сердце и чистых руках, но... не тот образовательный уровень, полное отсутствие ораторского искусства, путаная, а может быть, путанно доведенная программа... Он вызывал жалость и сострадание, а политический деятель не имеет права быть жалким, по этой причине он был не конкурент.

Третьим был инженер. Этот провел свою речь блестяще. Как я чуть позже разобрался - его готовил к ней психолог. Хороший язык, умеренные жесты, талантливо расставленные акценты. Инженер был хорош, но в конце, как говорят, «подставился». Перед аудиторией, добрую половину которой составляли военнослужащие, демопацифистски настроенный инженер забыл наставления мудрого психолога, взял да и брякнул, что армия - это сборище дармоедов и она нам даром не нужна. Очарование мгновенно пропало. Возмущенные крики, свист, гвалт. Резкие, как выпады шпаги, вопросы. Инженеру бы сдать назад, но его, по всему видно, свежеизготовленная, с многочисленными техническими недостатками, демократическая надстройка твердо стояла на марксистском базисе, он продолжал по-ослиному упорствовать в заблуждениях, втянулся в перепалку и потерял лицо.

В результате голосования 50-процентный рубеж, определяющий допуск к выборам, легко и уверенно преодолел один генерал-полковник Моисеев, став, таким образом, безальтернативным кандидатом.

Публика в зале взорвалась: как, опять один кандидат, опять сплошной «одобрямс»? Последовала бурная и продолжительная словесная перепалка, с истерикой, с покушениями на оскорбления, в итоге было принято решение провести переголосование между инженером и рабочим, дабы выдви-

нуть кого-то из них и, таким образом, создать Моисееву альтернативу.

Страсти поутихли. Комиссия занялась подготовкой нового голосования, был объявлен большой перерыв, и все столпы местной политической мысли отбыли пить кофий, рассуждая по ходу о том, что военные своего кандидата протащили, удовлетворились и уже теперь-то совершенно непринужденно отдадут свои симпатии кому-то из оставшихся претендентов. Кофий был хорош!

Но многие не знали, а кто знал, наверное, забыл, что солдат без команды - дурак. Во время перерыва по фойе быстро и организованно «прошелестела» команда: «При голосовании воздержаться». Ни рабочий не додумался предложить голоса своих сторонников инженеру, ни инженер - рабочему. В результате повторного голосования инженер набрал около двадцати пяти процентов голосов, рабочий - меньше десяти - и оба «пролетели». Шум, гвалт, свист, хохот, но предвыборный поезд, ехидно мигнув фонариком последнего вагона, ушел... Да, кофий был хорош...

«Дело сделано, - сказал главный дирижер команды, ее идейный вдохновитель и организатор всех предвыборных побед полковник-кавказец из политуправления Группы войск, - Теперь - дело техники». Умный, глубокий, ироничный был человек, жаль, фамилию не помню. Ситуацию во всей ее многовариантности мог просчитывать и моделировать безупречно. Какую он там штатную должность занимал - бог весть, но то, что был Мастером человековедения - это безусловно. Для него не существовало эмоций, точнее, он манипулировал ими, как фармацевт порошками: мог изготовить лекарство, мог - яд. Короче говоря, ему были ведомы потаенные законы Управления Человеческим Стадом, и он знал, что говорил.

Дальше, действительно, все пошло, как по писаному. Николай Андреевич еще разок на пару дней появился в городе-герое Туле и пропал. 26 марта народ потянулся на голосование, да-да, именно на голосование. Выборы - это от слова «выбирать», иметь право выбора, а выбора как раз и не было. Что уж там сработало, не берусь судить, то ли бессмертный принцип, открытие которого приписывают И.В.Сталину: «Не важно, как проголосуют, важно, как сосчитают», то ли многолетняя привычка советского народа именно голосовать, надеясь на подступах к урне перехва-

тить что-нибудь вкусно-дефицитное, но генерал-полковник Н.А.Моисеев был дружно избран и стал депутатом Верховного Совета СССР. А может, при избрании свою роль сыграло необычайное удобство подсчета голосов избирателей в Туле и Германии одновременно? Кто скажет, что это неудобно - пусть первый бросит в меня камень. А может, мы действительно страна дураков, и лапша, которую нам систематически развешивали на уши, уже к ним приросла и не стряхивается? Трудно сказать, да, наверное, это теперь не так уж и важно, это теперь, можно сказать, история, ее можно оплевать, можно возвысить - переделать нельзя. Факт то, что, став депутатом, Николай Андреевич автоматически, как человек, получивший мандат доверия народа, стал Начальником Политуправления Всея Сухопутных Войск. Я тогда служил в войсках воздушно-десантных, и как он там себя, в сухопутных-то войсках, проявил - не знаю. Как депутат же мелькнул он безгласно несколько раз на экране телевизора и растворился навеки в политическом небытии. Конъюнктура она и есть конъюнктура.

БЕССЕРДЕЧНЫЕ АВАНТЮРЫ ГЕНЕРАЛА СЕРДЕЧНОГО

Жизнь и служба продолжались. 25 марта я с группой офицеров улетел на неделю для работы в Кострому, до предела обострив отношения с бывшим командиром дивизии генерал-майором Ф.И.Сердечным, ставшим тульским областным военным комиссаром.

Как я уже говорил, характера он был предельно жесткого и крутого, но на меня эта крутизна проиэливалась крайне редко. Он во многом содействовал моему становлению как командира, многому у него я научился. В общем, у меня были все основания относиться к нему с предельным уважением. Став облвоенкомом, генерал Сердечный изредка по привычке заезжал в штаб дивизии, делился впечатлениями о новой службе. Впечатления были исключительно положительные. Большое восхищение вызывало у него следующее обстоятельство: «Понимаешь, стоит на столике десяток телефонов и хоть бы один, сволочь, за день позвонил!» Служба у него до этого была тяжелая, вся сплошь на строевых должностях, поэтому, когда человек в финале такой службы получает должность, на которой можно передохнуть, за него можно только порадоваться.

Высказывал Федор Иванович иногда просьбы, которые носили необременительный характер, свойства были служебного и в 100 случаях из 100 выполнялись. В общем, существовала своего рода идиллическая картина, когда генерал, взрастив себе преемника и не без удовольствия взирая на плоды трудов своих, встречает полное взаимопонимание и уважение. В 20-х числах марта прибыл он ко мне чрезвычайно взъерошенным и агрессивно настроенным. Едва пробурчав приветствие, сразу взял быка за рога:

- Ты знаешь, что все мои машины стоят у тебя на довольствии?

- Знаю.

- И как ты их обеспечиваешь запчастями?

- Как положено. Ваши машины составляют 17 процентов от стоящих у меня на довольствии, соответственно, вы получаете 17 процентов всех запчастей.

- Кто тебе это сказал?

- Что значит - сказал, вот расчет, подписанный заместителем командира дивизии по вооружению подполковником Давыдко.

- Давыдко ни хрена не знает! Какие 17 процентов, я тебе не считая скажу, что 30 процентов, а то и все 35! И потом, это в год, а дивизия задолжала облвоенкомату за последние пять лет!

Здесь я, не принимая его наступательного тона, расхохотался:

- Федор Иванович, позволю себе напомнить, что из пяти последних лет четыре года командовали дивизией вы! И вам ничего не мешало ежегодно и аккуратно рассчитываться с генералом Добровольским, вашим предшественником. Так что давайте однозначно будем разбираться в пределах того года, на протяжении которого дивизией командую я.

- Ну, это все ерунда! Добровольский был человек безвольный и с меня не требовал (здесь я ухмыльнулся, представив себе умного, ироничного, деликатного генерала Добровольского, требующего что-то у предельно грубого и не лезущего за матерным словом в карман генерала Сердечного), а я с тебя потребую, и ты мне все вернешь, и вернешь за пять лет! Если надо, поставлю на уши весь округ, но ты вернешь!.. - Генерал Сердечный захлебнулся слюной.

- Федор Иванович, я завтра еще раз все перепроверю. За четыре предыдущих года ничего не будет, это я могу сказать сразу, а за последний год получите строго в соответствии с расчетом и ни гайкой больше.

- Какое мне дело до ваших с идиотом Давыдко расчетов. Я сказал: тридцать процентов и за пять лет!

- В таком случае вообще ничего не получите. Нет у меня ничего на складе!

- Ты, сопляк... - генерал захлебнулся вторично. Далее разговор в течение минуты носил предельно жесткий, непереводимый на литературный язык характер, после чего гене-

рал Сердечный вылетел из моего кабинета. Расстались мы совершеннейшими врагами, что, не скрою - дело прошлое, меня сильно огорчило. Нет, не из-за угроз, мне на них всегда было наплевать. Они на меня действовали, как красная тряпка на быка. Как уже было сказано, это был один из моих учителей. К учителям я всегда относился с уважением. Поставь он вопрос в другой форме, скорее всего, я нашел бы возможность ему помочь. С тем я и улетел. Вернулся в субботу, 1 апреля. На аэродроме меня встретил начальник штаба дивизии Н.Н.Нисифоров. Доложил, что в дивизии все нормально. Мы обменялись какими-то малозначащими фразами, помянули день шутников и на том разъехались по домам. Часов около 19 раздался звонок. Это был прокурор Тульского гарнизона. Он торопливо поздоровался и сбивчиво начал докладывать:

- Товарищ полковник, генерал Сердечный с вашим адъютантом учинили стрельбу, ранен человек, обстреляна машина. Оба с места происшествия скрылись!

- Ну вы, товарищ прокурор, артист!.. Ну все, все - поверил. С первым апреля!

- Какое первое апреля? Передо мной пистолет Сердечного и штаны пострадавшего - все в крови.

- Аркадий! Хватит этих душераздирающих подробностей из жизни кроликов, я же сказал - поверил. С первым апреля!

Прокурор продолжал упорствовать, наращивая все новые и новые подробности. Я разозлился: «Я сейчас, конечно, подъеду, но если товарищ прокурор наврал и это все первоапрельская шутка, тогда, ну, прокурор, - погоди!»

Вызвав машину, я поехал в прокуратуру. Прокурор, человек небольшого роста и обычно энергичный, веселый, жизнерадостный, выглядел подавленно. Перед ним на столе лежал «ПМ», рядом обойма, на табурете - окровавленные брюки. С первого взгляда стало ясно, что прокурору не до шуток. Весь вечер я посвятил разбирательству, в результате которого явственно проступила следующая картина. По наследству от Сердечного мне достался адъютант - старший прапорщик Виктор Алексеевич Величкин. Человек исключительной порядочности и честности, глубоко убежденный в том, что генерал - это человек, стоящий где-то рядом с Богом, и уж такой-то человек ничего противозаконного сделать не может. Во время своих многочисленных разъездов

адъютанта я с собой брал редко: постоянно не хватало места в машине или вертолете. Сердечный, зная о моих отлучках и по старой памяти, частенько по-тихому прихватывал адъютанта для выполнения каких-то своих задач. Так произошло и в октябре 1988 года. Я отлучился, Сердечный пригласил Величкина и ласково попросил: «Витя, я хочу дочке «Жигуля» купить, у меня, ты знаешь, есть, если два взять - не поймут. Поэтому давай-ка оформим его на тебя».

Что сказал генерал - для Величкина это свято. Машина была приобретена и оформлена. Истинный хозяин - Сердечный - положил в карман ключи от машины и от гаража, а мнимый хозяин - Величкин - отправился восвояси с чувством выполненного долга.

В эту мою отлучку Виктор Алексеевич был приглашен повторно. Речи уже были другие: «Знаешь, Виктор, на дачу не хватает, поэтому придется машину продать. По документам, хозяин - ты. Поэтому - не обессудь». Сказано - сделано. С утра первого апреля Сердечный с Величкиным смотались в Москву, в Южный порт.

Сердечный договорился с двумя какими-то проходимцами из Харькова и пригласил их встретиться в 16.00 в Туле, у магазина «Стрела». Потенциальные покупатели к указанному времени прибыли. Этой встрече предшествовала пикантная подробность. На 15 часов в облвоенкомате было назначено партсобрание, где с докладом должен был выступать облвоенком, то бишь Сердечный. Почему на 15 часов в субботу и первого апреля (!!!) - история умалчивает. Замполит военкомата прибыл напомнить «шефу» о собрании и принес подготовленный доклад. «Шеф» порекомендовал ему проводить собрание самостоятельно, заявив, что ему необходимо срочно пострелять в тире.

Вызвал первого заместителя, приказал ему получить и принести пистолет. Сунул его в карман кожаной куртки и убыл, оставив замполита в величайшем недоумении по поводу того, как можно променять доклад на партсобрании на стрельбу в тире...

Добросовестный и честный Виктор Алексеевич Величкин решал у кассы с одним из покупателей официальную часть задачи, ни сном, ни духом не ведая, что творил его недавний начальник и командир. А в салоне машины, по словам одного из потерпевших, разыгралась следующая сцена. Шло бойкое обсуждение суммы «навара». После относи-

тельно непродолжительного диспута высокие договаривающиеся стороны достигли консенсуса. Один из покупателей достал весьма внушительных размеров пачку пятидесятирублевок и отсчитал оговоренную сумму - 5000 рублей. Внешний вид пачки мало изменился. Соотношение отсчитанной суммы и оставшейся было столь разительно велико, что Сердечный мгновенно сделал вывод, что продешевил, и потребовал по крайней мере еще полстолько, аргументируя тем, что «у тебя их много». Хозяин денежной суперпачки резонно возразил, что сколько б ни было - все мои. Атмосфера в салоне мгновенно накалилась. Сердечный достал пистолет и порекомендовал не доводить до греха. Хозяин пачки уперся. Сердечный и один из покупателей вылезли из машины. Второй остался за рулем. Последовал кратковременный «обмен любезностями», благодаря которым Федор Иванович, по-видимому, накалился до предела. Есть все основания так полагать, потому что вслед за этим сразу раздался выстрел с расстояния примерно полутора метров в голову сидящего за рулем человека. По счастливой случайности пуля попала в перегородку между стеклами кабины и не пробила ее. Угоди она на сантиметр - полтора правее, человек был бы, несомненно, убит, в лучшем случае тяжело ранен. Но она попала - куда попала. Покупатель с перепугу дал по газам и с максимально возможной скоростью скрылся с места происшествия. Вслед ему раздалось еще три выстрела, одним из которых, как выяснилось позже, было пробито заднее колесо. Убедившись, что самая вредная птичка улетела, разъяренный генерал Сердечный обратил свой взор ко второму онемевшему и остолбеневшему от неожиданности покупателю: «Ну, ты у меня за все ответишь!» Последовало два выстрела под ноги. На третьем выстреле то ли рука у Сердечного дрогнула, то ли покупатель поступил как в известной байке: «Идет человек с разбитым вдрызг лицом. Его спрашивают: «В чем дело?» - «Да меня хотели по заднице ударить, а я увернулся». В общем, что там произошло - судить трудно, но пуля попала в бедро, навылет, без повреждения кости. Человек упал и закричал. Сердечный опамятовался. Поставил пистолет на предохранитель, сунул его в карман и сделал знак водителю. Подкатила черная «Волга», и Федор Иванович убыли с места происшествия, оставив в толпе зевак потрясенного до глубины души Величкина.

Сердечный был одет по гражданке, зато водитель был в

форме и номера на «Волге» - военные. Начались поиски, прокурор пошел по следу. Искать-то особо было нечего. Черных «Волг» с военными номерами в Тульском гарнизоне на тот период было четыре: у командира воздушно-десантной дивизии, облвоенкома, начальника артучилища, у предводителя военных строителей. Прокурор начал почему-то с меня. В штабе дивизии ему быстренько объяснили, что комдив уже неделю как в командировке, «Волга» с места не трогалась, и показали саму машину. В общем, пока прокурор добрался до Сердечного, тот успел с устатку и для разрядки пропустить не менее двух стаканов чего-то горячительного. На жизнь смотрел философски, пистолет прокурору отдал, объясняться отказался по причине душевного стресса и нетрезвого состояния. Ничего не дала и попытка заручиться какими-то свидетельскими показаниями. Толпа на месте происшествия была здоровенная, место это в Туле бойкое, но бессмертный Остап Бендер был тысячу раз прав, когда, выручая бездарного Паниковского, нацепил милицейскую фуражечку и начал записывать свидетелей пофамильно. Аналогичный случай произошел с тульским военным прокурором. Все в той или иной степени что-то видели, охали, возмущались, восхищались, но когда дело дошло до персоналий, сразу выяснилось, что тот или иной индивидуум стоял или спиной, или боком, или далеко. Слышал, стреляли - но кто, в кого? Бог весть. В общем, отвяжитесь! Все это несколько сумбурно поведал мне прокурор, поставив извечный российский вопрос: «Что делать?» Второй извечный российский вопрос не стоял. И тут опять возникла тема равенства всех граждан Союза перед законом. Натвори нечто подобное солдат, прапорщик, офицер - прокурор бы недрогнувшей рукой санкционировал арест и был бы тысячу раз прав, но здесь ситуация сложилась ну очень нестандартная! Областной военный комиссар, генерал-майор, депутат областного совета, член суженного заседания облисполкома. Представить себе такую личность сидящей в одиночной камере на гауптвахте у нас с прокурором не хватило фантазии. Я напомнил прокурору о существующей депутатской неприкосновенности, порекомендовал установленным порядком возбудить уголовное дело и доложить по команде. Прокурор воспринял это предложение с облегчением. Было видно, что принимать какие-либо более крутые меры ему совершенно не улыбалось. Он остался запускать юридически-бю-

рократическую машину, а я поехал в штаб. Там меня ждал убитый, уничтоженный, растоптанный Величкин. Вид у него был настолько потерянный, что все то резкое, что я намеревался ему сказать, застряло в горле. Толком говорить он не мог, только бессвязно повторял: «Как же так, он же говорил, Витя, зачем комдиву знать, он же говорил, ничего противозаконного! Он же генерал, как же так!» Глаза у Виктора Алексеевича были, как у очень больной собаки, и источали боль и муку.

- Иди, Виктор Алексеевич, домой. Остограмься и ложись спать. Ничего не будет, - сказал я.

- Как же не будет? Он - генерал, я - прапорщик, и я получаюсь хозяин машины. Все будет на мне.

Я разозлился: «Я сказал, шагом марш домой! Ничего не будет. То, что за дурака тебя использовали, это понятно, но вины-то на тебе никакой».

Во взоре Величкина проступило величайшее недоверие. «Есть», - сказал он и так, с недоверием в глазах, сразу сгорбившийся,ушел какой-то шаркающей, деревянной походкой. Ровно через 15 минут выяснилось, что Витя знал своего бывшего шефа значительно лучше меня. Я посидел, покурил. Вся эта первоапрельская дикость как-то не желала укладываться в голове. Раздался телефонный звонок.

- Полковник Лебедь, слушаю вас!

На том конце - сопение в трубку и вместо приветствия пьяный угрожающий голос: «Прапор должен все взять на себя!..»

Я слегка опешил от такой наглости.

- Что все?..

- А все, в том числе и стрельбу.

- Прапорщик получит от меня строгий выговор за то, что якшается вне службы со всякой сволочью. В остальном я буду отстаивать его перед командующим, министром, перед Господом Богом!

«Ты!» - Трубка зашлась трусливой матерной ненавистью. Я нажал на рычаг.

В понедельник, при докладе о случившемся, командующий ВДВ генерал-лейтенант Ачалов сказал, что облвоенкомы - это епархия командующего округом, а командующий округом, которому, как я понял, уже все было известно, коротко буркнул: «Разберемся!» И наступила типичная тишина. Почему типичная? Я неоднократно сталкивался с тем,

что, когда происходило что-нибудь неординарное, нерядовое, не вписывающееся ни в какие рамки и вышестоящее руководство не знало, что делать, оно совало голову в песок и делало вид, что ничего не произошло. Авось рассосется, само обойдется. Процесс, действительно, тронулся было в этом направлении. Была предпринята попытка запустить сказку о сером волке-прапорщике, погрязшем во всевозможных грехах и пороках, совратившем с пути истинного невинную овечку - генерал-майора. Сказку донесли аж до министра обороны Маршала Советского Союза Дмитрия Тимофеевича Язова. К чести Дмитрия Тимофеевича, он приказ подмахивать не стал, а позвонил мне и приказал доложить суть дела. Я доложил. Величкина из приказа убрали. Прибыл симпатичный статный майор, следователь из главной военной прокуратуры. Пришел, представился. На колодке - орден Красной Звезды и медаль «За отвагу».

- Афганец?

- Афганец.

- Скажи по совести, как офицер, с какой задачей прибыл: разобраться или замять?

Опустил глаза, несколько секунд помедлил, поднял глаза, скрестили взгляды: «Приказано замять. Тошно, но приказано!»

Харьковские проходимцы сообразили, что им эта громкая слава ни к чему. Резко начали вести переговоры с Сердечным и менять показания. Картина начала вытанцовываться благостная. Что-то вроде того, что хорошие старинные приятели немного хватили лишнего, погорячились, но, придя в память и остыв, готовы простить друг другу все-все-все, включая и простреленную ногу. Необходимо напомнить, что то был период интенсивного поливания армии грязью, и выдавать рыскающей в поисках «жареных армейских каштанов» «свободной демократической прессе» такого козырного туза командующему округом, конечно же, не хотелось. Сердечный это почувствовал и оживился. Родился и пополз слушок о том, как мужественный генерал Сердечный отражал нападение рэкетиров. И уже дело начало представляться так, что не он продавал, а ему продавали. Пошел в ход и широко обыгрывался довод об отсутствии свидетелей. В общем, военно-бюрократическая машина подспудно работала на смягчение, размазывание, замятие. Оно, может быть, и прошло бы, случись подобное лет десять назад. Но время уже изме-

нилось, и изменилось местами круто и необратимо. Во-первых, возмутились офицеры военкомата, хорошо знавшие своего «вождя» и как никто владевшие информацией об истинном положении дел. Во-вторых, сделала все-таки свое дело пресса. Не помню, в какой газете, кажется, в «Известиях», появилась издевательская статья «Генерал в адъютантах». В-третьих, приободрившийся Сердечный имел неосторожность позвонить моей жене и попытался в выражениях, весьма далеких от парламентских, высказать все, что он обо мне думает.

Изумленная таким «галантерейным» обхождением, жена от неожиданности прослушала часть речи и бросила трубку. Выяснив направленность и характер речи (пересказать ее дословно жена не взялась), я попытался найти Сердечного. Генерал мудро пропал. Я далеко не самый горячий, но тут во мне все кипело. Я снял трубку «засовского» телефона и попросил соединить с командующим округом. Командующий откликнулся быстро: «Слушаю, Александр Иванович!»

Сдерживаясь, сухо и лаконично доложил суть дела, заключил просьбой: «Товарищ командующий, прошу вас принять меры к воспитанию облвоенкома, в противном случае я его просто пристрелю. Я вам это гарантирую».

Трубка онемела. Я уже было решил, что связь прервалась. Но ...

- Хорошо, разберемся, не горячись, - послышалось наконец.

В конечном счете уголовное дело в отношении генерала Сердечного было прекращено, на каких основаниях и как - не знаю, ибо у прокурора гарнизона дело как забрали, так он его больше и близко не видел. Генерала Сердечного уволили из Вооруженных Сил по дискредитации. Насколько мне известно, после августа 1991 года он пытался восстановиться, представляясь жертвой политических репрессий, инвалидом перестройки, но номер не прошел. Все это оставило в душе предельно мерзостный осадок, который не прошел до сих пор. Достаточно сложное чувство: здесь и презрение, здесь и брезгливость, здесь омерзение, но здесь и досада: во что может превратиться прошедший нелегкий служебный путь генерал, когда все те возвышенные чувства, которые воспитывались в нем годами, десятилетиями, под влиянием сложившихся обстоятельств и моральной атмосферы в обществе вытесняются и заменяются одной, всепоглоща-

ющей страстью - жаждой наживы. Что такое военкомат в условиях бесконтрольности, при витающей в воздухе коррупции, на фоне страшных рассказов о царящих в армии произволе и беззаконии? Это золотое дно. Можно больного сделать здоровым, а здоровенного жеребца представить дистрофиком с пороком сердца, ревматизмом, мигренью и ... хроническим воспалением хитрости. Можно призвать сегодня, можно через год, можно не призвать вообще. Кто их считает, этих Педро! Одних можно призывать на сборы каждый год и даже в год два раза, а другие и близко к этим сборам не подойдут. Только крутись. И вот уже человек втянулся, и ему уже плевать на честь и совесть, и он уже с легкостью необыкновенной использует служебное положение в корыстных целях, и он уже шантажист и вымогатель на государственной службе, и люди для него поделены на две категории: которые могут и которые не могут, другими словами, на голубую кровь и черную кость. И вот такие скоты, стоящие при входе в армейский Храм с жадно протянутой рукой и рыскающими глазами, наносят армии, пожалуй, самый большой, часто невосполнимый, моральный ущерб. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в стране с населением без малого 150 миллионов человек катастрофически не хватает солдат. Скотов - их не так много, но они энергичны, деятельны, изворотливы. Они брызжут инициативой, они всегда стремятся занять командные высоты. Благодаря их мутной деятельности в общественном сознании складывается грубо искаженный облик всего офицерского корпуса, большинство которого - смею это утверждать - составляют умные, мужественные, любящие и знающие свое дело, беззаветно преданные своему Отечеству и готовые за него умереть люди. Не оскудела и не оскудеет на воинов земля наша.

ТБИЛИССКАЯ СМУТА

Болтаться во всеоружии по столицам союзных государств с полицейскими функциями - удовольствие, прямо скажу, сомнительное, а если взять в учет то обстоятельство, что проведенные невесть где месяцы практически полностью выпадают из учебного процесса и латать образовавшиеся дыры приходится тебе посредством всевозможных ухищрений, то и вообще никакого удовольствия в этом нет. Можно и нужно заниматься боевой подготовкой и в «горячих» точках, более того, это обязательное условие поддержания на должном уровне воинской дисциплины, сохранения необходимой боевой формы рот и батальонов. Но чем можно заниматься с солдатами, которые вырваны из привычного, нормального режима жизни и службы? В усеченном виде строевой, физической, огневой, технической подготовкой, можно изучать уставы, отрабатывать нормативы по защите от оружия массового поражения. Само собой, политзанятия. Политзанятия, пожалуй, можно поставить и на первое место, так как в ходе их приходилось, в меру сил и возможностей, объяснять, что случилось с дружбой народов, какая холера искусала интернационализм, как стало возможным, что национальный вопрос, который мы давным-давно закрыли, все же остался, оказывается, открытым и почему, в конечном счете, мы вынуждены защищать одну часть новой общности людей от другой части советского народа. Жизнь заставляет и подсказывает, чем заниматься, но, по большому счету, это так, оранжевая заплата на зеленых штанах. Вроде и дырка не светится, а вид - не тот. Посему по возвращении в надежде на лучшие времена и отсутствие социальных катаклизмов почти полтора месяца было затрачено на восстановление, возобновление и отлаживание порушенного учебного процесса. Вести из Баку были утешительные, в середине марта

вернулся и остававшийся там Костромской полк с опергруппой, но... все, как когда-то у нас в ВДВ посмеивались, как всегда, началось неожиданно. 5 апреля резко обострилась обстановка в Тбилиси. По просьбе тогдашнего первого секретаря Коммунистической партии Грузии Патиашвили для ее стабилизации было принято решение ввести в Тбилиси войска. Какие войска? Ну, конечно же, воздушно-десантные. Хорошо укомплектованные, мобильные, крутые. Первым задачу получил бывший отдельный «Баграмско-афганский», а на тот период вошедший в состав 104-й воздушно-десантной дивизии с пунктом постоянной дислокации в Гяндже (бывший Кировабад) 345-й парашютно-десантный полк. Здесь необходимо сделать маленькое отступление. Кому суждено быть повешенным, тот не утонет. В качестве производной от этого принципа можно сделать вывод, что есть фатально несчастные люди, невезучие машины и даже невезучие парашютно-десантные полки. 345-й уцелел при расформировании 105-й воздушно-десантной дивизии в 1979 году, в числе первых вошел в Афганистан, с июня 1979-го по февраль 1989 года воевал, без него не обходилась ни одна мало-мальски значимая операция. В Баграмской долине и ее окрестностях он был, что называется, в каждую дырку затычка. 15 февраля 1989 г. полк последним оставил Афганистан и был выведен. Куда? Да в Гянджу Азербайджанской ССР. Если припомнить Карабах, Баку, Сумгаит и развертывавшиеся там события, можно однозначно сказать, что полк поменял одно «теплое» место на другое. Сейчас полк дислоцируется в Гудауте (Абхазия). В общем, по принципу - кто везет, того и погоняют. Вот этот полк, 15 февраля 1989 г. последним ушедший из Афганистана, 6 апреля 1989 г. получил задачу: совершить 320-километровый марш из Гянджи в Тбилиси и своими опытными штыками поддержать шатающийся режим Патиашвили.

Полку было не привыкать. Он имел колоссальный боевой опыт. За сутки полк совершил этот марш и вошел в столицу Советской Грузии, а если точнее, то сосредоточился на подступах к Дому правительства. Легко можно понять настроение офицеров и солдат. Не прошло и двух месяцев, как был оставлен Афганистан, попали на совершенно неподготовленную базу в Гянджу: ни тебе квартир, ни тебе казарм, ни парков. В условиях тотального отсутствия денежных средств предстоит проделать колоссальную работу по

благоустройству на новом месте, а тут тебе такая миленькая полицейско-жандармская задача.

Полк блокировал подступы к Дому правительства и площадь перед ним, на которой вторые сутки бушевал южный, горячий, нервный митинг. Подступы к площади были забаррикадированы большегрузными машинами, наполненными отборной щебенкой с кулак величиной. Прикрывались эти импровизированные баррикады боевичками самого разного происхождения, вооруженными чем попало, но очень агрессивно настроенными. Полк, беспрестанно воевавший почти десять лет, знал цену жизни, цену крови и, обладая этим сокровенным знанием, не спешил. Хлебнув военного лиха, полк был, что называется, без комплексов. В бою профессионально жесток и беспощаден. Но то в бою!.. А здесь полк не видел противника. И все его навыки были, казалось бы, ни к чему. Да и задача-то была поставлена так, как это было принято в эпоху М.С.Горбачева: совершить марш по маршруту... к такому-то времени сосредоточиться там-то... Это конкретно и понятно. А дальше... голубая муть типа: действуя по обстановке, оказать помощь и содействие партийным и правоохранительным органам в наведении порядка. Полк ждал! Одновременно судорожно разбираясь: что же от него хотят, что он должен сделать? Страсти на митинге продолжали накаляться. Митинг, как уже было сказано, шел вторые сутки. Участие в нем принимали люди обоих полов и самых разных возрастов. На газонах перед Домом правительства в лежачем положении располагались голодающие, протестующие и просто смертельно усталые, наиболее слабые участники митинга. Солдаты ждали... «Свобода», «Независимость», «Суверенитет», «Оккупанты», «Сволочи», «Ублюдки». Солдаты ждали... Ждали, стиснув зубы. Ты добросовестно, не щадя живота своего, воевал там, куда послала тебя Родина, в крови, в поту, в грязи. С честью вышел на родную землю и ... ублюдок, оккупант! От этой несправедливости можно было задохнуться, от нее сводило челюсти. Но они ждали... Кому-то были очень невыгодны терпеливые, стойкие, мужественные русские солдаты. Всякой революции или контрреволюции - черт их разберет - нужны жертвенные бараны, это необходимая атрибутика. Они, бараны, должны своей кровью окропить революцию (или контрреволюцию) и освятить ее. Расчет прост: провокационные подробности, нюансы, детали скоро забудутся, точнее, будут ретуши-

рованы ловкими идеологами революции (или контрреволюции), а жертвы останутся. Останутся как символ, как знамя, как призыв: к борьбе, к мести. В солдат полетела отборная щебенка, заточки из арматуры. Полк терпеливо и мужественно отражал этот град, вытаскивал раненых. Поток брани, угроз и камней нарастал. Надо было принимать какое-то решение. И оно созрело. Захватить машины и тем самым избавиться от малоприятного камнепада. Полк сжал челюсти, атаковал и захватил грузовики. Ему нужны были только грузовики, но на пылающей страстями площади возникла паника. Огромное, потное, яростное тело митинга несколько раз плеснулось от края до края площади, давя и калеча наиболее слабых. В результате погибли 18 человек, из них 16 женщин в возрасте от 16 до 71 года. Горе, ярость, ужас, отчаяние, месть, злоба - все это слилось, сбилось в какой-то потрясающий, фантасмагорический клубок. Митинг растворился. Это было только начало. Потом будет Звиад с глазами лани, гестапо при Звиаде, расстрелянный и сожженный проспект Шота Руставели, Южная Осетия, Абхазия. Война всех против всех, с десятками тысяч жертв. Но они, эти жертвы, будут уже никому не интересны. Свобода, независимость, суверенитет обернутся холодом, голодом, безденежьем, тотальным разрушением цветущей страны и отбрасыванием ее на десятки лет назад. «Великий кормчий» Шеварднадзе останется с одним полуразрушенным Тбилиси, где газ, вода, электроэнергия станут пределом мечтаний. Но это все будет потом.

А пока 8 апреля, вверенная мне дивизия была поднята по тревоге, совершила марш к аэродрому, армада самолетов поднялась в воздух и перенесла три полка в солнечный Тбилиси. Я приземлился в одном из первых самолетов. Транспортники садились один за другим. На рулежках шла деловитая, без суеты, привычная работа. Разгружалась техника, вооружение, экипировались люди, все это строилось в колонны. Один транспортник сел вне плана. Из чрева транспортника важно выплыли два длинных-длинных, очень длинных правительственных ЗИЛа, вышли несколько человек, первым шел член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР Э.А.Шеварднадзе. Их встретила достаточно многочисленная группа людей. После непродолжительного обмена мнениями все резво расселись по машинам и растворились во мраке.

Дивизия приземлилась и начала выдвижение в назначенные зоны ответственности. Время было позднее, ночь с 9-го на 10 апреля. Я вел колонну по городу и поражался его мертвенному виду: погашенные окна, фонари, редко где мелькнет огонек, ни одного прохожего, ни одного милиционера, даже собак и тех не было видно. Вымерший город, гнетущая пустота, тишина, и в этой тишине один звук - лязг гусениц. Может, это ощущение родилось позже, а может, и тогда - теперь трудно сказать, но оно было, это ощущение: город, живущие в нем люди преступили грань дозволенного, перешагнули невидимую, но роковую черту и готовы ринуться в пучину кровавых страстей дальше, бездумно, безрассудно и безоглядно, независимо от чьей-то там персональной воли.

С утра, как водится, началась свистопляска. Как выяснилось чуть позже, на вводе войск панически настаивал потерявший контроль над ситуацией Патиашвили. По его заполошным звонкам слетелось в Тбилиси ни много ни мало три воздушно-десантные дивизии. Командующий Закавказским военным округом генерал И.Родионов против этого категорически возражал. В марте 1989-го на выборах в Верховный Совет СССР за генерал-полковника Родионова проголосовали 96 процентов тбилисцев, а глас народа, как известно, глас Божий. Генерал Родионов - один из умнейших и образованнейших генералов советской, а ныне российской армии. Это интеллектуал, человек чести. Его авторитет и уважение к нему были огромны, но... При существовавшей на тот период системе у генерала Родионова при всем его уме и интеллекте не было шансов одержать верх над первым секретарем Коммунистической партии Грузии. Генерал был виноват потому, что он был генералом. Позднее М.С.Горбачев и иже с ним косвенно признали нелепость навешанных на генерала обвинений, назначив его начальником Академии Генерального штаба, но значительно позднее и именно косвенно. А тогда город украсился надписями: «Родионов - убийца!», «Смерть убийце Родионову!».

Раздавались требования отстранения от должности, предания суду. Не знаю, может быть, я не прав, но мне кажется, что генерал Родионов прямо тогда, по свежим следам, мог бы легко отмести все обвинения, но он для этого был слишком благороден и дисциплинирован. Страсти накалялись и бушевали, но из плоскости мордобоя они ушли в политическую плоскость - присутствие трех воздушно-десантных диви-

зий действовало отрезвляюще. Там много было интересного, и вспоминать об этом можно долго, но целесообразно остановиться на двух характерных моментах.

На третий день по докладу командира полка я срочно выехал в зону ответственности костромичей. В зоне возник скандал. Дело в том, что одним из объектов, взятых под охрану, была личная резиденция Шеварднадзе. Для охраны ее приказано было выделить парашютно-десантную роту и не менее пяти боевых машин.

Прибыл я к резиденции вовремя, в кульминационный момент. Но сначала о том, что собой представляла резиденция: пятиэтажный особняк, перед ним симпатичный, тенистый подковообразный скверик шириной метров 50, длиной метров 100, с лавочками. По внешнему обводу скверика - дорога, другая дорога рассекала скверик пополам и вела непосредственно к особняку. Эта центральная дорога переходила в коротенькую, метров 40 - 50, улочку, которая заканчивалась Т-образным перекрестком. За обводной дорогой, жилые строения. На пятачке перед особняком сосредоточены пять боевых машин и около сорока военнослужащих.

Людей и машины командир роты капитан Левинсон расположил грамотно, насколько позволяла местность. А кульминация, на которую я попал, состояла в том, что три полковника (неизвестного происхождения) яростно, на двух языках (русском устном и русском матерном) требовали от Левинсона оборудовать в скверике окопы для машин.

Левинсон в ответ им доказывал, что, где машину ни закопай, дальше 50 метров огонь она вести не сможет, да и танковой атаки на резиденцию Шеварднадзе не ожидается. У окапывания будет два результата: полное отсутствие какой-либо маневренности и порча симпатичного скверика. Одному капитану против трех полковников приходилось туго. Уточнять я не стал, но по некоторым признакам можно было понять, что ребятки были из политуправления округа. Узнав, кто я такой, они с жаром переключились на меня и попытались мне доказать, что я лично ответственен за драгоценную жизнь Э.А.Шеварднадзе. Я их внимательно выслушал, кротко порекомендовал не совать нос не в свое дело, дал 15 секунд на то, чтобы убраться с охраняемой территории. По моим прикидкам, этого с лихвой должно было хватить, чтобы добраться до стоящего метрах в десяти УАЗика, завестн и отъехать.

Лицо у меня было, по-видимому, достаточно выразитель-

ное - полковники сгинули секунд на пять раньше установленного срока. Левинсон доложил, что уже третий день систематически подвергается нападкам всевозможных военных и гражданских должностных лиц, которые в разных формах (советов, рекомендаций, требований и приказов) домогаются от него изменения системы охраны и обороны резиденции, причем сплошь и рядом одни требования диаметрально противоположны другим, что крайне утомительно. Я ему объяснил, что у нас - страна Советов, советы не дорого стоят; посоветовал, порекомендовал, потребовал и уехал... Именно по этой причине (наличия большого количества советчиков) не сношаются на площадях. Приказал к исходу дня уточнить и утвердить у комбата схему расположения машин и постов. Всем советующим и рекомендующим говорить: «Есть!», но действовать согласно утвержденной схеме.

Командир роты выразил недоумение по поводу того, что до сих пор Э.А.Шеварднадзе не удостоил ни взглядом, ни кивком, ни приветствием ни одного солдата и офицера.

- Мы для него даже не быдло, - сказал командир роты, - а так, пни!

На это я ему порекомендовал обязать всех надеть на себя маски сфинксов. Эту мысль подхватили и развили: всем понравилось. Идет себе Эдуард Амвросиевич к машине с постной физиономией, а вокруг него такие же постные рожи, ни тебе доброе утро, ни тебе добрый вечер!. Так и бдили: сборище дубовых пней.

В ходе контроля зон ответственности, уточнения задач приходилось неоднократно беседовать с горожанами. Все беседы развивались по шаблонному сценарию. Надо сказать, что все южные города имеют одну характерную особенность: стоит на несколько секунд остановиться и заговорить с кем-нибудь или ответить на чей-нибудь вопрос, и вокруг тебя мгновенно вырастает здоровенная толпа: шум, гам, горячность, выкрики.

- Ну что, граждане, - говорил я, - будем орать или разговаривать? Если орать - то я пошел, а если разговаривать - то пожалуйста!

- Хорошо, будем разговаривать, - отвечали из толпы. - Вот в газете «Заря Востока» (городская тбилисская газета) написано, что солдат-десантник три километра гнался за старушкой 71 года от роду и зарубил ее лопатой!

- Написано, написано, а как же!.. Только вопросы есть?

- Какие там вопросы! Зарубил!

Толпа мгновенно возбуждается. Опять мат, угрозы.

- Спокойно, граждане! Вы меня все-таки выслушайте. Вопрос первый: что это была за старушка, которая бежала от солдата три километра? Вопрос второй: что это был за солдат, который не мог на трех километрах старушку догнать? И третий вопрос, самый интересный: они что, по стадиону бегали? На трех километрах не нашлось ни одного мужчины-грузина, чтобы заступить дорогу этому негодяю?

Удар, как говорится, в солнечное сплетение на выдохе! Крыть нечем. Если чисто эмоционально, то возмутительно, а если с легким анализом, то бред!

Каждый раз в толпе находился «витязь», который более или менее искусно пытался перевести разговор в другую плоскость.

Если убрать в сторону эмоции и поубавить темперамент, вопрос каждый раз ставился одинаково. Даже не вопрос, а не терпящая возражений констатация факта: «Вы нас на площади отравили!»

- На организмы фашистов и коммунистов отравляющие вещества одинаково действуют?

Легкая заминка - соображают. Потом приходят к выводу, что анатомия к идеологии никакого отношения не имеет. Констатируют факт: «Одинаково!»

- Значит, если я, допустим, хочу вас отравить, то должен надеть средства защиты, в противном случае умрем мы вместе. Так?

- Так! - нехотя соглашаются.

- Кто из вас видел хоть одного солдата в противогазе, я уже не говорю об ОЗК? Или вы полагаете, что сюда собрались несколько тысяч камикадзе с целью помереть, непонятно во имя чего, на подступах к вашему Дому правительства?

Толпа бурлит, растекается, жужжит, обсуждая услышанное. Проклятия в адрес Горбачева, Патиашвили, призывы резать русских. Черные южные глаза, в которых ненависть, сомнение, попытка уяснить, что же все-таки произошло. Толпа до известной степени шокирована: устоявшиеся штампы жуткого произвола и патологической жестокости как-то уж больно просто рассыпаются и рушатся, и крыть вроде нечем. Можно матом, но неубедительно, это понимают даже самые горячие.

- Вы подумайте, - говорю я на прощанье. - Всего вам доброго. До свиданья!

И как нож сквозь масло.

...Запомнились пожилые рабочие-грузины с седыми усами, висками, бровями, натруженными узловатыми руками: «Вы не уходите, - просили они. - Мы сейчас на мафию за копейки пашем. Если вы уйдете, тогда совсем крышка! Тогда война! Много людей погибнет! Не уходите...»

Мудрые пожилые рабочие люди, уже тогда они видели дальше политиков. Уже тогда тоньше и зримее они представляли ситуацию. Вот где припомнилось мне снисходительно-презрительно-высокомерное отношение грузин к армяно-азербайджанскому конфликту: «А, дураки, что делят, непонятно! Вот мы...» От тюрьмы и от сумы не зарекайся!

Улица, ведущая прямо к вокзалу, не помню, как называется. Я впереди на УАЗике, «на хвосте» - радиостанция Р-142. Густое оранжевое облако мгновенно застит лобовое стекло, скрежет тормозов, округлившиеся глаза начальника связи:

- Товарищ полковник, вокруг УАЗика пять кирпичей веером легли! Повезло вам.

На асфальте - отметины от кирпичей, оранжевая пыль на машинах, по тротуарам справа и слева идут люди, им до нас нет никакого дела. Справа - девятиэтажка, слева - девятиэтажка. На лоджиях - никого. И как будто ничего не случилось. Как будто нерадивая хозяйка вытряхнула из передника картофельные очистки. Неприятно - но не смертельно.

Забросанные камнями офицеры у штаба Ставки, забросанный пузырьками с тушью и банками с краской огромный, метров на пять, памятник Орджоникидзе. Попытки его отмыть, а когда это не удалось - тайный ночной демонтаж и отвоз в неизвестном направлении.

Комендантские посты, патрули, вагончики, доппайки, неудовлетворительные санитарные условия, препирательства, споры, непонимание, приемы по личным вопросам, отлаживание боевой подготовки - все, как всегда, смешалось в клубок проблем, трудноразрешимых и неразрешаемых вообще.

Здесь, в Тбилиси, я впервые близко познакомился со вновь назначенным командующим воздушно-десантными войсками генерал-лейтенантом В.А. Ачаловым. Командующий с относительно спокойного Ленинградского округа сразу попал в гущу событий, и ему необходимо было самоутвердиться, поэтому он был излишне придирчив и строг. Это понятно. Претензий никаких. Но именно это почему-то запомнилось,

ЧЕРНЫЙ ЯНВАРЬ В БАКУ

Есть такой старозаветный анекдот: «Командир полка поспорил с начальником штаба. По какому вопросу, неважно. В качестве рефери выбрали замполита. Он выслушал командира и подвел итог: «Командир, вы правы». Выслушал начальника штаба - резюме то же: «Вы правы!» Вмешался присутствовавший секретарь парткома: «Как же так? И командир прав, и начальник штаба прав. Так не бывает!» Замполит подвел итог: «И вы тоже правы!» Этот анекдот как нельзя лучше передает позицию, занятую на тот период М.С.Горбачевым. Армения - права, Азербайджан - прав, Турция, Иран, армянская диаспора в зарубежье и вообще все те, кто пожелал по тем или иным причинам вмешаться в этот конфликт, - тоже правы. Неуправляемые процессы тем временем росли и ширились, и межнациональный конфликт все более и более приобретал очертания войны со всеми ее атрибутами. Этот пожар подспудно тлел, наконец пламень вырвался наружу, произошло это 12 января 1990 года.

Газеты, телевидение как-то привычно, серо, буднично повествовали о том, что в Баку опять резня. Называлось количество жертв. Мировая и союзная общественность как-то вяло и дежурно протестовала. Офицеры удивлялись, и с каждым днем все более: «Как это так: в Баку резня, а мы еще в Туле». Какие усилия на протяжении недели прилагал М.С.Горбачев для прекращения кровавой междоусобицы, я не знаю, но, по-видимому, исчерпав аргументацию, вспомнил о формуле: ВДВ+ВТА = советская власть в Закавказье, и 18 января дивизия была поднята по тревоге.

К тому времени все офицеры приобрели специфический опыт, и мнение их было единодушно. Суть его сводилась к следующему: «Черт бы побрал всех партийных и государ-

ственных вождей. Вместо того чтобы подавить конфликт в зародыше, дадут ему разгореться, убедятся в своей несостоятельности и - давай палочка-выручалочка ВДВ - действуй».

Предвидя возможные крупные неприятности, пользуясь тем, что «Южный вариант» - понятие весьма растяжимое и всеобъемлющее, я прихватил с собой две артиллерийские батареи и зенитный дивизион ЗУ-23-2. Как зенитное средство «зэушка», конечно, дрянь. Вероятность поражения самолета батареей - ноль целых двенадцать сотых. Или другими словами, стреляя шестью установками, батарея способна уничтожить 0,12 самолета. Как любят шутить зенитчики: «Сбить не собьем, но напугаем до смерти». Так вот, эта самая «зэушка» прекрасно зарекомендовала себя в стрельбе по наземным целям, даже против танка. Пробить броню она, конечно же, не может, но мелкие ее снаряды сносят с тела танка все: прицелы, фары, триплексы, прожектора, антенны, и в конечном итоге ослепший и оглохший танк может только обиженно реветь, но боеспособность утрачена.

Надо сказать, что «Южный вариант» - это совершенно гениальное изобретение носящего погоны мыслящего человечества. Дается определенное количество самолетов, ты волен брать в них все, что заблагорассудится: хочешь - артиллерийский дивизион, хочешь - зенитный, в любом соотношении БМД и БТРД, любое количество боеприпасов. Потом летишь, куда пошлют, и делаешь так, чтобы там было хорошо. Что такое хорошо и как его добиться - твои трудности. Сложится все удачно - никто не потребует отчета, зато если что-то сорвется, что-то не так, как представляется неведомым, но милым политическим «рулям», - начнутся разбирательства. Отмахаться от них тяжело, ибо письменного приказа нет, а слово к делу не пришивается. Придраться могут к чему угодно. Например, к «знаменитым» саперным лопаткам. В свое время их брали не как оружие, а как средство обороны в условиях отсутствия касок и бронежилетов. Лопаткой солдат мог, как ракеткой, отбить летящие в него камни, прикрыть лицо. Это потом уже «домыслили», что лопатки, оказывается, страшное оружие, и превратили их в символ жестокости и произвола.

Все было, как всегда: строго в установленное время колонны полков совершили марши на аэродромы, споро и организованно загрузили технику. Первым ушел на Баку 137-й

гвардейский Рязанский парашютно-десантный полк. Я взлетел с первым самолетом Тульского полка.

Январь, зима, светает поздно, темнеет быстро. Самолет, в котором я летел, приземлился в густых сумерках на аэродром Кала, что в 30 километрах от Баку. Кругом ненавязчиво постреливали. Встретили меня начальник штаба дивизии полковник Н.Н.Нисифоров и командир Рязанского полка полковник Ю.А.Наумов. С ними был какой-то летный начальник, который тут же торопливо доложил, что по фюзеляжу одного из самолетов прошлась длинная очередь, потерь нет, самолет вроде тоже серьезно не поврежден, но более детально об этом можно будет судить только утром.

Начальник штаба доложил обстановку: «Рязанцы и костромичи выгрузились, построились в колонны.Выслали разведку и выставили охранение. К действиям готовы! Въезды на аэродром забиты КамАЗами, КРАЗами с бетонными блоками и щебнем. Прикрыты эти импровизированные баррикады нагло ведущими себя группами численностью от 50 до 150 человек. Стрелковое оружие имеется, но относительно немного. Кроме того, подвижные группы на легковых автомобилях катаются по периметру аэродрома, обстреливают приземляющиеся и взлетающие самолеты. Группы противодействия высланы. Задача, - начальник штаба хмыкнул в темноте, - ... задачу доложит... командир полка. Меня не было, а он ЕЕ лично от министра обороны получил».

Командир полка полковник Юрий Алексеевич Наумов - офицер исключительных деловых качеств: мудрый, взвешенный, обстоятельный, способный одинаково успешно командовать полком и в мирной, и в боевой обстановке. В числе его положительных качеств было и такое, совершенно необходимое для уважающего себя офицера: абсолютное отсутствие боязни перед начальством, но тут он что-то замешкался:

- Докладывайте, Юрий Алексеевич, в чем дело? - сказал я.

- Разрешите воспроизвести, товарищ полковник.

- Ну, воспроизводи!..

- Министр обороны поднес мне к носу кулак и сказал: «Попробуйте, мать вашу так, не возьмите!.. Передай Лебедю!»

- Это все?

- Все!..

- А чего взять-то?

- Да Баку. Больше здесь брать нечего.

Задача - взять двухмиллионный город - милая и простенькая. Но тут я был вызван к телефону. Командующий ВДВ генерал-полковник Ачалов задачу уточнил и конкретизировал. Картина прояснилась. Я отдал предварительные распоряжения и пошел на КПП разбираться. До Баку 30 километров, чтобы успешно выполнить задачу, надо было вначале успешно выбраться с аэродрома.

КПП как КПП: окна, предусмотрительно заложенные мешками с песком, напряженные солдаты из аэродромно-технической роты с автоматами в руках. Рассредоточенное парашютно-десантное отделение, прикрывающее и КПП, и этих солдат; за воротами во мраке - контуры большегрузных машин; между ними мелькают контуры людей, у некоторых в руках автоматы, двустволки; раздаются мат, вопли. Я попытался вступить с ними в переговоры:

- Мне надо пройти, и я пройду. Армия - это не кошка, которую поймали за хвост: визжит, царапается, а сделать ничего не может. Мир вашим домам, освободите проход, я гарантирую, что ни один волос не упадет с вашей головы.

В ответ истерическое: «Вы не пройдете... Мы все ляжем, но вы не пройдете...»

Пока мы так мило разговаривали, под покровом темноты на аэродроме кипела работа. В трехстах метрах (справа и слева от КПП) саперы резали проволоку аэродромного ограждения, готовили проходы для машин. Колонны двух рот с потушенными фарами выдвигались в исходное положение. На броне каждой роты десантом сидела еще одна рота. Хорошо груженные «Уралы» готовились к работе в качестве тягачей и толкачей. Что это такое? На бампер «Урала» крепились 2 - 3 больших бревна, к ним 2 - 3 ската. На лобовом стекле - панцирная сетка, от пуль не спасет, а от камней и гранат - очень даже. Водители и старшие машин в касках и бронежилетах, окна открыты, у старшего - автомат наготове, у водителя - на коленях.

Прибывший офицер доложил мне шепотом, что все готово! Я подвел итог разговору: «Ну, черт с вами, я вас предупредил». В ответ улюлюканье, свист, ликующее злорадное гоготанье.

Как всегда в таких случаях - обмен впечатлениями о мнимо одержанной победе.

- Вперед! - приказал я.

Через проделанные проходы роты вырвались на шоссе. В считанные секунды замкнули клещи. Десант спешился и с криком «ура», стреляя в воздух в целях создания паники, атаковал с двух направлений.

Не ожидавшие такого свинства «победители» с воплями разбежались по находящимся на противоположной стороне дороги виноградникам, но не все, 92 человека были отловлены, сбились в кучу. От былого торжества не осталось и следа. Убитых и раненых не было. На земле валялось оружие, хозяев у него, естественно, не нашлось. Ведь ночью все кошки серы. «Уралы» растащили и растолкали КРАЗы и КамАЗы. Путь был свободен.

Рязанский полк, а за ним Костромской двинулись на Баку. Тульский я придержал в резерве, на случай непредвиденных обстоятельств. Командный пункт развернули здесь же, на аэродроме, в двух комнатах офицерского общежития. Рязанцы шли тяжело. В общей сложности им пришлось расшвырять, разбросать, преодолеть 13 баррикад разной степени плотности, 30 километров и 13 баррикад. В среднем одна на 2 - 2,5 километра. Дважды противодействующая сторона применяла такой прием: по шоссе, где предстоит пройти полку, мчится наливник тонн на 15. Задвижка открыта, на асфальт хлещет бензин. Топливо вылито, наливник отрывается, а из окружающих виноградников на дорогу летят факелы.

Колонну встречает сплошное море огня. Ночью эта картина особенно впечатляет. Колонна начинает с двух сторон, по виноградникам, по полям обтекать пылающий участок; из виноградника гремят выстрелы; роты скупо огрызаются. Тягостная в целом картина. Здесь надо попробовать проникнуть в психологию солдата. Этому 19 - 20-летнему парню никогда, ни на каком из этапов воспитания - ни в детском саду, ни в школе, ни в СПТУ, ни в техникуме, ни в институте, не говорили - убей! Его этому никогда не учили. Если быть точным - учили, но абстрактно. Мишень, она и есть мишень, она безлика, ей никогда не придавались характерные контуры солдата того или иного государства. Этого целевого обучения, смысл которого вкладывается в одно слово «Убей!», не осуществлялось даже по отношению к армиям стран вероятного противника. А здесь не вероятный противник. Это Азербайджан, и солдаты из школьной географии в той или иной степени усвоили, что это одна из союзных республик, наша земля, наши люди. И с ними вместе, в

одном строю служат солдаты-азербайджанцы, и многие из них из Баку. И летел он сюда, солдат (казенный человек) не в гости, а по приказу. С задачей остановить кровопролитие, замешенное, как многие из них полагали, на крупном, не рядовом, но тем не менее недоразумении. И нет в нем агрессивности и злобы. Нет пред внутренним взором образа врага. А есть тоска и недоумение. За что дерутся - черт его знает. А ты - лезь, разнимай, растаскивай. Подставляй голову. За что? Во имя чего и почему ВДВ? Мы что - жандармы? Большинство из них идут по сути в бой настроенные добродушно и благожелательно, уверенные, что если поговорить и объяснить, то люди поймут, прекратят убивать друг друга. То есть идут в бой настроенные не для боя, а с них быстро и жестко сбивают добродушие и благожелательность потоком визгливой брани и оскорблений, автоматными очередями из мрака. И они - эти двадцатилетние парни, видя, как их убивают ни за что, свирепеют, воедино сливаются инстинкт самосохранения и жажда мести. Играет воспитанный десантный «шовинизм» (нет задач невыполнимых, никто, кроме нас). Пробуждаются агрессивность и ненависть к подло стреляющим из темноты. И вот уже нет мило улыбающегося мальчишки, которого где-то ждут девушка и мама, который озабочен вопросами демобилизации, куда пойти учиться, кем устроиться работать. А есть свирепый, хорошо обученный волк, рядом с которым только что пал его товарищ, душа его полна одной черной страстью - рассчитаться.

Эти тридцать километров стоили рязанцам семерых раненых с пулевыми ранениями и трех десятков травмированных кирпичами, арматурой, трубами, кольями. К 5 часам утра полки овладели назначенными им районами. С востока, со стороны аэродрома «Насосная», в город вошла Псковская воздушно-десантная дивизия. Кроме того, масса мотострелков, подразделения которых были укомплектованы наспех призванными «партизанами» из Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев. Тот же город, те же люди. Только в ноябре 1988 года это был живой, бойкий, яркий, темпераментный южный город. Он цвел улыбками и цветами, а теперь угрюмый и подавленный, захламленный, со следами боевых действий и ненавидящими всех и вся людьми.

Началась ставшая уже привычной, но не ставшая от этого более простой и легкой работа по организации комен-

дантской службы, по обустройству, по отлаживанию всех систем жизнеобеспечения.

Но тут уже плановая работа не получилась по ряду причин. Во-первых, саботаж всех распоряжений военного командования. Меньшая часть саботировала сознательно, а большинство - по принципу: «Вы уйдете, а нам здесь жить!» Во-вторых, «революционная» деятельность существенно подорвала материальные ресурсы города. В-третьих, не было уже генерала Тягунова, который один, без всякой охраны, ездил по самым горячим точкам: длинный, худой - лез в свалку. Высокий дребезжащий голос его действовал на людей магически. Он умел укрощать самых буйных. К тому же он был организатором! А по большому счету - Державный Генерал. Было и в-четвертых, пятых и шестых... В общем, закрутилась нервная свистопляска. Полки беспрестанно дергали. От самых высоких начальников командиры получали свирепые, но скороспелые и непродуманные приказы, суть которых зачастую сводилась к формуле: «Стой там - иди сюда!» Приказы эти отдавались порой минуя меня, я начинал уточнять у соответствующих начальников эти приказы - и нередко нарывался на брань, а брань - это всегда от слабости и растерянности.

По опыту я знал, что какие бы крутые и горячие распоряжения и приказы ни отдавались любыми, в том числе очень высоко стоящими начальниками, за конечный результат отвечать мне! Поэтому, несмотря на всю брань, угрозы и вопли, я жестко стоял на одном: дивизией командую я! После нескольких нелицеприятных стычек эта мысль все-таки проникла в сознание начальников, и управление дивизией упорядочилось. Через все имеющиеся в моем распоряжении структуры я стремился максимально просветлить обстановку. Удавалось это слабо, но удавалось! Командиры, политработники разных уровней докладывали о нервном, возбужденном состоянии жителей города, о противостоянии, многочисленных фактах высказывания ненависти и угроз в их адрес. Не проходило суток, чтобы несколько солдат не были травмированы прилетевшим откуда-то из мрака кирпичом, обрезком трубы. В этой обстановке я получил задачу захватить морской вокзал города Баку, откуда (как было установлено) группой активистов народного фронта численностью до 150 человек осуществлялась координация действий по сопротивлению войскам. В короткие сроки штаб дивизии спла-

нировал операцию, задачу по захвату морвокзала я поставил командиру Костромского полка полковнику Е.Ю.Савилову.

Согласно задаче, в 4 часа 30 минут утра 24 января полк по сходящимся направлениям выдвигался на исходные рубежи и до 5 часов 30 минут (по возможности бескровно) овладевал морвокзалом. Огонь было приказано открывать только ответный, но если дело дойдет до открытия огня, сбивать охоту стрелять на всю оставшуюся жизнь. Все было готово. Передовые подразделения начали движение, но здесь вмешался находящийся в Баку командующий генерал-полковник Ачалов. Что уж у него там произошло, не знаю до сих пор, но он лично заполошным голосом ревел в трубку: «Немедленно остановить и прекратить!» Остановили и прекратили. Войско, слава Богу, управляемое. Напряженные, настроенные на действие люди расслабились. В шесть часов утра новая команда, сопровождаемая «удивленной» фразой: «Вы что, остановили полк? - спросил все тот же Ачалов. - Да вперед, черт вас побери!»

Вперед так вперед, особенно если черт нас побери. К 7 часам утра полк без потерь с обеих сторон овладел морвокзалом. Захватил первоклассный (построенный на верфях Финляндии) пароход «Сабит Оруджев», где непосредственно располагался штаб народнофронтовцев. Задача была выполнена, но, как всегда в таких случаях, образовался ряд обстоятельств, повлекших за собой последствия разной категории сложности.

Во-первых, в 7.05 с моря подошло судно «Нефтегазфлота», развернулось бортом метрах в 250 от берега, и человек 15 - 17 автоматчиков открыли по полку огонь. В первые секунды были тяжело ранены сержант и рядовой. Сержанту пуля попала в спину, в район поясницы, правее позвоночника, и проникла в брюшную полость. Сержанту в госпитале отмотали метра полтора кишок, но он остался жить. Рядовой получил через каску слепое ранение головы. Слепое - это когда входное отверстие есть, а выходного нет. Слепым-то оно стало, наверное, потому, что через каску. Через месяц солдат, не приходя в сознание, скончался в госпитале. Рота, находящаяся на пирсе, ответила огнем. Командир полка принял мгновенное решение: четыре БМД-1 выползли на причал, каждая машина всадила в судно по две кумулятивные гранаты, судно загорелось. Уцелевшие боевики прыгнули в благоразумно привязанную за кормой моторку. Им дали уйти.

Потом, когда все кончилось, шутили - можем мы воевать с Военно-Морским флотом, можем главное - заманить его на дальность прямого выстрела из пушки.

Во-вторых, в числе прочих объектов морвокзала был захвачен и ресторан, а в ресторане - завтрак человек на двести. И не просто завтрак, а шашлыки, балыки, икра красная и черная. А здесь солдаты, которые уже неделю на сухпайках. Возбужденные боем, молодые, здоровые, нормально в таком возрасте голодные. Небезосновательно рассматривая сей завтрак как военный трофей, подмели его вчистую, оставив только салфетки.

В-третьих, из-за необъяснимой задержки вместо планируемых 150 - 200 человек захватили только чуть больше 20. Именно из-за задержки, потому что основная масса народнофронтовцев разбежалась в период с 5 до 6 часов. Кто-то «сдал» операцию, не думаю, что в этой сдаче был замешан командующий, скорее всего он оказался пешкой в чьей-то игре, но необходимо заметить, что надо быть очень большим человеком, чтобы остановить командующего воздушно-десантными войсками.

В-четвертых, пожилые, степенные, хозяйственные, многомудрые командиры хозяйственных взводов и батальонов не преминули воспользоваться сложившейся ситуацией, чтобы, как они выразились, «на халяву» пополнить оскудевшие запасы. Один прихватил из закромов ресторана два ящика чешского пива, второй - ящик растворимого кофе в банках. Пиво и кофе практически тут же вернули. «Запасливые и предусмотрительные» поимели многие неприятности, но история на этом не кончилась.

В-пятых, наученные горьким опытом офицеры-политработники опросили администрацию морвокзала в целом и ресторана в частности об имеющихся претензиях. Администрация морвокзала рассыпалась в благодарностях за то, что практически зданиям и сооружениям не было нанесено никакого ущерба, в окна и люстры никто не стрелял. В общем, вывод один: большое, большое вам спасибо! Администрация ресторана предъявила претензии за съеденный завтрак. Им логично предложили считать, что господа народнофронтовцы сначала съели завтрак, а потом разбежались. И сделали предположение, что коль скоро завтрак был накрыт, то за него кто-то уже заплатил. Администрация с этими рассуждениями согласилась, и конфликт был исчерпан. Больше всех

в выражениях благодарности, признательности и восхищения рассыпалась бухгалтер ресторана Галина Николаевна Мамедова. Но о цене этих цветастых словес поговорим ниже.

Полк, на мой взгляд, решил главную серьезную задачу: благодаря его действиям перестал существовать командный пункт, координирующий центр, мозг сопротивления - называйте как хотите, но непосредственно за этим напряжение стало стремительно спадать, жизнь начала входить в нормальную колею.

Костромской полк остался для несения службы в городе, а два полка я сосредоточил на аэродроме Кала.

Образовалась своеобразная пауза, которая, впрочем, тут же была заполнена. По всем прежним похождениям я твердо уяснил, что пока обстановка конфликта непредсказуема, чревата самыми неожиданными последствиями, действовать придется однозначно одному. Никаких представителей государственных, партийных структур, комитета госбезопасности, прокуратуры: «Гуляй, рванина, от рубля и выше». Но едва она, обстановка, усилиями солдат и офицеров нормализуется, мгновенно появляется масса умных и значительных лиц, представляющих вышеперечисленные институты, которые сразу, «без здравствуйте» суровыми державными голосами начинают задавать множественные «Почему?». Так произошло и тогда.

Не успели мы даже слегка почистить перышки, как я получил информацию о том, что для разбирательства произошедшего инцидента прибыла многочисленная - 39 человек - совместная группа следователей Прокуратуры СССР и Главной военной прокуратуры, и одним из основных объектов ее работы явилась вверенная мне дивизия. Передали приглашение прибыть старшему группы для организации взаимодействия по совместной «плодотворной работе».

Я поехал. Группа располагалась в одной из гостиниц вблизи Сальянских казарм. Кстати о самих Сальянских казармах. Свое название они получили от француза на русской службе по фамилии Сальян. Служил француз в царствование государя-императора Николая I. Где и как «пролетел» француз перед царем, история умалчивает. По высочайшему указу был направлен служить в считавшийся тогда совершенно диким местом Баку. Француз был хорошо образован, обладал высокими организаторскими способностями и, желая искупить вину, развил бурную деятельность. В короткие

сроки (3 - 4 года) под его личным руководством построили городок-крепость, красиво, добротно, с учетом особенностей местной архитектуры, когда здания строятся так, что зимой в них тепло, а летом прохладно. Городок искусно озеленен, благодаря чему в нем создался изумительный микроклимат. Завершив строительство, Сальян, надеясь на снисхождение, отправил Николаю I восторженное письмо, смысл которого можно свести к одной фразе: «Государь, докладываю, в этом диком краю я, Сальян, построил земной рай!» Ответ императора был краток: «Построил земной рай - молодец! Ну и живи в нем!» Что было потом, куда делся Сальян, неизвестно, по крайней мере мне. Имя свое он увековечил, но вернемся в наше время.

Итак, поспешно созданная после очередного «удивления М.С.Горбачева» и в пожарном порядке отправленная в Баку группа следователей пыталась отладить свою работу. Старшего группы генерал-майора (фамилии не помню) я не нашел. Следователи группы, с которыми я встретился, были частично мне знакомы. Частично не знакомы, но все равно отнеслись ко мне вполне дружелюбно. Это объяснялось предельно просто. Как говорил Маугли, мы были одной крови: я и подобные мне гасили конфликты , а они и подобные им разбирались в их последствиях, пытались в совершенно диком беспределе навести какой-то, пусть маленький, пусть поверхностный, правовой порядок. Я и они отчетливо сознавали, что в любую минуту мы могли пасть жертвой сановного решения какого-нибудь очень высоко стоящего партийного чиновника или чиновного аппарата в целом, или очередного телешоу Горбачева. Примеры тому, достаточно свежие, были перед глазами. Наиболее яркие из них - генерал-полковник Родионов, которого с легкостью необыкновенной сделали заложником чиновничье-бюрократических, номенклатурно-партийных игр в законность.

Все многочисленные таланты генерала Родионова, брошенные на момент разбирательства на одну чашу весов, не оказали практически никакого воздействия в обстановке, когда надо было спасать честь и достоинство члена Политбюро ЦК КПСС Шеварднадзе и первого секретаря КПГ Патиашвили.

Я кратко ввел представителей следовательской группы в обстановку. Многие из них крутили головами, но тем не менее дружно, в один голос, заявили, что намерены стоять

на букве закона и беспристрастно разобраться во всех имевших место безобразиях. Тем более, что для начала работы материала более чем достаточно. Один из следователей пододвинул стопку стандартных листов, на глаз штук 150 - 170. Я бегло их прочитал. За этими листками стояла чья-то неуклюжая, не очень умная, но упертая и целенаправленная организаторская работа. Все они были озаглавлены совершенно одинаково: «Перечень преступлений, совершенных военнослужащими воздушно-десантных войск на территории Баку 19 - 20 января 1990 года». Тексты разнились, но незначительно: убиты сотни, ранены тысячи. Украдено совершенно неимоверное количество машин, холодильников, ковров, денег, драгоценностей. И выводы были везде одинаковы: требуем немедленно разобраться и сурово наказать.

Третьим сверху лежало заявление Галины Николаевны Мамедовой, бухгалтера ресторана морвокзала. Из него я с удивлением узнал, что в верхнем ящике стола у нее лежало 12 тысяч рублей невыданного аванса. В среднем - перстень с бриллиантами и умопомрачительные золотые сережки. В нижнем - несколько коробок французских духов, туалетной воды, и все это украдено, украдено, украдено. Итог подведен не был, но то, что хранила Галина Николаевна в трех ящиках письменного стола, тянуло на глаз на тысяч 50 - 60. Напомню, что это 1990 год и 60 тысяч рублей были эквивалентны небольшому стаду «Жигулей». Там же обнаружилось послание заместителя директора морвокзала. Сам «босс» юркнул в тину, выставив на передний план зама. Из этого многостраничного послания следовало, что морвокзал разграблен полностью. В списке, насчитывающем более 200 пунктов, фигурировали: телевизоры, ковры, портьеры, посуда, видеоаппаратура. Я читал все это с нарастающим удивлением до тех пор, пока не наткнулся на пункт: «Украдено шесть диванов из зала ожидания». Диваны в зале ожидания морвокзала представляли собой сварные конструкции длиной около пяти метров, рассчитаны были на шесть человек. Кража подобного сооружения была изначально абсурдна с точки зрения применимости его в войсковом хозяйстве, а с учетом того, что в городе были задействованы боевые машины десанта, бронетранспортеры и колесные автомобили типа ГАЗ-66, просто невозможна. Если даже и нашелся бы олух, которому взбрело в голову украсть такой диван, ему бы элементарно не на чем было его увезти. Переноску диванов

на руках я категорически отвергаю. Народ в армии, как и везде, по умствеиным способностям всякий, ио таких идиотов, я точно знаю, не было.

Прочитав про диваны, я долго хохотал. Насмеявшись, коротко объяснил суть происходящего и рекомендовал все эти под копирку иаписаиные заявлеиия отправить в ближайшую урну. Ребята-следователи сказали, что они в прииципе мне верят, ио работа у них такая - доказывать ослу, что ои осел.

- Ну, смотрите, дадите палец - откусят руку, - сказал я.

С тем и расстались. Это было утром, а к обеду ко мие на командный пункт позвоиил генерал-майор - старший группы следователей:

- Вы комаидир дивизии полковиик Лебедь?

- Да, это я.

- По имеющимся у меня даниым, два полка отведены из города и сосредоточены на аэродроме. Это так?

- Так!

- Я хотел бы побеседовать с офицерами и прапорщиками полков. Во сколько вы их можете собрать?

- Проблемы иет. Во сколько договоримся - во столько соберу. В 16 - 17 устроит?

- Да, пожалуйста, в 17 часов.

К 17 часам офицеры и прапорщики двух полков, а заодно и управление дивизии и спецчастей сидели в летием клубе. Клуб не имел крыши, зато по периметру был огорожеи двух с половииой метровым забором. Не дуло. Я встретил прокурора на входе. Представился, как младший по званию. Поздоровался ои со мной весьма сухо и иеулыбчиво. И сразу же последовал к импровизированиой трибуне. Несколько сотеи пар глаз смотрели иа геиерала с иасторожеииым иитересом.

Такое начало мие сразу не понравилось, ио я уселся за столик, иа котором стоял телефои, и приготовился слушать прокурорские речи.

Генерал обвел тяжелым взглядом аудиторию, выдержал паузу, погасившую проглядывающие кое-где улыбки, и резко и безлико иачал: «Вы в своих рядах скрываете уголовиых преступииков. Или сейчас здесь будет принято решение о их добровольной выдаче, или мы вынуждены будем забрать их силой!»

О каких преступииках шла речь, аудитория ие поияла. Как выясиилось иесколько позже, имелись в виду прапорщики - командиры хозяйствеииых взводов - любители пива

и кофе. Но силой... В клубе на несколько секунд повисла мертвая тишина, которая неожиданно разразилась хохотом, хохотом издевательским, недобрым. Хохотом вызова. На скамейках сидели калиброванные, отборные, готовые драться с кем угодно и где угодно офицеры и прапорщики воздушно-десантных войск. Поверни генерал разговор иначе, и реакция была бы другой. Но силой у нас кого-то забрать?.. Какая же это должна быть сила, которая бы переборола нашу?

Откуда этот наглец и почему такой хамский тон? Силой! - ха-ха-ха! У нас! - ха-ха-ха!.. Забери!.. - ха-ха-ха!

Стержень общения с самого начала был сломан. Прокурор-генерал на трибуне бледнел, краснел, аудитория безумствовала, разражаясь все новыми и новыми приступами безумного хохота. Мне было несмешно. На меня накатил приступ холодного бешенства. Я снял трубку. Вызвал командира оставшегося в городе полка:

- Савилов, кто у тебя охраняет следственную группу?

- Взвод, 17 человек, три БМД.

- Охрану немедленно снять, исполнение доложить!

Времени это много не заняло, благо, командный пункт Костромского полка располагался недалеко от гостиницы. Через 7 минут командир полка доложил:

- Взвод снят, убыл в расположение роты!

Я обратился к прокурору, который все это время простоял на трибуне, неуклюже пытаясь ухватить за хвост ускользнувшую нить разговора:

- Товарищ генерал, разговора не получилось, теперь уже и не получится. Честь имею кланяться. Товарищи офицеры!..

Обычно после такой команды при любом скоплении народа - от ста человек и более - происходит некоторая, едва уловимая заминка: кто-то встает чуть быстрее, кто-то - чуть медленнее, у кого-то на коленях - полевая сумка, у кого-то - папка. Требуется две-три секунды, чтобы команда была полностью выполнена. Здесь же несколько сотен человек выполнили команду одним щелчком. Ап - и тяжелая, давящая стена замерла! Ни звука. Только глаза. Глаза - это зеркало души, они не выражали ничего хорошего, самое мягкое, что в них было - это глубокая неприязнь. И в этой мертвой тишине прокурор, сопровождаемый мною, проследовал к выходу.

Но испытания на этом не кончились. За стеной, на фоне хохота, шума, казалось, было тихо. И действительно, там

тихо стояли, не куря и не разговаривая против обыкновения, сотни четыре солдат и сержантов. Это было время, когда интеллектуальный уровень рядового и сержантского состава в армии вообще, а в воздушно-десантных войсках ввиду специфики отбора в частности был очень высок. Солдаты, сержанты в массе своей - это вчерашняя студенческая братия, умная, всесторонне развитая, все как один гордящаяся службой в ВДВ, бывавшая не раз в горячих делах, испытавшая на своей шкуре все прелести нашего перестроечного времени, десятки раз оказавшись вместе со своими командирами в нештатных, нестандартных, не описанных никакими уставами ситуациях, видевшая всю искусственность создаваемых ситуаций, оскорбленная до глубины души, как они считали, возложенными на нее жандармскими функциями. Они обожали и ценили своих командиров. Общественное сознание офицерской и солдатской среды слилось воедино. Это был единый организм. Такого не было даже в Афганистане. Никогда до ... и никогда после я не видел такого душевного единения. Дай Бог, чтоб мы когда-то дожили, возрождая российскую армию, до такой психологической атмосферы; такой воинский организм победить нельзя. Мы ступили за порог, масса колыхнулась, мгновенно замкнула огромный полукруг. Холодно и зло поблескивая глазами, засыпала прокурора умными, с издевкой вопросами. Вопросов было много, но, как ни странно, в базар это не превратилось. Как уж оно получилось, не знаю, но следовал один вопрос, едва он заканчивался - другой, третий..., пятый. Прокурор что-то пытался объяснять, потом махнул рукой и сломался. Понять его было нетрудно. За спиной - «дружественно» настроенные офицеры, перед глазами - «не менее дружественно» настроенные солдаты.

Поняв критичность ситуации, я громко объявил: «Ввиду сильных магнитных бурь и непрекращающихся взрывов протуберанцев на солнце ответы на вопросы переносятся на более позднее время. Время будет сообщено дополнительно. Освободите проход». Пока народ соображал, какая взаимосвязь между магнитными бурями, протуберанцами и ответами на вопросы и вообще что такое городит командир дивизии, проход освободили.

Мы прошли к машине, генерал кивком, не подавая руки, попрощался и уехал. От клуба донесся дружный хохот, по-видимому, сообразили насчет протуберанцев...

Через час начались звонки.

- Товарищ полковник, Александр Иванович, верните охрану. Без соли съедят ведь, вырежут... Шеф вообще мужик хороший, только его чего-то занесло, перенервничал, видать.

А я ответствовал:

- В течение суток жду звонка с принесением извинений. Сутки и одна минута - и вопрос охраны может быть решен только личной явкой вашего шефа.

Часа через четыре позвонил генерал. Ребята-следователи, видать, его порядком изгрызли, потому что тон у него был совершенно другой.

- Александр Иванович, вы знаете, я до сих пор не могу понять, что же у нас произошло. Черт знает что такое! Наверно, действительно, в ваших словах о магнитных бурях есть доля истины. Я приношу свои извинения вашим офицерам. Тут, знаете ли, издергали всего. Попробуйте меня понять. Я вам гарантирую, что мы разберемся во всем спокойно, беспристрастно и ... я вас попрошу, верните охрану, работать надо!

Расстались мы почти друзьями. Минут через двадцать взвод вернулся к прерванному исполнению служебных обязанностей. Действительно, разобрались спокойно. Любители пива и кофе (поскольку факт имел место, но похищенное было тут же возвращено) были представлены к увольнению и уволены за дискредитацию.

Дня через три я побывал у следователей. Количество заявлений с заголовком «Перечень преступлений...» исчислялось тысячами. Причиненный ущерб - десятками миллионов рублей. Разобраться во всем этом было решительно невозможно. Обросшие щетиной, нервные, худые, исписавшие тысячи страниц протоколов с самыми противоречивыми показаниями следователи; доведенный до белого каления их предводитель.

Как уж там они выходили из положения, не знаю - скорее всего никак. Для очистки совести группа следователей в количестве 5 - 7 человек в сопровождении офицеров управления командующего ВДВ облазила все машины во всех парках (надо думать, искали награбленное), но прямо об этом не говорили, легенда была: изучение технического состояния в предвидении марша. Ничего не нашли и, сопровождаемые презрительным молчанием, ретировались.

Конец января 1990 года характеризовался переносом напряженности из центра в провинцию. Информация сыпалась множественная и неутешительная. Волнения в Нефтечале, в Астаре, свергнута советская власть на юге Азербайджана, в Джалилабаде. Захвачено то, разгромлено это, разогнаны советы - там, разогнана милиция, сожжен горисполком... В общем, жизнь била ключом и все по голове.

Все описывать - утомительно, длинно, да и смысла нет. Целесообразно остановиться на некоторых наиболее показательных моментах. Если память не изменяет, 25 января последовал звонок командующего ВДВ генерал-полковника В.А.Ачалова:

- В Джалилабаде свергнута советская власть. Тебе придается дислоцированный на аэродроме Кала вертолетный полк. Думай, что делать с Джалилабадом. Решение доложить!

Что тут думать, как говорят, трясти надо! Вызвал командира вертолетного полка. Полковник оказался приятный во всех отношениях, в Афганистане побывал дважды, на колодке - орден Боевого Красного Знамени и две Красные Звезды, шрам через щеку. В общем-то, что надо. Спланировали операцию быстро и без затруднений. Я доложил решение, оно было утверждено. С рассветом 26 января с аэродрома Кала снялись и взяли курс на Джалилабад 5 вертолетов МИ-8. На борту каждого находилось 15 человек: каски, бронежилеты, три ротных пулемета, три гранатомета АГС-17, автоматы с подствольниками. Экипаж каждого вертолета с первого взгляда вызывал глубочайшее уважение. Трогать такую организацию без самой крайней нужды не хотелось. Задача каждой группы - перехватить в определенном месте одну из пяти входящих в город дорог. Всех впускать - никого не выпускать. С интервалом в 15 минут с аэродрома снялись еще 16 вертолетов разных модификаций. На Джалилабад ушел усиленный парашютно-десантный батальон, который возглавлял ввиду чрезвычайных обстоятельств командир Тульского полка полковник В.И.Орлов. Все прошло как по маслу. В строго установленное время дороги были перехвачены, десант высадился без потерь, взял под охрану все объекты жизнеобеспечения города. Орлов доложил следующую, небезынтересную ситуацию. Все оказалось проще и банальней, чем докладывалось и представлялось. Воспользовавшись буквально висящей в воздухе атмосферой неуверенности, неопределенности, страха, десяток энергичных и предприимчи-

вых мужичков с уголовным прошлым (при молчаливом непротивлении господ обывателей) разгромили горисполком, сожгли горком, разогнали школу милиции. Возмутительно то, что школа милиции насчитывала до 150 человек и была вооружена автоматами. Но доблестные стражи порядка (как действующие, так и будущие) не оказали ни малейшего сопротивления. В панике бежали из города, дружно побросав автоматы в какую-то запруду глубиной 17 метров.

Уголовнички во всеуслышанье объявили, что советская власть низвергнута, к власти пришел народный фронт в их лице, в течение суток выкачали у руководителей предприятий и частных лиц более 350 тысяч рублей на «нужды народного фронта» и, держа ушки на макушке, с появлением первых вертолетов успешно ударились в бега. Дома и стены помогают.

Орлов доложил, что собравшиеся на главной площади города многочисленные граждане тепло и сердечно приветствовали батальон, сразу же избрав его, полковника Орлова, председателем горисполкома. Немножко подумав, все партийные и беспартийные дружно проголосовали за избрание его секретарем горкома и, по некотором размышлении, назначили начальником милиции города. Никто не освобождал Вадима Ивановича от обязанностей командира полка, и вообще он туда летел воевать, а тут такой почет, уважение, радушие и гостеприимство, такое высокое доверие. Вадим Иванович, несмотря на могучую фигуру и крутой характер, несколько растерялся. И доклад по обстановке завершил простым человеческим вопросом: «Что делать-то?»

Дело прошлое: когда я слушал его доклад по радио - давился от смеха, хотя прекрасно понимал, что Орлову не смешно. На классический вопрос «Что делать?» я дал почти классический ответ: «Оправдывать доверие!»

- Это как? Если я и горком, и горисполком, и милиция в одном лице...

- А очень просто. Заставь, чтобы школы, больницы, пекарни работали. Все, что разрушено, разграблено и сожжено - восстанавливать и ремонтировать. Город скрести, мести. Потом разберемся, какой ты горком и милиция. Для меня ты сначала командир полка.

Вадим Иванович оживился - я своим ответом предельно упростил ситуацию. К вечеру того же дня я получил от него доклад, что все работает, метется, скребется и восстанавли-

вается. Народ этим делом занялся с великой охотой. Всяческую помощь и содействие оказывают руководители предприятий, введен комендантский час, уточнены объекты охраны, организовано патрулирование.

Утром на следующий день он доложил, что за ночь происшествий не случилось, восстановительно-подметательные работы продолжаются, но из Баку прибыл Некто, представившийся первым секретарем горкома.

- Вадим Иванович, не жмись, отдай одну должность,- сказал я. - Еще пару дней пройдет, и председатель с начальником милиции отыщутся. Ты снова будешь просто командиром полка.

К вечеру Вадим Иванович доложил, что все нормально, но вновь обретенный секретарь горкома за целый день ни разу не вышел из здания, ни с кем не встречается, никуда носа не кажет!

- Разберись с ним, Вадим Иванович, на кой черт он такой нужен!

Через час доклад:

- Разобрался. Он за должность 50 тысяч заплатил, прибыл потому, что денег жалко. Он здесь раньше в этом городе на какой-то мутной должности подвизался и знает, что если он сейчас в качестве секретаря горкома к людям выйдет - убьют.

- Тогда гони его в шею!

- Это как?

- Цивилизованно! Вывези его на машине за город километра за три в сторону Баку, высади и объясни, что если будет по этой дороге топать ножками, то придет туда, откуда явился. Тормозок на дорожку дать не забудь.

- Есть!

Пока Орлов восстанавливал советскую власть в Джалилабаде, не сидели на месте и другие части и подразделения. При захвате штаба народного фронта в Нефтечале все развивалось вначале плавно и без потерь. Разведгруппа из Рязани, лежа на дне кузова ГАЗ-66 с откинутым бортом, выходила на объект - местный штаб народного фронта. Когда до объекта оставалось метров 100, с балкона дома на противоположной стороне ударил пулемет. Группа прикрытия снесла балкон вместе с пулеметчиком. Рязанцы потом еще долго крутили головами, рассматривая продырявленные во многих местах тент и кабину,

удивляясь, как никого из них не зацепило. Но без потерь все равно не обошлось.

Уже при штурме самого здания словил две пули в живот и через сутки скончался командир взвода лейтенант Александр Аксенов. Был это здоровенный жизнерадостный парень с сердцем льва, рожденный быть победителем, совершенно необоснованно, фатально веривший, как, впрочем, и все лейтенанты, в то, что смерть может найти кого угодно, но не его. «Да - ранят, да и убивают, но это других, а это я. Как это так, меня - этого не может быть. Я молод, силен, могуч, прекрасно профессионально подготовлен, мне 23 года, немногие сравнятся со мной, мне жить и жить. Как это - убить меня? Шутить изволите!» Эта психология присуща молодости, ею поражены практически 100 процентов солдат и молодых офицеров. Зачастую героизм очень плотно соседствует с очевидной глупостью, как это ни печально писать. И там, где здравый смысл, элементарная тактика подсказывают: надо перебежать, переползти, проникнутый такой психологией солдат или офицер закатывает рукава, приклеивает к нижней губе окурок, берет оружие наперевес и идет вперед, не спеша, с чувством собственного достоинства. Всем своим видом демонстрируя величайшее презрение ко всему и вся: к собственной жизни, к возможной смерти, к противнику.

Здесь какая-то неизведанная, заповедная часть, какой-то не изученный наукой уголок в человеческом мозгу, который побуждает его при определенных обстоятельствах действовать странно, если не сказать больше. Часто такие демонстрации кончаются печально. Те, кому удается выбраться из подобной переделки живыми и невредимыми, потом, при разборе «полетов» сознают теоретически, что были не правы. Но это только теоретически, ибо в глазах, где-то в самой их глубине, светится непоколебимое торжество. Если перевести этот торжественный свет на русский язык, смысл его будет примерно таким: «Я знал, что меня убить невозможно, и теперь знаю это еще более твердо. Поэтому, товарищи начальники, вы, конечно, говорите. Правильно вы говорите и много, но вам за это деньги платят. Я, конечно, с вами соглашусь, порядка для... чтоб не нарваться на очередной каскад слов. Прибор я ложил на ваши указивки. Я жив, и буду жить, и поступать буду по-своему».

С одной стороны, с такой психологией надо бороться,

ибо если ее поощрять - это приведет к совершенно неоправданным человеческим потерям, а с другой стороны, с этой психологией нельзя бороться очень жестко, ибо если человек, поднимаясь в атаку, твердо знает, что будет в этой атаке убит, он на нее не подымется! Каждый, покидая окоп, надеется, что уцелеет, что будет жить. Ну в крайнем случае ранят. С одной стороны, ничего не боятся только дураки и сумасшедшие. С другой - фаталисты, а таких в армии большинство, она на них держится. И мне странно читать в уставе команду: «В атаку, вперед!» Смею утверждать, что в такой уставной редакции она звучит только при проведении учебных атак. Ни разу в жизни не слышал сам, специально интересовался этим вопросом у ветеранов, и они подтвердили: да, в настоящую атаку этой сухой фразой людей не поднять. Мат является основой управления общевойсковым боем.

Лично встречал вертолет, эвакуировавший лейтенанта. На носилках лежал человек, которому можно было дать лет пятьдесят. Он был в сознании, даже пытался что-то говорить спекшимися губами, не было слышно что из-за шума двигателей. В глазах что-то такое, что подсказывало: «Не жилец!» Не знаю, как это получается, не знаю, как это называется, но я умею определять вот этих, которые не жильцы. И не только раненых, но и совершенно еще здоровых. Научился этому в Афганистане. По глазам. Сначала сам себе не верил. Два раза проверил. К глубочайшему моему сожалению, оказался прав - больше не экспериментирую. Надо сначала погасить этот чертов потусторонний огонек, потом отправлять человека в бой.

Через сутки погиб еще один офицер - старший лейтенант Александр Коноплев. Погиб из-за того, что ему было ведомо, что такое честь и благородство. А произошло это так: работа тогда была нервная. Развединформация поступала обильная, зачастую противоречивая, и ее надо было тщательно анализировать, очищая зерна от плевел. И вот в процессе этой кропотливой работы вырисовывается подтверждаемый тремя источниками факт: из населенного пункта N по такому-то ущелью должно проследовать бандформирование численностью до 50 человек. Задачу по нейтрализации этого бандформирования поставили разведроте Тульского полка, возглавлял которую старший лейтенант Коноплев.

Поскольку происхождение бандформирования толкова-

лось по-разному и могло представлять большой интерес, операцию возглавил начальник разведки дивизии подполковник О.П.Трусковский. Разведрота на трех вертолетах, которые взлетали по одному в разных концах аэродрома и с разными промежутками времени, была переброшена в район предполагаемых действий, высадилась в десяти километрах от ущелья. За ночь совершила весьма сложный марш по горной местности и к утру организовала образцовую засаду вдоль тропинки, ведущей вверх по ущелью на участке 200 метров.

Что крайне редко бывает, почти точно в оговоренное время в засаду втянулась хорошо вооруженная группа численностью 51 человек. В группе было два пулемета, два охотничьих ружья с нарезными стволами, с десяток карабинов СКС, остальное - автоматы различных модификаций, пистолеты, гранаты. Было раннее утро. Люди двигались по тропинке в колонне по одному. Надо полагать, не все до конца проснулись, возможно, кто-то и вообще не спал. Была, повидимому, полнейшая уверенность в безопасности, так как разведки и охранения не наблюдалось.

Когда голова колонны оказалась метрах в двадцати, старший лейтенант Коноплев встал из-за камня во весь рост и обратился к идущим со следующей речью: «Господа бандиты, вы окружены, во избежание кровопролития вам предлагается сложить оружие и сдаться!» Мог крикнуть то же самое из-за камня. Наверняка был бы жив. Но он встал. Встал, потому что был Солдатом с большой буквы. Встал для того, чтобы продемонстрировать миролюбие, встал потому, что не хотел никого убивать и не верил, что кто-то хочет убить его. Что хотел сказать еще старший лейтенант Коноплев и хотел ли он еще что-нибудь сказать, никто не знает и уже не узнает, ибо все было кончено секунд за 15.

Один из стоящих на тропинке вместо ответа выпустил от бедра длинную очередь. Одна из пуль попала Коноплеву в лоб. Умер он практически мгновенно. 48 находящихся в засаде разведчиков (соотношение один к одному) мгновенно смели автоматным огнем всех стоящих на тропе. Что это была за организация, до сих пор не знаю, но организация была интересная. Люди и оружие есть, а документов ни у кого никаких.

Оружие собрали, трупы остались на тропе, вертолеты забрали в установленном месте роту, тело старшего лейтенан-

та Коноплева. Перечисленные выше события имели два ближайших и одно отдаленное последствия. Во-первых, выяснилось, что доклад о проведенной операции никого усиленно не интересует. Командующий даже слушать не стал. Порекомендовал рассказывать эти басни внукам, если доживу. Через клерков была доведена команда, что захватили склад оружия. Удобная позиция - сунул голову в песок - и никого не вижу. Второе последствие было бы смешным, если бы не было таким печальным. Медслужба и тыл сбили ноги в поисках гроба для лейтенанта Аксенова. Парень был рослый, видный, гроб нужен был большой. С превеликими трудностями гроб нашли. Только привезли этот гроб - новая информация - Коноплев. Начальник медицинской службы дивизии в поисках гроба нашел контору, где ему предложили сразу шесть. Начальник медицинской службы дивизии подполковник Аркадий Алексеевич Чмуневич человек был исключительно толковый, грамотный, глубоко знающий и любящий свое дело. Но рысканья в поисках гробов его утомили, и, найдя их наконец, он так обрадовался, что немножко перестал соображать. Забрал в санитарку все шесть гробов, привез их и средь бела дня разгрузил в медпункте. Предусмотрительность в военном деле - вещь необходимая, в конце концов каждый баран носит свои рога: кто-то отвечает за снаряды, кто-то за кашу, кто-то за гробы. Отвечаешь, черт тебя побери, возьми и привези их тихонько вечером, сложи их куда-нибудь, знай об этом сам, пусть знают об этом два солдата, которые разгрузят. И... тишина. А здесь, средь бела дня, такая предусмотрительность естественно подействовала на всех удручающе. Начмеда я своего глубоко уважал, но тогда, дело прошлое, влетело ему от меня крупно.

Как бы там ни было, дело было сделано. Создана возможность отправить погибших в бою офицеров на родину по-христиански. Рано утром прямо в чистом поле поставили два стола, обтянутых красной материей, а на них - два гроба - один подлиннее, другой покороче. У гробов стали в почетном карауле четыре разведчика. Говорить тут особо было нечего. Что тут скажешь? Отличные офицеры пали в борьбе с... В борьбе с кем?.. В мирное время на родной земле погибли два офицера в борьбе с кем?.. Я прошел попрощался первым, сделал несколько шагов в сторону и остановился у гробов. Лицо лейтенанта уже было тронуто трупны-

ми пятнами, всегда чубатый Коноплев лежал чистенький, смирный, с непривычно выбритым лбом, на котором легким бугорком - морщинкою был отмечен след входного отверстия пули. Солдаты, офицеры текли мимо гробов нескончаемым потоком. А я стоял около гробов и всматривался в лица, не напрямую, исподволь.

Все приходят на этот свет разно, и в жизни были разными мои подчиненные, но здесь они стали удивительно похожи, похожи жестко-каменным выражением лиц. В редких глазах мелькал испуг. Шел поток, и шел процесс окаменения сердец. В каких единицах можно измерить доброту, милосердие, сострадание, отзывчивость? Не знаю. Знаю точно одно - у каждого проходящего в душе, в сердце, как угодно считайте, минимум на одну эту единицу становилось меньше. Потом был транспортник ИЛ-76, суетившийся экипаж, на который привезенные гробы не произвели никакого впечатления. ИЛ-76 не мог вести только два «груза двести», нерентабельно, это - огромный самолет. Поэтому транспортник чем-то там грузили, а мы ждали, периодически ругая летчиков за медлительность. Гробы буднично стояли на остатках жухлой травы, рядом с «рулежкой». Я клял себя за то, что доверился летчикам, поверил, что все готово к загрузке, не выслал своевременно офицера, который бы подтвердил эту самую готовность.

В голове сидела мысль: почему гробы не накрыты государственными флагами? Ушли из жизни Солдаты, ушли в бою, но должно хоть после смерти как-то отличить погибшего солдата от человека, который умер от старости или после продолжительной болезни. Что-то в этой суете живых перед лицом мертвых было пронзительно печально. Разные были в жизни моменты. Афганистан, например. По-разному выносили и вывозили трупы: и завернутые в плащ-палатку, и незавернутые, приторoченные к броне, и на ослах. Но то был Афганистан, там была одна мысль: вывезти, вынести трупы и сделать так, чтобы при их вывозе-выносе не образовалось еще 2 - 3. А здесь-то - здесь!.. Земля вроде родная, советская. Почему нет флага на гробах?

Летчики наконец закончили погрузку, гробы занесли и установили в самом конце самолета на рампе. Борттехник, старший прапорщик в годах, постоял над гробами, снял фуражку, перекрестился. Надел фуражку, сходил куда-то в глубь

самолета, принес два солдатских одеяла и зачем-то накрыл гробы, аккуратно подоткнув края. Зачем - неизвестно, но всеми это почему-то было воспринято как акт своеобразного извинения за непристойную суету.

Самолет улетел. В заключение надо сказать о том, что у убиенных офицеров осталось у каждого по вдове с ребенком. Партия и правительство высоко оценили вклад их погибших мужей в дело борьбы с беспределом. Чиновный люд в разных городах, не сговариваясь, вынес вердикт - 35 рублей пенсии каждой. По рублю на день, а на пятерку в одно из воскресений можно разгуляться. Это и было отдаленное последствие гибели при, как мы тогда считали, исполнении служебного долга. Полгода у меня ушло на то, чтобы при всяческой поддержке и активной помощи заместителя министра обороны по кадрам, бывшего Командующего воздушно-десантными войсками генерала армии Д.С.Сухорукова «пробить» и оформить так называемые республиканские пенсии в 160 рублей. А так, войны нет - какие пули?.. Вот закон. Что? На 35 рублей жить нельзя? Не живите!

...17 февраля 1990 года мне присвоили воинское звание «генерал-майор». Это была другая плоскость, начался новый отсчет времени.

НА ПУТИ К ИЗБИРАТЕЛЬНЫМ УРНАМ

В скором времени обстановка нормализовалась до такой степени, что потянулись к дому и мы. Полки вернулись, опять пошло отлаживание учебного процесса, обслуживание техники, наряды, заботы. В общем все, как всегда.

Ан нет. Здесь надо отметить, что на 4 марта 1990 года были спланированы выборы в Верховный Совет РСФСР. Еще до бакинских событий мне позвонил Командующий ВДВ генерал-полковник Ачалов и «озадачил» меня следующим образом: У тебя с выборами здорово получается, если ты сумел начальника политуправления Сухопутных войск депутатом СССР избрать, то избрать Командующего ВДВ депутатом РСФСР просто обязан!

- Моисеев баллотировался по Туле, с прилегающими к ней районами. Если и вы будете здесь баллотироваться - засмеют,- ответил я.

- Нет, я буду баллотироваться по отдаленным районам Тульской области.

- У тебя в Ефремове артполк стоит - вот его и возьмем за основу.

У меня еще свежи были в памяти одни выборы. Наступать еще раз на одни и те же предвыборные грабли страшно не хотелось, но...

Я сказал: «Есть!» и, про себя чертыхаясь, занялся организацией выборов. Первый визит в Ефремов и знакомство Владислава Алексеевича с районным начальством были обставлены широко и помпезно. Разговаривать с народом «за жисть» Владислав Алексеевич умел - это у него не отнимешь. Легко и непринужденно обсуждал свежие политические новости, попутно ненавязчиво обещая навести мосты, отремонтировать школы, провести газ и водопровод, выделить

технику. Владислав Алексеевич красиво отбил первую лобовую атаку просителей с так называемыми наказами депутату, многозначительно расставив ряд акцентов. Мол, как только - так сразу. Для более детального обсуждения дел предвыборных была отобрана элитная группа руководителей - человек в 30. В нее вошли секретари райкомов, председатели райисполкомов, наиболее маститые директора предприятий, председатели колхозов. Оторвавшись от решительной толпы твердо настроенных на перестроечный лад жалобщиков, элита удалилась в какой-то «загородный греческий зал», где за хорошо обставленным столом была продолжена конкретизация ситуации. Было выпито два с лишним ящика водки. Беседа носила легкий непринужденный характер, секретари, директора и председатели поочередно высказывали свои первоочередные проблемы, сопровождая их комментариями не без юмора. Владислав Алексеевич выносил вердикт: мост построить до 1 марта. Ну, хрен с ним, что зима, все равно до 1 марта. Двадцать ГАЗ-66 выделить, дизтопливо реализовать, школу - завтра же приступить к ремонту.

Зная по опыту, что предвыборная борьба, особенно ее организация, требует отличной спортивной формы, я питие имитировал, старался внешне держаться на уровне с компанией и как мог ею правил, чтобы ее не очень здорово заносило. Стороны остались вполне удовлетворены друг другом. Здесь выяснилось, что нужна еще более глубокая детализация. Тогда в номере гостиницы собрался совсем узкий круг человек из пяти. Под недреманным оком Командующего уклоняться стало трудно. Пить Владислав Алексеевич умел.

Оговорили еще более сокровенные детали. Я покосился на часы: три ночи... На правах распорядителя действа позволил себе вмешаться:

- Хватит пить! В 8 часов встреча с избирателями!

- Ерунда, - Командующий повернулся к гостям.

- Я недавно во Франции был, «антиполицай» привез - закачаешься. Сейчас увидите. Олег!

Порученец достал из кармана похожую на спичечную, но какую-то гнутую коробку, приоткрыл ее и обнес всех присутствующих.

Все чего-то оттуда выудили и бросили в рот. Чего-то оттуда выудил и бросил в рот и я. Ни вкуса, ни запаха. Попро-

бовал пожевать. Жуется, но опять никакого явно выраженного воздействия. Деликатно отвернувшись, выудил нечто изо рта: «антиполицай» представлял собой пожеванный цилиндрик из желтого поролона, высотой два сантиметра и диаметром миллиметров 9. Гости углубились в себя и сосредоточенно жевали «антиполицай» и трезвели на глазах. До чего дошел прогресс. Буржуины проклятые: ни тебе вкуса, ни тебе запаха, а как действует! Это вам не какое-нибудь наше доморощенное российское средство типа рассола!

Заинтригованный этим обстоятельством, я чисто из детского любопытства поинтересовался, на чем основано действие этого невиданного доселе «антиполицая».

Командующий покосился на цилиндрик в моих руках, достал аналогичный цилиндрик из-за щеки и взревел на порученца: «Идиот! Я тебя что просил принести - «антиполицай», а ты что принес - затычки для ушей!»

Гости, я, а вслед за нами оценивший ситуацию Командующий разразились хохотом. Пока хохотали - мираж рассеялся. Кончили смеяться совершенно пьяные люди. Великая вещь - самовнушение.

Как бы там ни было, встреча с избирателями в 8 часов состоялась. Авансы были выданы. И я приступил к реализации предвыборной программы генерал-полковника Ачалова. Реализовали ее по-честному, по-хорошему. Чего это стоило - вспоминать не будем, разве что упомянем школу, которая якобы нуждалась в ремонте. Высланный для рекогносцировки командир инженерно-саперного батальона вернулся с выпученными глазами. Какой там, к чертовой матери, ремонт! Эта развалюха оказалась полностью не ремонтопригодна, и проще было построить новую. Как, в принципе, и сделали, но уже после выборов, зимой такие здания строить невозможно. В общем, предвыборная машина закрутилась широко, с армейским размахом. Конкуренты завяли. И тут совершенно неплановый перерыв - Баку. Отвлекся Ачалов, отвлекся я. Соответственно, отвлекся подчиненный нам аппарат. Соперники взбодрились. Зашелестели слухи о том, что, мол, ребята, палачей избираете! К моменту нашего возвращения до выборов оставалось чуть более двух недель. Поэтому темп предвыборной гонки был взвинчен до предела. За эти две недели силами дивизии только концертов по городам и весям трех районов было дано около 150. Солярка, бензин, всевозмож-

ные запчасти, стройматериалы, техника - все это в рекордно короткие сроки волной захлестнуло подопытный регион и опять свело шансы пяти остальных претендентов практически к нулю. Люди увидели главное - мало слов, много дела! Здесь надо сказать, что сама практика выборов любого уровня на тот период в нашей стране была порочной. Подход к кандидату в депутаты был однозначно потребительский: ум, интеллект, знания человека в той или иной области ничего не стоили. Оценивались только его возможности. Поэтому от политической трескотни, замешанной на всевозможных заманчивых обещаниях, все досадливо отмахивались. В повестке дня стоял один вопрос: «Могет или не могет?» Сто лет не было моста, а этот сказал «могет», и назавтра уже понтоны начали возить! О-о-о! Голосуй, ребята, - наш человек! Снабженцы всех мастей и рангов истоптали ноги до колен, добывая запчасти, а этот - целую машину! О-о-о!.. Школа при царе Горохе построена. В нее еще, может быть, Петр Первый хаживал. Несколько поколений начальников обещали с ней что-то сделать и - ноль! А этот строит, да смотрите же - строит! Так что все плохо не бывает. При всей порочности системы удалось сделать массу мелких и не очень мелких добрых дел для людей, добиться подвижки в вопросах, которые не двигались десятилетиями. Но не бывает и все хорошо. За чей счет лился сей поток благодати на головы и души потенциальных избирателей? По большому счету - за государственный, суть бюджетный. А в частности, конкретно, за счет дивизии. Значит, дивизия была вынуждена что-то где-то урезать, пересматривать, существенно корректировать. А что приводило в действие сей механизм? Да, воля начальника, которая, как известно, творит чудеса. Масса людей, от лейтенанта до генерала, крутилась, подгоняя ответ под задачу. Какой ответ? Какая задача? Технику, например, надо передать хорошую, чтобы потенциальные избиратели спасибо сказали. Но хорошая техника и у самих не лишняя, да и списать машину, прошедшую 3 - 5 тысяч километров, невозможно. Что делать? Бумага все стерпит. Поэтому с помощью несложных манипуляций с документами практически новая, малоезженная машина превращалась в пыль, прах, металлолом и в таком, «бумажном», виде передавалась гражданам избирателям. По сути дела, Командующий масштабно исполь-

зовал служебное положение в корыстных целях. В случае благополучного избрания он - депутат Верховного Совета со всеми вытекающими почестями, льготами и привилегиями. Все остальные чешут затылки и думают, как же заткнуть внезапно образовавшиеся дыры. В случае неизбрания чесание в затылках остается - только при этом все чешущие еще и дураки: «Не могли, сволочи, такую простую вещь, как выборы в Верховный Совет, обеспечить должным образом». И ничего нельзя сделать. Замкнутый порочный круг.

В общем, выборы были выиграны. За Владислава Алексеевича Ачалова - 63 процента голосов, на пятерых остальных - 37 процентов.

Тему выборов можно закончить еще одним потешным эпизодом. Позвонил после выборов Командующий и тепло так, задушевно сказал: «Александр Иванович, ты знаешь, я человек деревенский, все эти водки, коньяки, оно, конечно, все очищенное и рафинированное, но я самогоночку люблю, такую простецкую, из российской глубинки, чтоб сивушное пятно на весь стакан, чтобы в квадратной четверти. В общем коньячок «Три бурячка»! Подумай там!»

Вот еще незадача! Во избежание веселых слухов о том, на кой черт комдиву понадобилась трехлитровая бутыль самогонки, я поручил выполнение этого деликатного задания начальнику политотдела. Где и куда он ездил - не знаю, но вернулся и доложил: «Есть! То шо надо! Градусов на 70 и сивухой разит - мухи дохнут». Время было обеденное. Мы спустились со второго этажа штаба. Начальник политотдела, желая продемонстрировать последние достижения в области самогоноварения, не глядя, распахнул заднюю дверцу уазика. Оттуда неспешно вывалился трехлитровый баллон с пластмассовой крышкой и ахнул об асфальт, щедро окатив даром природы начпо и частично меня. По штабному двору густо поплыл смачный, не обоняемый доселе запах. Утаили шило в мешке...

СЮРПРИЗЫ ПОД ЗАНАВЕС

Я никогда не считал себя рьяным партийным деятелем, не стремился достичь высот власти на партийном поприще, хотя не единожды бывал секретарем партийной организации, но никогда не извлекал для себя из этого никаких благ, и даже мысль не приходила в голову, что из этого можно что-то высосать. Исходя из этого, не представлял себя и делегатом партийного съезда просто потому, что это не та область, где я могу применить свои способности. Но человек предполагает, а Бог располагает. И опыт жизни, и объективные механизмы действия вне нас в очередной раз продемонстрировали мне, что я оказался неправ.

XXVIII съезд КПСС не без основания являлся переломным в жизни и деятельности компартии на современном этапе. Поэтому подготовка к нему, подбор документов, делегатов начались загодя и носили скрупулезный, придирчивый характер.

Я никогда не ставил себе задачу стать делегатом XXVIII или иного съезда, тем не менее, на первом же предвыборном собрании столкнулся с массой интересных моментов. Все началось с того, что 51-й Тульский парашютно-десантный полк выдвинул меня кандидатом в делегаты. Я отнесся к этому достаточно спокойно. Никаких наполеоновских планов в голове не было. На предвыборное собрание прибыл генерал-лейтенант В.К.Полевик. В кулуарном разговоре он мне заявил, что есть такое мнение, что делегатами XXVIII съезда должны быть Командующий ВДВ В.А.Ачалов и он, член Военного совета, то бишь генерал Полевик.

Зная обстановку в дивизии, настроение офицеров, я сказал ему, что, наверное, этот вопрос разрешим, но на данном этапе, в прямом соперничестве со мной, он проиграет. Пред-

ложил ему искать какие-то другие пути решения проблемы. Генерал Полевик отнесся к моим словам достаточно самонадеянно и высокомерно. Заявил: «Посмотрим!», и мы пошли на выборное собрание.

На тот период в полку было 123 члена КПСС. Собрание проходило в клубе полка. Клерки генерала Полевика взяли бразды правления в свои руки, и собрание началось вроде бы по известному плану. Сценарий был проработан заранее. Все шло достаточно гладко. Народ кивал и соглашался до тех пор, пока дело не дошло до голосования, и тут выяснилось, что обстановка и умонастроения существенно изменились. Когда весьма торжественно и приподнято было предложено голосовать за генерал-лейтенанта Полевика, наступил кульминационный момент собрания. Выяснилось, что за него проголосовало всего девять человек из 123, причем пять из них были заместителями командира полка, народ, до известной степени вкусивший от плода конъюнктуры, к тому же сидевший в первом ряду, а поворачиваться, ловить реакцию зала было просто неудобно. Другие четверо - старые прапорщики, которых воспитывал еще Берия. У них сомнений не было: приказано избрать члена Военного совета - «Есть!» - и никаких споров-разговоров быть не должно! И вот в гробовой тишине девять человек проголосовали «за». «Против», «воздержавшихся» объявлять не стали - было некорректно. Это поняли даже клерки. Зато когда была выдвинута моя кандидатура и во вторую очередь, менее приподнято, было объявлено голосование, здесь в воздух взметнулись в едином порыве более сотни рук. Подсчет был просто нецелесообразен и унизителен. Осуществлять его не стали, просто записали в протокол: 123 - 9 = 114 - «за» и 9 «против». Фиаско было очевидным, весомым и болезненным. Владимир Константинович нервно посмеялся в фойе клуба, пытаясь подсластить себе пилюлю, и, не утруждая себя церемонией прощания, сел в машину и убыл.

Второй выборный этап я прошел еще легче и смешнее. Когда в клубе бригады связи ВДВ в Медвежьих Озерах собрался «вэдэвэшный хурал» по выдвижению депутатов, я первых полтора часа тихо и мирно дремал в пятом ряду, слушая вполуха то, о чем говорилось с трибуны. К исходу полутора часов я окончательно убедился, что говорилась очевидная галиматья. Длинное объединялось с кислым, налицо были разброд и шатания, брожение умов. Захотелось

поставить все на свое место, по крайней мере, как мне это виделось. Я взял слово и выступал в течение восьми минут. Дело кончилось тем, что публика единодушно проголосовала, чтобы делегатами на съезд были Владислав Алексеевич Ачалов и я. Дивизия, которой я на тот период командовал, отнеслась к этому событию нормально, как к логическому завершению определенного этапа, зато в высших командных эшелонах ко мне начали относиться с определенным придыханием: «Ах, ах, делегат, всенародно избранный!»

И вот наступил первый день работы съезда. Он начался не как первый день XXVIII съезда КПСС. Не берусь судить, кто, что и где доворачивал, но на первом этапе собрался первый учредительный съезд Российской компартии. Великая матушка - Россия обнаружила, что у нее нет своей коммунистической партии, очень удивилась этому обстоятельству и решила восполнить пробел.

Никогда на протяжении всей своей 40-летней жизни я не попадал на подобного рода собрания, естественно, и не знал, как себя на них вести. Не допускал даже мысли, что я могу оказать какое-то воздействие на ход и исход этого съезда, поэтому счел за благо смотреть, слушать и наблюдать.

Вот здесь для меня впервые во всей своей неприглядности открылась очевидная истина, что единство коммунистической партии - мнимо и она далеко не так монолитна, как нам это внушали, и что в ней есть масса подспудных течений, представители которых зачастую стоят на противоположных позициях и сплошь и рядом непримиримы. Почему-то вспомнилась сказка Салтыкова-Щедрина о богатыре, который спал в дупле дерева, люди косились на него, уважали и боялись. Говорили: «Не дай Бог проснется!» А потом нашелся некто, кто самоуверенно-нагло пнул голову богатыря, и выяснилось, что голова - пустая и трухлявая, а величие - мнимое, надуманное.

Учредительный съезд Российской коммунистической партии бушевал три дня, преобладали эмоции. Даже для неподготовленного человека было ясно, что идет подспудная клановая борьба. Однако он так ни к чему не пришел и плавно перерос в XXVIII съезд КПСС. Внешне это выразилось в том, что количество делегатов в зале возросло с двух тысяч до пяти, а главенствующее место в президиуме занял М.С.Горбачев. Для меня все это было внове, удивительно, свежо. Честно говоря, я очень надеялся и рассчитывал, что XXVIII

съезд после XIX партконференции, достаточно мутной, скандальной и неоднозначной, расставит все на свои места и позволит прийти к какому-то единству взглядов. Поэтому я молчал и наблюдал. Первые четыре дня сценарий съезда развивался достаточно степенно и до какой-то степени логично. Всплески эмоций были, но незначительные. Каждый день на трибуне съезда царил Александр Николаевич Яковлев, в среднем от трех до пяти раз на день, учил нас, дураков, куда и как идти, каким местом думать.

Съездом было принято решение заслушать каждого члена ЦК КПСС. Схема определилась следующая: двадцать минут отчет, далее ответы на устные вопросы от каждого из 12 микрофонов, потом ответы на письменные вопросы. Общая продолжительность ответов на вопросы 40 минут. Вечером четвертого дня съезда Александр Николаевич Яковлев провел узкое кулуарное совещание с демократической платформой в КПСС. Проникшие на это совещание литовские ребята записали содержание совещания на диктофон и на следующее утро распечатали и распространили среди депутатов. Здесь выяснилось, что то, что говорил Александр Николаевич для всех, существенно отличалось от того, что он говорил для узкого круга избранных. Для меня это был первый ощутимый удар и демонстрация двойной морали. Позже я уже привык и относился к подобным проявлениям достаточно спокойно, но тогда это был удар...

Когда распечатка попала ко мне и я с ней детально ознакомился, мои небольшие от природы глаза, образно выражаясь, полезли на лоб. Отличие официальных речей от кулуарных было разительное. На полях распечатки я набросал 17 вопросов к А.Н.Яковлеву. Справедливо решив, что задать такое количество вопросов мне никто не даст, я выбрал два, на мой взгляд, наиболее существенных, и полез к микрофону. Нравы там царили очень простые: кто самый здоровый - тому и микрофон. Я оказался на балконе у восьмого микрофона самым здоровым - и микрофон достался мне. После логичного и плавного отчета А.Н.Яковлева Михаил Сергеевич начал перечислять микрофоны: первый, второй... Наконец очередь дошла и до меня: «Товарищ генерал, восьмой микрофон, пожалуйста!» Я задал два вопроса, третий родился спонтанно по ходу. Первый вопрос: «Александр Николаевич, в природе существует неопубликованная книга «Мое видение марксизма», объем 600 страниц, автор - вы.

На чем основывается ваше утверждение, что за ее опубликование вас вздернут на первой попавшейся осине, и кто вешатели?» Второй вопрос: «Вы назвали Алиева, Кунаева, Рашидова несчастными людьми, жертвами системы. Как вы смотрите на то, чтобы в этот ряд поместить и Леонида Ильича Брежнева?» И третий вопрос: «Сколько у вас вообще лиц, Александр Николаевич?»

По мере того, как я говорил, зал стихал. Второй и третий вопросы я произносил в мертвой тишине. Александр Николаевич стал примерно на голову ниже, по-видимому, неуютно почувствовал себя и Михаил Сергеевич. Желая выиграть время, они, не сговариваясь, спросили одновременно: «Что, что вы сказали, повторите!» Я не ленивый, я начал повторять. Реакция зала была диаметрально противоположной. Если первый вопрос я произносил практически в полной тишине, то второй и третий - на повышенных тонах, чтобы перекрыть нарастающий шум, гвалт. Публика бушевала не менее 5 - 7 минут. За это время Александр Николаевич как опытный демагог оправился и, когда наконец наступила относительная тишина, повел примерно следующую речь: «Те вопросы, которые затронул товарищ генерал, для меня как-то очень близко соотносятся с кремлевской стеной». И далее развил тему: «А целесообразно ли иметь на главной площади страны кладбище, а все ли дорогие покойники действительно дорогие, и правильно ли они, покойники, там лежат». После чего, сославшись на страшную головную боль, под недоуменный шум зала удалился. В огороде - бузина, а в Киеве - дядька!..

Прекрасный прием, я благодарен Александру Николаевичу за науку. Это была суббота. За оставшиеся полдня субботы, за воскресенье натасканная команда Александра Николаевича отладила расстроившуюся было машину. Утреннее заседание в понедельник началось с выступления товарища Яковлева: «Борьба на съезде приобретает отвратительный характер и формы, требую расследования!»

Съезд согласился с доводами Александра Николаевича. Была назначена комиссия. Забегая вперед, скажу: на протяжении всех оставшихся до конца работы дней я ждал, что ко мне подойдет кто-то из членов этой комиссии и поинтересуется, на основании чего я задавал свои вопросы. Никто ко мне не подошел. В самом конце работы съезда кто-то вспомнил, что неплохо было бы заслушать председателя ко-

миссии по расследованию дела А.Н.Яковлева. Долго искали председателя, иашли его, выслушали весьма иевразумительный лепет, плюнули. Далее съезд пошел в том же русле. С точки зреиия стороннего свежего иаблюдателя все это было страшно интересно. Например, отчет секретаря ЦК, члена Политбюро Зайкова. Судя по всему, двадцатиминутную речугу товарищу Зайкову подготовил референт, а он перед выходом на трибуну ие удосужился даже прочитать чужой труд, чтобы оставить себе свободу для маневра и импровизации. Положение человека, вышедшего иа трибуну перед пятитысячной аудиторией, иезнакомого с текстом того, что он должен был озвучить, намертво привязало его к машинописным листкам. Ои не смел поднять от иих глаз. Но, несмотря иа пятерочную старательность, два казуса все же произошло. Первый состоял в том, что товарищу Зайкову попалось слово «анахронизм» и, по-видимому, с переносом. По преклонному своему возрасту Зайков перенос потерял и в поисках окончания начал бубнить перед отличными микрофонами Дворца съездов: «Ана-ана ...ананизм!» Зал лег... Пока все хохотали, товарищ Зайков «отловил» окончаиие слова и, как ии в чем не бывало, продолжил чтение текста. В коице товарищу Зайкову, по-видимому, захотелось сказать иесколько слов от души. Он оторвался, иаконец, от проклятого, надоевшего текста, снял очки, поднял просветлениый взгляд на зал и с пафосом произнес: «Товарищи, я снимаю с себя всякую ответствеиность за положение дел в партии...» Зал оиемел. Если секретарь ЦК сиимает с себя всякую ответственность, то кто отвечать будет? Колхозница со статуи Мухиной или токарь дядя Ваня? Товарищ Зайков понял, что сказал что-то не то, надел очки и обратился к тексту: «Товарищи, извините, я не снимаю с себя ответственность за положеиие дел в партии».

Лучше бы он этого не говорил. Снял и снял. Был бы определенный налет загадочности. Было бы о чем поговорить в кулуарах. А тут получился просто вульгарный конфуз, и возникло подозрение на старческий маразм.

Второй кадр из этой когорты - товарищ Медведев, главиый идеолог партии, как мне казалось, должен был быть оратором как минимум выше среднего, уметь доводить до широкой аудитории свои мысли, иавязывать свою волю и понуждать к выполнению каких-то постулатов, даже если ты с иими ие очень-то согласен. Когда Медведев вышел на три-

буну, выяснилось, что он вообще никакой оратор. С массой трудностей, поминутно обращаясь к шпаргалке, он кое-как довел до конца корявую речь. С явным напряжением, далеко не блестяще ответил на вопросы от микрофонов, а при переходе к ответам по запискам просто оконфузился. Какой-то злонамеренный тип написал в записке: «Тов. Медведев, какая разница между идеологией и сексом?»

Ну пробеги записку глазами, отложи ее в сторону с возгласом: «Это не корректно, это шутка» или там: «Это не серьезный вопрос», и все бы было в порядке. Но товарищ Медведев огласил текст записки, поднял жалостливый взгляд на зал и, растерянно улыбаясь, потерянным голосом сказал: «Товарищи, если о первом я еще могу говорить с вами, то на второе я уже не способен!» Комментарии излишни. Слушая наших «вождей», которых я привык видеть на стендах в ленинских комнатах под многозначным названием «Политбюро ЦК КПСС», где они, омоложенные искусной рукою, смотрели в будущее важно, многозначительно и целеустремленно, и сравнивая их реальный жалкий лепет при ответах на самые простые житейские вопросы, поневоле приходишь к мысли: «А кто же нами правит?» Боже мой, почему в нашем государстве, издревле славившемся светлыми умами, у руля власти находятся выжившие из ума старые маразматики, утратившие всякую связь с реальной действительностью недоумки, куда они нас ведут, почему мы за ними идем? Чего стоит государство, которым «руководят» бледная немощь и организационное бессилие? Как могло случиться, что селекция руководителей пошла в какую-то странную, мягко выражаясь, совершенно другую сторону, по пути явного регресса? Как же могут управлять страной люди, которым не дана самая элементарная, примитивная, приземленная ясность мысли?! Люди, которые не могут внятно связать двух слов. Как же мы дошли до такой жизни, как же это стало возможным?

Запомнилось выступление Э.А.Шеварднадзе, когда он в пылкой речи с явно выраженным грузинским акцентом публично сознался в единственном грехе, который отягощал его совесть: в семилетнем возрасте он, тогда еще Эдик, написал стихи, посвященные Сталину. Чего он до сих пор мучительно стыдится. А так он, Эдуард Амвросиевич, войдя в зрелые годы, всей душой и сердцем за!..

Потом был делегат, который встал и процитировал выдержки из стенограммы XXV съезда КПСС, где Эдуард Амвросиевич в самых лучших традициях грузинского застолья произнес оду-спич Леониду Ильичу Брежневу. И был вопрос этого делегата: «А не тяготит ли эта ода совесть Эдуарда Амвросиевича?..» Ответ был: «Нет, не тяготит, тогда это было так надо». Подтекст - тогда это было так выгодно. Потом Эдуард Амвросиевич, будучи министром иностранных дел СССР, в рекордно короткие сроки обеспечит вывод из стран дальнего зарубежья соединений и частей, знамена которых увенчаны гвардейскими лентами, тремя - пятью орденами, в названиях которых - История!.. Тем самым частично похерит при жизни и похоронит славу русского оружия. Плюнет на пролитую сотнями тысяч, миллионами людей на полях сражений Европы русскую кровь и одновременно походя плюнет в души потомков людей, которые эту кровь проливали. Эти рекордно короткие сроки и раболепское угодничество перед «сильными мира сего» обернулись выходом и выводом людей и техники на совершенно не подготовленную базу, утратой этими прославленными частями боеготовности и боеспособности, проматыванием колоссального количества средств на территориях Германии, Польши, Венгрии, Чехословакии, каждый рубль из которых дался кровью, потом, жизнью, здоровьем на тот период еще советских людей. Но это все будет потом... потом.

Запомнился выход из партии и уход со съезда Бориса Николаевича Ельцина под робкие крики: «Позор». Запомнилось избрание И.К.Полозкова первым секретарем ЦК Коммунистической партии России, чему предшествовало то, что И.К.Полозков с гениальной простотой надул М.С.Горбачева. В день, предшествовавший выборам, на совещании представителей Иван Кузьмич вышел на трибуну и смиренно заявил, что он старый партократ с 32-летним стажем. Само упоминание его имени дискредитирует идею обновления партии, поэтому он снимает свою кандидатуру. Поблагодарил товарищей и сошел с трибуны. Михаил Сергеевич клюнул, поверил. Руки угодливых борзописцев, которые были готовы наполнить страницы газет, экраны телевизоров компроматом, хулительными и обличительными речами и статьями, были остановлены. Чего добивать человека, который все понял, раскаялся, осознал и сдался? А утром Иван Кузьмич опять вышел на трибуну и заявил, что всю ночь сове-

щался с ростовскими, краснодарскими и прочими товарищами, понял, что был неправ, и вернул свою смиренную кандидатуру в число кандидатов на пост первого секретаря. М.С.Горбачева, судя по некоторым признакам, чуть кондрашка не хватила. Но поезд уже ушел. Никакие борзописцы уже не были способны остановить победно мчащийся локомотив Полозкова, просто времени на это не осталось. Иван Кузьмич был избран первым секретарем и в лучших консервативных традициях порекомендовал оставить все как есть. И гниющая с головы рыба продолжала разлагаться. Ничего не изменилось, но печальный исход был предопределен.

Еще мне запомнилось, как делегация Российской коммунистической партии пригласила генерального секретаря ЦК КПСС М.С.Горбачева ответить на вопросы. М.С.Горбачев явил свой светлый лик перед почти двухтысячной делегацией и заявил, что «мне с вами разговаривать не о чем. Мы стоим на разных идейных позициях». Повернулся и ушел. И оставил две тысячи делегатов 10-миллионной коммунистической партии России, мягко выражаясь, в глубоком недоумении. Это был конец связи российской компартии с КПСС.

Из-за того, что я попинал ненавидимого минимум 80 процентами делегатов Яковлева, какой-то подполковник, фамилию, к сожалению, не помню, предложил избрать меня членом ЦК КПР. Меня внесли в списки и избрали, как помнится, 90 с чем-то процентами голосов. Я побывал на двух пленумах. Послушал визгливую и бесплодную перебранку писателей, аграриев. Понаблюдал откровенную, не гнушающуюся никакими средствами борьбу разных направлений и течений за постановку на определенную должность своего человека. Был свидетелем постыдного проигрывания сценария дележки должностей с розыгрышем: кто, когда и в какой момент какой компромат должен сбросить. Стал очевидцем того, что вопреки развитию логики событий, вопреки здравому смыслу, вопреки идущим в партии революционным (или контрреволюционным?) процессам, не берусь судить квалифицированно, было откровенно предложено занять страусиную позицию. Все хорошо, все нормально, все по плану, никаких резких движений. Пережили голод, переживем изобилие. В сочетании с ранее полученными впечатлениями об умственных и организаторских способностях, ораторском искусстве, порядочности наших вождей пришло осознание печальной истины, что мне на протяжении длительного пе-

риода времени откровенно вешали спагетти на уши, а я верил. В партии буйствовала двойная, тройная мораль. В партии, по крайней мере в высших ее эшелонах, стал нормой закон: говорить одно, делать другое, думать третье. Я понял, что мне с этой организацией не по пути. И вот тогда, к исходу второго пленума, во мне родилось и окрепло убеждение, что больше сюда я не вернусь. Для меня рухнули все авторитеты. Отныне и до веку во мне сидит и твердо будет сидеть убеждение, что все смертные в той или иной мере конъюнктурны, никто не застрахован от ошибок, в том числе и самые великие, из чего я сделал вывод, что ко всему следует относиться предельно критически. То, что еще недавно мне казалось с определенных позиций большим, чистым, передовым, очень перспективным, при ближайшем рассмотрении оказалось ничтожным и жалким. Нахлынули давно мучавшие сомнения, припомнились недавние жаркие споры о личности и заслугах М.С.Горбачева. Тогда в ответ на доводы оппонентов относительно поразительной прогрессивности последнего генсека я задавал один, не лишенный ехидства вопрос: «Можно ли было во время 18-летнего, весьма специфического царствования Л.И.Брежнева стать секретарем ЦК КПСС, не испачкав рыла в пуху?» Оппоненты реагировали мгновенно, и в ста процентах случаев из 100 кричали: «Нет!» Я подытоживал: «Так о чем мы тогда спорим?» Все это - одна когорта. Я не вернулся больше в ЦК КПР. XXVIII съезд подвел в моей жизни (смею утверждать, что не только в моей) какую-то очень важную черту, которую еще предстоит осмыслить и с которой еще предстоит разобраться. Это мучительно непросто при всей кажущейся очевидности факта, но важно. Не переступив эту тяжкую ступеньку, невозможно двигаться дальше.

Почему стала возможна массовая деградация руководителей, а за ними - всего народа? Почему нормой жизни стала двойная мораль? Как могли облеченные самой высокой властью люди бессовестным образом лгать? Почему мы - российский народ, одолев врага в величайшей из войн, щедро оплатив победу кровью, жизнью, здоровьем наших людей, в конечном счете оказались за чертой бедности?

Почему, имея колоссальные богатства (ни одно государство в мире не может сравниться с нашим!), к которым нужно-то только руки и голову приложить, мы прозябаем в бедности и нищете? Почему горизонт светлого будущего не толь-

ко не приближается, но и стремительно отдаляется от нас? Почему мы не хозяева на своей земле, а какие-то постыдные холуи? Почему нам наплевать на природу? Ведь это не только наше, за нами стоят дети, внуки, правнуки. Им жить на этой земле. Испоганенное нами сегодня больно хлестнет их в будущем. И еще десятки, сотни не менее горьких и безответных «почему»...

АВГУСТ 60-ЛЕТИЯ ВДВ

Аббревиатура «ВДВ» в зависимости от обстоятельств трактуется в армейском общежитии по-разному. Например, вряд ли домой вернешься. Или - Войска Дяди Васи (по имени легендарного Командующего ВДВ В.Ф.Маргелова). Есть еще ряд окололитературных и совсем не литературных расшифровок. Но не в этом суть. Это всегда развернутые боевые войска, жизнь их бьет ключом - она перенасыщена парашютными прыжками, десантированием техники, стрельбами разной категории сложности, рукопашным боем. В общем, скучно в них не было никогда, а уж если войска собираются отпраздновать свое 60-летие, то под этот юбилей надо и вспомнить историю, и показать достижения современной парашютной техники, а заодно и авиации - не дай Бог ударить лицом в грязь. Твое имя будет навеки вписано в черные страницы ВДВ и будешь всегда чувствовать себя прокаженным. 2 августа 1990 года воздушно-десантным войскам исполнилось 60 лет. По этому поводу решено было организовать на аэродроме Тушино в Москве грандиозное парашютно-авиационное шоу. Организация и проведение были возложены на «придворную» Тульскую дивизию, то бишь на меня, и частично на Рязанское воздушно-десантное училище. Общее руководство осуществлял первый заместитель командующего ВДВ генерал-лейтенант Освальд Миколович Пикаускас. Программу сверстали пространную и разнообразную. Там было все: и исторический десант из 12 человек в форме и парашютах того времени, которые были десантированы 2 августа 1930 г. на маневрах Киевского военного округа - с этого десанта начались ВДВ; и массовые выброски современных десантников; и каскад спортивных парашютных прыжков с выполнением спортивных головокружитель-

ных трюков; и десантирование с предельно малых высот непосредственно на объект с последующим боем. Массовая высадка тактического десанта, опять же с последующим розыгрышем боя. Каскад рукопашных схваток, массовое выполнение боевых приемов. В общем, по замыслу зрелище обещало быть потрясающим. Но над этим надо было еще работать и работать.

Все перипетии подготовки описывать не стану. Упомяну три момента. Первое и главное: ввиду предельно скверных погодных условий были сорваны обе генеральные репетиции, что крайне накалило обстановку. Получалось, объективно, вне нашей воли, что праздник придется осуществлять и проводить фактически «с листа». Свинцовые тучи (на высоте 300 - 400 метров) не позволили осуществить репетицию всего действа. Забегая вперед, должен сказать, что с этой тяжелейшей задачей блестяще справился заместитель командира дивизии полковник Владимир Иванович Кротик. Отдельно отработанный эпизод - это все-таки только эпизод, а вот сложить из отдельных мозаичных камешков, сложить без накладок, без выматывающих душу необъяснимых пауз, без каких-либо происшествий и травм картину - это искусство.

Вторым, заслуживающим упоминания моментом является эпизод, когда самолет ИЛ-76 с 40 тоннами воды на борту, демонстрируя возможности ВТА по борьбе с пожарами, в ходе тренировочного полета маленько «ошибся» и выплеснул свои 40 тонн над московской кольцевой автомобильной дорогой.

По рассказам очевидцев зрелище было достойно всяческого внимания. Травка зеленеет, солнышко блестит... Никаких признаков дождя, на малой высоте прошел транспортник, и на дорогу обрушилась огромная масса распыленной, но тем не менее воды. Не все, как говорят, отреагировали адекватно. Спасибо, обошлось без жертв. И третий эпизод, который имел определенное продолжение. Ребятки из разведроты, которые готовились продемонстрировать десантирование на объект с помощью универсальной беспарашютной системы десантирования с последующей грандиозной дракой, решили привнести изюминку в серую (как им казалось) канву своего действа. Что такое универсальная беспарашютная система десантирования? На объект заходят вертолеты, зависают на высоте 25 - 30 метров, и с их борта с

помощью специальных тросов десантируются люди. Все это делается значительно быстрее, чем пишется об этом. Хлопчики соорудили из комбинезона «Иван Иваныча» (так принято в ВДВ и авиации называть чучело человека) и продемонстрировали эпизод в следующей редакции. От борта вертолета отделяется без троса «Иван Иваныч». Находящийся на борту специалист сопровождает его падение душераздирающим воплем, ну а дальше уже все, как говорится, по плану. Со стороны смотрится очень даже, и впечатляет. Я эпизод утвердил.

И вот наступило 2 августа. Вообще, надо сказать, Страну Советов ранее, а теперь все страны СНГ (в той или иной степени) сотрясали и будут сотрясать три военных праздника: День ВДВ, День ВМФ, День пограничника. Все три боевых вида и рода войск. Во всех трех служба не мед и не подарок. Всем есть что вспомнить: в походы ходили, в Афганистане и других горячих точках воевали, границу на замке держали. Бывало всякое, есть что вспомнить! Меня всегда поражала реакция властей и ранее, и сейчас. Про пограничников и моряков говорить не стану, в деталях не знаю, а в преддверии 2 августа отцы городов и весей начинали морщить лоб и транжирить казенные деньги на вещи никчемные и бесперспективные, как то: удвоение, утроение, удесятерение... нарядов милиции, создание каких-нибудь надуманных ситуаций, главное - чтоб куда-нибудь десантников «не пущать», а при возможности «тащить». Бывал, видел, знаю, сам участвовал... Если собирается десантная братия да встретятся старые товарищи вместе, не одну сотню километров по кровавым и пыльным дорогам отшагавшие, им ведь много не надо, их бы уважить элементарно. Сказать что-нибудь душевное, что вы, воины своей державы, шапок ни перед кем не ломали, пулям не кланялись, отцов, дедов своих, кровь свою суворовскую и жуковскую не посрамили. Задач, для вас невыполнимых, не было и нет, славные воздушно-десантные войска, непобедимые благодаря тому, что есть в них сила, мощь, единство, сплоченность, войсковое товарищество и дисциплина доселе невиданная. Честь вам, хвала и слава!

И сказать надо не на уровне пьяного ефрейтора, а на самом высоком, тому или иному населенному пункту доступном уровне. Да просчитать заранее места традиционного сбора, да посадить там оркестр, да развернуть торговые точ-

ки, чтоб было где боевым товарищам культурно выпить и закусить, былое вспомнить. Да нарастить общественный транспорт, да милиционеров поставить немного, но в рубашках белых, праздничных, чтоб они видом своим как бы соучаствовали, и не надо удесятерять наряды милиции, ибо толпы милиционеров действуют на десантную братию, как красная тряпка на быка. Толпы эти демонстрируют намерение власти противостоять, конфликтовать. Кто сможет нам противостоять, кто смеет с нами конфликтовать?.. И считают потом битых и калеченных. В организацию надо деньги вкладывать, дорогие главы администраций, мэры, префекты, председатели исполкомов всех уровней, а не в правоохранительные органы. Смею вас заверить, несравнимо дешевле обойдется. Люди, которым держава в вашем лице уважение выказала, порядок сами будут хранить свято и нерушимо. А если какой-то перебравший вахлак найдется, то сами и успокоят. Сработает она, маргеловская жилка, заговорит военная косточка. Думать, в общем, надо, а не мышцами играть. От того, что одних перекалечат, а других пересажают, никому легче не станет. Но вернемся к празднику.

С раннего утра смотровые площадки Тушинского аэродрома стали заполняться людьми. Сколько их там было - Бог весть - сколько глаз хватает. Погода выдалась замечательная. Небо нежно-голубое, глубокое - тысячах на двух высоты легкие кокетливые перистые облака. Солнце, музыка, море улыбающихся лиц - одним словом, праздник! В такой день можно было только побеждать.

На огромной трибуне собралась масса почетных гостей, кто там был, не помню (не до того было). Помню - много, и среди них самый почетный гость - бывший Командующий воздушно-десантными войсками генерал армии Д.С.Сухоруков. Праздник начался. Такие праздники нечасто бывают, их трудно описывать, их надо видеть.

Все шло как по маслу. Недоразумение возникло, когда справа от трибуны, метрах в ста пятидесяти, над «объектом» зависли два вертолета, и с первого из них под аккомпанемент душераздирающего вопля ляпнулся о землю «Иван Иваныч». Толпа ахнула. По ней пролетел тяжкий вздох, переходящий в ропот. Кто-то крепко схватил меня сзади за руку. Я оглянулся. Передо мной стоял в парадном мундире генерал Сухоруков. Взгляд его выражал одновременно боль и гнев.

- Где «санитарка»? «Санитарку» в поле!
- Товарищ Командующий, это - «Иван Иваныч».
- Мне все равно, хоть Петр Петрович, «санитарку» в поле.
- Да чучело это, товарищ Командующий. - Дмитрий Семенович был на тот период заместителем министра обороны. Но в этот день он снова для всех без исключения десантников был Командующим - это дань высочайшего уважения авторитету, которым Дмитрий Семенович пользовался в войсках.

Уяснив, что случилось, Командующий укоризненно хмыкнул, посмотрел на меня уже без гнева, в глазах его прыгнули чертики, и молча отошел. Пришлось быстренько объяснить и толпе с помощью мегафона смысл происшедшего. Лица снова расцвели улыбками.

Я на тот период прослужил уже более двух десятков лет, но такого праздника не видел. Запомнился подъем, удивительная легкость, с которой офицеры, солдаты, курсанты выполняли самые сложные действия. Это было как полет, как чудесная песня: на огромном пространстве широко, размашисто творилось боевое действо. С неба сыпались парашютисты, садились, зависали и взлетали вертолеты. Во многих местах аэродрома шел учебный бой. Выполнялся каскад приемов рукопашного боя, подразделения демонстрировали умение выполнять приемы с оружием - все это весело, легко и непринужденно. Красивое и запоминающееся это было зрелище. Я уверен, что у многих в памяти оно осталось надолго. Показ завершился, а с ним, собственно, закончился и праздник, началась проза жизни. А проза состояла в том, что сначала действующий, так сказать, Командующий генерал-полковник Ачалов и я, как хозяин специально оборудованной здоровенной палатки, принимали очень высоких гостей. Проводили очень высоких... Прибыла большая группа космонавтов во главе с генерал-лейтенантом Леоновым. Космонавты - мужики замечательные - наговорили массу лестных слов, поздравлений. Из всего сказанного мы уяснили, что после космонавтов мы, десантники, вторые на этой земле. Посмеялись не единожды, выпили, закусили, проводили.

Потом Командующий принимал своих заместителей и начальников родов войск и служб.

Потом Командующий откланялся, и я остался принимать его заместителей, начальников родов войск и служб.

Потом я их всех проводил и устроил прием для собственных заместителей, начальников родов войск и служб и командиров частей.

В общем, тяжело! Именно тогда у меня первый раз родилась мысль о том, как же можно испоганить красивый праздник злоупотреблением спиртным. Вроде и повод есть, вроде и с людьми замечательными, и по делу все, а все равно осадок остался мерзостный. С одной стороны - «Веселие Руси есть пити», а с другой - не пора ли пробить брешь в этой сложившейся веками традиции, которую, отбросив словесную шелуху, можно сформулировать так: чем больше праздник, тем больше пьянка?

АВТОПРОБЕГ МОСКВА — ГОЖЕ - ПОРЕЧЬЕ

В самом начале сентября 1990 года на Гоже-Пореченском полигоне, в Белоруссии, согласно плану проводилось дивизионное тактическое учение 76-й воздушно-десантной дивизии с десантированием управления дивизии, одного парашютно-десантного полка, части полка артиллерийского, зенитного дивизиона и еще ряда спецчастей. В ходе учения предусматривалась боевая стрельба полка с приданными ему частями и подразделениями. Командующим ВДВ было принято решение собрать на полигоне командиров дивизий, бригад и полков и показать им, как должны проводиться подобного рода учения. Широка страна наша родная!.. Посему командирам дальних соединений (типа Уссурийской бригады) была поставлена задача добираться самостоятельно. А все отцы-командиры из европейской части страны, из Средней Азии были собраны в установленное время в штабе ВДВ, и вылету на Гоже-Поречье предшествовало что-то вроде импровизированного малого военного совета. В конце совета Командующий определил время вылета, начальник штаба ВДВ генерал-лейтенант Е.Н. Подколзин довел время, место посадки в автобусы. Я решил добраться до аэродрома Чкаловского на служебной машине и оттуда отправить ее в дивизию. Прикинув, что на «Волге» буду на аэродроме раньше автобусов, я решил в штабе еше массу мелких вопросов и, прихватив предупрежденных заранее двух командиров полков Ю.А.Наумова и А.Н.Солуянова, отправился в путь.

Герой Советского Союза подполковник Александр Солуянов, старый мой товарищ по училищу, по Афганистану, на тот период командовал Ферганским учебным полком, поэтому нам было о чем вспомнить и поговорить.

Водитель Толя был человеком опытным. Машина резво

бежала по Щелковскому шоссе, время по моим расчетам было, все шло по плану.

Проскочили кольцевую, проехали километра три-четыре, и машина «зачихала». Место было неудобное, шоссе узкое, поэтому я предложил свернуть в ближайший проулочек и там разобраться с машиной. Толя заверил, что три минуты, и проблем не будет. Свернули, Толя занялся машиной, а мы продолжали разговор. Прошло три, пять, десять минут. Прошло двадцать минут. Толя свирепо и молча копался в двигателе, а я молча и с тревогой смотрел на часы. Молча потому, что солдат Толя был аккуратный, грамотный, машину всегда содержал в образцовом порядке. Шуметь на него было не за что. Да и вообще, как показывает практика, кричать под руку на и без того работающего на пределе возможного человека бесполезно. С тревогой потому, что время (которого совсем недавно было очень много) катастрофически съежилось, до взлета оставалось буквально несколько минут. На 23-й минуте двигатель наконец завелся и застучал ровно и уверенно. Мы «полетели». Толя, обычно управлявший машиной очень рассудочно и хладнокровно, продемонстрировал совершенно новое качество - по узкому, забитому машинами шоссе «Волга» летела так, как будто ею управлял пилот «Формулы 1». Влетели на аэродром. Самолет стоял в начале взлетки, резко мигая сигнальными огнями. До него оставалось метров триста.

- Ну, еще рывок, - сказал я.

Рывок получился в никуда. На наших глазах самолет плавно тронулся, разогнался, элегантно взлетел и растворился в небесной синеве.

Стало скучно и грустно... Я принял решение: едем в бригаду связи Медвежьи Озера, оттуда прозвоним в аэропорты, выясним, когда и какие самолеты идут на Гродно, Вильнюс или Каунас, улетим, а там доберемся.

Как я уже говорил: если в цепи событий есть одно скверное - оно обязательно случится. В бригаде связи нас ждало новое разочарование: самолеты в указанные города или уже улетели, или будут завтра.

Я позвонил в Витебск. Попал еще на одного своего старого товарища полковника Н.С.Юрасова.

- Коля, здравствуй! Накладочка вышла, на самолет опоздали. Я сейчас к тебе машиной махну, ты подготовь вертолет.

- Нет проблемы! Ждем!..

Мы наскоро запаслись в бригаде картонной коробкой с бутербродами, пятью канистрами бензина и «рванули» на Витебск. «Волга», как бы чувствуя свою вину, мягко стелилась по шоссе. В 21 час с минутами мы были в Витебске, в штабе 103-й воздушно-десантной дивизии.

Надо сказать, что 103-я дивизия одна из самых заслуженных в воздушно-десантных войсках. У нее славная история, относящаяся к временам Великой Отечественной войны. Никогда и нигде дивизия не уронила своего достоинства и в послевоенное время. В ней стойко жили славные боевые традиции. Наверное, поэтому в декабре 1979 года дивизия в числе первых вошла в Афганистан и в числе последних в феврале 1989 года его оставила. Офицеры и солдаты дивизии четко выполнили свой долг перед Родиной. На протяжении этих девяти лет дивизия почти непрерывно дралась. Сотни и тысячи ее военнослужащих были награждены правительственными наградами, более десяти человек удостоены звания Героя Советского Союза, в том числе генералы: А.Е.Слюсарь, П.С. Грачев, подполковник А.Н.Силуянов. Это была нормальная, крутая воздушно-десантная дивизия, которой палец в рот не клади.

По завершении войны в Афганистане дивизия вернулась в родной Витебск, по сути дела, к разбитому корыту. Почти за десять лет много воды утекло. Был передан в другие части казарменный жилой фонд. Разграблены и серьезно обветшали полигоны. Дивизию на родной стороне встретила картина, напоминающая, по меткому выражению генерала Д.С.Сухорукова, «старое деревенское кладбище с покосившимися крестами». Перед дивизией (только что вышедшей из боев) встала непробиваемая стена социальных проблем. Нашлись «умные головы», которые, используя нарастающее в обществе напряжение, предложили нестандартный ход - передать дивизию в Комитет государственной безопасности. Нет дивизии - нет проблем. И... передали, создав ситуацию, когда дивизия стала уже не «вэдэвэшной», но еще и не «кэгэбэшной». То есть стала вообще никому не нужна. «Вы съели двух кроликов, я ни одного, но в среднем - по одному». Боевых офицеров превратили в клоунов.

Фуражки зеленые, погоны зеленые, тельняшки голубые, символика на фуражках, погонах и груди - десантная. В народе такое дикое смешение форм метко окрестили «кондук-

тор». Офицеры и солдаты стали предметом насмешек для местного населения. Потом, после августа 1991 года, дивизию снова вернули в ВДВ. А еще чуть позже был распад Союза, парад суверенитетов. Сейчас это не дивизия, а воздушно-десантная бригада Вооруженных Сил Беларуси. В угоду политической конъюнктуре погублено славное боевое соединение. Кого-то из великих скульпторов спросили: «Как вы создаете свои замечательные произведения?» Скульптор ответил: «Очень просто. Беру кусок гранита и отсекаю все лишнее». В данном случае отсекли все нужное. Вытесали из слона моську. Но это мое мнение, и я его никому не навязываю.

Это все было позже, а в сентябре 1990 года дивизия еще была воздушно-десантной и входила в состав ВДВ. Николай Семенович был на месте. Ждал. Вид у него был какой-то неуверенный.

- Здравствуй, Коля, сто лет тебя не видел! - сказал я. - Какие трудности? Вертолет, надеюсь, готов?

- Вертолет-то готов! И вертолетчики все как на подбор, все с афганским опытом, но...

- Какие могут быть но... Спасибо!

- Да ты подожди, дай договорю. Звонил начальник штаба генерал Подколзин, передал распоряжение Командующего: «Если приедет генерал Лебедь - вертолета ему не давать!»

Я мысленно поблагодарил Командующего за отцовскую предусмотрительность.

- Что ты такое отмочил, что он о тебе так заботится?

- Да не, ничего! А об уазике он ничего не говорил?

- Об УАЗике - ничего!

- Тогда готовь уазик с двумя сменными водителями и желательно белорусами, чтоб дорогу знали, а то Толя с утра двести от Тулы до Москвы махнул, двести по Москве и семьсот к вам! Перебор!..

- Это сейчас подготовим. Да ты не расстраивайся. Если даже звонка не было бы, все равно ты бы никуда не взлетел. Туман видишь какой? И к утру будет еще гуще.

Туман действительно был основательный. Пока готовился уазик, собрались старые афганские товарищи, вспомнили, помянули, поговорили. В 23 часа 30 минут мы тепло попрощались, нам пожелали счастливого пути и удачи, и не безосновательно, так как туман стал значительно плотней. Первые километров тридцать мы еще не остыли от такой не-

ожиданной, теплой и приятной встречи и продолжали обмениваться впечатлениями. Идиллию нарушил водитель: «А куда ехать-то?»

- Как куда, в Гоже-Поречье.

- А это где?

- Как где? Стой!

Машина остановилась. После краткого разбирательства выяснилась следующая картина. Конечно, устав - книга в армии святая и приказ начальника по уставу - закон для подчиненного, и он должен быть выполнен, опять же по уставу, точно, беспрекословно и в срок. Вот так и выполнили. В точно назначенное время укомплектованный канистрами, сухпайками уазик, с двумя накормленными ужином водителями стоял в назначенном месте. Не учли одного обстоятельства: инициативу подчиненных. Все случаи инициативы в уставе как ни пиши - не опишешь. В данном случае она, инициатива, материализовалась в двух юных, прослуживших по полгода водителях. Фамилии точно не помню, но условно одного - Иванов, другого - Петров. Один из Тамбовской, другой из Рязанской губернии, в Белоруссию попали два месяца назад, стажировались по маленькой при комендантской роте в каботажном плавании вокруг штаба дивизии, в географии Белоруссии - ни уха, ни рыла, тем не менее полны молодеческого энтузиазма и готовы ехать хоть на Аляску, лишь бы дорогу кто-нибудь показывал. Карту мы с собой, понадеявшись на опытных водителей, не взяли. Тридцать километров от Витебска в клубах молочно-белого тумана отъехали. Боржоми, как говорят, было поздно пить, желудок уже отвалился.

- Вперед, на запад! - отдал я приказ.

Поехали по указателю. Туман все густел, скорость соответственно все падала. Монотонное медленное движение усыпляло. Юные «энтузиасты», несмотря на то, что их меняли через час-полтора, клевали носом. Надо было очень внимательно следить, чтобы не оказаться в придорожной канаве и не обнять какой-нибудь столб. Придорожные столбы и деревья (как известно из практики) наносят увечья и ранения водителям и пассажирам только в порядке самообороны. Миленькая была ночка, приятно вспомнить.

Но мы победили; и ночь, и туман, и в восемь часов утра были в Гродно. До Гоже-Поречья оставался пустяк - тридцать пять километров. Водители на последнем дыхании преодолели оставшиеся километры. В 9.20 мы были у смотро-

вой площадки. Встретили нас одобрительным веселым гулом. Выяснилось, что накануне вечером Командующий в мой адрес разные нехорошие слова говорил, грозился, что если к началу занятий к 10 часам Лебедь со своими авантюристами не будет, у него появятся крупные неприятности...

Мы тщательно побрились, слегка перекусили. К прибытию Командующего я построил двух командиров полков в одну шеренгу впереди общего строя и, как только Командующий вышел из машины, сразу же доложил: «Товарищ Командующий, группа из трех человек совершила марш-бросок по маршруту: Москва - Витебск - Минск -Гродно - Гоже - Поречье. В пути следования замечаний не имели. К занятиям готовы. Старший группы генерал-майор Лебедь! Разрешите стать в строй».

Командующий крякнул. Над полигоном висел туман, и было ясно, что вертолетом вопреки его приказу я не воспользовался. До официально объявленного времени занятий оставалось еще 10 минут. Я опоздал на самолет, но на занятия я не опоздал. Тема для возможной ругани и разбирательства была исчерпана.

- Становитесь, - буркнул он.

- Есть!

На смотровой площадке было многолюдно. Событие предстояло не рядовое. Десантировалась такая армада нечасто. Командующим были приглашены на эти учения какие-то великие мира сего. Кто они такие, я не знал и сейчас не знаю. Помню, что был там главный военный прокурор. Все везде было готово, но туман... Высококачественный, белорусский туман сплошной пеленой покрывал Гоже-Пореченский полигон. Так прошел час. Туман продолжал висеть. Гости, приглашенные на грандиозное зрелище, начинали нервничать. И, судя по некоторым признакам, начали подначивать Командующего. Кто-то доложил, что через час туман подымется. Командующий оживился. Пока взлетают, пока строятся, пока долетят - он подымется. Последовала команда: «Вперед!»

Прошло еще часа полтора. Туман значительно поредел, видимость возросла метров до 200 - 250. Но туман не проходил! Бросать людей, технику - нельзя. Армада, приведенная в действие «волевой» командой, была уже на подходе. Оставались считанные минуты. Надо было решать. То ли Командующий решил сам проявить супертвердость, то ли гости

подсказали, судить не берусь, но решение, роковое решение, как показали ближайшие часы, было принято.

Армада тройками грохотала двигателями где-то над головой. Можно было себе представить, как от огромных транспортников отделяются в беспросветную мглу маленькие фигурки, несколько секунд «свистят» на стабилизирующих, потом над головами один за одним вспыхивают купола. Представить можно, нельзя все это увидеть. А это то, ради чего высокие гости проделали неблизкий путь в Белоруссию. Как мы, стоя на смотровой площадке, ни всматривались, удалось увидеть силуэт только одного парашютиста. Десантирование в тумане автоматически привело к тому, что учебный бой на площадке приземления завязался опять же в тумане. Ревели двигатели машин, лязгали гусеницы, раздавались длинные и короткие автоматные очереди, но что там творилось?.. Творилось ли оно в соответствии с планом розыгрыша боевых действий или близко на него не было похоже - Бог весть! Туман с одинаковой старательностью похоронил и успехи, и недостатки.

Пошли доклады - разные, всякие. Один рапортовал, что выполнил ближайшую задачу - вышел на определенный рубеж. Другого больше заботило, что у него не хватает десятка человек. Какой-то командир полка громко, не стесняясь в выражениях, требовал прекратить эту комедию, сделать тактическую паузу, дождаться, пока подымется туман, собраться, сосчитать людей, а потом уже продолжить учиться дальше.

Напрямую мнение командира полка вроде как проигнорировали, но опосредованно прислушались. Остановились... Начали собирать и считать. Туман, словно издеваясь, стремительно редел. Минут через 30 после завершения десантирования площадка приземления предстала во всей красе. Выяснилось, что в тумане летчики маленько промахнулись и две или три машины попали на лес. Но это были цветочки.

Дело в том, что на Гоже-Пореченском полигоне грядою расположено несколько длинных, глубоких и относительно широких, до 150 метров, озер. В эти-то озера в тумане и угодили четыре солдата зенитного дивизиона.

Спасательная служба на озерах была. Хватало, как говорится, и сил, и средств. Но спасательная служба хороша, когда она видит акваторию, а здесь шлепок о воду в тумане,

звук по воде, как известно, разносится далеко. В ста метрах кто-то шлепнулся или в трехстах - ориентиров никаких. Спасти удалось одного - парню повезло, он угодил в воду метрах в десяти от лодки спасателей. Остальные трое, полностью экипированные, - ушли камнем на дно. Когда их достали, сделать что-либо было уже невозможно. Надо сказать, что во время сомнений Командующего тихо нарастало напряжение. А после принятия им решения оно возросло мгновенно до высшей точки. На смотровой площадке находились командиры полков, дивизий, офицеры и генералы, которые не единожды проводили достаточно крупномасштабные учения, руководили десантированием, или, другими словами, люди, которые привыкли принимать решения и умели отвечать за их последствия. Так вот, если собрать и обобщить бурчания этих опытных людей, то можно смысл их выразить двумя фразами: «Что он делает?» и «Зачем это надо?»

Когда шло десантирование, когда оно завершилось, когда начались доклады, на смотровой площадке царило нервно-гробовое молчание. Когда прозвучала информация о попавших на лес машинах, все облегченно вздохнули: «Хрен с ними, отремонтируем!» Но когда о трупах... Первым энергично-застенчиво удалился прокурор. Как-то незаметно растаяли гости. Командующий остался один. Один... и один на один с последствиями принятого им решения. Он пытался делать хорошую мину при плохой игре... Мы выехали на командный пункт дивизии. Он заставил командира дивизии докладывать решение, но все это уже была пустая трата времени. Отличные и хорошие результаты, блестящие тактические действия, восхитительно меткая стрельба, лихость, удаль, молодечество - все это хорошо и правильно воспринимается при одном главном условии: сколько человек начали учения - столько и должно их закончить. Количество взлетов должно равняться количеству приземлений, вот тогда все вышеперечисленное доставляет удовлетворение, радость, тогда играют четверки и пятерки. Если на фоне самых блестящих действий, в результате чьей-то халатности, недосмотра, глупости образуются трупы, все остальное теряет всякий смысл. Уже ничто не в радость, уже ничто не ценно. Главная задача - самая главная задача, на мой взгляд, которую должна решать и решить армия, - это вернуть всем мамам всех сыновей. Вернуть возмужавшими, повзрослевшими, крепкими телом и духом, прошедшими хорошую школу и

готовыми мужественно пуститься в плавание по океану под названием жизнь. Но не калеками и покойниками. Это должен быть главный показатель уровня работы офицера. Вот и теперь комдив генерал-майор В.С.Халилов - умница, эрудит, блестящий организатор, человек с явно выраженной военной косточкой - решение докладывал вяло, вид у офицеров на командном пункте был хмурый и злой. Такой же вид был у обучаемых. У всех в глазах явственно читалось: «Три трупа... Провались ты...» Кончилось дело тем, что Командующий, сославшись на необходимость осмотреть место происшествия и доложить министру, порекомендовав нам смотреть и учиться, убыл. На что тут смотреть и чему учиться? Налепить покойников ума много не надо. Вот без них обойтись! Это да! Это класс!..

Учение продолжили, но так как-то вяло и тускло, без малейшего огонька, как в замедленной киносъемке. Это даже пародией на учение не назовешь. Тяжкий у всех на душе остался осадок.

КАРТОШКА В МУНДИРАХ

Вечером 8 сентября 1990 года от командующего ВДВ генерал-полковника Ачалова по телефону я получил очередной смутный приказ: «Привести дивизию в состояние повышенной боевой готовности по «южному варианту».

Уровень работы офицеров штаба и политотдела к тому времени был доведен почти до совершенства. По предыдущему опыту, не имея определенного приказа, мы в рекордно короткие сроки вычисляли, куда же мы полетим, и ни разу не ошиблись. Благодаря такой постановке дела всегда успевали проделать львиную долю работы по подготовке к действиям применительно к определенной местности. Когда наконец поступало распоряжение на взлет, оставались только «мелкие штришки» - портрет готов. Но тут машина дала сбой. Ничто, нигде не было напряжено до такой степени, чтобы требовалось наше присутствие. Офицеры терялись в догадках, некоторые глумливо-серьезно восхищались: «Боже мой, какой прогресс!.. То все по хвостам да и по хвостам, неужели раз в жизни на профилактику сработаем!» Хоть ухмыляйся, хоть восхищайся, хоть недоумевай, но на совещании с заместителями и начальниками родов войск и служб мы дружно сошлись во мнении, что на сей раз полет мысли вышестоящего военного и соответственно политического руководства нам просчитать не удалось. Куда нас черт понесет, нам неведомо даже приблизительно.

Неопределенность, неизвестность всегда хуже прямой беды, она повсеместно рождает тревогу, неуверенность, нервозность. Рождает вроде бы на первый взгляд и мелкую, но способную иметь негативное последствие незавершенку. Например, повсеместно практиковалось следующее действие: летели в Азербайджан - в казармах оставались азербай-

джанцы, в Армению - армяне, в Грузию - грузины. Это не было признаком недоверия, исходили из следующего соображения: овчинка может любой стороной вывернуться, а парням возвращаться домой, им там жить! Не надо в двадцатилетнем возрасте подводить под судьбу человеческую мину замедленного действия, которая непонятно где, когда и как рванет. Люди понимали это и были по-человечески благодарны. В этот раз солдаты посмеивались и заключали между собой пари: кто же останется «дома» на сей раз: армяне, азербайджанцы, а может, литовцы?.. О солдатах литовцах хочу сказать особо. За мою службу подчиненных, литовцев по национальности, было у меня много. Не берусь судить, в чем тут причина: то ли это народ такой, то ли воспитание какое-то особенное, но я не могу вспомнить ни одного разгильдяя. Физически крепкие, дисциплинированные, педантично скрупулезные, хладнокровные. Это были великолепные солдаты, еще более великолепные сержанты, и я благодарен им всем. С ними мне было приятно служить.Я могу перечислить много фамилий. Я многих помню офицеров моих и солдат, но где они сейчас, эти замечательные парни, как сложилась их судьба? И не окажет ли им их бывший командир медвежью услугу, перечислив пофамильно.

Неопределенность продолжалась до 20 часов 9 сентября. В 20 часов поступило распоряжение: двумя полками, Костромским и Рязанским, совершить марш и к 6.00 10-го сосредоточиться на парадной площадке аэродрома имени Фрунзе. Когда я довел это распоряжение, кто-то (уже не помню точно, кто) повесил в воздухе совершенно замечательный вопрос: «Вот те на! Что ж теперь, русских не брать?» Физиономии у всех вытянулись. Вопрос, при всей кажущейся простоте, был отнюдь не прост. Офицеров и солдат по национальности русских было процентов 70. Русский комдив, заместитель комдива, начальник штаба, русские командиры полков. Я подвел итог сомнениям: «Армяно-азербайджанский поход на Москву организовывать не будем. Идут все!»

Привычная машина заработала. Указания, распоряжения, приказы поставили крест на всех сомнениях, колеса и гусеницы закрутились. Именно колеса и именно гусеницы, потому что от Рязани до Москвы 200 километров, а от Костромы 330. И соответственно, чтобы колонны могли прибыть туда одновременно, было приказано Рязанскому полку двигаться «на броне», а Костромскому - «на колесах».

Дивизия была тренированная, марш прошел без проблем. В 5.30 полки были на аэродроме. Никакой другой задачи, кроме «сосредоточиться», я не имел. Но и эта простейшая задача имела ряд небезынтересных последствий. Как выяснилось чуть позже, к 7 часам утра население гостиниц «Россия» и «Москва» (а это были преимущественно депутаты разных мастей и рангов) несколько нервно оставило места своего проживания, усеяв коридоры оторванными пуговицами и домашними тапочками. На аэродром Дягилево, что под Рязанью, приземлился один из полков Псковской дивизии, где был встречен группой местных «демократически» настроенных депутатов областного и городского советов и подвергся с их стороны поношениям и хуле. Они лупили глаза на прилетевших отцов-командиров и дружно требовали у них ответа на простецкий вопрос: «Зачем вы сюда прилетели?»

Отцов-командиров можно было пытать, резать на куски, но они все равно остались бы верны присяге и сохранили гордо военную тайну, ибо задачи не было - прилетели и все! Депутаты, естественно, такому простому объяснению не верили. У них со школьной скамьи в головах отложилось, что армия - это порядок, это приказ: «Служи по уставу - завоюешь честь и славу». Дело кончилось крупным криком и руганью, как не без юмора объяснял позже командир полка:

- Я им дал уклончивый ответ!

- А что ты им сказал?

- Да послал их к такой матери!..

Пришли в движение Болградская, Каунасская, Кировабадская дивизии. Были последствия и помельче. Например, милиционеры ГАИ, не привыкшие к массированному исходу на столицу нашей Родины бронированной техники, попав в нештатную ситуацию, вели себя по-разному. Одни пытались свистеть на боевые машины, другие махали жезлами, больше, похоже, от волнения, потому что смысла в махании не было никакого. Можно себе представить, как по определенным каналам связи в Москву со всех концов полетели вести, грозный смысл которых был один: «Все ВДВ зашевелились, все пришло в движение...» Какой в этом смысл - непонятно, и оттого, что непонятно, еще страшнее. Паника все возрастающим комом захватывала все новые и новые слои государственных и партийных чиновников, ширилась и росла. На КПП парадной площадки, едва сдерживаемая ротой, би-

лась в истерике толпа журналистов, жаждущих запустить когти в командира этой бронированной автомобильной армады. А что я мог сказать?.. Тоже дать уклончивый ответ?.. Неудобно. Люди при исполнении, работа у них такая. Оставалось задействовать одну из бессмертных рекомендаций Остапа Бендера: «Молчи и изредка важно надувай щеки». На гребне этой паники против всяких правил (с утра пораньше) была образована депутатская комиссия, которую возглавил депутат СССР генерал-майор запаса Варэ, эстонец по национальности. И уже в 9 часов с минутами 10 сентября в штабной палатке я имел первый разговор со степенным седовласым пожилым генералом. Тема - «Зачем вы сюда прибыли?»

Вопрос правильный, только ответа на него вразумительного не было, а врать вроде было ни к чему. Поэтому и разговор у нас пошел, как у слепого с глухим. Он спрашивал, я отвечал, он не верил, задавал уточняющие вопросы, я снова отвечал, он еще больше не верил. Я человек хладнокровный, но одним вопросом он меня достал: «Скажите, генерал, честно, - проникновенный взгляд в самую душу, - вы, может быть, вчера по случаю дня воскресного хватили лишнего, подняли по тревоге полки да и махнули на Москву, а?»

- Я столько не выпью. А если бы все же так нарезался, то пошел бы на Воронеж!..

Хороший город - Воронеж, чего он мне на язык попал - Бог весть!

Пока продолжалась наша милая беседа с главой комиссии, члены ее рыскали по полкам, дотошно задавая офицерам и солдатам одни и те же вопросы: «Зачем автоматы, зачем бронежилеты, зачем каски, зачем танки?..» Те очень искренне и честно, прямо и смело глядя в глаза, отвечали: «Всегда так ходим!..»

Эти однообразные и честные ответы вызвали у членов комиссии массу эмоций: «Ты, смотри, сговорились. А как проинструктированы, сволочи! Ай-ай-ай!..»

На парадной площадке собралось совершенно неимоверное количество баранов, и у каждого свои новые ворота. Комиссия в конце концов удалилась делать выводы. Войска занялись привычной работой по обустройству, обслуживанию техники, а меня вызвали в штаб ВДВ к командующему. Командующий был взвинчен и шибко нервничал:

- Значит, так! Ты сюда прибыл для подготовки к параду. Полки-то у тебя парадные. Понял?

- Понял! А куда мне 113 единиц рязанской брони девать? Куда боеприпасы? Их 12 «Уралов» плюс полный боекомплект в боевых машинах. Сроду не бывало, чтоб на парадную площадку войска с боеприпасами выходили.

- Что ты мне дурацкие вопросы задаешь! Думай! Думай, как машины на парадной площадке спрятать, думай, куда боеприпасы девать. Решение доложить через три часа и ... лично!

Выйдя от командующего, я зашел к операторам, чтобы хоть как-то прояснить обстановку, но не прояснил, а усугубил.

Дело в том, что есть в армии положения, которые определены давно и не нами, устоялись десятилетиями. Проверены практикой, в том числе и боевой. Нет смысла, да и не ко времени говорить о всех, коснемся одного такого положения. Дано командиру полка в учебных целях поднять по тревоге батальон. Командиру дивизии - полк. А командующему ВДВ - дивизию. И это непреложный закон. В данном случае были явно подняты две дивизии и полуявно еще три. Всем было ясно, что командующий самостоятельно этого сделать не мог. Значит - министр. Формально так - такую команду командующему мог отдать только министр. Но министр Маршал Советского Союза Дмитрий Тимофеевич Язов, за плечами у которого была война, четыре с лишним десятка лет службы, был человеком дисциплинированным и осторожным. Значит, еще выше. Кто - можно было только догадываться.

Министр и выше сразу были отсечены и никоим образом ко всему этому безобразию причастны быть не могли. А командующему ВДВ была поставлена задача: аргументированно и доказательно объяснить, чем это он и вверенные ему войска в субботу и воскресенье занимались и что вынудило его против всяких правил привести в повышенную боевую готовность кучу дивизий.

Доказать научно это было нельзя, оставалось наукообразно. Такую незамысловатую задачу и получило оперативное управление. Лучшие оперативные умы горестно стояли вокруг стола, на котором находилась разостланная карта с нанесенными на нее пунктами постоянной дислокации дивизии и бригад. Широка страна наша родная: Каунас, Псков, Болград, Тула, Кировабад - это города, в которых располага-

лись штабы дивизий. Между ними, как говорится, не один лапоть по карте. Вот на этом бесплодном поле необходимо родить нечто такое, что позволило бы втереть очки массе далеко не глупых людей из Верховного Совета СССР, Верховного Совета РСФСР и других не менее уважаемых организаций. Я быстро вник в ситуацию и сочувственно, на цыпочках, удалился. По сравнению с громадьем их замыслов и планов моя собственная задача - спрятать в центре Москвы 113 единиц брони и вагон боеприпасов - показалась мне мелочью.

Я вернулся на парадную площадку. Для очистки совести прокатился по ее периметру. Углов, закутков на ней много, но обосновать появление нового парка в этих уголках и закутках невозможно.

Вернулся к себе в штаб. Посидел, покурил. Осенило! Вспомнил старый принцип: хочешь что-нибудь спрятать - положи на видное место. Захватив с собой заместителей по вооружению и по тылу, вышел на улицу. Решение пришло практически сразу. Метрах в двухстах от штаба парадной площадки между рулежкой и объездной дорогой начиналась полоса земли шириной метров восемьдесят - сто. Простиралась она метров на двести и заканчивалась возле каких-то строений бардачного вида и непонятного назначения. Но строения меня уже мало интересовали. Я немножко понял Петра Первого, то его состояние, когда он провозгласил: «Здесь будет заложен парк!»

Десять минут ушло на согласование вопроса с начальником гарнизона, еще десять - на постановку задачи. И работа закипела. За что мы любим воздушно-десантные войска - за то, что для них нет задач невыполнимых. За то, что есть в них три знаменитых срока: к исходу, к утру, к понедельнику. Здесь был второй, щадящий вариант - к утру. К утру в чистом еще с вечера поле стройными, строгими шеренгами стояли боевые машины и бронетранспортеры. На протянутой по столбам проволоке над каждой машиной висела аккуратная бирка с указанием номера машины, звания и фамилии механика-водителя. Вся эта композиция была обнесена двойным рядом колючей проволоки. На выездных воротах аккуратная будка КТП. Рядом аккуратно оборудованная палатка караула. В одну линию с палаткой - прицеп с аккуратно вычищенными и смазанными пулеметами. В штабе дивизии - фантастическая схема построения парадного расчета с вклю-

чением в нее двух невиданных доселе колонн. «Уралы» с боеприпасами малыми колоннами 3-4 машины (на тентах надпись «Люди»), впереди машина ВАИ с мигалкой благополучно убрались в бригаду связи, за пределы Москвы. Оружие, бронежилеты, каски, сложенные в комнатах для хранения оружия. Навкалывавшиеся до икоты солдаты заснули.

Если просчитать машины в парках и машины на схеме построения парадного расчета - все сходится. А если у командования позже изменились планы и оно решило убрать две лишние колонны, так на то они и планы, чтобы их корректировать в соответствии с решениями. На то и есть командиры и штабы, чтоб могли чутко отреагировать на новые мысли в начальственных головах.

Братья-операторы тоже не ударили лицом в грязь. Промучавшись бесплодно несколько часов, они нашли простое и гениальное решение: они подняли на карте штабы дивизий, аэродромы, маршруты выдвижения. Они соединили пункты дивизий и полков между собой красивыми остро отточенными стрелами. Они нанесли на карту порядки построения воздушных эшелонов, колонн, нанесли на карту еще десятки всевозможных обозначений и символов. Слева вверху: утверждаю - министр. Внизу посредине - командующий ВДВ. Все это сверкало, переливалось, издалека вызывало уважение. Близко слабонервным в погонах (особенно с высшим военным образованием) смотреть не рекомендовалось - был шок, обморок и даже летальный исход. Короче, когда министр обороны зашел на трибуну Верховного Совета СССР, дабы отчитаться: «Чо это такое натворили?» - все было хорошо! Он коротко, спокойно и основательно доложил, что в ВДВ идут маневры (при этом хлопок ладонью по аккуратно сложенной карте).

Разработку плана маневров осуществил штаб воздушно-десантных войск. Карту подписал командующий ВДВ, утвердил он, министр.

Два полка Тульской дивизии переколотили сразу всех зайцев: и в маневрах поучаствовали, совершив марш, и на парадную площадку одновременно вышли, организованно так вышли, без эксцессов и потерь. И планируется теперь их участие в уборке урожая на подмосковных полях. Так что, уважаемые товарищи депутаты, оснований для беспокойства - никаких!

Зловредные, злонамеренные люди есть везде. Концентра-

ция таких индивидуумов в органах законодательной власти - повышенная. Дальнейший ход заслушивания чем-то напоминал фехтование. Выпад - отбил; укол - отбил.

- А каски?

- Ведер не хватает под картошку, - парировал Язов.

- А бронежилеты?

- Холодно людям.

- А бронетехника?

- Из состава парадного расчета.

- А, - самый зловредный затаил дыхание, - а... боеприпасы?

Министр сокрушенно развел руками:

- Боеприпасы... десантники у нас так воспитаны... Говори, не говори, боеприпасы везде с собой таскают.

В зале одни рычали, другие смеялись, но министр был непробиваем. Маневры, картошка, парад. Картошка, парад, маневры.

Досужие журналисты чуть позже изгалялись и хихикали, всячески, во всех вариациях обыгрывая «картошку в мундирах», но это уже ничего не могло дать. Дисциплинированные воины-десантники проводили маневры. Кому-то не понравилось, кто-то испугался - отставить! Есть отставить!

- Готовиться к параду!

- Есть готовиться к параду!

- На картошку шагом - марш!

И ведра, чтоб народ не смущать касками, нашлись. В общем все хорошо, граждане. И мы занялись картошкой вперемежку с подготовкой к параду.

ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

Итак, это был пятый по счету парад в моей жизни. Началась подготовка к нему с «картофельной» нервотрепки. Так все и продолжалось. Как запели, так и подхватили. Люди были вроде на парадной площадке те же самые, и опыт у всех за плечами был большой, но все как-то не клеилось. Какая-то «нервная микроба» висела в атмосфере. Нервничали начальники - нервничали и подчиненные. Парад - дело кропотливое, и нервничать тут никак нельзя. Но теория - теорией, а практика - практикой. Замученные солдаты нарушали установленные скорости движения, дистанции между парадными колоннами и внутри колонн. Руки, ноги, головы - все было не так, как хотелось командующему округом, как хотелось первому заместителю министра обороны генералу армии К.А.Кочетову, курировавшему парад. Разборы носили характер разносов. В результате разносов получалось еще хуже. Невольную лепту в нервотрепку внес и я. Как выяснилось позже, генералу армии К.А.Кочетову пришла мысль в голову камуфлировать парадную технику. Об этом стало известно командующему Московским округом генерал-полковнику Н.В.Калинину. Прикинув, во что это удовольствие обойдется округу, Николай Васильевич собрал командиров соединений и частей, участвующих в параде, и, образно говоря, поднес к носу кулак, категорически запретив где-либо упоминать в присутствии Кочетова о камуфляже, потребовал, если вопрос станет прямо, твердо и четко докладывать, что парадная раскраска - это устоявшаяся десятилетиями традиция, эта раскраска привычна механикам-водителям, это демонстрация мирной мощи и вообще... парадная раскраска - это очень красиво. Командующий округом как в воду глядел. Дальше события развивались следующим образом. На

инструктаже я, как командир дивизии центрального подчинения, не присутствовал, мудрых наставлений, диктуемых жизненным опытом и соображениями экономического характера, не слышал. На очередной тренировке, после последнего тренировочного заезда генерал Кочетов поставил вопрос о камуфляже.

- Ваше мнение, товарищи генералы и офицеры? - спросил он.

Проинструктированные отцы-командиры вразнобой загалдели. Смысл галдежа был - не-а!..

- Товарищи офицеры!

Строй застыл.

- Что за базар! Хором отвечать не будем. Каждый выскажет свое индивидуальное мнение.

И пошел вдоль строя. Командир мотострелковой бригады из Теплого Стана доложил, что парадная раскраска - это красиво, и он - за! Командир Таманской дивизии - что это привычно, и он - за! Командир Кантемировской дивизии - что это традиция, и он - за!

Дошло дело до меня.

- Что скажет десантник?

- Товарищ генерал армии, считаю необходимым камуфлировать технику. Боевая техника должна быть хищной.

Хитрый Кочетов дальше не пошел.

- Десантник правильно говорит, а вы консерваторы! Парадная раскраска... Привычно!.. Николай Васильевич, технику к следующей тренировке перекрасить.

Строй дружно и глубоко вздохнул вздохом, похожим на стон.

Что мне сказали командующий, заместитель командующего по вооружению, начальники автомобильной и бронетанковых служб округа, я воспроизводить не стану. Общий смысл их страстных речей сводился к тому, что отныне и до веку я - враг N1, что болта ржавого я на окружных складах больше не получу, а о краске с тех же складов я должен вообще забыть. Как в известном мультфильме: «Ну, десантник, погоди!»

Кряхтя и чертыхаясь, армейская машина провернулась, в три дня образцово перекрасила технику, и то, что получилось, всем неожиданно, против собственной воли, понравилось.

Парадная раскраска - это когда по зеленому фону, в зави-

симости от конфигурации техники, белой краской сделаны разнообразные обводки. Вертикальными, горизонтальными черточками разной ширины оттенены те или иные детали боевых машин. В сочетании с гвардейскими знаками, нанесенными на башни машин, белая краска придавала колоннам какой-то мирно-декоративно-театрализованный вид. Перекрашенные же однообразно и научно камуфлированные машины производили совершенно иное впечатление. От театрализованности не осталось и следа. Мимо прокатывалась лавина хищной брони, вызывая даже у привычных людей какую-то внутреннюю дрожь. Каждый механик-водитель почувствовал себя соучастником этого мощного броневого потока, стал его неотъемлемой, выверенной частью. Куда-то сразу пропали и нарушения дистанций, и скорости пошли как по маслу, стали на место руки и головы, и соответственно, прекратилась нервотрепка. Те же самые начальники, которые еще несколько дней назад клялись «на коране» черным мором морить Тульскую воздушно-десантную дивизию до тех пор, пока я ею буду командовать, примирительно говорили, что я, конечно, крупный гад, заставил всех нешуточно попотеть, но вообще-то получилось здорово!

Едва я выбрался из-под обломков камуфляжного скандала, как на дивизию свалилась новая напасть. Меня вызвал командующий ВДВ, довел до моего сведения, что в период с 10 по 15 октября Советский Союз посетит министр обороны США Ричард Чейни. В числе прочих объектов ему будет представлена вверенная мне дивизия. А посему мне надлежит думать над тем, как продемонстрировать их главному военному буржуину силу, мощь, доблесть советских воздушно-десантных войск. Решение доложить через три дня.

Спасибо опыту, полученному в день празднования 60-летия ВДВ, но там мне помогало Рязанское воздушно-десантное училище. Здесь я был предоставлен самому себе. Причем вопрос был поставлен круто: положительный или отрицательный результат показа есть лицо дивизии, а, соответственно, воздушно-десантных войск и всех Вооруженных Сил Союза Советских Социалистических Республик.

Два дня с заместителями командира дивизии, начальниками родов войск и служб я мерил ногами полигон и площадку приземления Тесницкого учебного центра.

Рождались и умирали отдельные фрагменты. Общий замысел проступал все более явственно и наконец вылился в

четкий план, где был полный «джентльменский» набор: показ техники, вооружения и средств десантирования, десантирование людей внутри боевой машины с использованием системы «Кентавр», массовое десантирование батальона с последующим розыгрышем боевых действий в сопровождении нешуточной имитации авиационной и артиллерийской поддержки, преодоление штурмовой полосы с выполнением головокружительных элементов, стрельба из всех видов оружия, включая вертолеты.

Есть такое слово - показуха! И само слово, и вкладываемый в него смысл носят снисходительно-пренебрежительный характер. У многих ассоциируется с очковтирательством. Да, армия страдала этой болезнью раньше, не избавилась от нее и сейчас. Показуха - это когда тебя везут на сборы куда-нибудь в Кантемировскую, Таманскую дивизии, Теплостановскую бригаду, показывают тебе удивительно уютные казармы, где все кругом - зеркала, полировка, пластик. Превосходная «made in не наше» керамика.Теннисные корты, на которых никогда не играл ни один солдат; клуб, где одежда сцены и музыкальная аппаратура стоят раз в десять больше, чем все твои дивизионные и полковые оркестры, вместе взятые. Когда ты ходишь среди этого великолепия и с тоской думаешь, что в месяц командир этого войска получает раза в три больше, чем ты в год. Когда тебя поучают, наставляют, занудно рассказывают, какие должны быть сушилки, курилки, ленинские комнаты. Ты знаешь, что у тебя никогда этого не будет. И начальник, который тебе это внушает, об этом знает. Но один говорит, другие кивают, соглашаются, некоторые, особо старательные, даже что-то записывают. Устанавливаются заведомо невыполнимые сроки, по которым должны быть перекрашены казармы в определенный колер, облицованы плиткой по единому образцу входы, стандартно оборудованы эти самые курилки и сушилки. Какой-нибудь молодой командир полка, недавно попавший на должность, угнетенный окружающим его великолепием, неосторожно брякает: «А деньги?»

Под довольный гогот аудитории следует наставительный ответ: «С деньгами и дурак сделает, а ты вот без денег покажи, на что способен...». И показывает. В стремлении объять необъятное отодвигается в сторону боевая подготовка, отодвигается служба вообще, все рыщут, воруют, меняют, зарабатывают. Показанное великолепие, в конечном итоге, все

равно не достигается, но уже занятия проводятся с пятого на десятое и даже вызывают раздражение, уже появились разложенные в той или иной степени солдаты, для которых нет ничего святого. Уже и некоторые офицеры начинают забывать о том, что они офицеры. Уже иному командиру роты несравнимо проще, приятнее и привычнее организовать рытье канав, строительство и покраску заборов, чем провести элементарное занятие по строевой подготовке. А машина крутится, крутится... Про кого-то говорят: «Молодец! На сборах побывал, посмотрел, все казармы покрасил. Старательный, любознательный, исполнительный, хваткий молодец!» Какой ценой этот «молодец» достиг этого радующего глаз однообразия, в какое количество юных душ влил яд вседозволенности, непорядочности, скольким солдатам пришлось против собственной воли нарушить заповедь - не укради! Воровать, красть, лепить что-то в ущерб боевой готовности и боевой подготовке, разлагая при этом людей до молекул, чтобы где-то, кто-то, когда-то при случае мимоходом погладил тебя по головке - вот это и есть показуха в самом худшем смысле этого слова.

Когда это же слово применяют к обозначению боевого показа - я категорически против. Прыгните хоть раз внутри боевой машины, испытайте это непередаваемое чувство, когда ты находишься внутри замкнутого объема, когда твоя сила, воля, сноровка ровным счетом ничего не стоят. Все зависит только от техники. И если она по каким-то причинам не сработает, замкнутый объем станет твоим гробом. Прыгните вообще с парашютом из транспортника на скорости 330 километров в час! Когда парни уходят в бездну буквально верхом друг на друге с интервалом отделения 0,3-0,5 секунды! Ощутите на своей физиономии ласковое и нежное прикосновение каблука прыгнувшего впереди тебя товарища. Добейтесь, чтобы десятки летящих с неба боевых машин, сотни людей благополучно приземлились, в считанные минуты образовали боевые порядки и грозно и стремительно атаковали. Прыгните в пылающий бассейн с высоты семь метров и умудритесь из него выбраться, не получив ни малейшего ожога. Двенадцатью пусками ПТУР превратите в щепки 12 мишеней танков. И не потеряйте при всем этом ни одного человека. Тот, кто все это и многое другое проделает и у кого после этого повернется язык назвать это боевое действо показухой, - пусть первый бросит в меня камень.

У меня начались горячие денечки. Командующий округом, который отвечал за подготовку к параду, требовал моего постоянного присутствия на парадной площадке. Командующий ВДВ не менее настоятельно требовал моего присутствия в дивизии. Шишки сыпались с обеих сторон. Мне это быстро надоело, в присутствии обоих командующих я поставил вопрос ребром о создании какого-то, если не щадящего, то, по крайней мере, физически выполнимого режима. Командующие вдумались и достигли компромиссного соглашения. Я должен был присутствовать лично и в части, касающейся проводить занятия с парадным расчетом на плановых тренировках. Остальное время заниматься подготовкой показа.

От Москвы до Тулы 159 километров, от парадной площадки до штаба дивизии 220. Режим получился практически щадящий. Представленная командующему ВДВ генеральная репетиция его удовлетворила. В конце возникла заминка:

- К тебе в дивизию впервые в жизни прибывает американский министр обороны. Что ты ему намерен подарить на память? - спросил командующий ВДВ.

- Авторучку и вымпел, - бросил я со зла.

- Авторучку? Ты это брось! У него своих хватает. Вымпел можно к чему-нибудь приложить, но сам по себе это тоже не подарок. Тула - это же город мастеров! Надо что-нибудь оригинальное. Тебе не кажется странным, что мне приходится тебя учить. Ты же дивизией третий год командуешь.

Да, Тула - это город Мастеров. Мастеров потомственных, род которых уходит корнями во времена Петра Первого. Я знал многих из них и всегда поражался, какой удивительной красоты и совершенства вещи они изготовляли, вещи штучные, уникальные. И в какой нищете, как правило, при этом прозябали. Это был период, когда начинало приходить понимание того, что уникальный труд продается за тысячную, а может быть, и десятитысячную часть своей истинной стоимости. Я поехал к таким мастерам и объяснил им ситуацию. Они раскрыли закрома. Дивной работы приклады, ложа, замечательной красоты ореховые футляры для охотничьих ружей. Тонкой работы ножи всех видов и размеров. Ножны к ним. Шкатулки, футляры, футлярчики. К тому времени они, тульские самородки, расстарались и восстановили секрет дамасской стали. Изготовленными ими ножами можно было побрить-

ся, ободрать лося и снова побриться. Сталь была самозатачивающаяся - чем больше режешь, тем острее становится нож. Я остановился на двух ножах дамасской стали в ореховом футляре для американца и на тонкой работы кинжале для родного министра.

Мужики, посовещавшись, объявили цену: 3500 рублей за все. Я им объяснил, что хотя я командир дивизии и генерал, но получаю 612 рублей в месяц. Это практически шесть моих получек за вычетом партвзносов. И вообще порекомендовал побаиваться Бога.

Мы все дружно и смущенно замолчали. С одной стороны, забрать этот классный труд даром мне не позволяла совесть, а им, в свою очередь, даром не позволяли отдать затраченная работа и проявленное при этом вдохновение.

С другой стороны, они относились ко мне с уважением и искренне хотели помочь. С третьей стороны, ими двигало здоровое самолюбие русского мастера, чей труд, с нанесенной на него фамилией, мог потенциально угодить за океан и продемонстрировать американцам, что умельцы на Руси не перевелись. Ситуация, в которой без пол-литры не разберешься. Мужики так и сделали. Самый молодой сгонял за бутылкой, все дружно сошлись во мнении, что думать надо, и... чокнулись. Решение оказалось верным. На краю стола лежала стопа красочно оформленных буклетов. В искусно оформленных и прекрасно изданных буклетах были изображены образцы выпускаемого Тулой охотничьего и спортивного оружия, украшенного замечательно тонкой резьбой и восхитительной инкрустацией.

- Ваша работа? - спросил я.

- Наша.

- А что самое дорогое на свете?

- А хрен его знает.

- Я думаю, что реклама. Так вот, давайте я вам рекламу и сделаю. Вы мне вручаете ножи и наборы буклетов по количеству гостей. Я обязуюсь добросовестно каждому американцу вручить такой набор и настоятельно рекомендовать, не теряя времени даром, приобрести ружье вашей замечательной работы.

- А дело генерал говорит, пусть знают.

Мы ударили по рукам.

И вот наступил день, когда вертолеты с американцами должны были приземлиться в Тесницком. Все было готово,

боевой дух был необычайно высок, беспокоило одно: погода, октябрь. Но и погода не подвела. День стоял сухой, прохладный, небо высокое, практически без облаков.

Приземлились. Представились, познакомились. Начали.

В этот день получалось все. Опытнейший специалист, мастер своего дела, заместитель командира дивизии по ВДС полковник Петр Семенович Неживой настолько точно произвел расчет, что машина с находящимися в ней старшим лейтенантом и рядовым приземлилась в 200 метрах точно против смотровой трибуны. Над площадкой приземления прошла армада самолетов, оставив за собой в воздухе четкие цепочки парашютистов. Разлетелись в щепы все мишени, чудеса творили на полосе разведчики. Командующий был на высоте. Я тоже. По всему было видно, что американца мы достали. Закончился показ, как водится, банкетом. Перед банкетом я «по-тихому» принял доклад, что все живы, есть две небольшие травмы - при десантировании один «словил каблучок», второй растянул ногу. Оружие было разряжено, боеприпасы изъяты, имитация сработала на 100 процентов. Смею настаивать, что во всяких учениях и показах вот этот доклад является главным.

На банкете я нахально вручил каждому представителю американской делегации набор буклетов. Заинтересовались буквально все, включая маршала Язова. Тут выяснилось, что я дал маху, не поинтересовавшись: сколько же стоят такие ружья? А этот вопрос сыпался со всех сторон. Больше того, я не охотник, никогда в жизни не брал в руки охотничьего ружья и, соответственно, никогда не интересовался, сколько же оно, это ружье, стоит. Бухнул наудачу, взяв, на всякий случай, вилку пошире: от 15 до 100 тысяч долларов в зависимости от... От чего в зависимости, я, честно говоря, не знал. Что-нибудь, конечно, придумал бы, но договорить мне, к счастью, не дали. Американцы зачмокали, любуясь буклетами: «Да, да!»

Выпили за советские воздушно-десантные войска, выпили за тульских умельцев, выпили за дружбу советского и американского народов.

Пили часто, но очень помалу. Рюмочки на столе стояли микроскопические. Атмосфера в палатке царила дружественная, веселая, непринужденная. Чейни рассказывал разные смешные случаи, маршал Язов читал стихи: свои и чужие. Я первый раз столкнулся с министром в такой обстановке и,

честно говоря, был поражен литературной эрудицией маршала. Командующий выразительно посмотрел на меня. В глазах у него читалось: «Ты чего? Скоро и банкет кончится!»

Я достал футляр, который играл тонкой резьбой, как пасхальное яичко. Раскрыл его. Достал ножи, коротко рассказал историю воссоздания, технологию изготовления дамасской стали, назвал фамилии мастеров. В конце заявил, что, поскольку в ВДВ дарить ножи не принято, я могу только продать министру обороны США этот замечательный набор. Выдержал паузу, пока переводчик закончил переводить. Лица у американцев, а заодно и у маршала Язова, вытянулись. В глазах министра мелькнуло что-то похожее: «Ну, бизнесмен, погоди!» Возникла секундная заминка и неловкость. Я внес ясность: «Прошу пять центов! Дороговато, конечно, поэтому господин министр может и поторговаться!» Все захохотали. Но тут выяснилось, что я, сам того не желая, создал очередную неловкость. От купюр любого достоинства я решительно отказался, а мелочи у министра и его окружения не было. Один из помощников министра быстро сбегал на улицу и где-то там разыскал десятицентовую монету. Акт купли-продажи состоялся. Мы с Чейни пожали друг другу руки. Маршал Язов благоразумно запасся пятаком, и тут уже трудностей не было. Две монеты хранятся у меня дома. Это память. Память не столько об уже оставивших свои посты министрах, сколько о том, какие же были Воздушно-десантные войска. Что мы могли и умели. Не берусь судить, боялись ли нас, но уважать - уважали!

Расстались весьма тепло. Один камень с души свалился. Теперь можно было полностью сосредоточиться на подготовке к параду. Если на самой парадной площадке к тому времени ситуация стабилизировалась, тренировки пошли ритмично, с мелкими рабочими замечаниями, то обстановка вокруг нее медленно и уверенно накалялась. Нередки были оскорбления в адрес солдат и офицеров. Издевательские глумливые выкрики. Могли запустить какой-нибудь дрянью. Подло это, мелко и мерзко беспредельно. Солдат - человек казенный. Сегодня парень учится, работает, в скверике с гитарой стоит, завтра его призвали, в строй поставили. Придет время - демобилизуется, опять будет учиться или работать. Ну чего с ним, солдатом, который есть неотъемлемая частица того, что называется народ, какие-то счеты сво-

дить? Зачем его провоцировать? Ведь оскорбляется не только воинская честь, мужское достоинство! Главная мерзость состоит в том, что взрослые дяди и тети незаслуженно оскорбляют собственных детей. В связи с этими мелкими эксцессами резко сократилась возможность по стимулированию солдат походами в театры и на концерты. Продолжала глумиться блудливая пресса, настроение у всех было скверное, все чувствовали себя без вины виноватыми. Отдельные солдаты начинали коситься на офицеров: «Вы тут, мол, на добровольной основе создали что-то такое, чего общество не воспринимает, а нас ни за что, ни про что вместе с вами топчут».

На ночные тренировки колонны выходили по живому коридору оцепления. Для оцепления привлекалась дивизия имени Дзержинского, Таманская и Кантемировская дивизии. Оцепление сдерживало страсти, но все равно отдельные оскорбительные выкрики, вопли и визги раздавались.

После первой ночной тренировки я серьезно задумался. Дело в том, что маршрут движения к Красной площади моих бронеколонн проходил по улице Петровка... Это старинная, длинная, узкая улица, к тому же находящиеся на ней старые особняки к тому времени активнейшим образом реставрировались, восстанавливались и ремонтировались. Ремонтировались, как у нас водится: если идет ремонт, то вокруг дома, естественно, стоит забор, сужая и без того узкую проезжую часть, а вокруг забора - стихийно возникшая свалка. Если какие-нибудь «ура-демократы» из числа «новых русских» возьмут на себя труд с помощью имеющихся на стройках подъемных механизмов сбросить на проезжую часть десяток-полтора блоков, я окажусь в мешке. Справа и слева - узкие, мало пригодные для маневрирования больших масс бронированной техники переулки.

Я доложил свои сомнения командующему ВДВ.

- Ты брось! Десятилетиями по тому маршруту дивизия ходила. Оцепление выставим, ничего не будет.

Но сомнения меня не оставляли. Я решил организовать превентивный маленький скандал, во избежание скандала большого, парадного. Береженого Бог бережет! Поэтому на очередном совещании командного состава, когда командующий Московским округом генерал-полковник Н.В.Калинин довел все указания и вознамерился узнать, кому что неясно, я задал невинный вопрос: «Товарищ командующий, на ка-

кой передаче следует преодолевать граждан города-героя Москвы, если им вздумается лечь под гусеницы?»

Командующий взбеленился:

- Вы - генерал! Александр Иванович, я давно вас знаю и был о вас лучшего мнения. Что за чушь? Что за некорректность? Задавать такие идиотские вопросы на служебном совещании!.. Садитесь!..

Я сел. В глазах находящихся на совещании генералов и офицеров бегали чертики, но в зале стояла гробовая тишина. Дурацкий вопрос вроде как повис в воздухе, получил достойный отпор. Воля, решительность и отсутствие сомнений были продемонстрированы, но... хе-хе. Через час после завершения совещания ко мне примчались офицеры комендатуры и довели до меня изменения маршрута. Что и требовалось доказать. Теперь я шел в общем потоке по Тверской-Ямской с колокольчиком и никакие «каменные мешки» мне не угрожали. Совместными усилиями всех силовых структур порядок в дальнейшем был наведен и поддерживался до завершения парада. На последней ночной тренировке, правда, имел место один эксцесс, когда какой-то пьяный шизофреник, размахивая удостоверением депутата Верховного Совета РСФСР, пытался остановить колонну и прочитать проповедь. Милиционеры поступили гуманно. Заставили шизофреника обнять столб, прихватили кисти наручниками. Когда колонна прошла - отпустили.

Парад прошел ровно и оставил на душе тяжелый осадок. Обычной, привычной приподнятости не было. Несмотря на все принимаемые меры, улыбку можно было увидеть редко. Все мы - без малого десять тысяч человек и несколько сот единиц техники - явили собой нечто вроде заводной игрушки: завели, пустили, хочешь - не хочешь катись. Когда парад кончился, было одно ощущение - тяжелой усталости, как будто закончил не парад, а большую, грязную, неблагодарную, унизительную, непрестижную работу.

Я организовал погрузку в эшелоны рязанской брони, которая мирно проржавела под брезентами два месяца. Заниматься ею было некому, некогда, да и в тех условиях во избежание лишних разговоров - незачем, и отправился в родную Тулу.

Было ли ощущение, что парад последний? Нет, пожалуй! Было другое - не до конца осознанное понимание, что в государстве сломался какой-то главный опорный державный

стержень, и она, держава, пошла вразнос. Именно вразнос - стихийно, дико, непредсказуемо. Последствия грозились быть грандиозно-катастрофическими, далеко идущими. Государственный корабль несся без руля и ветрил в какую-то гигантскую черную дыру, и неопределенность предстоящих изменений, непонятно с каким знаком, вызывала безотчетную тоску. Держава уплывала из-под ног, переставала ощущаться за спиной, на глазах пропадало что-то такое: большое, надежное, основательное, на чем, собственно, зиждется и смысл жизни, и смысл службы.

ПРЕДБУРЬЕ

Тягостное ощущение какого-то надлома, возникшее на параде, не оставляло и при возвращении в родные пенаты. Более того, оно все время усиливалось. С воодушевлением воспринявшие перестройку люди за пять лет бесплодных попыток что-то перестроить морально устали, глубоко разочаровались как в самой идее, так и в ее прорабах. Номенклатурная тупорылость, партийная спесивость вперемешку с бледной немочью и организационным бессилием надоели всем. Всем уже было ясно, что из этого восьмиухого семиглаза (перестройки) ничего не получится, но неясно было, что же делать дальше. Эта неясность, неопределенность, безнадежность, тоска зеленая привели к всеобщему озлоблению, как следствие, росту преступлений на бытовой почве, росту самоубийств. Накоплению потенциала зла в обществе всемерно способствовали и межнациональные конфликты. Цена человеческой жизни стремительно падала, пока наконец не остановилась на уровне цены жизни обыкновенной дворняги. Убили, ну что ж делать, - погрустим пару минут и дальше. Жизнь (если это жизнь) продолжается во всем своем «великолепии». Дети начали привыкать к тому, что можно ходить в школу, переступая через труп. А это как раз то, что нам будет икаться на десятилетия вперед. И мины замедленного действия в детские души заложили мы. Им еще рваться и рваться.

Уровень жизни начал падать вниз. Общество вдруг стремительно начало раскалываться на три основные группы. Умные, хитрые, предприимчивые подались в кооперацию. Туповатые, но большие и сильные пошли их охранять или рэкетировать. А посредине осталась самая большая группа - умевших просто работать и не способных ни на первое, и ни на второе.

Как всегда в смутные времена (откуда-то, как тараканы из щелей), вылезла масса всевозможных экстрасенсов, гипнотизеров, магов, чародеев, целителей и астрологов. Лечили словом, прикосновением, заговоренною водою. Вселяли бодрость духа очно и с экранов телевизоров. Составлялись астрологические прогнозы на будущее ближайшее и отдаленное. Сулились наводнения и землетрясения, оползни, пожары и другие кары небесные. Все это еще больше способствовало нарастанию в обществе неуверенности, тоски, озлобления. Чем-то надо было лечиться. Находить отдохновение хоть в чем-то. И вдруг выяснилось, что почти все стали верующими, полуверующими, четвертьверующими. Верить начали даже те, кому по штату верить не полагалось, - партийные работники всех рангов. Наряду с традиционными в Христа, Магомета, Будду, Иегову, наплодилась вдруг куча разных других мелких сектантских верований. По улицам заходили придурковатые на вид кришнаиты, начали стремительно плодиться и размножаться белые и прочие братства. Естественно, как всегда в таких случаях, каждый в своих верованиях был большим католиком, чем сам Папа Римский.

Другая, наиболее просвещенная часть публики наряду с верованиями начала плодить партии, фонды и общественные объединения.

Сплошь и рядом в этих партиях, фигурально выражаясь, было от 10 до 100 человек, а фонды составлялись одним своим основателем и почетным председателем, но названия все сплошь имели громкие с обязательным упоминанием слова «демократия». Коммунисты - за демократию; демократы за демократию, охлократы - за демократию. Демократическая демократия, демос, демо... Партии, верования, астрологические выкладки и расчеты росли и множились, но к лучшему ничего не менялось, а это вело к новому и новому разочарованию, поголовному падению авторитетов, к вере в чудо, в «героя», в царя. И опять подспудно, конечно же, на другом уровне зашевелилась старая мысль: Царь - божество, предмет восхищения. От него - все хорошее на этой земле. Нам бы царя хорошего избрать или назначить - один черт, и сразу будет легче. Не совсем полегче, потому как при царе всегда есть бояре - сила темная, гнусная, стремящаяся божество от народа удалить. Но так было всегда - с этим ничего не поделаешь.

На таком моральном фоне шли бесконечные мучительные и бесплодные поиски выхода из тупика. И шло интенсивное, наглое расшатывание устоев общества. Экраны кинотеатров и телевизоров наполнились ширпотребовской продукцией трех сортов: секс, насилие, мыльные оперы на сто серий и более. Такого же рода ядовитым варевом были наполнены многочисленные «чипки» и ларьки. На стихийно возникающих толкучих рынках стремительно росло количество предназначенных на продажу орденов и медалей, кителей и мундиров с орденскими планками, перед которыми по-хорошему должно шапку снимать. Матрешка-Горбачев, матрешка-Ельцин. Пока рубль чего-то стоил - торговали за рубли, потом вся эта торговля стремительно ушла в долларовую плоскость.

Наряду с нарастанием вала низкопробной литературы с прилавков стала исчезать классика, в немилость попали не только идеологизированные советские, но и совершенно безвинные в этом плане русские писатели и поэты.

Куда-то сгинула и пропала не только классическая, но и хорошая, я бы сказал, светская музыка. Низкопробные ритмы псевдо-рок-музыкантов с бездумными, зачастую матерными текстами заполонили эстраду. Те, кто пытался противостоять этому, в ком была искра божия и духовность, к кому не приставала эта липкая грязь, те просто и незамысловато уничтожались, как русский, русский до мозга костей поэт, композитор, певец Игорь Тальков.

На страну со скоростью цунами накатывал вал дерьма. А в это время ослепленные, отупевшие, ничего не забывшие, ничего не понявшие партийные божки сладострастно делили власть. Кормчий наш и архитектор Горбачев последовательно становился: лучшим немцем, лучшим евреем, лучшим американцем. Был лучшим везде, кроме собственной страны. В собственной стране он к тому времени стал просто Мишкой-меченым. Ничто не ново под луной. 2400 лет назад древнегреческий ученый Платон написал трактат о государстве. Прозорлив был Платон: «Ну, так давай рассмотрим, милый друг, каким образом возникает тирания... Когда во главе государства, где демократический строй и жажда свободы, доведется встать дурным виночерпиям, государство это сверх должного опьяняется свободой в неразбавленном виде, а своих должностных лиц карает, если те недостаточно снисходительны и не предоставляют всем полной свобо-

ды... при таком порядке вещей учитель боится школьников, заискивает перед ними... Лошади и ослы привыкли здесь выступать важно и с полной свободой, напирая на встречных, если те не уступают дороги... душа граждан делается крайне чувствительной... все принудительное вызывает у них возмущение». А кончат они тем, что перестанут считаться даже с законами, «чтобы уже вообще ни у кого и ни в чем не было над ними власти...»

А армия? Этот институт государства, этот инструмент продолжения политики другими, насильственными средствами? Армию в этой обстановке не пинал только ленивый. На какое-то время слова «армия» и «тюрьма» стали синонимами. В рекордно короткие сроки усилиями средств массовой информации (особенно буйствовал в этом отношении «Огонек» Коротича) армия превратилась в средоточие всех мыслимых и немыслимых зол.

Отправной точкой послужило понуждение армии к выполнению не свойственных ей функций в Закавказье, Средней Азии. Ново ли само по себе это явление? Оказывается, нет. Откроем книгу А.И. Деникина «Путь русского офицера», записки, относящиеся к началу нашего века: «Задействование армии при подавлении беспорядков - преступление, ибо у армии специфическое предназначение - борьба с внешними врагами и соответствующее предназначению оружие и техника, да и психология, специфический менталитет - это часть народа, и возложение на армию жандармских функций, на армию, связанную строгими правилами применения оружия, психологической неготовностью офицеров и солдат к такого рода деятельности, приводит только к одному - к озлобленности и тяжким и незаслуженным оскорблениям армии толпой». Армия растаскивала жаждущих вцепиться друг другу в глотку и визжащих при этом от сладострастия дураков. Дураки в свою очередь растаскивали имущество, оружие и технику армии, чтобы уж если убивать, то прямо сотнями. Армия сопротивлялась, противилась, а хор «демократически» настроенных журналистов лил ей за это на голову грязь ведрами: убийцы, жандармы, ублюдки, сволочи и еще круче. Буйствовало начетничество. Лозунги одного порядка: разрушить, добить, уничтожить, размазать, растереть. Атмосфера была проникнута злобой и ненавистью. Ни намека на созидание. Злоба и ненависть рождали в свою очередь самое бессовестное вранье, демагогию, популизм,

игру на самых низменных страстях. Исчез всякий намек на учет государственных интересов. Государственные интересы сделались немодными. Начисто утратилось понимание сущности армии как государственно-охранительного начала. Может быть, поэтому она и развалилась, страна?

Совершенно неслыханное, удивительное, полное незнание обществом взаимоотношений в армии, ее быта, нужд, чаяний, тревог стал благодатной почвой для рождения самых чудовищных мифов. Все то негативное, преступное, извращенное, что действительно имело место в армии, в общественном сознании возрастало во сто крат, обрастало душещипательными, душераздирающими подробностями, все больше и чаще заставляло содрогаться материнские сердца. Это был период расцвета экстремизма. Общество куда-то бежало, все более и более ускоряясь. Мчалось, не разбирая дороги, сломя голову: никто не желал и не хотел остановиться, отдышаться, задуматься: куда мы бежим, зачем мы бежим, и туда ли мы бежим? Бежим мы зимой или летом, днем или ночью, по асфальту или по луговине, на 3 километра или на тридцать три?.. А надо ли нам бежать? А может быть, идти, и не спеша?.. Может быть, вообще в другую страну?..

Отрицание мирного, естественного, эволюционного пути обновления страны, взаимная нетерпимость, озлобленность, тотально-фатальное нежелание думать и страстное, необоримое желание собирать сметану на политическом дерьме в самом начале создали тупик, который в конце неминуемо должен был привести к краху государственности.

Самые лучшие, самые лояльные советские люди относились к армии равнодушно. Основная же масса перепуганно-лукавых граждан начала относиться к армии с пренебрежительным презрением: солдафоны, военщина, маскируя за этим презрением боязнь физических, моральных нагрузок, экстремальных ситуаций. Общество прониклось идеями пацифизма и забыло известную истину, что кто не хочет кормить свою армию, будет кормить армию неприятеля.

Еще одна общеизвестная истина состоит в том, что в сельском хозяйстве, в футболе и в военном строительстве у нас понимают все. И что ни дальше человек стоит от сельского хозяйства или военного строительства, тем больше, тоньше и глубже «разбирается» в них. Прогресс, культура, гуманитарные науки якобы сделали войну невозможной, а коль ско-

ро это так, все хором заговорили о маленькой, экономичной, профессиональной армии. В такой стране, как Россия, армия просто не может быть маленькой. Профессиональная армия не может быть экономичной. Достаточно сказать, что чисто профессиональных армий в мире две - в США и Великобритании. Даже такие высокоразвитые страны, как Франция и Германия, осуществляют смешанное комплектование вооруженных сил. Но это все неважно, это мелкие частности - это трудности военных.

Народные депутаты, потворствуя популистским настроениям, победно объявляли о своих достижениях, выводя за скобки армейской службы все новые и новые категории граждан. В заклеванной, затюканной, обильно политой грязью армии катастрофически сокращалось количество солдат, а у оставшихся неудержимо на глазах падал интеллектуальный уровень.

По существовавшему законодательству, молодых людей с одной-двумя судимостями (за хулиганство, например) призывали в военно-строительные части, чем обеспечивали в них полный беспредел и прочно закрепили за ними название стройбанды. Нет предела совершенству - нардепы подсуетились, и юноши (с явно выраженными качествами урок) потекли и в Сухопутные войска, в ВВС и даже в ВДВ. Армия на глазах превращалась в рабоче-крестьянскую. А коль скоро это так, тем больше оснований было ее бить дальше.

Все попытки вступить в дискуссию, попробовать разобраться приводили к ситуации, изложенной в известной байке:

Крошка сын пришел к отцу, и спросила кроха: «Что такое критика сверху и что такое критика снизу?».

Папаня усмехнулся: «Бери кружку воды и ступай под балкон. Готов?» - «Готов».

Родитель окатил чадо с балкона ведром воды.

«Вот это, сынок, - сказал он, - критика сверху. А теперь лей на меня».

Подброшенная детской рукой жиденькая струя из кружки не долетела и обрушилась снова на мальчишку.

«А вот это - критика снизу», - констатировал мудрый папа.

Что есть критика и что есть критиканство?

Критика - это когда вам вразумительно и толково указывают на ваши ошибки и предлагают пути устранения. При этом допустима и даже необходима дискуссия, как средство

окончательного определения истины. А критиканство - это когда вам говорят: «Вы козлы!».

- Извините, почему?

- Козлы, козлы, козлы!

- Да почему же?

- Козлы, и все! У-у-у! Такие козлища!

Позвольте! Давайте разберемся. Армия не снимает с себя ответственности за воспитание своих солдат, но в ее ряды приходят дееспособные 18-летние парни, которые согласно законодательству могут жениться, при выборах в любой орган обладают правом голоса. Другими словами, по всем признакам - полноправные граждане. До 18 лет их воспитывают детский сад, школа, ПТУ, техникум, папа с мамой, дедушка с бабушкой, улица. Во всех звеньях этой цепи воспитание безупречное или хотя бы удовлетворительное?.. Нет. Значит, беды армии в известной степени - и беды общества. Значит, армия изначально получает порочный материал для воспитания. Значит, «малины» и подворотни перетягивают и формируют моральный облик молодого человека, весьма и весьма далекий от морального облика строителя коммунизма. Значит, надо объединять усилия общества и армии, чтобы в конечном счете получить не номинального, а истинного гражданина. - «Смотрите на него! Он оправдывается!»

- Бездельники, дармоеды, офицерье, - это реакция тех, кто поглупее. Те, кто поумнее, снисходительно-презрительно-высокомерно в дискуссию не вступают и зачастую пытаются смотреть сверху вниз:

- О чем это он там мн-э-э-э! Давайте поговорим, если угодно, о чем-нибудь более близком и приятном, о парадном шествии демократии по нашей земле, например.

На таком тягостном фоне не мог не падать престиж воинской службы. Упал конкурс в военное училище, шло повсеместное нарастание тоски, неуверенности в офицерской среде. Масса вопросов нарастала - ответов на них не было. Этот внутренний дискомфорт, эта душевная неуравновешенность одних понуждали оставлять армейские ряды, другие пытались скрыть эту тоску за грубостью, хамством. Общественное мнение и пресса формировали образ офицера в глазах солдата как злобного солдафона-садиста и понуждали солдата с первых часов и дней пребывания в армии оказывать офицеру (очень часто) неспровоцированное противо-

действие, часто коллективное. Офицер, получив в свое распоряжение подборку «диких мустангов», не всегда правильно оценивал ситуацию, у него складывалось неверное представление о моральных качествах своих подчиненных; флюиды зла поляризовались, обретали жесткие формы и, таким образом, на глазах, в рамках одной системы формировались два мира, живущих в силу сложившихся обстоятельств вместе, но недоступных друг другу.

В обществе все более и более нарастали тенденции горячего сочувствия к солдату и равнодушия, презрения, зачастую ненависти к офицеру. А основа всякой армии - офицер, офицерский корпус. Есть в армии державы офицеры, и она, армия, легко и быстро нарастит мышечную массу до любых необходимых размеров. Нет - и армии нет, а следовательно, и державы, ибо вооруженная толпа, не скрепленная волей офицера, не обученная и не пронизанная железной дисциплиной - всего-навсего сброд, который легко будет разогнан. Офицер оказался предоставлен сам себе во всех без исключения вопросах. В таких, например, на тот период очень актуальных: война, конфликт. Присяга и нелегкая несут тебя в какую-нибудь малоуютную южную республику. Что делать с семьей, куда девать детей, как жить на два дома, как переслать деньги? Что будет с твоей семьей, если тебе оторвет руку?.. А если голову?.. Отсутствие элементарной социальной защищенности всегда действовало угнетающе. Когда ты остаешься один на один со своими трудностями, сразу возникает вопрос: а где государство? Где она, та, воспетая в песнях: «Широка страна моя родная... где так вольно дышит человек»?.. И где ощущение хозяина в «необъятной родине своей»?.. Когда ты уносишься в неведомую даль, оставив жену и детей на какой-нибудь поднанятой квартирке с удобствами на улице, без дров, угля и с сотней рублей на семечки, храброму россу явно не до веселья, а следовательно, вероятность услышать гром победы ничтожно мала. Офицер должен чувствовать у себя за спиной державу и твердо знать: словишь пулю в лоб - держава о твоей семье позаботится, пропасть не даст, дети нищими и сопливыми ходить не будут. Ногу оторвет - держава тебе новую сделает, не лучше прежней, но жить будет можно. В плен попадешь - выкупит, выкрадет, обменяет, короче, во всех случаях жизни в беде не оставит. При таких взаимоотношениях офицерского корпуса с государством государство такое победить невозможно.

Но то все были цветочки, ягодки - они пойдут позже. А

пока я завершал третий год командования дивизией, написал рапорт о поступлении в Академию Генерального штаба. Препятствий, казалось, никаких. Офицеры в дивизии меня понимают, я - офицеров. Дивизия являет собой прекрасно отлаженный механизм. Командовать ею легко и приятно. Прямо отличник боевой и политической подготовки. Таким только в Академии ГШ и место. Но получилось иначе. В конце января 1991 года командующий ВДВ генерал-полковник В.А.Ачалов собрал на оперативный сбор командиров дивизий и бригад. Собрать-то собрал, но ему уже было не до сбора. Как выяснилось чуть позже, цель была одна: объявить о серьезнейших кадровых перестановках в Министерстве обороны и воздушно-десантных войсках. В.А.Ачалов довел, что он назначен заместителем министра обороны СССР, командующим ВДВ назначается генерал-майор П.С.Грачев. Но затем неожиданно поднял меня и хорошего моего старинного приятеля, командира 104-й воздушно-десантной дивизии генерал-майора В.А.Сорокина и объявил, что отныне я заместитель командующего ВДВ по боевой подготовке и вузам, а Сорокин - заместитель командующего по воздушно-десантной подготовке. Мы оба намеревались в этом году поступать в Академию Генерального штаба. С нами никто не беседовал, нас никто не информировал о готовящемся решении. Это было то, что называется снег на голову. Поэтому мы в один голос воскликнули: «А академия?!»

Ачалов деланно возмутился: «Вы только посмотрите на них! Заместитель министра обороны доводит о назначении двух генерал-майоров на генерал-лейтенантские должности, на должности заместителей командующего ВДВ, а они о какой-то академии лепечут! Чего вас учить - и так ученые! Разговоры прекратить - поезжайте и готовьтесь к сдаче дивизии. Приказ будет на днях. А уж кому очень хочется учиться - год-два послужите - потом поступите, возраст позволяет. Все! Решение обжалованию не подлежит».

Приказ действительно вскоре подоспел. Я сдал дивизию своему однокашнику по академии имени Фрунзе полковнику А.П.Колмакову, офицеру умному и тонкому, во многом схожему со мной и по характеру. Последнее обстоятельство очень важно. Меняя командиров полков, дивизий, надо всегда помнить, что за ними стоят коллективы, настроенные на определенный лад. Поэтому в оптимальном варианте желательно подбирать командиров либо вообще схожих по ха-

рактеру, либо имеющих непринципиальные различия. Худо, когда после холерика приходит флегматик, и еще хуже, когда наоборот. Тогда дивизии гарантирована многомесячная тряска, разлад всего и вся, перестройка, подстройка, надстройка. Я за дивизию был спокоен.

С первых дней в новой должности мне пришлось столкнуться с массой не предусмотренных никакими уставами и никакими наставлениями трудностей. Соединения и части воздушно-десантных войск дислоцировались на территории девяти союзных республик. А в них стремительно, на глазах нарастали центробежные сепаратистские настроения. А у меня на территории этих республик - полигоны, танкодромы, стрельбища. И все они на территориях под какой-нибудь местной властью, которая вдруг единодушно выкатила губешку и дружно начала рассматривать любые плановые мероприятия на полигонах как проявление имперских амбиций и демонстрацию силы. Достигнуть какой-либо договоренности стало практически невозможно. Достигать стало не с кем. Все местные «бугры» и «бугорки» от разговоров уходили, оставляя вместо себя третьих, пятых, восемнадцатых заместителей. Те в ответ на любой вопрос только разводили руками. Вдруг пробудилось несусветное количество экологов, которые довели свою кипучую деятельность до заоблачных высот, до высшей степени абсурда. Вдруг обнаружились всевозможные свалки и захоронения, от захоронения кольчуг времен Иоанна Грозного до списанной вчера ГАЗ-66. Посыпались требования все это ликвидировать и убрать в беспримерно короткие сроки, а потом и штрафные санкции: плати, плати, плати - вы Министерство обороны, вы, военные, богатые. То бобра обидели - плати, то Наш Заяц на вашем чертовом полигоне заблудился - плати. Образовалась масса решений о создании государственных заповедников, о выделении гражданам садово-огородных участков, о создании санитарных зон. Все эти разношерстные решения объединяло одно - в них так или иначе фигурировали полигоны.

В свете принятых Верховным Советом решений по армии и сформированного средствами массовой информации умонастроения в обществе резко снизилось количество призывников. Качество их тоже снизилось. Мало того, вяло-текущий процесс дезертирства представителей разных народов и народностей после вильнюсских собы-

тий января 1991 года превратился в обвал! Начался массовый исход из советских вооруженных сил сначала литовцев, латышей, армян, азербайджанцев, чеченцев, а несколько позже, глядя на них, раскачались и тронулись «до ридной хаты» и украинцы. Катастрофически упало финансирование вооруженных сил вообще и боевой подготовки в частности. На нее и так всегда копейки выделялись, а здесь и совсем худо стало. Создаваемая десятилетиями система сыпалась и рушилась на глазах. Все чувствовали себя неуверенно, скованно, из-под ног уходила привычная почва. Развернувшаяся в стране предвыборная президентская кампания тоже что-то оптимизма не внушала. Шайка соискателей лавров первого президента свободной России занималась с экранов телевизоров ритуальными заклинаниями, уверениями, обещаниями. Если их всех послушать, то каждый из них обещал России прямую дорогу в рай. Там было все - «на Россию свети солнце», и «с нами Бог», «вперед... к светлому прошлому», «верьте мне, люди». Корифеи экономической науки тягали друг друга за парики, организовав азартные теоретические гонки под девизом «Кто за меньшее количество дней сделает Россию Третьим Римом». Со страниц их программ проглядывал светлый лик революции. Они все вдруг дружно забыли, что, во-первых, революция это всегда нехорошо и всегда чревато негативными последствиями. И, во-вторых, свои мантии и парики академиков, профессоров и докторов они получили, загнав до смерти клячу политэкономии социализма. Три дня, пять дней, сто дней... Александр Исаевич Солженицын сказал в тот период, что даже за 500 дней Россию можно только довалить. Кстати, к его статье «Как нам обустроить Россию» все, включая претендентов на президентский пост, отнеслись снисходительно: «Блажит вермонтский отшельник! Прожектерствует! Что с него возьмешь - Нобелевский лауреат». Как говорят одесские евреи, желая кому-то зла: «Чтоб ты жил в интересное время!»

Из этого «интересного» периода врезались в память три события: визит французской военной делегации во главе с командиром 81-й воздушно-десантной дивизии дивизионным генералом де Курежем, посещение кандидатом в президенты государства Российского Б.Н.Ельциным полигона Тульской воздушно-десантной дивизии и визит в эту же диви-

зию председателя объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил США четырехзвездного генерала Колина Пауэлла.

Запомнились все эти три разноплановые встречи потому,что организовывать и проводить их было поручено мне.

Французы прилетели в конце апреля. Готовясь к этой встрече, я тщательно изучил справку по каждому из входящих в делегацию генералов и офицеров. Справка, кстати, не шпионская, а нормальная, армейская, и прислали ее сами французы. Из справки следовало, что командиру дивизии 58 лет, следующему с ним начальнику училища 54 года. Из чего у меня сложилось превратное впечатление о гостях с берегов Сены. Мне представлялись грузноватые, лысоватые, пожилые, подержанные генералы. При встрече на аэродроме в Домодедове я был приятно удивлен. По трапу легко и непринужденно сошли два генерала. Оба сухие, стройные, никаких признаков живота. По всему видно - оба в прекрасной форме. 54-летний начальник училища смотрится лет на 47-49, а 58-летний командир дивизии - еще моложе.

Программа посещения была рассчитана на пять дней. Запомнились простота, легкость, непосредственность, неприхотливость французов.

- Вместе прыгать будем?

- Никаких проблем!

- Предупреждаю: на площадке грязно!

- Ну о чем вы говорите, мы же солдаты.

На свет извлекается камуфлированная полевая форма, здесь же в приспособленном помещении все весело и в темпе переодеваются. Мы знакомим их с парашютами. Они удивляются: «Странные парашюты».

- Почему странные?

У них, оказывается, основной парашют крепится спереди, а запасной - сзади. У нас - наоборот. Потому для французов и странные...

- Ну ничего, - сказали они, - прыгнем на этих странных парашютах!

Прыгнули все до единого. Даже прибывший за полчаса до прыжков их военный атташе. Все, как поросята, вывалялись в грязи. И опять ничего. Что могли, очистили, остальное - высохнет, ототрем.

- Стрелять вместе будем?

- Никаких проблем.

Никогда не видели такого гранатомета, но - ничего, разберемся, мы же профессионалы.

Разобрались, отстреляли все до одного, отстреляли метко. И все это весело, и все это легко, непринужденно и с улыбкой. А еще они пели, где только можно. Запевал командир дивизии. Песни о героях-рыцарях средних веков; песни времен колониальных войн, восхваляющие доблесть и мужество французского солдата; песни времен французского Сопротивления. Особенно запомнилась песня о солдате, умирающем в алжирской пустыне за Францию. В предсмертном горячечном бреду к нему является благословляющая его мать. Основная тема песни: Франция и Мать, Мать и Франция, Франция-Мать.

Они знали совершенно потрясающее количество песен. Все их песни - только патриотического содержания, и они их очень здорово пели. Не могло быть импровизации, чтобы так петь, надо петь постоянно. Армия, офицеры которой знают такое количество патриотических песен, армия, в которой запевает командир единственной во Франции воздушно-десантной дивизии, - это сильная армия глубоко уважающего себя государства.

- А еще я их расспрашивал, тоже где только можно: о службе, о быте, о взаимоотношениях, о порядках и услышал много простого и мудрого. Почему, например, атташе, вышедший из машины в парадной форме, уже через полчаса вместе с нами летел в грязь. Оказывается, если ты хочешь стать офицером Франции, в числе прочих тестовых испытаний тебе предстоит совершить три прыжка с парашютом. Доказать наличие у тебя воли, мужества, способности хладнокровно действовать в экстремальных ситуациях. Потом можешь не прыгать - твое дело. Но если ты не совершишь этих обязательных тестовых прыжков, ты не станешь офицером. Поэтому все офицеры французских вооруженных сил независимо от воинской специальности - десантники. Может, кто и поневоле, но все. Все должности во Франции разделены на разряды. Такие тяжелые, как командир роты и командир полка, - служба два года, есть более. Если 1 января 1990 года ты стал командиром полка, то уже в этот день ты можешь быть твердо уверен, что 1 января 1992 года ты им не будешь. Куда ты уйдешь: вверх, вниз, по горизонтали - будет зависеть от тебя. Но ровно через два года ты уйдешь.

Генерал во Франции служит до 60 лет. И будет уволен в запас точно в день своего рождения. Если ты не просто ге-

нерал, а генерал-ученый, тебе сохранят денежное содержание, ты снимешь китель, наденешь пиджак и будешь выполнять ту же научную работу.

Диплом на право командования полком вручает командиру полка лично президент, на церемонию приема и передачи дел и должности по традиции собираются все офицеры и генералы, кто в разное время командовал этим полком, независимо от того, как высока его нынешняя должность. Неявка на такого рода мероприятие рассматривается как признак крайне дурного тона. Церемония длится около трех часов. Она длинная, сложная и красивая. Завершается церемония банкетом. Я спросил: «А сколько человек? 50 - 70?»

- Нет, 600 - 800, иногда более 1000.

- А за чей счет?

- За счет муниципалитета.

- И как он, муниципалитет, к этому относится?

- Великолепно! Во-первых, люди действительно с огромным уважением относятся к армии и гордятся частью, которая находится на их территории. Во-вторых, если даже мэр и муниципалитет нарушат эту освященную веками традицию, в политическом плане они покойники. Это будут помнить им до конца дней. Они не патриоты, они не любят Францию, ибо не любят ее армию. Такие люди не могут стоять у кормила любой власти. И вот когда из рук президента ты получил диплом, заслуженные генералы сказали тебе прочувствованные напутственные речи, сотни людей подняли фужеры за твое здоровье и успех, мэр и другие официальные лица выразили надежду в том, что полк станет еще лучше, - попробуй тут плохо этим полком командовать.

За основу оплаты труда военнослужащего берется средний прожиточный минимум, не минимальный, как у нас, а именно средний, и средний французский. Вводится ряд коэффициентов, зависящих от должности и звания, и над всей этой суммой сразу же воздвигается 80-процентная надбавка. Опять-таки не так, как у нас. Исчисление идет не снизу вверх (если ты будешь себя хорошо вести, мы тебе дадим в конце года ЕДВ - единовременное денежное вознаграждение), а сверху вниз, т.е. при образцовой службе ты имеешь возможность получить 185 процентов. Но это - при образцовой. Никто никого не уговаривает. Подсчет осуществляется ежемесячно. Ты плохо отстрелял - от твоей «надстройки» отку-

сили 15 процентов; ты плохо отводил - еще 15 процентов; неудовлетворительно нес службу в наряде - еще 5 процентов; напился и учинил дебош - тут в зависимости от обстоятельств можно поплатиться 25 - 50 процентами. В общем, гуляй и бездельничай, рванина, но все за твой счет. Если ты в сумме «нашалил» на 90 процентов, то с тебя взыщут в этом месяце 85, пять перейдут на следующий месяц; то есть тебя не опустят ниже среднего прожиточного минимума. Общественное мнение в части постоянно настроено таким образом, что над таким «шалуном» потешаются его товарищи, его «пилит» родная жена, на него укоризненно смотрят соседи. Альтернатива у него невелика - или надо уходить из армии, или срочно уходить, как минимум, в «золотую середину».

- А неуставные взаимоотношения во Франции есть? - поинтересовался я.

- Что такое неуставные взаимоотношения?

Я объяснил.

- А, нет!.. - последовал ответ. - Один полк укомплектован полностью контрактниками-профессионалами. Второй - солдатами срочной службы, третий - смешанный. Срочник служит год. Из этого года его три месяца учат в училище, девять месяцев - сама служба. Общественное мнение создано таким образом, что контрактник-профессионал, ударивший, оскорбивший или иным способом обидевший срочника, становится чем-то вроде прокаженного. Его сторонятся, ему не подают руки, на него смотрят с презрением и осуждением. Кроме того, его весьма и весьма ощутимо покарают в финансовом отношении. На таком фоне, прежде чем кого-то ударить, десять раз подумаешь, а если ударишь, то потом сто раз кулак себе отгрызешь.

- А религия?

- А что религия? Веруй в кого хочешь, но за забором. Пять дней в неделю ты на службе, ты солдат, ты гражданин со свободой совести, но держи свою совесть при себе. В субботу-воскресенье молись, крестись, хоть лоб разбей; но в понедельник ты опять на службе и ты опять солдат.

Все взаимоотношения в армии построены на уважении к личности, на почитании герба, флага, гимна. И это не просто слова. У каждого командира дивизии есть служебная резиденция. Он приступил к исполнению служебных обязанностей - и под звуки гимна страны на флагшток взмывает государственный флаг Франции. Он закончил служебный день - опять гимн,

но флаг соскользнул с флагштока. Попробуй в таких «антисанитарных» условиях напиться на службе и потихоньку улизнуть. И у нас, и во Франции курсант, заканчивая училище, твердо знает, что он будет командиром взвода. Он предполагает, что когда-то станет командиром роты, батальона, но это будет когда-то потом, не скоро, поэтому все учатся избирательно, пропуская мимо ушей всевозможные премудрости командования этой самой ротой и батальоном. Выпускнику любого военного училища в СССР (а позже в России) гарантировано, при известном качестве, естественно, прохождение от командира взвода до командира батальона. Но весь этот путь ты пройдешь (если пройдешь) на раз и навсегда полученном багаже знаний, набивая на тех же самых местах бесчисленное количество раз набитые твоими предшественниками шишки. А французы взяли и предельно упростили этот болезненный процесс. Аттестовали тебя на должность командира роты - в училище на переподготовку; на начальника штаба командира батальона - в училище на переподготовку. В течение 1,5 - 2 месяцев тебе дадут полный объем знаний по твоей конкретной должности. Ты сдашь массу экзаменов и зачетов, и дальше уже можно набить шишку только по собственной тупорылости. Период становления в должности существенно сокращается, болезненность этого процесса сводится практически к нулю и, соответственно, к нулю же сводится количество брака. По-видимому, исходят из известного выражения: «Медведей же учат на велосипеде кататься». Приятное оставили впечатление французы: раскрепощенные, свободные, высокопрофессиональные, высокопатриотичные, служащие за совесть офицеры государства, в основе организации которого лежит здравый смысл.

Задача по встрече в Туле кандидата в президенты России Б.Н.Ельцина родилась, я бы сказал, спонтанно. Буквально за считанные дни до 31 мая (даты визита) я получил такую задачу от командующего ВДВ генерала Грачева. Собственно, ехал Борис Николаевич не персонально в дивизию, ехал в Тулу. Элементом этой поездки было посещение полигона. Я прибыл в родной, можно сказать, город. Легко и просто состыковал планы с секретарем обкома и председателем облисполкома. Возникло одно недоразумение. Юрий Иванович Литвинцев - первый секретарь обкома - полагал встретить гостя в Тульском аэропорту. Я ему доказывал, что хотя

длина взлетно-посадочной полосы позволяет, но она, полоса, горбатая, и длиннофюзеляжные самолеты на нее сажать нельзя ввиду существующей опасности катастрофы.

- Ничего, ничего, примем, - сказал секретарь. - Мои специалисты, - Юрий Иванович сделал ударение на последнем слове, - считают, что можно.

- Ну, сумеете принять - так принимайте.

Но летуны плюнули на выкладки «специалистов» Литвинцева и сажать ТУ-154 в Туле отказались, посадили в Калуге. От Калуги до Тулы почти 100 километров. Пока встретили, пока доехали, что-то случилось с позвоночником Бориса Николаевича. Им занялась медицина. График встречи «посыпался» с самого начала. Разошлись обиженные, прождавшие более 1,5 часов директора тульских оборонных заводов. Кто-то еще по-крупному обиделся, кажется, преподаватели вузов, точно не помню. Все было не так и не то, но на полигон будущего президента командующий ВДВ Грачев привез в точно установленное время.

Дивизия легко и непринужденно продемонстрировала все, что умела, и даже несколько больше. Александр Петрович Колмаков командовать умел. Я при всем этом действе являл собой нечто среднее между режиссером-постановщиком, главным военным советником, распорядителем-церемониймейстером, комендантом района и городовым.

На основании расчета, произведенного безукоризненным, непревзойденным мастером своего дела, заместителем командующего дивизии по воздушно-десантной подготовке полковником Петром Семеновичем Неживым, боевая машина с десантировавшимся внутри ее экипажем приземлилась метрах в 250 прямо перед смотровой трибуной. Лейтенант и сержант в считанные секунды расшвартовали, завели и двинулись к трибуне для доклада.

Борис Николаевич поманил пальцем Главного Носителя Кейса. Носитель извлек из дипломата и передал ему двое часов. Борис Николаевич немного подумал, снял с руки и положил в карман пиджака свои собственные часы. На их место надел одни из поданных Главным Носителем. Когда запыхавшийся лейтенант доложил: «Товарищ... - лейтенант замялся, - кандидат в президенты России, экипаж...», Борис Николаевич отстегнул с руки часы и прочувствованно вручил их лейтенанту: «Сынок, спасибо, от себя, свои». Достал из кармана брюк вторые, точно такие же, и вручил их сер-

жанту с благодарностью. Надо полагать, что лейтенант с сержантом так и ушли в полной уверенности, что кандидаты в президенты имеют минимум по двое одинаковых часов - одни на руке, другие в кармане.

Борис Николаевич вернул часы из кармана пиджака на надлежащее место, и все поехали на новую смотровую точку. В конце показных занятий прошла примерно 20-минутная встреча с воинами-десантниками. Солдаты, младшие офицеры молча пялили глаза - не каждый день, чай, можно увидеть кандидата в президенты. Борис Николаевич говорил что-то о крутом возрождении России, о том, что в России должна быть русская армия, в которой должны служить русские солдаты и офицеры. Ему бы сказать российские, но он почему-то сказал русские. Майор, замполит батальона, кинулся выяснять, что же делать, если комбат - украинец, зам. - белорус, он, замполит, - русский, а зам. по вооружению - немец. Борис Николаевич досадливо отмахнулся от навязчивого замполита: «Разберемся!» - и объявил о том, что намерен подарить славной Тульской дивизии 500 квартир. Публика отреагировала довольно-таки жидкими аплодисментами. Цену предвыборных обещаний все уже знали. Борис Николаевич, по-видимому, ожидал более бурного проявления эмоций. Такое отсутствие энтузиазма его покоробило. Он недовольно насупился. Командующий поспешил закрыть встречу.

Как я уже неоднократно говорил: «веселие Руси есть пити» - многовековую традицию нарушать не стали, и вся кавалькада устремилась за бражный стол. Количество посадочных мест мне было точно известно, посему я, как комендант и городовой, железной рукой отсчитал восемнадцать душ, не считая охраны, а остальных приказал никого не пускать. В числе отсеченных оказались такой видный политический деятель, как В.П.Баранников, и личный доктор Бориса Николаевича. Возник легкий дипломатический скандал, из которого вышли посредством двух приставных стульев. Прибыв к стоящему на берегу пруда охотничьему домику, Борис Николаевич заявил, что везде, где только позволяет возможность, он купается в холодной воде. Быстренько разоблачился и в чем мама родила полез в пруд. С ним вместе, в таком же виде, полез начальник охраны А.В.Коржаков. Официантки и поварихи, прильнувшие носами к стеклу выходящей окнами на пруд кухни, блызнули в глубь помещения. Борис Николаевич с Александром Васильевичем, освежившись и завернувшись в простыни, проследо-

вали в банкетный зал. Ельцина сопровождали командующий, комдив и другие официальные лица. Я, как находящийся при исполнении, остался на улице. Патруль (лейтенант и два солдата, вооруженные автоматами) прогуливался по периметру стоянки для машин. Такой же патруль прохаживался по дамбе пруда. Оставшаяся не у дел охрана Ельцина в количестве семи человек закрутилась вокруг меня:

- Это кто такие?
- Патрули!
- А патроны есть?
- А как же!
- А по нам?
- Вы что, головкой ударились, вы же гости!
- А... тогда ладно!

Охрана нырнула в подвал и молодецки в течение получаса, по докладу зам по тылу дивизии подполковника П.А.Ярославцева, «уговорила» семь бутылок водки на семерых.

Величество должны мы уберечь
От всяческих ему не нужных встреч,
Ох, рано встает охрана...

Минут через сорок банкет был завершен. Все, что налито, было выпито. Все вышли на свежий воздух в состоянии, когда чувствуешь, что любишь и уважаешь весь мир и ответно любим и уважаем всеми. На 700 метрах кортеж трижды останавливался для того, чтоб все еще и еще раз простились друг с другом и заверили друг друга в вечной дружбе и любви. Теплая такая, неформальная получилась встреча. Потом были выборы, и Борис Николаевич Ельцин стал первым президентом России, а командующий ВДВ генерал-лейтенант П.С.Грачев - одним из самых теплых и задушевных друзей президента, одним из самых верных и преданных ему лично соратников, министром обороны России. Поистине «Веселие Руси есть пити» - вечная формула успеха.

И еще один визит следует помянуть. Июль. Председатель объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил США Колин Пауэлл прибыл в СССР. В плане его визита было посещение Тульской воздушно-десантной дивизии. Все, как всегда, за исключением: Пауэлл вот-вот подлетит, а ветер 9 - 10 метров в секунду, порывами до двенадцати. Я докладываю командующему ВДВ генералу Грачеву, что прыгать нельзя. Командующий со мной то согласен, то не согласен. Он сомневается, я настаиваю, упирая на то, что американцы американца-

ми, а ноги попереломаем свои, русские. Гостеприимство гостеприимством, но не до такой же степени. Командующий согласен. Я прошу разрешения отдать соответствующие указания. Командующий уточняет: «А самолеты в воздухе?»

- Самолеты в воздухе, но ничего страшного, посадим.

Командующий внезапно и резко меняет решение: «Десантировать! Нытье прекратить! Пусть видят, что могут советские десантники. Выполнять!» Колин Пауэлл и сопровождающие его генералы и офицеры на смотровой трибуне. Самолеты гудят где-то за лесом, их не видно. Чтобы при таком ветре угодить на площадку приземления, приходится десантировать людей очень далеко. Пошли! Волны камикадзе поневоле наплывают на площадку приземления, со страшной скоростью врезаются в землю, катятся кубарем, гасят купола друг другу, освобождаются от подвесных систем и атакуют. Атакуют свирепо и неукротимо. Это понятно, если тебя так приложат о землю - сразу стервенеешь, по себе знаю. «Четырехзвездный» американский генерал в это время мечется по трибуне и повторяет: «Что вы делаете?» И это почему-то больнее всего. Чертов американец, гость все-таки. Сидел бы себе спокойно, смотрел бы хладнокровно, как русские гладиаторы ломают ноги. Глядишь бы, и ненависть к империализму росла и крепла. Но он человек, он генерал, он знает цену жизни и крови, у него есть совесть, поэтому он мечется и повторяет: «Что вы делаете?» И от этого не только больно, но и нестерпимо стыдно. Результат этой демонстрации возможностей - один проломленный череп (впоследствии покойник), восемь поломанных ног, три руки, одна ключица. Все остальные в той или иной степени ободраны. За что мы любим десантные войска?.. Я не сентиментален, пожалуй, не впечатлителен, насмотрелся в жизни всякого. Добрую половину из этого всякого был бы счастлив больше не видеть, но у меня почему-то до сих пор в ушах звенит вопрос американского генерала Колина Пауэлла: «Что вы делаете?..».

СПЕКТАКЛЬ НАЗЫВАЛСЯ «ПУТЧ»

В 1991 году я впервые за много лет сподобился попасть в отпуск в августе. Планы были грандиозные. Как раз получил участок земли и впервые в жизни захотел что-то посадить, вырастить, благоустроить. Так и решил: съезжу к матери дней на 10 - 12, а уж потом, ни на что не отвлекаясь, займусь только участком. Солнце, воздух, вода, физический труд - словом, все по полной программе.

15 августа я приехал в Тулу, где у меня была квартира. Весь следующий день посвятил детальному планированию предстоящей работы. 17-го с утра хотел было приступить к выполнению, но потом, как все православные христиане, отложил до понедельника.

17 августа в 16.00 раздался телефонный звонок. На проводе - командир 106-й воздушно-десантной дивизии полковник А.П.Колмаков.

- Вас срочно вызывает командующий.

- Во-первых, я в отпуске, во-вторых, куда вызывает, к телефону или в Москву?

- К телефону и срочно!

- Ну, присылай машину.

Разговор с командующим ВДВ генерал-лейтенантом Грачевым был недолгим и маловразумительным. Мне было приказано прервать отпуск и возглавить оперативную группу, привести Тульскую дивизию в готовность к действиям по «южному варианту».

Итак, задачу я получил совершенно неопределенную. Попробовал выяснить, куда ж все-таки предстоит лететь, но Грачев лишь пообещал: «Будет уточнено позже». Мы с комдивом отдали необходимые распоряжения. Полки и отдельные части пришли в движение. Проблем особых не было. Нале-

тались мы достаточно: все уже так было отточено, что с момента команды и до первого взлета проходило не более 7 часов. Естественно, пытались гадать, куда же нас понесет на этот раз. Узнали, что где-то на границе Армении и Азербайджана захватили в качестве заложников около 40 солдат внутренних войск. Подумали, что, наверное, направят туда освобождать заложников и наводить порядок. Решили уточнить район предполагаемого действия, но карт в дивизии не оказалось. Заявили карты в штаб ВДВ - получили отказ. Таинственность просто висела в воздухе, и это сильно напрягало людей. К 24.00 все полки были готовы, не было только... задачи. Доложив о готовности, я еще раз попытался узнать, что же все-таки предстоит делать. В ответ получил указание не забивать командующему голову дурацкими вопросами. Эта фраза хоть имела смысл, потому что дальше прозвучало совсем уж непонятное: «На юг пойдешь через меня!»

Ночь прошла в томительном ожидании. Информация, которую удалось добыть из разных источников, была противоречивой и расплывчатой. Напряжение не спадало, а росло. Таинственность начала действовать на нервы всем. Десантники - народ особенный: трусов нет совсем, пройдохи - редкость. Задачу любой степени трудности воспринимают нормально. Но здесь-то вообще никаких задач не было. 18 августа, часов в 11 утра, позвонил начальник штаба ВДВ генерал-лейтенант Е.Н.Подколзин. Уточнил несколько второстепенных вопросов и вскользь обронил фразу: «Ждите чрезвычайного сообщения в 18 часов». Я сделал вывод, что до этого времени ничего не предвидится, ослабил режим и разрешил офицерам по очереди побывать дома. Время тянулось убийственно медленно. Наконец стрелки часов показали 18.00. Но никакого чрезвычайного сообщения не последовало, как, впрочем, и в 19, 20 часов... В 24 часа - тоже ничего. Тогда я плюнул и, приказав комдиву отдыхать у телефона, отправился домой.

По некоторым признакам я уже мог догадаться, что идти придется (если вообще придется) на Москву, правда, непонятно, с какой целью. В 1990 году я уже совершил один такой поход.

В ночь с 9 на 10 сентября я с двумя полками прибыл в Москву. В 6 утра мы вошли, к семи народ из гостиниц на всякий случай разбежался, а уже в 9.00 из меня начали делать дурака. Договорились до того, что я привел в Москву

войска просто спьяну. Эта чушь утверждалась вполне серьезно, и мне даже пришлось оправдываться перед председателем парламентской комиссии Верховного Совета СССР Варэ. Я тогда торжественно клялся, что если бы и «нарезался» до такой степени, то махнул бы в крайнем случае на Воронеж, идти с полками на Москву просто фантазии бы не хватило. Тогда народный депутат СССР Варэ отстал. Но это - лирическое отступление.

19 августа в 4 часа утра в моей квартире раздался звонок. Комдив доложил: получена задача тремя полками с направлений Кострома - Москва, Рязань - Москва, Тула - Москва совершить марш и к 14 часам сосредоточиться на аэродроме в Тушине. Дальнейшая задача будет уточнена позднее.

В 4.50 колеса и гусеницы закрутились, колонна вытянулась и вышла на трассу. Начался марш. Вся так называемая оперативная группа состояла из одного меня. Коль скоро это так, я сам себе определил место на передовом командном пункте дивизии. Каждый час я докладывал командующему о местонахождении колонн полков и пытался выяснить, хотя бы к чему быть готовым. Ответ неизменно был лаконичным: «Вперед!»

В 10.30 передовой командный пункт вышел к кольцевой дороге. Я еще раз уточнил обстановку и доложил командующему решение: выйти на Тушино и, развернув все связи по полной схеме, принимать полки на себя. Грачев решение утвердил. Пока шли по кольцевой дороге, навстречу попадались танки: группками по 2 - 3, иногда даже одиночные. Лица у торчавших в люках танкистов были очумелыми.

Выйдя на Тушино, я развернулся. Рязанский и Тульский полки шли уже по кольцевой, Костромской был на подходе. Оставалось ждать дальнейшего развития событий. Вскоре позвонил начальник штаба войск генерал-лейтенант Подколзин.

- Александр Иванович, передаю приказ командующего. Тебе лично отправиться к Верховному Совету РСФСР, войти в контакт с начальником охраны и организовать охрану и оборону здания силами 2-го батальона Рязанского полка.

Дальше последовал буквально такой диалог:

- Какие средства связи с собой разрешается взять?

- Никаких! Лично на уазике выезжай и возьми офицера.

- С кем контакт устанавливать, фамилия?

- Там тебя встретят.

- Где находится батальон?
- Он подойдет к Верховному Совету.

Я положил трубку. Примерно в 13.50 мы с заместителем начальника политотдела дивизии подполковником О.Э.Бастановым подъехали на уазике к Верховному Совету РСФСР. Остановились на стоянке. Вокруг здания кипела лихорадочная работа. Характер ее не оставлял сомнений: здесь возводились баррикады. Люди выглядели возбужденными, их действия - судорожными и малоэффективными. Использовали все, что попадало под руку: троллейбусы, легковые машины, разные случайные материалы. Мы с Бастановым поднялись к зданию и спросили у постового милиционера, где найти начальника охраны. Это уже потом выяснилось, что я должен был найти начальника личной охраны президента А.В.Коржакова. А в тот момент я, не зная фамилии, решил, что милицейского. Постовой махнул рукой куда-то за угол: «Там». В голове у меня был настоящий сумбур. В машине связи, где я находился во все время марша, не предусмотрен телеприемник, поэтому никаких заявлений ГКЧП или иных лидеров я не слышал. Народ, который строил баррикады, на вид был простой, хороший. Если мне надлежало силами батальона организовать охрану и оборону здания Верховного Совета, значит, обороняться будем вместе с этим народом. Тогда возникал законный вопрос: против кого?

Есть хорошее присловье, правда, не знаю, кому оно принадлежит: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны». Теперь, когда досужие политики и писатели задним числом все разложили по полочкам и назначили виноватых, легко рассуждать, что и как надо делать. Наверное, покажется диким, но и в тот момент, и даже несколькими часами позже я все находился в полном неведении, что же произошло.

Объяснение с милиционером заняло совсем не много времени, но вокруг нас сразу же образовалась толпа. Я был в камуфляже. Раздались крики:
- Майор! Неужели вы будете в нас стрелять?
- Майор! Вспомните, чему вы присягали!
- Сволочи!

Потом нашелся один грамотный:
- Да он не майор, он - генерал-майор!

Толпа озверилась. Сопровождаемый шлейфом из 200 - 250 человек, выкрикивающих угрозы и ругань, окончатель-

но перестав что-либо понимать, я добрался до тыльных ворот Верховного Совета. Увидел вооруженного автоматом майора милиции и приказал ему вызвать начальника охраны. Майор передал команду постовому, тот начал звонить.

Толпа продолжала буйствовать до тех пор, пока я не рявкнул на них, заявив, что они храбрые вояки, раз 200 двоих не боятся. Страсти слегка поубавились, а тем временем вернулся майор и доложил, что начальник охраны готов встретиться со мной в приемной Верховного Совета. Отправились в приемную. Майор проводил нас в кабинет и вышел. Мы с Бастановым закурили, обменялись предположениями, но так и не смогли понять, что за чертовщина происходит, да и вообще ни к чему путному не пришли. Через несколько минут появился полковник милиции в сопровождении подполковника. У полковника тряслись руки. Он представил своего заместителя, а сам назвался начальником охраны Иваном Яковлевичем Бойко. Я тоже назвал себя:

- Заместитель командующего Воздушно-десантными войсками генерал-майор Лебедь. Имею задачу силами парашютно-десантного батальона организовать охрану и оборону здания Верховного Совета. Прибыл для организации взаимодействия.

Полковник в ответ залепетал было, что обстановкой не владеет, обстановку не контролирует, что его самого куда-то там не пускают, а потом неожиданно окинул меня хмурым взглядом и заявил: «С вашей камуфлированной формой, товарищ генерал, ехали бы вы отсюда!» Подполковник все время молчал. Внимательно выслушав полковника, я спросил, где городской телефон. Позвонил Грачеву и доложил, что разговора с начальником охраны не получилось. Командующий был в запале и рявкнул: «Пошли ты его на... Ищи батальон, выполняй приказ».

Я откланялся, вышел из приемной и под градом ругательств прошел через толпу к машине. К тому времени картина строительства баррикад разительно переменилась. Появились краны, бетонные блоки, арматура. Людей тоже порядком прибыло. Я сел в уазик и попытался отъехать. Не тут-то было! Все подступы уже оказались перекрытыми. Потыкавшись в разные стороны, я наконец выбрался через газон на лестницу и прямо по ступеням съехал на набережную.

Хорошо сказать - ищи батальон! Я знал только направле-

ние, с которого он должен был подойти. Средств связи у меня не было. Вдоволь накрутившись по перекопанным, заваленным бетонными блоками улочкам и переулкам, я выбрался на Садовое кольцо в районе улицы Баррикадной. Все кольцо оказалось запруженным сплошным нескончаемым морем стоящих машин. Проехать было невозможно. Оставив уазик в проулке, я перебрался на противоположную сторону и зашел в какое-то учреждение, связанное с экологией. Поднялся на второй этаж и толкнул дверь ближайшего кабинета. За столами трудились несколько женщин. Я поздоровался и вежливо попросил разрешения позвонить. Мой доклад по обстановке выслушал начальник штаба ВДВ. Я спросил: где батальон? Получил ответ: «Позвони через 15 минут, сейчас разберусь». Предупредив женщин, что через 15 минут позвоню еще раз, я вышел в коридор и, устроившись на диване, стал читать какую-то старую газету. Минут через 5 передо мной выросла высокая фигура в белом костюме и, изысканно раскланявшись, изрекла: «Товарищ генерал, мне передали, что вы приказали очистить помещение, оставив на месте деньги и документы. Сколько времени вы нам даете на сборы?» Уже потом до меня дошло, что среди работавших в кабинете женщин одна была явно с чувством юмора. Но в ту минуту все это показалось мне уже слишком. С экологами я раньше сталкивался. Они в общем-то неплохой народ, и этот, наверное, тоже не был исключением. Теперь-то я понимаю, что зря обидел непотребными словами хорошего человека, но тогда я зарычал на него так, что он мгновенно испарился.

Через 15 минут я позвонил и получил распоряжение прибыть в штаб ВДВ. Добирался долго и нудно. Везде пробки, объезды. Когда наконец прибыл, командующий меня не принял. Подколзин передал его приказ: «Поскольку другой заместитель командующего ВДВ, генерал-майор Чиндаров встретил и вывел батальон на Калининский проспект, вам надлежит вернуться к зданию Верховного Совета РСФСР, найти батальон и выполнять поставленную задачу по охране здания».

Я вернулся на Калининский проспект. Батальона не было, хотя там потерять его трудно. Пришлось искать в близлежащих улицах и переулках. Нашел его на какой-то стройке метрах в 300 к юго-востоку от Верховного Совета. Батальон был обставлен развернутыми в разные стороны БМД, как в свое

время бивак казаков-запорожцев повозками. В центре этого относительно небольшого пространства стояли построенные в линию ротных колонн люди, механики-водители находились при машинах. Вокруг - кучи строительного мусора, какие-то гигантские П-образные конструкции. На лицах офицеров и солдат читалась растерянность и полнейшее непонимание происходящего. Тут же бушевала уже знакомая мне толпа. Солдат стыдили, офицеров увещевали. Чем больше стыдили и увещевали, тем более растерянными становились их лица. Мое появление встретили вздохом облегчения: «Генерал сейчас все объяснит». Но я и сам ни черта не знал! Надо было что-то делать. Я взобрался на бетонный блок. Взоры толпы обратились ко мне. Настороженные, иные откровенно ненавидящие. Я произнес короткую речь. Объяснил, что батальон прибыл для взятия под охрану Верховного Совета РСФСР, обстановка пока была неясная, задача уточняется, но армия есть детище народа и стрелять в народ не собирается. Попросил успокоиться и не накалять обстановку без нужды. На вопросы отвечать отказался. Нечего мне было на них отвечать. Несмотря на все попытки, я так и не смог уяснить, что же, собственно, происходило. До сих пор не могу забыть унизительности того положения.

Я велел механикам обслуживать технику и приказал оборудовать места ночлега, натянуть палатки, вырыть туалет и выставить парных часовых. Избавившись от мучительного и непонятного ожидания, услышав знакомые команды, люди взбодрились и энергично принялись за дело. При виде столь мирной картины толпа приутихла, напряжение начало спадать, и я уже мог обратиться с просьбой: «Если кто-то вхож в здание Верховного Совета, вызовите ко мне представителя президента или кого угодно, способного прояснить обстановку». В толпе нашелся человек, служивший когда-то в ВДВ. Квартира его была рядом, и мы пошли к нему звонить. Я доложил обстановку командующему и получил указание продолжать подготовку к ночлегу и действовать по обстоятельствам. В общем, неплохо: хоть какая-то определенность.

Вернувшись к батальону, я нашел делегацию из пяти человек. Были там В.М.Портнов, А.В.Коржаков и В.И.Рыков. Остальных я не запомнил. Портнов сказал, что меня ожидает Борис Николаевич Ельцин. Я прихватил с собой подполковника Бастанова, и мы пошли. Все подступы к зданию уже были перекрыты. Многочисленные баррикады ощетинились

арматурой, трубами, досками. Народу еще поприбавилось. На глаз было тысяч 70 - 90. Нас провели между баррикадами по каким-то им одним известным тропам (пришлось идти друг за другом по одному). Мы добрались до 24-го подъезда, поднялись на 4-й этаж и проследовали в кабинет государственного советника Ю.В.Скокова. Встретил нас сам Юрий Владимирович. Началось взаимное прощупывание. Для начала я попросил рассказать, что же все-таки происходит. И тут впервые услышал о ГКЧП! И еще о том, что то ли тяжело болен, то ли арестован Горбачев и принято решение президентом РСФСР и Верховным Советом оказать жесткое сопротивление антиконституционному перевороту. Узнав состав ГКЧП, я был поражен. Какой захват власти могли осуществить эти люди?! Они и так были воплощением власти: вице-президент, премьер-министр, министры обороны, безопасности, внутренних дел! Но я промолчал.

После объяснения Юрий Владимирович предложил мне чаю, а сам отлучился. Вернувшись, сказал, что меня ждет президент. Мы прошли по коридорам, куда-то поднялись, куда-то спустились и оказались в приемной. В кабинет нас провели без промедления. Президент был в рубашке, на спинке стула висел белый «дипломатический» бронежилет. Он поздоровался с нами за руку и предложил присесть. Кроме нас, в кабинет вошли Скоков, Портнов и Коржаков. Ельцин спросил:

- С какой задачей вы прибыли?

- Силами парашютно-десантного батальона организовать охрану и оборону здания Верховного Совета.

- По чьему приказу?

- Командующего ВДВ генерал-лейтенанта Грачева.

- От кого охранять и оборонять?

Поскольку мне самому этот вопрос был неясен, я объяснил уклончиво:

- От кого охраняет пост часовой? От любого лица или группы лиц, посягнувшего или посягнувших на целостность поста и личность часового.

Президент таким ответом удовлетворился. Выразил озабоченность судьбой Горбачева. Потом начал меня расспрашивать, как относятся к перевороту Вооруженные Силы. Я ответил, что - никак, поскольку просто о нем не знают. Ельцин ничего не сказал, хотя его это заметно удивило и даже покоробило. Но в конце концов он заявил, что верит мне и

Грачеву, не видит оснований препятствовать передислокации батальона и велел пропустить его под стены здания. Я объяснил, что провести батальон практически невозможно. Я уже имел сомнительное удовольствие пререкаться с возбужденной, настроенной на волну самопожертвования толпой. Истерия достигла наивысшей точки, хватит и малейшей искры, чтобы грохнул взрыв невиданной силы. Любой негодяй может дать из машины экономную автоматную очередь со стороны толпы по батальону или со стороны батальона по толпе. И тогда - все! Обвальная ситуация. Уже ничего никому не объяснишь и не докажешь. Горы трупов, я такое уже видел. Есть только один выход: собрать руководителей защитников баррикад, представить им меня и вместе проложить маршрут следования, проделывая для этого проходы в баррикадах. Батальон надо провести под стены как можно скорее. Боевые машины, стоящие в непосредственной близости от здания, не могут нанести ему ущерба, и, таким образом, вероятность провокации будет сведена к нулю. Я даже и мысли не допускал, что солдаты и офицеры могут открыть огонь по толпе сознательно. Во-первых, чтобы нажать спусковой крючок, солдату нужно увидеть врага, проникнуться ненавистью к нему, твердо знать, во имя чего он лишает жизни людей и рискует собственной. Врага среди тех, кто был на баррикадах, я не видел, не видели и они. Там были простые люди, в большинстве далеко не шикарно одетые. Во-вторых, солдата в бой бросает сила приказа, а его тоже не было. В-третьих, и это главное, армия была, есть и будет частью народа. Сегодня солдат служит, завтра уволился. Сегодня он в батальоне, завтра - в толпе. Это не наемники, которым наплевать в кого стрелять, лишь бы платили.

Борис Николаевич с моими доводами согласился и распорядился собрать руководителей. А мы вернулись в кабинет Скокова. Юрий Владимирович сам позвонил Грачеву, сказал, что я нахожусь у него, встречался с президентом, и объяснил, какое принято решение. Не знаю, что Грачев ему ответил, но, видимо, что-то утвердительное.

Через час доложили, что люди собраны и ждут. Мы прошли в небольшой конференц-зал, где за длинным столом сидело человек сорок. Все - с повязками на лбах и рукавах. Видимо, это были отличительные знаки командиров. Я сел на стоящий у стены стул. Через несколько минут вошел пре-

зидент. Поздоровался, поблагодарил всех за мужество и объявил, что на сторону восставшего народа переходит парашютно-десантный батальон под командованием генерала Лебедя. Представил меня, рассказал, что надо делать, и предложил немедленно приступить к работе. Я потребовал себе парочку авторитетных руководителей, чтобы они объяснялись с толпой по ходу следования колонны. Остальные пусть расходятся по своим участкам и руководят людьми на местах. Я же тем временем пойду к батальону и отдам распоряжения на построение его в колонну. Борис Николаевич согласился. Потом немного подумал и сказал Коржакову: «Как это так, в такой обстановке генерал ходил по площади один? Вы распорядитесь...» Александр Васильевич распорядился, и ко мне приставили двух телохранителей. Хлопцы по 180 - 182 см ростом, круто накачанные, даже под пиджаками заметно. Один - русский, другой - то ли китаец, то ли кореец. Русский страховал меня со спины, а «китаец» - с фасада и страшно мне надоел, так как вился буквально в 15 - 20 сантиметрах от моего носа.

Еще минут сорок объясняли суть дела людям на баррикадах, а батальон тем временем сворачивал палатки и строился в колонну.

Весть о переходе батальона на сторону восставших была встречена с огромным энтузиазмом. Эйфория достигла наивысших пределов: вопли, размахивание флагами, гиканье и мат - все слилось в какую-то неповторимую какофонию. Вот в такой обстановке батальон с приданной ему разведротой начал движение. Замысел был прост, как две копейки: каждая из четырех рот прикрывает одну из сторон здания. Нам предстояло подняться с набережной, пересечь Калининский проспект, оставив справа бывший СЭВ, по широкой дуге пройти к правому дальнему углу Верховного Совета, подняться на эстакаду и рассредоточиться вокруг здания. Такой маршрут был обусловлен расстановкой баррикад. Я шел впереди головной машины, вокруг бушевала восторженная толпа. Этот чрезмерный энтузиазм только мешал делу. То все разом кидались разворачивать трубу большого диаметра, чтобы освободить проход в баррикаде, а в результате провернули ее на месте и кого-то придавили, то никак не могли разобраться с двенадцатиметровыми прутьями, то, сдернув одну мешающую доску, обвалили все остальные. Но, хотя и со скоростью один метр в минуту, батальон все-таки двигался.

Направляющая рота уже замкнула дугу и поднялась на эстакаду, проследовала вдоль фасада к дальней стороне здания и приступила к организации обороны. Со второй произошел серьезный инцидент. Виновником его стал народный депутат СССР и РСФСР полковник Цалко. Мы были шапочно знакомы по XXVIII съезду КПСС. Он узнал меня и кинулся приветствовать. «Китаец», в обязанности которого входило пресекать любые резкие движения, отреагировал мгновенно: схватил маленького Цалко за шиворот и штаны, отшвырнул его в сторону. Цалко подхватился, полез в гущу толпы и стал кричать: «Провокация! Провокация!» Мне и в голову не пришло, что крики относятся ко мне. И вообще, я сдуру не придал этому эпизоду большого значения. А, как выяснилось, зря! Не прошло и трех минут, как движение полностью застопорилось. На каждую машину буквально легло человек по 150 - 200. Я пробился к носовой части одной из БМД. Из люка торчало испуганно-удивленное лицо механика-водителя; он тоже ничего не понимал. Я попытался что-то объяснить, разобраться, - реакция странная: все как-то виновато жмутся. Оттолкнешь - не сопротивляются, но и от машины не отходят. Я взбежал на эстакаду и взглянул на картину в целом. Батальон стоял, вытянувшись по широкой дуге. На каждой машине лежали люди. Поняв, что здесь мне ничего не добиться, пошел в здание Верховного Совета.

В кабинете Скокова собралось человек десять. Были здесь уже знакомые мне Коржаков, Портнов, Рыков. Кроме них - генерал-полковник Кобец, Бурбулис и еще какие-то люди. Я порекомендовал всем взглянуть в окно и объяснить мне, что происходит. Взглянули. С высоты четвертого этажа картина особенно впечатляла, но объяснить никто ничего не мог. Стали разбираться сначала. И тут я вспомнил эпизод с Цалко и крики «Провокация!» Несомненно, ключ к разгадке был где-то здесь. Вызвали Цалко. Тот подтвердил, что действительно кричал он.

Я спросил у Коржакова:

-Александр Васильевич, «китайца» вы ко мне приставили?

- Я.

Поворачиваюсь к Цалко:

- Кто вас отшвырнул?

- «Китаец».

Я подвел итог:

- Коржаковский «китаец» отшвырнул народного депутата Цалко. При чем здесь я и подчиненные мне люди?

Вопрос чисто риторический, ясно, что ни при чем. Но движение остановлено, люди лежат на машинах, все задумались, молчат.

Я предложил:

- Надо восстановить движение колонны. Кто пойдет со мной на площадь и объяснит, что произошло недоразумение?

Опять глубокая задумчивость. Обращаюсь к К.И.Кобецу:

- Товарищ генерал-полковник, вы здесь старший по званию, примите решение!

- Что ты такой горячий? Подожди! Дай подумать.

Еще немного подумав, Константин Иванович вдруг оживился:

- Да у нас же Литвинов есть. Он - народный депутат, десантник, подполковник. Ко мне Литвинова.

Вызвали Литвинова. Кобец приказал ему вместе со мной разобраться в недоразумении и тут же ушел.

Литвинова я хорошо знал. Когда я командовал Костромским полком, он был у меня командиром роты. Я назначил его на должность начальника разведки полка, представил к званию майора. Сейчас он полковник, каким образом он им так быстро стал - не мне судить. Видимо, в депутатском корпусе свои, неведомые мне законы. Я сказал, что одного Литвинова недостаточно. К тому же он малоизвестен как народный депутат, а нужно такого, которого бы знали все. Опять воцарилась глубокая задумчивость. Я предложил: «Раз Цалко заварил всю эту кашу, пусть он со мной и идет!» Все сразу согласились и вновь послали за Цалко. Он пришел, но без депутатского значка на лацкане. Я сказал, что без значка не тот эффект. Цалко отправился за значком, а тем временем появился Руцкой. Он с порога заявил, что технику под стены заводить не надо. Вопрос этот решен окончательно и уже согласован с президентом. «Поставьте часть машин на набережной, а часть - вон там!» - он сделал неопределенный жест в сторону окна.

- Или поставлю машины, как сам согласовал с президентом, или верну их в исходное положение, - возразил я.

Александр Владимирович напомнил мне, что он - вице-

президент, а я ему - что я заместитель командующего ВДВ. Мы повздорили. Кончилось тем, что Руцкой, а вместе с ним и Скоков ушли разбираться к президенту. Тем временем команда моя собралась, ждали только решения. Минут через сорок вернулся Скоков и объявил, что президент утвердил решение вице-президента. Я сказал, что перепроверять не стану, и вместе с командой отправился двигать машины по вновь рожденному плану.

Наверное, со стороны все это выглядело достаточно смешно. Подходит к ближайшей машине Цалко, приподнимает лацкан пиджака с депутатским значком и кричит: «Товарищи, я народный депутат Цалко. Произошло недоразумение. Прошу освободить машины. Предоставьте возможность генералу Лебедю и подполковнику Литвинову расставить их в соответствии с планом!» Роста Цалко маленького, голос для такой площади слабый, толпа никак не реагирует. Наконец мы с Литвиновым решили пойти другим путем. Пробились к носовой части двух ближайших машин и начали командовать механикам: «Заводи! Первая, с бортовых!» Механики-водители выполнили команды безукоризненно. Облепленные людьми машины начали медленно разворачиваться на месте - толпа если и подалась от БМД, то сантиметров на 5 - 10, не более. Развернув машины на заданное им направление, поманили их на себя. БМД очень медленно тронулись вперед, толпа сопровождала их.

Начинало вечереть. Выведя первую машину на заданный рубеж, я объявил, что сегодня, по крайней мере, она уже с места не тронется, и предложил любителям оригинального отдыха лежать на броне до утра. Сарказм возымел действие, люди отступили, механик заглушил двигатель. Еще две БМД дались таким же трудом, дальше пошло проще. Убедившись в отсутствии агрессивных устремлений, люди сами освободили машины.

Расставив по местам все БМД, я организовал боевое дежурство. Тем временем к Верховному Совету пробился комдив полковник Колмаков и доложил, что один из батальонов пытался взять под охрану здание Моссовета, но ввиду назревшей конфликтной ситуации отошел к стадиону «Динамо». Другой батальон находится у телерадиокомпании «Останкино». Обстановка там неясная. Никаких распоряжений нет. Лично мне командующий приказал: «Убедиться, что охрана и оборона здания Верховного Совета организована

удовлетворительно, выдвинуться к стадиону «Динамо» и в Останкино, проверить, все ли в порядке там, а затем ехать в Тушино». Убедившись, что дежурство налажено, люди накормлены и отдыхают, мы с комдивом поехали выполнять дальнейшую задачу. Хотя я не знаю, можно ли считать нормальной обстановку, когда не только солдаты и офицеры, но и генералы находятся в полном неведении относительно их положения и роли. Тяжеловесная аббревиатура ГКЧП никому ничего не говорила. Забегая вперед, скажу, что все три дня к дивизии не подошел никто из представителей Министерства обороны или депутатского корпуса. Не сделали даже попытки объяснить людям, что же происходит. Не знали своей задачи ни я, ни комдив. Что по ходу сами «в клювик» собрали - вот и все.

Выполнив все указания командующего и сообщив об этом в штаб ВДВ по городскому телефону-автомату, мы с комдивом уехали в Тушино.

Время пролетало так быстро, что только прибыв на место, я взглянул на часы. Было уже 5.30 20 августа. Мы с Колмаковым попробовали проанализировать ситуацию, но, обменявшись мнениями, поняли, что это - безнадежное дело. Вспомнили старинную морскую заповедь: «Обстановка неясная -ложись спать!» и решили часочек вздремнуть. Но не тут-то было. В 5.50 раздался звонок. На проводе был командующий. Начал он круто:

- Ты что натворил? Куда завел батальон?

- Как куда? К зданию Верховного Совета РСФСР по вашему приказу.

- Ты меня неправильно понял.

Тут я слегка осатанел:

- Товарищ командующий, у меня контора пишет. Все распоряжения, указания, приказы фиксируются тремя операторами в журнале учета боевых действий.

Опыт многочисленных разбирательств с прокурорами и следователями уже давно научил меня фиксировать все документально. Командующий немного сбавил тон:

- Ну, ну, не горячись! В общем, ты сморозил глупость! Шеф недоволен.

- Какой шеф?

- Ну какой, какой! Министр. Запомни: ты сморозил глупость. Езжай, и как завел батальон, так и выводи его.

Я положил трубку и задумался. Как всякому нормальному

человеку с характером и самолюбием, мне вовсе не нравится чувствовать себя марионеткой. Кто-то что-то где-то решил, не дав себе труда довести до меня это решение, хотя бы в части касающейся, а я уже сутки носился, ругался, препирался, конфликтовал, выполняя приказы, смысл и конечный итог которых был мне неведом.

Но приказ есть приказ. В 8 часов утра я уже снова был у Верховного Совета. Зашел в кабинет Скокова, сообщил, что получил приказ вывести батальон. Юрий Владимирович принял новость довольно спокойно. Выразил сожаление, что батальон так мало побыл, сказал, что его будет не хватать, но, тем не менее, препятствовать отводу подразделения он не станет. Солдаты и офицеры уже совсем освоились среди защитников Верховного Совета. К ним относились спокойно и дружелюбно. Охотно помогли проделать нужные проходы в баррикадах. Солдаты позавтракали. Батальон построился в колонну и около 11 часов двинулся в сторону Ленинградского проспекта. В люки БМД и открытые окна кабин летели конфеты, пряники, червонцы. Я опять ничего не понимал. Завести батальон под стены было очень трудно. Мне казалось, что вывести его оттуда будет еще труднее, и я внутренне готовился к чему угодно, только не к такому спокойному отходу.

Пропустив все машины через проход в последней баррикаде, я уже собрался отправиться сам, но тут обнаружилось, что исчез мой уазик. Я ускоренным шагом обошел два квартала, пока наконец отыскал его. Именно ускоренным шагом, а не бегом, ибо вид бегущего генерала в мирное время вызывает недоумение, а в военное - панику. уазик стоял, прижатый пожарной машиной к одной из баррикад. Здесь меня нашел офицер связи с приказом к 13.45 прибыть в Генеральный штаб и явиться к заместителю министра обороны генерал-полковнику Ачалову. Время у меня еще было, я догнал батальон и остановил его с тем, чтобы уточнить командиру задачу. Тут, откуда ни возьмись, на меня налетела толпа журналистов и засыпала вопросами: «Куда и зачем водили батальон?», «Зачем выводят?», «Кто вы такой?», и т.д. Народ был настырный, напористый и цепкий. Обстановка складывалась достаточно нервная, к юмору не располагающая, тем не менее меня начал душить смех. Куда водил, зачем вывожу - да черт его знает! Но им-то я так ответить не мог. А тут неожиданно мне вспомнился анекдот про

русский характер. Взбунтовались в деревне мужики, повалили с косами и вилами к барской усадьбе, загомонили... Вышел на крыльцо барин. В халате и шлепанцах, на голове - феска, в зубах - трубка, под мышками - по ружью. Выдержал многозначительную паузу и, когда наступила мертвая тишина, спросил: «Ну, что?» Толпа понурила головы и начала расходиться. Через несколько минут никого не осталось. Вечером в кабаке сидел мужик, перед ним стояла пустая бутылка, в стакане остатки водки, краюха хлеба. Мужик поднял стакан, посмотрел на него осоловелым взглядом и вдруг взъярился: «Чаво, чаво? Да ничаво!» И выпил. Сам не знаю, почему пришла мне в голову эта странная ассоциация.

Я уточнил комбату задачу, отмахнулся от журналистов и поехал в Генеральный штаб. Пропустили меня туда беспрепятственно, видимо, ждали. Я поднялся на пятый этаж и прошел в приемную Ачалова. Там я встретил командующего ВДВ генерал-лейтенанта Грачева. Он отозвал меня в смежную комнату для какого-то разговора. Но обменяться мы успели буквально несколькими фразами. Командующий спросил:

- Ты готов?

- Готов.

Я действительно всегда готов, знать бы только еще, к чему?

- Ну держись!

Тут в комнату влетел подполковник и возвестил:

- Генерал-майора Лебедя вызывает министр обороны!

Мы с ним проследовали по длинным коридорам в кабинет министра. Порученец доложил. Я вошел и представился. Министр неотрывно смотрел на меня несколько секунд, потом сказал:

- А мне доложили, что ты застрелился!

- Не вижу оснований, товарищ министр.

Министр взорвался. Он весьма выразительно охарактеризовал умственные способности и наличие информации у тех, кто ему докладывал, и разрешил мне идти.

Я вернулся в приемную Ачалова. Грачева там уже не было. Порученец передал мне приказ «Ждать!» Я использовал это время для того, чтобы разобраться, откуда у министра такая, мягко говоря, странная информация. Выяснилось, что средства массовой информации усиленно распространяли

слух о том, что 19-го я переметнулся, а 20-го начали распространять такой же ничем не подтвержденный слух, будто я застрелился. Забегая вперед, скажу, что 21-го раскрутили уже новую версию, будто меня захватили заложником защитники Белого дома. И никого особо не смущал тот факт, что не далее как вчера я покончил с собой.

Ждать пришлось минут пятнадцать. Наконец пригласили в кабинет. За длинным столом сидело человек 20 - 25. Генерал-полковник Владислав Алексеевич Ачалов расхаживал по кабинету. Он пригласил меня пройти во главу стола и сесть на его место. Слева от меня первым сидел генерал армии Валентин Иванович Варенников, справа, в конце стола, - весь взъерошенный Грачев, генерал-полковник Б.В.Громов, командир «Альфы» генерал-майор В.Ф. Карпухин и еще какие-то люди в форме и штатском. Не знаю, о чем шла речь до этого, но с моим появлением Грачев вскочил и, указывая в мою сторону, сказал: «Вот генерал Лебедь, он длительное время находился у стен здания Верховного Совета, пусть он доложит».

Я стал докладывать, что у здания Верховного Совета находится до 100 тысяч человек. Подступы к зданию укреплены многочисленными баррикадами. В самом здании - хорошо вооруженная охрана. Любые силовые действия приведут к грандиозному кровопролитию. Последнее я доложил чисто интуитивно, предполагая на основании собственного опыта, о чем могла идти речь. Дальше мне докладывать не дали. Меня оборвал Валентин Иванович. Презрительно блеснув на меня очками, он резко заявил: «Генерал, вы обязаны быть оптимистом. А вы приносите сюда пессимизм и неуверенность». К генералу армии В.И.Варенникову я всегда относился с уважением. Это человек, прошедший всю войну, Герой Советского Союза, участник Парада Победы, награжденный девятью боевыми орденами. Но в ту минуту блеск его очков меня покоробил. В свое время меня учили неглупые люди, и они считали непреложной истиной, что обстановку надо докладывать не так, как кому-то хочется или нравится, а такой, какая она есть на самом деле. Только в этом случае можно принять правильное решение. Иногда - единственно правильное.

Походив еще немножко, Ачалов объявил, что все ясно, обсуждать больше нечего, и закрыл совещание. Люди стали расходиться. Грачев подозвал меня и приказал держать его

в курсе дела. Ачалов приказал остаться мне, командиру «Альфы» В.Ф.Карпухину и заместителю командующего Московским военным округом генерал-лейтенанту А.А.Головневу. В это время вошел министр обороны в сопровождении маршала Ахромеева. Спросил: «Как дела?» Ачалов доложил, что всем все ясно, все убыли по местам. Министр что-то еще спросил вполголоса и вышел. Ачалов повернулся к нам троим и предложил провести рекогносцировку подступов к зданию Верховного Совета. Именно предложил, а не приказал. Это было странно и совсем не похоже на Ачалова. Когда Владислав Алексеевич возглавлял ВДВ, я командовал у него «придворной» Тульской дивизией и знал его как жесткого, властного, уверенного в себе человека. Его распоряжения всегда были четки, определенны и лаконичны. В нем чувствовалась хорошая штабная жилка. И вдруг - какое-то расплывчатое предложение самим разработать план рекогносцировки, потом вернуться и доложить.

Мы спустились вниз, сели в машину Карпухина и поехали. Странная это была рекогносцировка. Водитель - в гражданской одежде, я - в камуфляже, Карпухин - тоже, но без погон, Головнев - вообще в повседневной форме. Я не понимал, с кем, против кого и зачем буду, возможно, воевать, и поэтому злился. Головнев молчал. Карпухин всю дорогу плевался, что ему постоянно мешают работать, и он впервые в жизни опоздал везде, где только можно.

Собственно, то, что мы делали, и рекогносцировкой-то назвать было нельзя. Просто покатались вокруг здания Верховного Совета, без конца натыкаясь на ямы, баррикады и бетонные блоки. Потом выехали на противоположный берег Москвы-реки. Вышли, покурили, полюбовались еще раз зданием Верховного Совета, ощетинившимся бревнами и арматурой, переглянулись, сели в машину и поехали докладывать. Все было ясно и одновременно ничего не ясно. С чисто военной точки зрения взять это здание не составляло особого труда. Позднее мне пришлось говорить об этом на заседании одной из парламентских комиссий. Меня тогда спросили:

- Взяли бы вы, товарищ генерал, Белый дом?

Я твердо ответил:

- Взял бы.

На меня посмотрели снисходительно:

- Это как же? У нас защитники, у нас баррикады...

- Посмотрите какие здесь стены.

- Ну что, красивые стены.

- Да, красивые, только полированные. И потолки тоже красивые, пластиковые. Полы паркетные. Ковры, мягкая мебель...

Возмутились:

- Говорите по существу.

- Я по существу и говорю. С двух направлений в здание вгоняется 2 - 3 десятка ПТУРов без особого ущерба для окружающей его толпы. Когда вся эта прелесть начнет гореть, хуже того, дымить, и в этом дыму сольются лаки, краски, полироль, шерсть, синтетика, подтяни автоматчиков и жди, когда обитатели здания начнут выпрыгивать из окон. Кому повезет, будет прыгать со второго этажа, а кому не повезет - с 14-го...

Тогда, подумав, согласились.

Итак, с этим вопросом все было ясно. Зато неясно другое: на кой черт это надо? Я видел людей под стенами Верховного Совета, разговаривал с ними, ругался, но это дело житейское, главное - это были простые, нормальные люди.

Мы вернулись в Генштаб, доложили Ачалову. Карпухин сказал, что ему все понятно, и откланялся. Головнев тоже попросил разрешения идти. Меня Ачалов задержал:

- Ты можешь набросать план блокирования здания Верховного Совета?

Обычно я не слишком подвержен эмоциям, но тут просто глаза вытаращил:

- Вот те на! Уже вторые сутки война идет вовсю, а только план понадобился. Как учили, в общем...

Я спросил:

- Какими силами?

Ачалов было вскинулся, но потом сообразил, что без указания сил и средств спланировать действительно ничего невозможно: есть дивизия - одно планирование, пять дивизий - другое планирование. Владислав Алексеевич сообщил, что в операции примут участие дивизия имени Дзержинского,Тульская воздушно-десантная дивизия, бригада «Теплый стан», группа «Альфа». План я набросал за пять минут. Прямо на листе крупномасштабной карты тупым простым карандашом. Фасад и правую сторону здания отвел для блокирования дзержинцам, левую и тыльную сторону - тулякам. За дзержинцами поставил «Аль-

фу», а бригаду спецназа «Теплый стан» и часть Тульской дивизии вывел в резерв.

Владислав Алексеевич, великолепный Владислав Алексеевич, всегда требовавший точности, четкости и культуры при работе с картой, на сей раз лишь рассеянно скользнул взглядом по моим каракулям и сразу же одобрил: «Нормально. Я сейчас позвоню Громову. Поезжай, согласуй этот план с ним».

Пока он звонил, я сложил и сунул в карман карту, и через несколько минут мы с заместителем командующего генералом Чиндаровым уже мчались на машине Ачалова в Министерство внутренних дел. Мысленно я не уставал удивляться. На своем веку мне много чего пришлось спланировать, но такой уникальный план, да еще в такие рекордно короткие сроки составлять не доводилось.

В кабинете у Громова находился начальник штаба внутренних войск генерал-лейтенант Дубиняк. Громов рассматривал план не более двух минут и тоже признал его нормальным. Тут я уже и удивляться перестал. Самому мне не приходилось служить с Громовым, но все знавшие его генералы и офицеры в один голос отзывались о нем как о грамотном, скрупулезном и предельно скрытном человеке. Все его операции в Афганистане планировались очень тщательно и строго ограниченным числом лиц. Если задачу можно было поставить за 15 секунд до ее выполнения, генерал Громов так ее и ставил: не за 20, не за 18, а именно за 15 секунд. И вот такой человек теперь признает нормальным наскоро состряпанный тупым карандашом план и приказывает Дубиняку согласовать с нами действия. Дубиняк тоже едва взглянул на карту и сказал: «Все ясно, к установленному времени мы будем на месте». Тут мы с Чиндаровым, не сговариваясь, запустили пробные шары: «А как же таблица позывных должностных лиц, сигналы управления, сигналы взаимодействия?»

Ответ Дубиняка был весьма странным:

- Под рукой нет. Ну ничего! Вы оставьте нам свой городской телефон, мы вам сообщим.

Переглянувшись, мы решили из вежливости оставить его в покое и попросили разрешения идти. Все действительно было ясно. Это как раз та информация, которую надо передавать по городскому телефону в такой обстановке!

На обратном пути мы притормозили возле двух стоящих

в колонне танков. По каждой машине ползало десятка два мальчишек. На броне, свесив ноги, сидели экипажи. По некоторым признакам можно было определить, что солдаты пьяны. Около танков кучковалась небольшая толпа - человек 30 - 35, большинство составляли крепкие молодые парни. Для чего они толкались возле танков и на какой случай, можно было только догадываться.

Мы вернулись в Генштаб, доложили о выполнении поставленной задачи и были отпущены. Всю дорогу до штаба ВДВ молчали. С точки зрения военного человека творилось что-то невообразимое, дикое, противоестественное. И у истоков этой дикости стояли самые высокие военачальники.

Прибыли в штаб ВДВ, доложили командующему. Чиндаров получил задачу немедленно убыть в Тушино, в дивизию, а я остался. Решил пойти напропалую. Коротко доложил командующему, что думаю по поводу этого бреда, в котором против воли вынужден принимать участие. Предположил, что все это - лишь ширма, и под ее прикрытием что-то готовится. Потому что если то, что мы теперь делаем, правильно, значит, все мы - просто сборище отъявленных идиотов. И завершил свою речь следующим образом:

- Товарищ командующий, карты на бочку! Я в эти игры не играю. Вы знаете, я всегда готов выполнить любой приказ, но я должен понимать его смысл. В марионетки не гожусь и затевать в столице Союза совершенно непонятную мне войну, которая по сути своей является гражданской, не стану. Любые силовые действия на подступах к зданию Верховного Совета приведут к массовому кровопролитию. Можете так и доложить по команде.

Командующий просиял:

- Я тебя не зря учил, Александр Иванович!.. Я тебе всегда верил и замечательно, что не ошибся. Сделаем так: ты сам, лично, поедешь к Верховному Совету и найдешь возможность довести до сведения его защитников, что блокирование, возможно, и штурм начнется в 3 часа ночи. Потом уедешь в Медвежьи Озера и будешь руководить прибытием двух полков Болградской дивизии.

Это было мне уж совсем не по душе. Положение двусмысленное. С одной стороны, я вроде бы автор плана блокирования. Сам согласовывал его с двумя замминистрами. Согласовывал фальшиво, неискренне, все время ощущая, что мы

играем в какую-то идиотскую игру и делаем вид, что она нам нравится. Как в театре абсурда! С другой стороны, я сейчас должен ехать продавать собственный план. Черт знает что!.. К тому же вторая задача была совсем не понятна. Я даже переспросил:

- Уеду на аэродром Чкаловск? Принимать полки надо там?

- Нет, будешь руководить из кабинета командира бригады связи.

И я поехал. Снял номера с уазика, тельняшки, нарукавные знаки с себя и с водителя, убрал все остальные отличительные признаки. Отведенная роль тяготила меня, и я принял гибкое, на мой взгляд, решение. Подъехал с трех разных направлений как можно ближе к зданию, выудил из сновавших там людей наиболее заслуживающих доверия и передал им информацию с наказом довести ее до сведения Скокова или Коржакова. Я назвал не три, а два часа, оставив так называемый «ефрейторский зазор».

Прикинув, что, по крайней мере, двое из трех посланцев должны были обязательно передать информацию по назначению, я уехал в Медвежьи Озера. Там тоже царил полный хаос. Во-первых, непонятно какими офицерами госбезопасности были задержаны, доставлены в бригаду и сданы на хранение 4 человека. Один из них был Гдлян. Именно сданы, ибо инструкций на предмет содержания оставлено не было. По докладу встретившего меня офицера Гдлян сразу заявил протест, потребовав адвоката и предъявления ему обвинений. До этого объявил голодовку. Я порекомендовал офицеру истопить баню и отправить их туда. Париться лучше, чем томиться. Во-вторых, и это было главное, я это ощутил, даже сидя в кабинете комбрига, на аэродромах в Чкаловске и Кубинке творилась дикая чехарда. Болградская дивизия уже три года летала по «горячим точкам». С таким-то опытом даже при удовлетворительном подходе к делу можно высадиться где угодно. А тут самолеты сбивались с графика, шли вразнобой, заявлялись и садились не на те аэродромы. Подразделения полков смешались, управление частично нарушилось. Комдива вместо Чкаловска посадили в Кубинке. И за всем этим беспорядком чувствовалась чья-то крепкая организационная воля.

В начале первого ночи позвонил Грачев: «Срочно возвращайся!» Я вернулся. Командующий был возбужден. Звонил Карпухин и сказал, что «Альфа» ни в блокировании, ни

в штурме принимать участия не будет. С дзержинцами пока непонятно. Вроде их машины выходят, но точных сведений нет. Предложил мне позвонить на КПП дивизии, уточнить обстановку. Младший сержант на мой вопрос о машинах сонным голосом переспросил: «Машины? Какие машины? У нас все на месте, никто никуда не выезжал!» Все стало ясно и с дивизией Дзержинского. Тульская из Тушина тоже не тронулась. Бригада спецназа «Теплый стан» вообще куда-то пропала. Ни по каким командам связи на нее невозможно было выйти.

Грачев возбужденно ходил по кабинету и что-то говорил, а на меня вдруг навалилась огромная усталость. Я попросил разрешения пойти отдохнуть. Сказал, что буду в своем кабинете. Не раздеваясь, лег на диван и как в яму провалился.

Утром вскочил в 6 часов и узнал, что предотвратить кровопролитие все-таки не удалось. Погибли три человека. Сам я не был свидетелем тех событий, но мне пришлось потом разбираться с очевидцами и даже некоторыми участниками этой трагедии. Конечно, люди были в запале, всякий трактовал по-своему, но в целом картина получилась следующая. В соответствии с приказом о патрулировании начальника гарнизона генерал-полковника Калинина, по Садовому кольцу в колонне шла рота на БМП. Шла по своей земле. Под броней этих машин сидели 18 - 20-летние парни, которые давно перестали что-либо понимать, а вместе с этим и частично соображать. Если не понимали генералы, что говорить о солдатах и офицерах?! Рота вошла в тоннель под Калининским проспектом, всякий знающий хоть немного Москву должен признать, что как только рота втянулась в тоннель, здание Верховного Совета осталось справа сзади. Есть шутливое правило - в тактике неудовлетворительную оценку ставят в трех случаях: за нанесение ядерного удара по собственным войскам, за форсирование реки вдоль и за наступление в диаметрально противоположном направлении. Если говорить о наступлении на Верховный Совет, то тогда получается, что, втянувшись в тоннель, рота начала «тянуть» на оценку «неудовлетворительно».

К тому же любой тоннель для колонны - неважно какой, танковой, автомобильной - это ловушка. Командир роты не мог этого не знать. Но рота вошла в тоннель в колонне именно потому, что двигалась по своей земле, наступать не собиралась, и затурканные офицеры и солдаты наивно полага-

ли, что опасаться нечего. Не угадали. «Новой русской революции» нужна была жертвенная кровь, и пролитие ее было предопределено. На выходе, забитом автотранспортом, с боковых эстакад в машины полетели камни, палки, бутылки с зажигательной смесью. Часть людей попыталась захватить БМП. И тогда раздалась предупредительная очередь из пулемета.

В августе-сентябре 1991 года после похорон трагически погибших было очень модно и актуально ругать эту несчастную роту. Потом эта тема как-то незаметно заглохла, сошла на нет.

А все объясняется просто: от зажигательной смеси загорелась боевая машина пехоты. 19-летний мальчишка-сержант под градом палок, камней, оскорблений поступил как мужчина и командир. Вывел из горящей машины экипаж, включил систему ППО (противопожарного оборудования) и организовал тушение подручными средствами. В машине был полный боекомплект: 40 выстрелов к пушке, пять ПТУРов, 4000 патронов. Растеряйся он, дай разгореться пожару - машина наверняка взорвалась бы вместе со всем этим «добром». Мне приходилось видеть, что бывает, когда в машине взрывается боекомплект. Изуродованная башня лежит метрах в пятидесяти. Корпус представляет собой чудовищный, развернутый нечеловеческой силой тюльпан. Экипаж просто испаряется. В лучшем случае найдешь остаток сапога с пяткой. В радиусе 50 - 70 метров - выжженная мертвая земля. В радиусе 150 - 250 метров - срубленные осколками ветки деревьев, иссеченные здания. Здесь, в центре Москвы, со всех близлежащих домов полетели бы стекла. И не автомобильные стекла, которые рассыпаются мелким бисером, - обычные, оконные, они довершили бы картину опустошения и разгрома. И не три, а триста три, а может, и 1333 человека заплатили бы жизнью за недомыслие, глупость и неспровоцированную агрессивность. Так что спасибо, огромное спасибо этому парнишке-сержанту. Он спас сотни, а может быть, тысячи жизней. Спасибо, что нашлись тогда здравомыслящие люди, которые остановили произвол в отношении ни в чем не виновных солдат. И следует отдать дань мужеству женщины-следователя, которая вела потом это дело. Не знаю, как ее зовут, но она сумела возвыситься над буйствующей конъюнктурой и, объективно, беспристрастно разобравшись в случившемся, оправдать солдат, ставших жертвами трагических обстоятельств.

Погибших людей по-человечески жаль. Безвременно ушли из жизни полные сил и здоровья молодые люди. Царство им небесное и земля пухом. Но то, что они стали последними в истории существования страны Героями Советского Союза, восприняв это звание посмертно из рук людей, которые готовились этот Союз ликвидировать, звучит с каждым днем и месяцем все более пронзительно-кощунственно.

21 августа наступила развязка спектакля. Все жалкие попытки со стороны совершенно не готовых к крутому развороту событий государственных мужей овладеть ситуацией рухнули. Днем с речью выступил президент России Б.Н.Ельцин. В речи были и такие слова: «Выражаю сердечную признательность генерал-майору Лебедю, который вместе со своими подчиненными не дал путчистам захватить политический центр новой России». Последовал арест «гэкачепистов», расследование по горячим следам. Разбираться на горячую голову ни с чем нельзя. Эмоции не могут заменить разум. Последовало возвращение непонятно - то ли арестованного, то ли серьезно болевшего президента СССР, ну, а для нас, грешных, наступил период великих разбирательств. Я побывал на заседаниях трех парламентских комиссий, со мной беседовала масса следователей. Были среди них здравомыслящие люди, были кипящие нетерпимостью дураки, которых зациклило на одном: «Как это вы взялись выполнять преступные приказы?» Таким я отвечал: «Приказы в порядочной армии не обсуждаются, их надлежит выполнять, согласно уставу, точно, беспрекословно и в срок. По приказу я ввел дивизию в Москву, по приказу вывел. Ни одного убитого, раненого, ни одного обиженного москвича, ни одного израсходованного патрона, ни одного дорожно-транспортного происшествия. Претензии?»

Все разбирательства со мной кончились ничем. Я остался в прежнем звании - генерал-майора, в прежней должности - заместителя командующего ВДВ по боевой подготовке. Великий поэт писал: «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии». Теперь можно подвести некоторые итоги и сделать определенные промежуточные выводы. Первое - и главное: путча как такового не было!

Была гениально спланированная и блестяще осуществленная крупномасштабная, не имеющая аналогов провокация, где роли были расписаны на умных и дураков. И все они,

умные и дураки, сознательно и бессознательно свои роли выполнили. Именно поэтому столь растерянный вид имели члены так называемого ГКЧП, именно поэтому планирование серьезнейших акций осуществлялось спонтанно, по ходу действий, именно поэтому везде опаздывал прекрасно зарекомендовавший себя до этого командир «Альфы» Герой Советского Союза генерал-майор Виктор Федорович Карпухин, именно поэтому происходили дикие сбои в великолепно отлаженном механизме Болградской дивизии, именно поэтому я на протяжении двух дней метался между своим бывшим командующим Ачаловым и настоящим - Грачевым, выполняя команды типа: «Стой там, иди сюда!» - и служа одновременно Богу и Сатане. Второе. Не укладывается в голове ситуация, когда три силовых министра, обладая всей полнотой власти, имея в своем распоряжении фактически все, что угодно, вот так бездарно в течение трех дней просадили все! Остается предположить: или они были вполне сформировавшимися идиотами, или все, что случилось, было для них полнейшей неожиданностью и они были совершенно не готовы. Первое я начисто отвергаю. Остается второе. При таком раскладе любой средней руки южноамериканский горилла своего бы шанса не упустил.

Для чего нужна была эта провокация? Она позволила одним махом решить массу колоссальных проблем. Перечислим некоторые: разметать КПСС, разгромить силовые министерства и ликвидировать в конечном счете великую страну, 73 процента граждан которой на референдуме в марте 1991 года однозначно сказали: «Союзу - быть!» М.С.Горбачев на тот период был непобедим по одной-единственной причине - потому что даром был никому не нужен. Это был отработанный материал. Буш к тому времени уже успел ему объяснить, что архитектором перестройки был он, Буш, а М.С.Горбачев - только прорабом.

К КПСС можно относиться как угодно, но при всех остальных раскладах с ней пришлось бы побарахтаться. Хоть и наполовину сгнившая изнутри, но это была еще могучая организация. Как всякая порядочная рыба, гнила она с головы. Партийная верхушка давно уже отделилась от тела партии и на второй космической скорости рванула к высотам персонального коммунизма, оставив за собой без малого 17 миллионов рядовых баранов, которые сеяли, пахали, ходили в атаки, получали выговоры и инфаркты и не получали

никаких льгот, зачастую не подозревая даже об их существовании.

Но, но, но... Семнадцатимиллионная партия разбежалась от легкого, даже не вооруженного пинка, испарилась, как дым, как утренний туман. Это имея в армии и МВД процентов на девяносто, а в КГБ все сто процентов офицеров-коммунистов. Можно ли было победить такую силу, если бы это действительно была партия единомышленников? Нет. Значит, система дошла до ручки, исчерпала себя до конца и псевдопутч вызвал ее обвал, не исключено, что сверх ожиданий авторов замысла. А потом, когда схватились, дело было сделано, латать стало не за что хватать. Жалко? Да, пожалуй, нет. «Будь же ты вовек благословенно, что пришло отцвесть и умереть». Только Китай глаза мозолит. Переболели китайцы культурной революцией, хунвейбинами, домнами в каждом дворе, а потом за дело взялись. Молча и сопом, без рекламы и ритуальных завываний. При огромном населении на территории, треть которой занимают высочайшие горы в мире. И как только блажить перестали и работать начали, через непродолжительное время выяснилось, что и экономика у них современная, цивилизованная, рыночная, и партия коммунистическая развитию той экономики вроде как не мешает, и даже как бы в сторону отодвинулась, и ничего, оказывается, разносить до основания в надежде на потом не надо. И два медведя в берлоге - идеология рыночная и коммунистическая - вполне мирно уживаются. И живут, богатеют, проходимцы. С правами человека у них там что-то, говорят, не ладится, так и это утрясут. Главное, чтобы в основе системы лежал здравый смысл и эволюция. Не спеши, а то успеешь. Тише едешь - шире морда. И уже, опять же, не спеша, по-хозяйски так, осваивают российский Дальний Восток. И правильно. Почему у дураков землю, которой они все равно распорядиться не сумеют, не отнять? Все равно или пропьют, или потеряют. И отнимут, глядишь. И пиво в обильно политом русской кровью Владивостоке и Комсомольске-на-Амуре, на костях российских зэков построенном, будет стоить шестьдесят юаней. И закусывать то пиво будут нашими, или, точнее, бывшими нашими лососевыми рыбками.

Советский Союз, как шашель дубовый сруб, разъела тройная мораль: думать одно, говорить другое, делать третье. И не стало Советского Союза. Кто не жалеет о его развале, у

того нет сердца, а кто думает, что его можно будет восстановить в прежнем виде, у того нет мозгов. Сожалеть есть о чем: быть Гражданином Великой Державы, с множественными недостатками, но Великой, или захудалой «развивающейся» страны - бо-о-ольшая разница. Но осталась Россия, а в ней та же шашель. Наша партийная элита, вожди наши несравненные в результате многолетнего селекционного отбора окрепли, закалились и научились нос держать по ветру бесподобно. По дороге к светлому будущему вроде шли все вместе, но ветерок в другую сторону повеял, и они, номенклатурно-конъюнктурные светочи наши, умудрились сначала приотстать, партийные билеты в урну швырнуть, демократические знамена выбросить, потом развернуться на 180 градусов, и опять они впереди, на лихом коне, и опять ведут нас к не менее светлому, только теперь уже капиталистическому будущему. Известен ли кому-нибудь прецедент, когда в дни августовского спектакля секретарь какого-нибудь «ома» с оружием в руках, подобно Сальвадору Альенде, пытался отстоять взрастившую и взлелеявшую его власть, а с нею страну? Сколько ни пытался выяснить, ничего подобного не обнаружил. Все хладнокровно и без потерь отошли на заранее подготовленные коммерческие и политические позиции. И опять сыты, пьяны и нос в табаке. Оглянемся вокруг себя: кто у власти? Ба! Знакомые все лица. До недавнего времени многие из них умно и значительно смотрели со стендов под названием «Политбюро ЦК КПСС». Правда, в Библии что-то там сказано насчет «предавших единожды», но это не важно, Библия - книга умная, далеко не всем понятная, да и если что не так, то на том свете сочтемся. Уголечками.

А не единожды воспетая новая общность людей - советский народ? Он-то куда смотрел, когда у него на глазах его любимую страну нахально разваливали? Про всех не скажу, не знаю, хотя догадаться нетрудно. А вот под стенами Белого дома в самые напряженные моменты было ну никак не более 100 тысяч человек, а это только один процент населения города-героя Москвы. А остальные 99 процентов чем занимались? Правильно, судорожно скупали макароны и трусливо делали вид, что ничего не происходит. Может, где-нибудь на широком, уходящем вдаль проспекте или хотя бы в проулке стояла альтернативная толпа под красными знаменами и в бой рвалась? Свидетельствую - не было, я там не

один раз все кругом исколесил. Так был ли мальчик? Или к моменту, когда состоялась премьера спектакля, осталась огромная, не объединенная никакой общенациональной идеей, разобщенная, ничем взаимно не связанная, дичающая на глазах толпа, большая часть которой обдумывала вопрос «как выжить?» а меньшая - «как нажиться?». Расколешь так орех, а он внутри пустой. Точнее, не совсем. Сидит в пустом орехе толстый нахальный червяк, ухмыляется и спрашивает: «Обидно, да?» А может, мы действительно страна дураков? Может, это только по отдельности у нас и умные, и мужественные в наличии, а все вместе мы вот эта самая страна и есть? Может, прав русский поэт Владимир Семенович Высоцкий, написавший звенящую строчку: «И вся история страны - история болезни...» Это диагноз? Или состояние души?

В ШТОПОРЕ

Войска, так до конца не понявшие, в чем это таком они поучаствовали, возвращались в пункты постоянной дислокации. Солдат и офицеров встречали, как героев. Они крутили головами, пытаясь понять, в чем состоит их героизм, но словословия принимали благосклонно и от подарков не отказывались. В Туле, а особенно в Рязани всевозможные сувениры и цветы в полки возили грузовиками. В городах царила эйфория вырвавшейся наконец на свободу демократии.

Вернувшись в Тулу, я сразу угодил в это разливанное море радости. Меня поздравляли, обнимали, благодарили. Со мной пытались фотографироваться. Мне предлагали расписаться на сдаваемом в музей, по-видимому, второй русской революции государственном флаге РСФСР. В моем присутствии осуществлялось радостное и спонтанное планирование, кого и откуда предстоит еще выкинуть, что закрыть, что опечатать. Радикально-демократически настроенные граждане не исключали и арестов. Отовсюду, радостно жужжа, как набравшие нектара пчелы, слетались всевозможные добровольные и штатные шпионы:

- Такой-то вечером на уазике вывез два ящика - надо разобраться!..

- Этот унес очень толстый портфель!..

- Там в гараже предположительно то-то!..

- Я ему как дам! Хватит, говорю, повластвовали!..

Во всей этой атмосфере было что-то такое нечистое. За версту несло самым низкопробным фискальством, доносительством, сведением под шумок личных счетов. Радости у меня не было. Я упорно отказывался от всевозможных почестей и подарков. Я не фотографировался, не раздавал ав-

тографы, чем неизменно стирал улыбку с лиц обращавшихся ко мне людей. Что они обо мне думали, можно было только догадываться, но мне на это было наплевать. Меня мучило ощущение, что нечто большое и важное прошло мимо меня, а я его не увидел, не рассмотрел, не понял. Теперь уже и разбираться поздно. И от этого было какое-то мучительное ощущение болезненной зависти к тем, кому все понятно, с одновременным диким раздражением против них. Одним словом, я оказался чужой на этом необузданном «празднике жизни».

23 августа в Туле был митинг, для чего была задействована паперть Тульского обкома КПСС, теперь уже вроде как бывшего. На митинг был приглашен и я. Народу, против ожидания, собралось не так уж и много, на глаз 3000 - 3500 человек, но народ был в большинстве своем радостно возбужденным. Батюшка торжественно освятил громадное полотнище нового российского флага, и под российский гимн он взметнулся на флагштоке над обкомом. Ораторы говорили о наконец-то павшем ненавистном режиме; о свободе, о новой эре. В речах почти каждого, в большей или меньшей мере, звучал издавна на Руси известный мотивчик: вы нас топтали, а теперь наше время. Подобного рода выпады митингующие встречали одобрительными возгласами, кто-то плакал, кто-то плевался, кто-то непонятно кому грозил кулаком.

Предоставили слово и мне. Помянув любезного сердцу моему Платона, я достаточно коротко и, кажется, жестко сказал о том, что не опьяниться бы свободой в неразбавленном виде, не махнуть бы по нашей старинной российской привычке из крайности в крайность. Сказал и о недопустимости в сложившейся обстановке никаких резких движений. Призвал не допустить наметившихся было расправ, сохранить спокойствие и выдержку, сказал о том, что если кто в чем и виноват, то это должен решить суд, а отнюдь не толпа. Моя речь прозвучала диссонансом в общем хоре, она не понравилась. По лицам было видно, что от меня ждали совершенно другой речи. Надо сразу сказать, что после этого митинга интерес ко мне со стороны тульской демократической общественности сначала резко упал, а потом и вовсе исчез.

Что Бог ни делает - оно к лучшему. Меня это почему-то нисколько не огорчило. На фоне этого демократического шаба-

ша, с момента моего возвращения 22 августа и далее на протяжении двух дней, меня всюду доставали корреспонденты всех мастей и рангов. Меня ловили возле дома, возле штаба дивизии и в других мыслимых и немыслимых местах. Мне звонили. Я отмахивался от них, и чем больше отмахивался, тем настойчивей они становились. В конце концов я осатанел и объявил, что отвечу всем желающим на все вопросы сразу в 16 часов 24 августа в штабе дивизии. К назначенному времени собралось человек 25.

Эту импровизированную пресс-конференцию условно можно разделить на три акта. В первом акте вопросы несли на себе налет восторженности и сводились к одной мысли: как это здорово, генерал, что вы своевременно защитили нашу демократию. Я встал и объяснил, что я не демократ и мне до нее нет никакого дела. Не демократию я защищал, а здравый смысл. Я русский генерал, и никакая сила не может заставить меня расстрелять русский же народ. Корреспонденты быстро разочаровались, и начался второй акт. Смысл его: как это здорово, что эта душка, генерал Лебедь, стал на сторону еще большей душки, генерала Руцкого. Тут я их совсем уже бестактно огорчил, заявив, что все генералы Советской армии воспитывались примерно одинаково, и Руцкой точно такой же армейский лом, как и я.

- Равняйсь! - вот и вся его демократия.

Сущность третьего акта можно сформулировать довольно коротко: «Ну - у - у! А мы-то думали».

Эпилога не потребовалось. На что уж там рассчитывали - не знаю, но ушли все от меня огорченные, рассерженные и разочарованные.

Уже на митинге в первый раз прозвучало, что я получил значительно более высокое назначение и в ближайшее время приступлю к исполнению новых обязанностей. Дальше - больше! Меня поздравляли с назначением на должность командующего ВДВ, заместителя министра обороны, начальника главного управления кадров, ссылаясь на получение этой информации из «самых-самых» достоверных источников. Чем я больше доказывал, что все это чушь, тем меньше мне верили. Мне подмигивали, всем своим видом демонстрируя, что все знают, ценят мою скромность, не пора бы уже и выпить, и закусить. Я плюнул и перестал отказываться от любых должностей.

- Вы назначены командующим ВДВ! Поздравляем!

- Знаю.
- А что ж вы не?..
- Приказа нет.
- А - а - а!..

Все уходили успокоенные в предвкушении, что как только состоится приказ, я соберу всетульский пир.

Дело дошло до того, что на эту удочку попался даже такой заслуженный и всеми уважаемый человек, как начальник штаба воздушно-десантных войск генерал-лейтенант Е.А.Подколзин. Он позвонил мне числа 27-28 августа и минут десять высказывал мне обиду. Суть ее - всякая зелень пузатая молча, сопом лезет в командующие в обход старых десантных волков, не имея на то ни морального, ни образовательного права. Мне этот бред к тому времени уже порядком поднадоел, и когда и Евгений Николаевич заговорил об этом же, я в ответ невежливо расхохотался, чем обидел его еще больше. Попытки смазать бестактность успокоительными речами успеха не имели.

А тем временем... количество защитников Белого дома росло катастрофическими темпами. По моим подсчетам, в самые напряженные моменты было ну никак не более 100 тысяч человек, а тут счет пошел на миллионы. Выяснилось, что одних врачей было более 10 тысяч человек. Оборона называлась героической, но героической она могла бы стать лишь в том случае, если бы было наступление, а его-то как раз и не было. Оборона была! Люди к ней готовились. Воздадим должное мужеству этих людей, но наступления не было. А значит, эпитет «героическая» неправомерен. Низвергались авторитеты, на всех уровнях шли разборки, в людях были разбужены низменные инстинкты. Майоры становились полковниками, полковники - генералами. Толпы авантюристов и проходимцев с «демократическим» имиджем штурмовали теплые хлебные места, толкались и визжали у корыта власти. На страну саранчой сыпались временщики. В общем, все это было, на мой взгляд, дико. Настолько дико, что когда однажды в сентябре я был приглашен участвовать в телевизионной передаче «Добрый вечер, Москва!», которая шла в прямой эфир, не преминул этим воспользоваться, чтобы высказать свое мнение на этот счет. Ведущий передачи Борис Ноткин проинформировал меня, какие вопросы он мне намеревается задать, определил и предположительную направленность ответов. Я кивал. Когда началась

передача, Борис патетическим тоном, все более накаляясь, возвестил: «И когда я услышал... войска генерала Лебедя перешли на сторону восставшего народа, слезы радости закипели у меня на глазах...» И закончил деловым вопросом: «Как вы себя чувствуете в роли защитника Белого дома?» Я выплеснул всю накопившуюся во мне желчь: «Как известно из истории, Владимиру Ильичу Ленину на памятном субботнике помогали нести бревно около трех тысяч человек. Защитников Белого дома уже более трех миллионов, и, опасаясь затеряться в этой огромной героической толпе, я официально отказываюсь от статуса «защитника Белого дома». Оставшееся до конца прямого эфира время Борис пытался загладить мою вопиющую бестактность.

Неожиданно оживился мой старый «приятель» Иван Яковлевич Бойко. Он был к тому времени уже генералом... И вместе со своим славным заместителем (к тому времени полковником) Карасевым в газетенке «Ленинское знамя», которая до недавнего времени была газетой Московского обкома КПСС, а с сентября стала носить громкое и маловразумительное название «Народная газета Московского региона», опубликовали опус. Суть его: дикий афганский генерал прибыл, грозился всех перестрелять, при этом кричал, что он-де, генерал, «в рот Одессу брал, камни грыз, кровь мешками проливал», а они, Бойко с Карасевым, два мужественных мента, героически возражали, причитая при этом: «Генерал, вы за кого? Вы за Ельцина? Вы с народом? Вы за демократию?» Непонятным в этом опусе осталось одно и, на мой взгляд, главное: события эти происходили 19 августа, а опус появился 17 сентября. Опытный служака, полковник милиции Бойко, услышав такие вопиющие угрозы, просто обязан был сначала устно, а потом письменно рапортом доложить непосредственному начальству. Но ни своему непосредственному начальнику Александру Васильевичу Коржакову, ни прямому начальнику на тот период Виктору Павловичу Баранникову ни устно, ни письменно Иван Яковлевич ничего не докладывал. Ларчик открывался просто: какой-то кооператив выделил 1 миллион 200 тысяч рублей для премирования наиболее отличившихся милиционеров. Бойко с Карасевым подсуетились, месяц сочиняли, тиснули матерьялец в «Народную газету» (ни одна другая этот бред печатать не стала бы) и предъявили кооперативу вексель к оплате. У меня есть все основания так полагать, потому что все

серьезные оперативные работники, которые со мной на тот период разбирались, прочитав этот материал, от души хохотали.

Весь этот легкий шум продолжался примерно до конца сентября, потом постепенно сошел на нет. Еще какое-то время ко мне под видом корреспондентов, представителей различных политических партий и движений, общественных организаций набегали непонятно чьи шпионы, задавали ряд вопросов на предмет определения демократичности моего внутреннего состояния и огорченно улетали в улей с докладом: «Нет! Не то!»

Ставший к тому времени первым заместителем министра обороны СССР, генерал-полковником командующий ВДВ генерал Грачев два или три раза при случае солидно и коротко помянул мою позитивную роль во «второй русской революции», и все окончательно стихло. Оно и к лучшему.

Пожалуй, самым существенным, что сделал генерал Грачев, будучи командующим ВДВ, помимо участия в революционной деятельности, было четкое разграничение обязанностей между заместителями. Впервые в истории воздушно-десантных войск все было разложено по полочкам. Тринадцатый пункт моих обязанностей был предельно краток и гласил: «Выполнять другие поручения командующего ВДВ». Все. Точка.

Грачев ушел, командующим стал Евгений Николаевич Подколзин, а обязанности остались. И 13-й пункт вдруг вышел на первое место. Для начала я стал членом государственной комиссии по реформированию политорганов. Возглавлял комиссию генерал-полковник Э.А.Воробьев, бывший на тот период начальником Главного управления боевой подготовки Сухопутных войск. Остальные генералы и офицеры, собранные в комиссию от других видов и родов войск, были тоже преимущественно представителями соответствующих управлений боевой подготовки.

Кому пришла в голову мысль заставить боевиков реформировать политработников?.. Наверное, исходили из того, что раньше у нас были отличники боевой и политической подготовки. Вот и решили: пускай одна половина «отличников» долбит другую.

Первое заседание у нас было очень короткое, организационное. Ознаменовалось оно скандалом, когда звезда первой величины военно-демократического небосклона, юный

полковник Лопатин, попавший в полковники прямо из майоров (почти как Юрий Алексеевич Гагарин!), изгонял с собрания угрюмого слугу тоталитарного режима первого заместителя министра обороны СССР генерала армии К.А.Кочетова.

Второе заседание началось более конструктивно. Мы, как примерные школьники, расселись за столами, генерал-полковник Воробьев начал было с трибуны доводить до нас разные реформаторские варианты. Сбоку в кресле, в весьма вольной позе, сидела какая-то фигура в пиджаке. В начале заседания сзади кто-то хмыкнул: «Политкомиссар, видать!» Как выяснилось чуть позже, фамилия «комиссара» была Дубровский, он был полковник, преподаватель военно-инженерной академии. Не успел генерал-полковник Воробьев ничего еще толком сказать, как полковник Дубровский, не вставая с места, небрежно заявил, что все это чушь, надо собрать сюда, в Москву, политработников всея Руси и пропустить через мандатную комиссию. Генерал-полковник Воробьев, отчасти от того, что не привык к такому хамству, отчасти потому, что был свидетелем, как совсем юный сокол-полковник отважно пикировал на генерала армии, несколько растерялся. Остальные возмутились. Я заявил, что офицеров-политработников почти 98 тысяч. Переброска, размещение, питание такого количества офицеров - вещь немыслимая. Да и о чем можно разбираться с замполитами рот и батальонов, коих, как ни крути, большинство? И предложил нашей комиссии разобраться с Главным политическим управлением и руководством политорганов округов и армий, а остальных поручить аттестационным комиссиям округов. Возникла всеобщая перепалка. Участники разошлись взъерошенные.

На третье заседание я не попал. Когда позвонил секретарю комиссии, тот вполголоса сказал, что дальнейшее мое участие в работе комиссии не рекомендовано. Кем не рекомендовано, когда не рекомендовано, я уточнять не стал. Только еще больше стал любить демократию. Это была истинная демократия по-армейски. Тебя посылают на хрен, а ты поворачиваешься и идешь... куда хочешь!..

Изгнанием из этой многомудрой комиссии я не огорчился, но 13-й пункт продолжал действовать, и мне тут же нашлась другая, аналогичная работа дипломатического характера. Бывшие союзные республики одна за другой объявля-

ли о своем суверенитете. Борис Николаевич Ельцин сказал: «Берите суверенитета сколько хотите!» И они брали, не стесняясь. При этом в качестве неотъемлемого атрибута суверенитета каждая союзная республика прихватывала и находящийся на ее территории кусок Советской армии. Хватали все подряд: надо - не надо, потом разберемся. Посыпались все десятилетиями отлаживаемые системы. Надо было что-то делать. Надо было придавать этому безобразно стихийному процессу цивилизованный характер. Была срочно создана группа для ведения переговоров, которую возглавил заместитель министра обороны СССР генерал-полковник Б.Е.Пьянков. В нее вошли представители всех видов и родов вооруженных сил. От ВДВ - я.

Как «дипломат» я побывал на переговорах, и не по одному разу: в Киеве, Вильнюсе, Минске, Кишиневе. Тональность переговоров была нервная. В разных республиках шли они совершенно по-разному. Самыми цивилизованными людьми показали себя белорусы. Это, пожалуй, единственная республика, где логика, доказательность, здравый смысл, целесообразность имели вес. Переговоры проходили в абсолютно корректной атмосфере. На втором месте (близко к белорусам, но с нюансами) литовцы. На третьей позиции - украинцы. Здесь бросалось в глаза одно обстоятельство. На перерыве все друг другу - друзья и братья, шутки, смех, и покурили все вместе, и поплевали. Как только сели снова за стол переговоров и нацепили официальные маски под бдительным оком демополиткомиссаров - все, табачок врозь. Изнурительная, мелочная, порой сварливая торговля, не всегда корректная. А на перерыве опять: шутки, смех. Но самый дикий дипломат, с которым я имел дело, - это министр обороны Республики Молдавия дивизионный генерал Косташ. Когда из десяти слов минимум семь - матерные, это уже не переговоры. Это уже как-то по-другому называется. Речь шла о 300-м парашютно-десантном полке, который дислоцировался в Кишиневе и которым командовал мой родной брат, полковник Алексей Иванович Лебедь.

- Я забираю полк, - кипятился Косташ.

- Ну как ты его забираешь, когда 96 процентов полка не желают быть забранными?

- Он на нашей территории, значит, он наш! Мы поставим у всех ворот бетонные блоки.

- Оттого, что вы его завалите блоками, он вашим не станет.

- Мы его захватим!

- Но это же полк, пойми! Полк. Получится, как в русской побасенке: «Медведя поймал» - «Ну веди сюда» - «Не идет!» - «Ну сам иди сюда!» - «Не пускает!»

Здесь относительно литературная часть переговоров заканчивалась и высокие договаривающиеся стороны переходили «на изысканный штиль». В общем, послал Бог поросенка, да простит мне последний такое сравнение. Генерал Косташ - маленький, дерганый, националистически настроенный. Прежде чем стать министром обороны, был начальником ДОСААФ в Тирасполе. Взлетел, как кот на забор, на должность, к исполнению которой он был не готов во всех отношениях. Косташ являл собой лягушку, пытавшуюся раздуться до размеров вола. Все свои недостатки - образования, воспитания - он стремился компенсировать голосом и революционной напористостью. Не зря издавна замечено, что все люди маленького роста в большинстве своем народ дерьмовый по одной простой причине: голова находится близко к заднице.

Моя «дипломатическая деятельность» породила еще одну, в разрезе требований пункта 13-го, обязанность: провести рекогносцировку предполагаемых районов вывода десантных соединений и частей с территории, как тогда уже стало модно говорить, стран ближнего зарубежья. И я летал в буквальном смысле этого слова. Один АН-12-й, в него загоняется три уазика, швартуется десяток бочек бензина, сотня сухпайков, 13 - 15 офицеров штаба ВДВ, способных всесторонне оценить обстановку, - и вперед!..

В общей сложности мы отрекогносцировали районы потенциальной дислокации для четырех дивизий и одного отдельного полка. Перелопатили огромное количество всяких существующих военных городков, во многие из этих мест войска были позже выведены, а если где не получалось, то преимущественно по двум причинам: первая - не все, что планировалось, удалось вывести; и вторая - отношение в ряде мест к этим самым городкам. В одном из небольших городов Саратовской области осмотрели бывший местный ЛТП. Большая территория, казармы, клуб, столовая, баня, котельная - все в прекрасном состоянии, требующем небольшого косметического ремонта. Есть где построить автопарк. Рядом намечается строительство микрорайона. Местные власти ищут дольщиков - вкладывай деньги, строй и живи.

Сам Бог велел посадить на эту территорию артиллерийский полк. Столковались, не часто такая удача случается. Но на этом все и кончилось. Местные аборигены, узнав, что ЛТП забирают военные, в считанные дни разнесли его вдрызг, исходя, по-видимому, из соображения, что военные богатые - отстроят. Прибывший в этот город для заключения договора офицер застал на месте ЛТП картину гибели Помпеи.

13-й пункт оказался велик и могуч. Единственное, что я за этот период сделал по своим остальным обязанностям, так это провел выпускные экзамены в 242-м учебном центре ВДВ, дислоцированном в Литве.

Весна 1992 года. Свободная Литва. На ее высокосвободной территории - «оккупационный» учебный центр. Литовцы люди вежливые, хладнокровные. Действуют соответственно. То проверку на дорогах учинят, то обвинят в продаже плит налево с их аэродрома, то претензии за нарушение экологии выставят. Все культурно, вежливо, спокойно. Ну, они спокойны и мы спокойны. Выставила «охрана края» против въезда на аэродром пост. Ну а нам не мешает - пусть стоит. Мужики взрослые: то ли им кто подсказал, то ли от нечего делать, взяли они и выкопали против нас окопы. Окопы скверные - меры нет, но тем не менее окопы.

Посмотрели мы на их окопы, и приказал я заместителю начальника учебного центра полковнику Гладышеву в ста метрах от литовских оборудовать образцовую позицию отделения. Все строго по науке, с БМД в окопе, с дерновочкой, с маскировочкой, и провести с литовскими братьями на этой позиции занятие по инженерной подготовке.

На занятия они не пошли, но, проходя мимо, определенные выводы сделали и свои окопы закопали. Ну и мы закопали. Дружить так дружить.

19 июня 1992 года с новой силой разгорелся вооруженный конфликт в Приднестровье. Количество убитых исчислялось сотнями, раненых - тысячами, беженцев - десятками тысяч. 23 июня, нареченный полковником Гусевым, имея при себе для солидности батальон спецназа ВДВ, я взлетел на Тирасполь.

ПОЧЕМУ ЗА ДЕРЖАВУ ОБИДНО?

Приднестровье - у меня к нему отношение особое - «землю, которую отвоевал и, полуживую, вынянчил...» Приднестровье - о нем надо или писать подробно и беспощадно, точно, не пропуская ничего, или не писать вообще. Пока слишком велико разочарование, слишком сильно жалостливое презрение или презрительная жалость - я не знаю пока, как это чувство точно называется, еще не определился. Может быть, когда-нибудь я и напишу - о беззаветно мужественных в бою, но совершенно беспомощных перед предельно наглыми «родными» проходимцами людях, о героизме и доблести, о беспредельной подлости и ханжестве, о том, как можно бороться за одно, а напороться на совершенно другое; о стравливании хороших людей (у которых только одна жизнь!) при помощи политического словоблудия во имя корыстных политических интересов, о том, как можно, бессовестно эксплуатируя высокое человеческое стремление к свободе, создать удельное царство самого дикого беспредела. Может быть, это когда-нибудь и случится. Устояться все должно, отложиться, очиститься от налета эмоций. А пока я пропускаю эту страницу. Теперь пристало время подвести некоторые итоги, попробовать разобраться, почему за державу обидно, и сделать выводы, отнюдь не претендуя на истину в последней инстанции.

Я на российской земле родился, я в нее уйду. Как писала Анна Ахматова:

Не ложимся в нее, а становимся ею,
Оттого и зовем так свободно своею.

Бежать мне с нее некуда и незачем, на ней жить моим детям и внукам, и она мне далеко не безразлична. Велика

Россия, а отступать-то и некуда: там, где мы теперь стоим, там и иаше Куликово поле.

Теперь о главиом. В своем исполииском тысячелетием деле созидатели России опирались иа три великих устоя - духовную мощь Православиой Церкви, творческий гений Русского Народа и доблесть Русской Армии.

Первый из этих устоев Иваиы, родства ие помиящие, начали расшатывать иа государствеииом уровие сразу после революции 1917 года и завершили свою дьявольскую работу в иачале тридцатых, подияв на воздух тысячи храмов и похороиив под их обломками духовность Отечества, загиав ее иа десятилетия в подполье, искусственно сделав постыдной и иепристойиой. Расправа над второй державиой опорой в осиовном была завершеиа к коицу тридцатых годов - всех, посмевших «свое суждение иметь», прислонили к стеике или разместили в местах, не столь отдалеииых от Севериого полюса. Остальных пригнули и выровияли, ввергнув, таким образом, творческий гений в шок.

Пытались и последнюю державиую опору - армию отправить в иебытие и даже кое в чем преуспели, ио преступлеиие против суворовских иаследииков ие удалось. На то оиа и доблесть, чтобы в огне ие гореть и в воде ие тоиуть. Армия сцепила зубы, выдвииула из своих рядов новых геииальных полководцев, прикрыла образовавшиеся бреши иовыми стойкими бойцами, сиачала выстояла, а потом и одержала победу в величайшей из войи, которые зиало человечество, вписав мечом новую славную страницу в скрижали Истории. Немецкие фашисты, да и союзники иаши, отождествляли СССР и Россию, иазывая всех бойцов Советской Армии русскими. Оии правильно отождествляли. Сражалась великая многоиациональная Россия, сражалась и победила, явив миру величие русского духа, подтвердив славу русского оружия, доказав еще раз всем, что традиции, заложеииые великими российскими воителями, иетлеииы.

На чем же стояла, стоит и стоять будет Армия государства Российского? На осиовах простых, суровых и потому - вечиых. В области духовной - на преобладании духа иад материей. В области устройства вооружеииой силы - на самобытиости («мы мало сходствуем с другими европейскими народами»), иа преобладаиии качествеииого элемеита иад количествениым («не миожеством побеждают»). В области воспитательиой - на религиозности и иациоиальиой гордос-

ти («мы русские - с нами Бог!»), сознательном отношении к делу («каждый воин должен понимать свой маневр»), на проявлении частной инициативы на низах («местный лучше судит... я - вправо, должно - влево - меня не слушать»), на способствовании этой инициативе на верхах («не входить в подробности ниже предположения на возможные только случаи, против которых разумный предводитель войск сам знает предосторожности, и «не связывать рук»). В области стратегической - «смотрение на дело в целом». В области тактической - «глазомер, быстрота, натиск» и использование успеха до конца («недорубленным лес вырастает»). А венец всему - победа, победа, «малою кровию одержанная». Эти бессмертные заветы, эти гениальные предначертания наших предков дали великие результаты.

Что есть армия российская? Это - храбрость, сметливость, выносливость, предельная неприхотливость, дисциплинированность. Это - солдат. Офицеру к этим качествам должно прибавить гражданскую позицию (не молчать, например, из конъюнктурных, карьеристских соображений при виде глупости, граничащей с преступлением, - «Честь превыше всего!») и умение не бояться ответственности. Немного проку в храбрости и высоком уровне тактической подготовки, если офицер не способен в экстремальной ситуации властно произнести: «Я решил...» И вступить в своеобразную полосу отчуждения, где царит только он, его разум и воля. Не прокурора должно видеть мысленным взором, принимая решение, а победу. «Я персонально отвечаю за свои действия, и больше никто!» И тогда она придет. Великий Суворов сформулировал это ясно, кратко и исчерпывающе: «Рядовому - храбрость, офицеру - неустрашимость, генералу - мужество». А есть ли на свете мужество - каждый решает сам.

И еще один, крайне важный для армии момент. Офицеры звена командир взвода - командир батальона никогда не говорят: «Когда я командовал 5-й ротой...» Нет, они с гордостью произносят: «Когда я служил в 331-м гвардейском парашютно-десантном полку...» И этим, может быть, даже не всегда осознанно, подчеркивают уникальную духовную сущность полка. Да, полк - инстанция отнюдь не чисто тактическая, полк - инстанция духовная. Полки - носители духа армии, а дух полка прежде всего зависит от командира. В этом - все величие призвания полковника. И тот, кто хочет возродить российскую армию, русское военное искусство

на русских же основах, должен помнить об этом всегда. Бригадно-корпусная система, может, и хороша, но для российской армии она те же прусские букли и коса; отказавшись от полков, мы лишим армию духовной основы, мы выбьем из нее русский дух, и армии не будет. Точнее, будет пародия на армию.

Армию, построенную на русских духовных вышеперечисленных принципах, победить нельзя. А пока будет жива армия - будет жить держава. Но формулу можно прочитать и наоборот: чтобы развалить державу, надо развалить армию. Как это сделать? А так, как это делается на протяжении ряда последних лет. Для начала окунуть ее, армию, в политическое дерьмо, примеры - Венгрия, Чехословакия, Афганистан. Поскольку политические цели таких акций мутны и расплывчаты, а военные - недостижимы, заставить ее как следует умыться в крови.

Убедившись, что умылась достаточно, свалить на нее все просчеты, оплошности и прямую глупость и недальновидность политических руководителей. Объявить ее преступной и тут же усугубить ее положение, подорвав уровень армейского интеллекта посредством отказа от призыва студентов всех мастей, «элитных» детей, неэлитных детей элитных родителей и прочая, и прочая, и прочая. Создать мнение об армии, как о тюрьме, и внедрить это мнение в общественное сознание. Поставить во главе ее людей, которые свою личную преданность очередному дежурному «царю» ставят несравнимо выше преданности державе и благодаря этому обстоятельству пользуются в ней крайне невысоким авторитетом. Вбить клин между офицерами и солдатами, желательно разобщить еще старших и младших офицеров, посеять между ними недоверие и вражду. Принять меры к резкому снижению уровня и объемов боевой подготовки и, как следствие, уничтожить дисциплину. Растащить боевую технику и оружие по национальным, а офицерский корпус - по политическим квартирам и начать всех стравливать. И в конечном итоге ввергнуть страну в кровавый хаос, поставив ее перед лицом реальной угрозы краха государственности.

Если пристально всмотреться в происходящие процессы, то растет и ширится ощущение, что это все уже было, проходили. Не мы, до нас, но было. И точно. Возьмем Историю Русской армии, созданную честно и жестко русскими офицерами под руководством русского полковника Александра

Евгеньевича Савинкина. Вчитаемся: «Жестокий урок Японской войны сказался двояким образом в душе Армии - ее офицерском корпусе. Главная его масса - средние и младшие начальники - с рвением принялась за возрождение подорванной русской военной мощи, быстро и плодотворно проработав весь горький опыт потерянной кампании. Старший же командный состав был глубоко потрясен и подавлен военной катастрофой: устои, казавшиеся незыблемыми, разрушились, переучиваться было поздно... Таким образом, в то время, как в толще Армии - на ее низах - шла стихийная творческая работа и здоровая кровь военного организма удивительно быстро затягивала раны, бывшие столь ужасными, на верхах российской вооруженной силы наблюдались упадок духа, уныние, шатания и колебания»... Разве это не о нас? А теперь о взаимоотношениях армии и общества тогда, в начале века: «Отношение общества к Армии и к офицеру было резко отрицательным и пренебрежительным. Генерал Ванновский - на склоне дней своих ставший Министром народного просвещения - не находил ничего более умного, как отдавать в солдаты излишне шумных студентов. Нелепая эта мера сильно вредила Армии, превращая ее в какое-то место ссылки, тюрьму, вредила и престижу военной службы в глазах страны, обращая почетный долг в отбывание наказания. К мундиру относились с презрением - «Поединок» Куприна служит памятником позорного отношения русского общества к своей армии. Военная служба считалась уделом недостойным: по господствовавшим в то время в интеллигенции понятиям в «офицеришки» могли идти лишь фаты, тупицы либо неудачники - культурный же человек не мог приобщаться к «дикой военщине» - пережитку отсталых времен. Милютинский устав 1874 года, фактически освободивший от военной службы людей образованных и даже полуобразованных, лег всей своей тяжестью на неграмотных. Не отбывавшая воинской повинности интеллигенция, совершенно незнакомая с военным бытом, полагала в начале XX века казарму тюрьмой, а военную службу состоящей из одной лишь «прогонки сквозь строй». Из более чем двухвековой и славной военной истории она удержала лишь одно - шпицрутены!!!»

Удивительно знакомая картина с несущественным уточнением - «прогонку сквозь строй» следует заменить на «неуставные взаимоотношения». Остальное все сходится. А во-

енные министры, как тогда обстояло дело с ними? Пожалуйста. Один: «Человек, не лишенный способностей, генерал Сухомлинов отличался властолюбием и вместе с тем поразительным легкомыслием. Своей бодростью и неизменным оптимизмом он нравился Государю и импонировал ему».

Бывают же такие исторические совпадения! И второй: «Гучков - при содействии услужливой Ставки - произвел настоящее избиение высшего командного состава. Армия, переживавшая самый опасный час своего существования, была обезглавлена... Во главе ряда Военных Округов были поставлены авантюристы, наспех произведенные в штаб-офицерские чины. Воинской иерархии для проходимца-министра не существовало».

Воистину, история повторяется дважды: один раз в виде трагедии, второй раз - в виде фарса!

И еще. О Куропаткине: «Генерал Куропаткин обладал лишь низшей из воинских добродетелей - личной храбростью... Куропаткину больше, чем другим, не хватало «мужества» в суворовском понятии этого слова. Отличный администратор, генерал Куропаткин совершенно не был полководцем и сознавал это. Отсюда его неуверенность в себе... Куропаткин привык делать дела с разрешения и одобрения, без них ни на что не решался. Ему была присуща боязнь начальства, когда ум, образование, знания, храбрость и честность разбиваются о робость перед чем-то высшим, боязнь ответственности. Царь не мог командовать армией за 10 тысяч верст, Куропаткину дана была полная власть, но...»

Почему так получилось? Ответ на вопрос в книге «Итоги японской кампании» дает... генерал Куропаткин: «Люди с сильным характером, люди самостоятельные, к сожалению, не двигались вперед, а преследовались, в мирное время они для многих начальников казались беспокойными. В результате такие люди часто оставляли службу. Наоборот, люди бесхарактерные, без убеждений, но покладистые, всегда готовые во всем соглашаться с мнением своих начальников, двигались вперед».

Вывод первый: ничто не ново под луной.

Вывод второй: если во главе львов стоит лев - победа гарантирована, если лев стоит во главе ослов - 50х50, но если во главе львов - осел - это финиш!

Офицеры и солдаты. Солдаты и офицеры. Какими они были, наши прапрадеды, в те предгрозовые годы? Ведь вза-

имоотношения между ними привели сначала к расколу в армии, а вслед за нею рухнула и держава.

«Для солдат 1914 года офицеры были старшими членами великой полковой семьи, воспитавшего их полка. Отношения между офицерами и солдатами Русской армии были проникнуты такой простотой и сердечностью, подобных которым не было ни в какой иностранной армии, да и ни в каких иных слоях русского народа. Вооруженный народ 1916 года видел в офицерах только «господ», принося в казармы запасных полков, а оттуда в окопы всю остроту разросшихся в стране социальных противоречий и классовой розни».

Пройдет еще год, и они насмерть вцепятся друг другу в глотки.

А теперь о пользе беспредельной, доведенной до абсурда «демократизации» армии: «В конце апреля перевертень Поливанов закончил свою «Декларацию прав солдата» - этот, по словам генерала Алексеева, «последний гвоздь в гроб нашей вооруженной силы»...

Согласно этой декларации, военнослужащие получали все политические права (участие в выборах), могли поступать в любую из политических партий, могли исповедовать и проповедовать любые политические убеждения («долой войну», «долой офицеров»). В воинские части в тылу и на фронте могли свободно доставляться все без исключения печатные издания (в том числе и анархические). Отменялось обязательное отдание чести. И, наконец, упразднялись все дисциплинарные взыскания. Регулярной вооруженной силе наступал конец...»

Если кто-то думает, что для того, чтобы разложить до молекул в моральном плане любое войско, надо много думать и работать, тот глубоко ошибается. Делать не надо вообще ничего, думать тоже. Надо просто сказать: «Ребята, носите погоны, получайте деньги и, очень вас прошу, пожалуйста, ровным счетом ничего не делайте. Вольно, не напрягайтесь». И все. Больше ничего не надо: «ребята» спланируют процесс разложения так, что никакому Генеральному штабу не снилось. Если к «ничегонеделанью» примешать в соответствующих пропорциях межпартийную рознь и межрелигиозную вражду, можно стать счастливым обладателем совершенно уникальной шайки. А если под создание и организацию шайки подвести законодательную основу, да на самом высшем уровне? И сделать так, чтобы вся страна стала од-

ной сплошной шайкой? Что из этого получится? Не надо напрягать фантазию - все было. Обратимся опять к Истории: «Вся Россия превратилась в один огромный сумасшедший дом, где кучка преступников раздала толпе умалишенных зажигательные снаряды, а администрация исповедовала принцип полной свободы этим умалишенным во имя «заветов демократии». Спасти страну можно было только расправой с предателями и обузданием взбесившихся масс. Но для этого необходимо было переменить всю обанкротившуюся систему управления - заменить трескучие фразы решительными мерами».

Вот так он и замкнулся тогда, первый порочный круг с далеко идущими последствиями.

Так, может, политический фон был другой? Увы, одинаковые причины порождают одинаковые следствия. Опять слово Истории: «Не будем изображать всех подробностей революционного позора нашей Родины. Восемь месяцев, с февраля по октябрь 1917 года, были грязной страницей тысячелетней нашей истории. Невиданная грязь была затем смыта великой кровью»... «Дикий опыт «стопроцентной демократии» с марта по ноябрь 1917 года - насаждение в военное время совершенно нового, неиспробованного строя, полное пренебрежение государственностью во имя каких-то книжных принципов, оказавшихся никуда не годными, - этот безумный опыт вошел в историю под названием «керенщины», по имени своего самого характерного - и в то же время самого бесхарактерного деятеля».

А теперь о политических проходимцах прошлого. Наших проходимцах. Нашего прошлого. И настоящего: «Великой страной взялись управлять люди, до той поры не имевшие никакого понятия об устройстве государственного механизма. Пассажиры взялись управлять паровозом по самоучителю - и начали с того, что уничтожили все тормоза». «Инстинкт государственности, понимание интересов Государства были совершенно незнакомы либерально-демократической общественности. Ею завладели два чувства: безотчетная ненависть к «старому режиму» и страх прослыть «реакционерами» в глазах Совета Рабочих Депутатов. Не было удара, которого эти люди не согласились бы нанести своей стране во имя этой ненависти и этого страха...»

А теперь вспомним настроения, царившие в советском

обществе в августе-сентябре 1991 года. Вспомним эйфорию. Вспомним «Площадь Свободной России»:

«Вспышка патриотизма, охватившего в июле 1914 года Россию, при всей своей мощности, была непродолжительной. Подобно вороху соломы, энтузиазм вспыхнул ярким пламенем - и быстро погас. В этом виновато было правительство, не сумевшее использовать исключительно благоприятную возможность всенародного подъема, не догадавшееся создать аккумулятор для длительного использования внезапно появившейся энергии, огромный заряд которой пропал поэтому даром. Виновато и общество, оказавшееся неспособным на длительное волевое усилие и скоро вернувшееся в свое обычное состояние едкого скептицизма и страстной, но бесполезной (потому что злостной) критики. Инерция трех поколений никчемных людей взяла верх...»

Какие, к черту, вояки?

Перестройка, перестрелка, перекличка... Огненная дуга...

Об органах государственной власти, о праматери современной российской Думы, о партиях и партийных программах беспристрастная Матушка-История речет так: «Совет Государственной Обороны - многоголовый анархический организм - оказался совершенно не в состоянии справиться со своей сложной и ответственной задачей. Заседания этого разношерстного Ноева ковчега носили характер совершенно сумбурный. Заседания Совета Государственной Обороны Столыпин характеризовал «бедламом», Великий князь Сергей Михайлович - «кошачьим концертом», а генерал Палицын, один из инициаторов этого учреждения, - просто «кабаком»... Дума выдвинула много хороших ораторов, но ни одного государственного человека. Участие в управлении государством было очень ограниченным. Правительство продолжало комплектоваться представителями сановного мира и не было ответственно перед Думой... Партия и партийная программа представляли для либерально-революционной общественности святая святых. Русский «общественник» - все равно, конституционный демократ, социалист-революционер, социал-демократ или большевик - твердо верил в непогрешимость своих партийных догматов. Вне партии для него ничего не существовало. Не партия служила интересам страны, а страна должна была служить интересам партии. Если программа расходилась со здравым смыслом и требованиями жизни, то виноват был здравый смысл и требования

жизни. Партийная же программа при всех обстоятельствах оставалась непогрешимой. Доктринерство общественности вытекало из ее неопытности в государственном строительстве. Все свои познания в этой области она черпала из иностранной парламентской практики, наивно считая западноевропейский парламентаризм верхом совершенства и мечтая подогнать под те же образцы Россию. Во всеоружии своих теоретических познаний передовая русская общественность сгорала властолюбием. Она рвалась к власти на смену «отживающему самодержавию», дабы применить эти теории на деле. Никто из этих самонадеянных доктринеров не сомневался в возможности и даже легкости управления громадной страной по самоучителю, к тому же заграничному».

Читаешь ее, вот такую нашу суровую и серьезную Историю, вроде не грешно и слезу смахнуть, ан нет, силен он, российский дух противоречия, на уме глупость всякая, сказка вертится. Русская, народная. Пробудился однажды поутру свет-Иван-царевич, глядь, а в организме крупный непорядок: вместо пупа - огромаднейших размеров гайка. Что тут началось! Со всех концов царства съехались - слетелись лучшие первейшие врачеватели и околослесарных дел мастера. Что они только с той гайкой не делали! И ничего, сидит, проклятая, ни на миллиметр не провернулась. Нашлись добрые люди боярского сословия, посоветовали - порекомендовали: мол, за тремя морями, в тридесятом царстве мастера нашим, лапотным, не чета, враз с гайкой сладят. Скоро сказка сказывается, еще быстрее Иван-царевич конно и водно в указанный регион добирается. Прибыл. Мастера, точно, с нашими не сравнить. Враз подсуетились, инструмент хитрый, слесарно-гинекологический завели и под торжествующие крики гайку зловредную отвернули. Только гайка на пол упала - у Ивана-царевича задница отвалилась. Мораль: не ищи за тремя морями, в тридесятом царстве на отечественную задницу приключений. Сказка - ложь, да в ней намек...

«Картинки с выставки» 80-90-летней давности, а как свежо, как актуально! Умные учатся на чужих ошибках, неумные - на собственных. Общественное развитие везде идет по спирали, а у нас что, по кругу? Кто мы? Сколько можно наступать на одни и те же грабли? Почему «смутное время» стало нашей нормальной средой обитания? Мы когда-нибудь просто жить, а не бороться, начнем?

Мы все виновны. Все без исключения виновны в том, что позволили в очередной раз развязать державный веник - 73 процента за! - а мы позволили! Корчатся в огне междоусобиц отдельные его прутики, легко гнутся и ломаются они под напором внезапно хлынувших экономических тягот, стремительно нищают и дробятся, дробятся, дробятся... Развалился Союз. Теперь разваливается Россия. Суверенные республики, суверенные области, суверенные города. По логике процесса, должны дойти до суверенных хуторов, не исключено, подворий. Феодальная Русь! Взялись мы обезьянничать. Как водится, сразу в пример себе «героев» - США, Германию, Японию. Раньше все их догоняли и перегоняли, теперь будем за ними тянуться. Тоже дело - «чем бы дитя ни тешилось»... Вообще-то уважающие себя люди и государства живут своим умом. Глупость - это не отсутствие ума, это - такой ум. Может, для начала и не грех собезьянничать, только любой чужой, даже самый замечательный опыт следует преломлять на свою почву с учетом политических, экономических, религиозных и массы других условий. Иначе рискуем, желая иметь козу, получить грозу, точнее, уже получили. Все мировое сообщество стремится к интеграции, объединению, мы недрогнувшей рукой рубим вековые связи. Они открывают границы, снижают планку таможенных требований, наши внутренние границы стремительно теряют прозрачность, мы создаем свирепые таможни там, где их отродясь не было. В Западной Европе введена единая денежная единица - ЭКЮ, а у нас - «парад» национальных валют, большинство из которых годно только для одной цели - оклеивания туалетов. У них все делается для того, чтобы людям жилось лучше, проще, чтобы избавить их от массы искусственных, надуманных тягот, у нас - наоборот. За политической трескотней о реформах, демократии, правах человека как-то потеряли его, бывшего советского, ныне никому не нужного человека. Он ныне впал в дикую нищету в массе своей и не видит на темном небосклоне ни одной путеводной звезды. Человек живет надеждой, как бы тяжко ему ни было, только надежда способна помочь ему преодолеть все на свете. Человек может настроиться на жизнь в экстремальной ситуации на какое-то определенное время, но когда ему дают понять, что вся его оставшаяся жизнь - экстрема, надежда умирает. И тогда начинают расти кладбища покойников, похороненных в целлофановых мешках. И первыми жертвами экстре-

мальной «жизни» становятся старики - победители в величайшей из войн, растратившие в попытках «догнать и перегнать» силы и здоровье и на склоне лет нагло ограбленные государством, во имя которого они вершили свои боевые и трудовые подвиги. И дети, большинству из которых плохо в семьях. У них отец и мать, издерганные бесплодными попытками свести концы с концами. Концы очень часто не сходятся, и тогда всю тоску, горечь, раздражение и зло родители срывают на детях. Семьи разваливаются, дети бегут. Попадают из-под опеки родительской под опеку государственную, из огня да в полымя - в детдом. А услужливая статистика подсказывает, что каждый третий ребенок, вышедший из детдома, становится бомжем, каждый пятый попадает под суд, а каждый десятый кончает жизнь самоубийством. И это человеческое общество? Вместо того, чтобы уйти от детских домов казарменного типа в самом худшем понимании этого слова и воспитывать детей в условиях, очень напоминающих семью, что относительно недорого и, главное, разумно и перспективно, оно тратит сумасшедшие деньги на содержание правоохранительных органов для бесплодной борьбы с сонмом изгоев, которых само же и породило. У нас что, высоких человеческих душ не осталось? Или мозгов? Все разрастающаяся темная масса неграмотных, обездоленных, озлобленных, никому не верящих людей без будущего, без путеводной звезды, без царя в голове стремительно погребает и погребает под собой все робкие ростки прогресса. И воцарится закон джунглей. Старики и дети... Дети и старики... Прошлое и настоящее... Настоящее и будущее... Отношение к ним есть один из главных способов определения наличия морального здоровья общества. Оно или есть, или его нет. И оно есть граница, отделяющая общество людей от сборища нелюдей. Остановиться бы, задуматься... Не разорвать бы связь времен, не похоронить бы походя, бездумно свое будущее, не убить бы надежду, ибо уже сейчас смертность превышает рождаемость. А такого даже в Великую Отечественную войну не было. Была надежда, и люди жили и рожали детей, и крепла держава. Это нормально, когда рожают детей. Что сотворили мы, неразумные, над собой, над своими детьми, а, значит, и над своим будущим, над своей многострадальной Родиной, которая для большинства из нас была, есть и будет единственной? Нам некуда идти с этой земли. А не

махнули ли мы, братья-славяне (и не славяне тоже!), хрен тоталитарный на хрен демократический? Из практики известно: такая замена - только пустая трата времени. «У России друзей нет!» - сказал в свое время государь-император Александр III. И ничего с тех пор не изменилось. Ползут на нашу землю легионы нуворишей. Сулят миллиарды. Сулят манну небесную. Оптом и в розницу скупают необъятные богатства наши и души. С помощью перевертышей творят черное дело с одной целью - чтобы не было у России будущего. Работают организованно, без сна и отдыха, во всех направлениях: политическом, экономическом, нравственном. Тратятся, не скупясь, потому что все эти расходы в сравнении с расходами на противостояние великой державе - ничто!

Из мальчишки, привыкшего с детства шакалить, перепродавать бутылку «Кока-колы» или пачку жевательной резинки, насмотревшегося всевозможной сексуально-насильственной галиматьи, никогда не вырастет Гражданин и Солдат своей страны. Из девочки, вокруг которой, сюсюкая, увиваются всевозможные липкие типы, на словах предлагая стать фотомоделью, а в действительности делая ее обыкновенной шлюхой, никогда не вырастет Гражданка и Мать. И вот это последнее, нравственное разложение - самое страшное.

Неприхотлив, мужествен наш народ. Пройдя через великие испытания, оплатив кровью все и вся, привык обходиться малым. И как бы тяжко ни было, мы в состоянии преодолеть все наши экономические трудности при соблюдении двух обязательных условий: оградить от тлетворного разложения наше будущее - детей и начать жить своим природным живым российским умом. Если этого не сделаем - не будет ни великой России и никакой России вообще! Будет территория, предназначенная для выполнения трех функций: поставка на мировой рынок супердешевого сырья, сверхдешевого рабочего быдла и вселенская свалка всевозможных (включая радиоактивные) отходов, населенная холуями, рабами, подонками - кем угодно, но не Гражданами с большой буквы.

Всегда нужно твердо помнить: мы - наследники 1000-летней православной Руси, 300-летнего дома Романовых, почти 75-летней Советской власти. И ни от чего и ни от кого в своей истории мы не имеем права отказываться. Без прошлого нет и не может быть будущего. И не надо

стрелять в Прошлое из пистолета Будущее ответит из пушки. Иваны, родства не помнящие, годятся для одного - быть холуями.

А прошлая история наша учит нас, что все эти мелкопоместные удельные княжества мы уже проходили. Было! И закончилось трехсотлетним монголо-татарским игом! Но то была кабала физическая, жива была вера и достало у народа сил и мужества родить Сергия Радонежского и Дмитрия Донского. И возродилась Русь...

В 1612 году, стоя на краю пропасти, перед лицом угрозы краха государственности, выдвинул русский народ из своих рядов гражданина Минина и князя Пожарского. И преодолел Смутное время. И возродилась Русь...

Великий Петр, зубы сцепив, преодолевая интриги и косность, создавая армию, терпя поражения и неудачи и перековывая их в Викторию, прорубая окно в Европу, тяжелой рукою укреплял государственность. Не сахар был Самодержец Российский... Но возродилась Русь...

В 1812 году на землю русскую припожаловала «непобедимая» армия из «двунадесяти языков» во главе с увешанным всеми мыслимыми и немыслимыми титулами императором Франции. Авторитет Наполеона был столь высок, что ему даже Москву сгоряча отдали. Подержать. Поперебрасывать с ладони на ладонь. А потом встал Его Величество Русский Народ, и не стало «непобедимой» армии. Л.Н.Толстой в своем романе «Война и мир» очень точно определил, что войну выиграл не Наполеон и не Кутузов, а русский дух. Последние гвозди в гроб французской авантюры вколотили в Париже русские казаки. И возродилась Русь!..

1941-й... Это нашествие было самым серьезным. Настолько серьезным, что пришлось насильно забытую было историю вспомнить, портреты Александра Невского, А.В.Суворова, М.И.Кутузова на видном месте разместить. Выстояли. Перемололи, вышвырнули. Победили. И возродилась Русь...

Новое ползучее, липкое, тлетворное иго, надвигающееся на нашу землю со всех сторон, направлено не против материальной оболочки державы, а против Души Народа. Враг страшен тем, что он невидим. С ним нельзя скрестить меч. Его нельзя достать пулею. Но он есть. Он расшатывает и разрушает основополагающие моральные устои, завещанные нам предками, и заменяет их импортным суррогатом чуждых нам идей. Он плодит всевозможные секты, партии, об-

щественные организации мутной направленности и проповедует православной Руси православие на английском языке. Он создает политический, экономический хаос, стравливает народы, организовывая для них себе на забаву всевозможные вооруженные конфликты и гражданские войны. Он поощряет разгул преступности и препятствует борьбе с нею. Он организует «утечку мозгов» и тем уничтожает интеллектуальный потенциал государства Российского. Он делает все для того, чтобы процесс разрушения державы стал необратимым, и во многом уже преуспел. Ему кажется, что желанная цель близка. Но он ошибается. Он не знает, что сопротивление славянства в экстремальных ситуациях десятикратно усиливается, и никому не дано понять, за счет чего это происходит. Он не помнит того, что русские медленно запрягают, но очень быстро ездят. Он не осознал, что пружина беспрецедентного, не имеющего в мире аналогов российского терпения сжата почти до предела, еще немного, и она могуче распрямится с очистительной силой, сметая накопившуюся за годы и годы накипь, мразь и скверну. И возродится Русь...

Наши великие предки оставили нам державу. Они умели являть миру силу, мощь, величие и благородство. Они за все заплатили полной мерой, каждый клочок державной земли обильно и не один раз полит потом. За Державу отданы десятки миллионов жизней, пролиты реки крови. Стратегически они не проиграли никому и ничего. Они были Воины и Созидатели. Почему мы бездарно разваливаем великое наследство? Почему мы стали разрушителями? Ответ прост. Обратимся к Истории Русской армии: «Можно и должно говорить о происках врагов России. Важно то, что эти происки нашли слишком благоприятную почву. Интриги были английские, золото было немецкое, еврейское... Но ничтожества и предатели были свои, русские. Не будь их, России не страшны были бы все золото мира и все козни преисподней». Враг наш - внутри нас. Поэтому победители живут несравнимо хуже побежденных. Поэтому, обладая колоссальными богатствами и имея возможность кормить полмира, мы влачим жалкое существование, постыдно побираемся и все равно не сводим концы с концами. Поэтому за державу обидно!

А пока мы куда-то идем. Куда? Спросим у Платона: «...тирания возникает, конечно, не из какого иного строя, как из

демократии; иначе говоря, из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство... демократию подтачивает болезнь, которой я считал появление особого рода людей, праздных и расточительных... мы их уподобили трутням... самые ядовитые из трутней произносят речи и действуют, а остальные усаживаются поближе к помосту, жужжат и не допускают, чтобы кто-нибудь говорил иначе... В конце концов, когда они видят, что народ, обманутый клеветниками, готов не со зла, а по неведению расправиться с ними, тогда они волей-неволей становятся уже действительными приверженцами олигархии... Значит, уже это-то ясно, что, когда появляется тиран, он вырастает именно из этого корня, то есть как ставленник народа...Имея в руках чрезвычайно послушную толпу, разве он воздержится от крови своих соплеменников? Напротив, он станет привлекать их к суду по несправедливым обвинениям и осквернит себя, отнимая у человека жизнь... Карая изгнанием и приговаривая к страшной казни, он между тем будет сулить отмену задолженности и передел земли... первой его задачей будет постоянно вовлекать граждан в какие-то войны, чтобы народ испытывал нужду в предводителе... А если он заподозрит кого-нибудь в вольных мыслях и в отрицании его правления, то таких людей он уничтожит под предлогом, будто они предались неприятелю... тирану придется их всех уничтожить, так что в конце не останется никого ни из друзей, ни из врагов, кто бы на что-то годился... Он связан блаженной необходимостью либо обитать вместе с толпой негодяев, притом тех, кто его ненавидит, либо проститься с жизнью... Народ тогда узнает, клянусь Зевсом, что за тварь он породил, да еще и любовно вырастил...»

Удивительно глубокий человек был древнегреческий философ Платон! 2400 лет назад эти строки написал, а сколько раз жизнь подтверждала правильность поставленного им диагноза. Да, от демократии до олигархии - меньше шага. Да, опьянение свободой в неразбавленном виде сверх должного веселит, но и о похмелье забывать не следует...

Вот мы и пришли... к извечному российскому вопросу: «Что делать?» Другой, не менее известный, вопрос: «Кто виноват?» - даже трогать не станем, и так ясно.

Кто хочет успешно управлять Россией, должен хотя бы на «удовлетворительно» знать ответы на пять вопросов:

I. Что есть национальная политика в России? 132 нации

и народности, православие, католицизм, мусульманство, буддизм, иудейство, масса сект. Что может объединить, чем можно скрепить эту огромную, разноязычную, разноплеменную массу? Какие струны в совершенно разных человеческих душах надо задеть, чтобы без насилия понудить людей мирно сосуществовать, а не уничтожать друг друга? Национальный вопрос в России не закрыт, на него просто закрыли глаза. Много горя еще может принести страусиная политика в национальном вопросе.

II. Что есть в России политика региональная? 89 регионов, или, как их принято называть, субъектов Федерации, из них 17 «нерусских». Это республики, края, области, мегаполисы (Москва, Санкт-Петербург). Это офшорные зоны, свободные экономические зоны, зоны наибольшего экономического благоприятствования. Границы этнические, как правило, не совпадают с границами географическими. Всем хочется много суверенитета и соответствующих привилегий. Некоторые не прочь махнуть избыточную, по их мнению, часть суверенитета на дополнительные экономические льготы. Как сделать так, чтобы кто-то, большой и нахальный, не стянул одеяло на себя вопреки державным интересам?

III. Что такое экономическая политика в России? Переразвитый военно-промышленный, недоразвитый аграрно-промышленный, убыточный - парадоксально, но факт - топливно-добывающий комплексы. Масса нерентабельных предприятий, иногда с отсталыми навсегда технологиями. Громада находящихся в предаварийном состоянии или на ладан дышащих атомных электростанций, предприятий химической промышленности. Экология - мрак. Все хотят жить, как на Западе, а работать, как при социализме. Трехдневная рабочая неделя и четырехчасовой рабочий день. Любое повышение заработной платы дает один и тот же результат - очередной виток инфляции. Отечественный предприниматель в загоне. Иностранцы: мера участия. Как объять необъятное?

IV. Какая должна быть налоговая политика в России? Государство много хочет, пытаясь «содрать» с производителей 93 рубля из 100 зарабатываемых, а иногда и 116. Кто много хочет, тот мало получает. Производить становится невыгодно, производство останавливается, государство не получает ничего или, точнее, получает - кучу маленьких МММов. Кривая Леплера: если государство допускает та-

кое свинство, что планка налогов достигает критической отметки в 45 - 50 процентов, следствия два: массовое падение производства и поголовное уклонение от уплаты налогов. Голь на выдумку хитра, и никакая налоговая полиция тут не поможет. Кроме того, всем ясно, что львиная доля налогов идет на содержание непомерного чиновничье-бюрократического аппарата, и это дополнительно стимулирует изобретательность налогоплательщиков в части уклонения от уплаты налогов. Они, налогоплательщики, справедливо полагают, что в виде взяток бюрократам бюрократово уже отдали. Но государство без налогов существовать не может. Замкнутый порочный круг. Где налоговая грань здравого смысла?

V. И, наконец, какой тип государства мы хотим построить в России? Без проекта можно построить средней паршивости курятник, все остальное, от двух этажей и выше, требует проектирования. Это в гражданском строительстве. А в строительстве государственном? Зная, что строим, придем к пониманию, как строить. Один туземный президент, отвечая на вопрос: «Что же строим?», глупо улыбаясь, заявил: «Хорошее». А точнее сформулировать задачу можно?

Вот с обстоятельного, многопланового ответа на эти вопросы и начинается Родина. С ясного понимания того, чего же мы хотим. С осознания бесчисленных трудностей, которые предстоит преодолеть. С веры в то, что преодолеем. Иного не дано. Мы русские - мы все можем. Готов ли я сегодня отвечать на эти вопросы? Да, готов! Но это тема отдельного и серьезного разговора. Почему современная Россия стала правопреемницей только Советского Союза? А тысячелетняя история Киевской Руси, Руси боярской, России царской, что, не в счет? Или в очередной раз выгодно историю забыть? Мы должны стать наследниками царской России по состоянию дел на февраль 1917 года. Таким образом, мы восстановим связь времен и историческую преемственность поколений. Мы наследуем долги, но мы наследуем и проценты от многочисленных вкладов, которые за десятилетия наросли - приятно представить, - и сами вклады. Долги мы отдадим - куда они денутся. Но мы восстановим престиж государства Российского и в историческом плане останемся порядочными людьми, а такого рода порядочность дорогого стоит.

Соотечественники. Тремя волнами эмиграции расшвыря-

ла их злая судьба по всему свету. Армянская диаспора, чеченская диаспора... А кто и когда задумывался, какова русская диаспора в ближнем и дальнем зарубежье? Разве мы не дети одной земли? Разве попавший по воле рока в Нью-Йорк или Париж русский перестал быть русским? Или русскими перестали быть 25 миллионов человек, в одночасье, помимо собственной воли, оказавшихся на «чужбине» в ближнем зарубежье? Разве у них так же, как у нас, не болит сердце за Россию? Почему мы забыли о них? Мы разные, они по-другому видят и представляют себе возрождение России? И прекрасно. Все приходят на этот свет разными, и уходят так же. В этой пестроте, многоголосье взглядов, мнений и суждений, как всегда, где-то посредине отыщется истина. Правота доказывается не кулаками, а логикой, разумом, опытом жизни. Побеждать в цивилизованном обществе - занятие глупейшее, не победить, а убедить - вот что достойно славы. Противостояние давно утратило всякий смысл - в эмиграции оказались и потомки рьяных монархистов, и не менее рьяных коммунистов. Делить стало нечего. Мы все - дети России, пришла пора протянуть друг другу руки.

В России эпоха вражды, сначала явной, потом перешедшей в подспудную, тлеющую, затянулась. Она веригами висит на плечах, не дает дышать, думать, жить. Она застит взор пеленой ненависти, неприязни, обид. Прошлое с нами, прошлое внутри нас. Без прошлого нет будущего, но и жить с постоянно повернутой назад головой невозможно. Ради будущего мы должны осознать себя единым народом. Пора поставить точку. Пора похоронить принесшую нам столько горя, страданий и мук эпоху и начать жизнь с чистого листа, с новой строки. А что принять за точку отсчета? Борьба каких сил положила начало эпохи вражды? Самодержавной власти и партии большевиков. Кто их олицетворял? Государь-император Николай II и вождь трудящихся В.И.Ленин. Оба давно ушли, один пережил другого на неполные шесть лет, и останки обоих до сих пор не преданы земле. Над прахом уже десятилетия глумятся, над одним - мерзостно-варварски, над другим вроде бы научно, но то и другое, по большому счету, циничное издевательство. Ибо нарушен вековечный мировой порядок - все живущее от земли родится и в нее уходит. Так было, так есть, так будет. Никому не уклониться, никому с собой ничего не унести. Оба - и царь, и

вождь - ушли в небытие и в историю, и останутся в ней навсегда. Их можно кусать, но нельзя укусить. Оба познали земную славу, почести, величие и оба расстались с жизнью в результате насилия. Оба были еще и просто люди, один - муж и отец большого семейства, второй - любящий сын и брат. Одному должно найти упокоение в усыпальнице русских царей, второй завещал простую и понятную человеческую просьбу - похоронить рядом с матерью. Так пусть обретут вечный покой помазанник Божий и вождь пролетариата. Обретут, унеся с собой окаянное время. Одновременно. Всенародно. Под стон колоколов по всей стране. Под склоненные знамена. Под артиллерийский салют. Под звон тысячетрубного погребального оркестра. Эту трагически-величественную церемонию должен изваять - именно изваять - один из отечественных (обязательно отечественных!) гениев режиссуры, такой, как Никита Михалков. Она должна ударить по нервам, по душам, по сердцам! Она должна вызвать всеобщую сопричастность великому действу, наполнить сердца Верой, Надеждой, Любовью. Это будет великий символ всеобщего примирения и очищения, что даст прорыв в будущее!

Великая смута расколола некогда единый офицерский корпус русской армии, поделила его на красных и белых. Русские офицеры - люди одной крови, веры, языка, наследники одной боевой славы - в трагическом помрачении умов перестреляли и порубили друг друга. Мужественно и профессионально. Беспощадно. Русские русских в плен не брали. Ненависть стала религией. Вслед за офицерским корпусом на белых и красных поделилась вся страна. Многие умерли, так и не успев и не сумев уяснить разницу. Канула в Лету гражданская война, отгремела Великая Отечественная. Сменилось несколько поколений, человечество расщепило атомное ядро, научилось лечить страшные болезни, шагнуло в космос. Мир поменялся, но незыблемым в России осталось одно - деление на красных и белых. Враждующие стороны могут называть себя как угодно, но они все равно - красные и белые. Эти два цвета - каинова печать, это в крови, это в мозгу, это в генах. Это деление не приводило к добру раньше и не приведет никогда. Невидимый глазу и оттого еще более зловещий дьявольский огонь можно и нужно погасить, поставив в Москве, на Красной площади, простой и величественный памятник русским людям, россиянам, в силу тра-

гического стечения обстоятельств погубившим себя и свою страну. Один, общий - на всех. В назидание потомкам. Смотрите. Помните. Остановитесь. Пусть вам никогда не будет обидно за Державу. Этот памятник будет, обязательно будет. И скоро. Мы его выстрадали. Такую цену ни за один памятник в мире не платили. И не заплатят. На это способны только мы, русские! Он грядет, а пока... Ордена российские: Александра Невского, Суворова, Кутузова, Нахимова... Какие имена, какие деяния... Слава, доблесть, бессмертие... Неотъемлемая, казалось бы, часть истории русского народа, русской армии... На ней бы, на Истории, на Славе, детей воспитывать - будущее стойкое поколение россиян, нетравленое поколение, без рабства в крови, без страха в генах. Свободных людей свободной земли. Будущее России... Указ от 2 марта 1994 года - и ни истории, ни славы! Вместо них - очередной суррогат: «медаль к ордену, орден к медали». Все эти медали к орденам и значки «Шестьсот лет граненому стакану» ничего не дают ни уму ни сердцу. Все это действо мутное, непонятное, нерусское, неприемлемое, призванное в очередной раз стереть из памяти народной величие подвигов полководцев российских, принизить славу русского оружия, подрубить могучие духовные корни державы. Чем отличается забвение тоталитарное от забвения демократического? Ничем! У власти - те же люди и природа забвения - та же. Им очень нужны красные и белые, в этих цветах смысл их существования. Для них Россия - «эта страна», полигон для самых диких бесчеловечных экспериментов, источник безбедного существования, а россияне - подопытные кролики. А если вдруг осатаневшие кролики обнажат резцы, то отойти есть куда. На русские деньги в заморских землях все для этого готово. При этом нас же и хаять будут - какие мы некультурные, дурно воспитанные, и «галантерейность» в обращении у нас отсутствует в наличии. Ничего, пережили голод - переживем и изобилие. Хайте. Но наша История и наша Слава с нами останутся, ручки у пигмеев коротки Славу из Истории вымарать, а саму Историю заставить забыть. Но убивать никого не надо. Зачем готовить почву для создания новых легенд и мифов о «демократических великомучениках»? Работа грязная и глупая. Просто отшвырнуть, как отшвыривают с дороги змею. Пусть живет ушибленная, если сможет.

А у указа есть «духовные» истоки: октябрь-93. В сердце

земли российской - в ее столице, из российских танков российскими офицерами расстрелян российский же Верховный Совет. Телекомпания «Си-эн-эн» оперативно и высокопрофессионально показала российский позор всему миру. Мир с непривычки вздрогнул, ну, это у них, у цивилизованных, бывает, они потом еще долго нервно хихикали и ежились. А мы - ничего, мы - привычные. У нас тут же народилась новая плеяда Героев России. Давайте еще раз вдумаемся в смысловой ряд: Россия... столица России... российские танки... российские танкисты... расстрел россиян... герои России... черт знает что! С какими глазами, интересно, лапы за звездами тянули? Или совесть - это роскошь, а роскошь нам не по карману? В гражданских войнах государственных наград нет, и если правители по недомыслию или из конъюнктурных соображений все же пытаются их всучить, порядочные офицеры от них отказываются. Но это Офицеры!.. И еще одна вывихнутая мысль из головы не идет. Если исход политического противостояния решают танки, то главный политик страны - командир танкового полка. Развернул свой 125-миллиметровый «политический аргумент» в одну сторону - одна политика, в другую - другая. А все остальные нашептыватели на ухо и вообще советчики при нем, при танковом полковнике. Но советчиков можно слушать, а можно... Холить его, танкиста, лелеять надо, не гневить, а то вдруг встанет с левой ноги да не в духе и развернет политику куда Макар телят не гонял. Что тогда делать будем? Так армия вне политики или как?.. Похоже, что «или как»... И опять проступают те же цвета - белый и красный. Кто ведет, с кем идти? И надо ли? Прикрыл один глаз - бело, прикрыл другой - красно. Черт направо, черт налево... Там, глядишь, и кладбище набежало, за ним другое, третье... А мир - он не красно-белый. Он - пестрый, многоцветный, сияющий, радужный, радостный... И красные, и белые цвета в нем - только рядовые, равноправные, ничем от других цветов не отличающиеся составляющие. И это - мир.

Смягчая жестокость законов необязательностью их исполнения, власть в России всегда была суровой. Молох власти перемалывал отдельных людей, семьи и целые народы. Кромсал, рвал, рубил, не утруждая себя разбирательствами, кто прав, а кто виноват. И никогда, ни разу Власть не склонила голову перед Народом в знак покаяния. Не вернуть

безвинно убиенных, до времени из-за перенесенных страданий и мук ушедших, не прибавить здоровья здравствующим, да и ограбленным надеяться не на что. Но пролить чудодейственный духовный бальзам на больную народную душу, покаявшись в содеянном и испросив прощения, - ох, как это сейчас необходимо. Та власть, которая найдет в себе мужество для такого возвышенного шага, и будет истинно народной властью. С нее начнется Возрождение. Россия - не единственная страна, в духовном арсенале которой отсутствует общенациональная идея, но это слабое утешение. Стержень, вокруг которого сплачивается нация, сначала сломали, потом пытались заменять суррогатами, а в конце, во времена царствования Леонида I, и вовсе утратили. И мы стали страной без руля и ветрил. Нас поразил духовный СПИД. Любая дешевка в яркой обертке стала восприниматься как откровение. Всяк стал сверлить дыру в своей части державного корабля, не осознавая, что ко дну пойдем все. Мы летим в пропасть и живы, пока летим. Но дно все ближе и ближе. Надо всмотреться в него пристально, мужественно и хладнокровно, надо зацепиться за что-то спасительное. Надо воссоздать державный стержень. Выбор невелик: национализм и православие. Русский национализм - он как медведь зимой в берлоге - ленивый, заспанный, расшевелить и выгнать нелегко. Но если раскачается и выберется, назад уже не вернется - шатуном станет. И тогда на пути не становись! Злой, худой и волосатый, он будет наводить ужас на мир и его окрестности. Он не даст жить другим, желая попеременно то меда с хреном, то квашеного ананаса, то лапы в теплом океане омочить, но и сам жить не будет. Продираться сквозь джунгли к теплому океану - разве это жизнь?

И православно-тысячелетняя Вера нашего народа, не раз могуче подвигавшая его на подвиги, не раз спасавшая его в смутные времена. Вера, неразрывно связанная с Отечеством. Но... История Русской армии: «Суворов учил: «Мы - Русские! С нами Бог». Его не поняли, стали по-дикарски перенимать чужеземные «доктрины» и «методы», рассчитанные на сердца чужих армий. Мы перестали быть Русскими... Бог перестал быть с нами...» Все новое - это хорошо забытое старое. Так, может быть, не мудрствуя лукаво, вспомним, на чем стояла Русская земля, и вернем отлученную от государства церковь в его лоно, воссоздав мощный духовный государственный институт? И серьезно, и вдумчиво, как это мы

можем, когда захотим, реформируем армию, вернув ей былую мощь и величие. Церковь укрепит армию, армия защитит церковь. И на этой возрожденной духовной оси двух державных сил вновь ощутим себя Русскими. А духовная мощь и доблесть объединенными усилиями на русской почве возродят творческий гений. А треугольник - фигура жесткая, непоколебимая. И тогда державе - быть! Только не спешить. «Служенье муз не терпит суеты». Не превратить восстановление храма Христа Спасителя в комсомольско-молодежную стройку, в создание чьего-то «личного народного» храма. В конъюнктурно-поспешно отстроенном на оторванные от сирот и стариков бюджетные деньги храме будет не больше святости, чем в предшествовавшем ему бассейне. Это новое раздражение и новая смута. Дорога к храму длинна и терниста.

Родина не должна быть малоизвестной. Ее надо научиться любить, а любить можно только то, что знаешь. Надо знать ее великое прошлое, ее гениев и злодеев, ее сказания и легенды, цвета ее флага, абрис ее герба, мелодию ее гимна. Моральное здоровье нации определяется очень просто - если при звуке гимна страны люди непроизвольно встают и замирают, значит, нация здорова. Любить свою Родину могут только хозяева своей земли, которым ведомо понятие «малой родины», на которой у них отчий дом - родовое гнездо, свои три березы, незатейливая, метровой ширины речушка. Им есть что защищать, им есть за что, если приведется, умереть. Бомжу, меняющему вокзалы и подвалы, не дано возвыситься до понятия «Родина». Это не те сорок миллионов придурковатых «собственников» с тремя акциями «МММ» в нижнем ящике комода, с которыми они толком не знают, что делать. Нет, это - хозяева, упорно и настойчиво работающие на себя, на своих детей и внуков, на свою державу. Разумные, заботливые, предусмотрительные. Им интересно на своей земле все, им до всего есть дело, им хочется жить и созидать, жизнь для них многоцветна и радостна. Ими не надо командовать, им надо дать одно - разумную, огражденную законами свободу. Хозяин, начиная новое дело, рискует своими деньгами, чиновник - государственными. Хозяин работает на положительный результат, чиновник к результату равнодушен. У нас не будет хозяев до тех пор, пока государство будет работать на чиновника, а не чиновник на государство. Оптимальная система управления: начальник - программист - компьютер. Это непро-

сто, но к этому надо стремиться. Тогда «пинатели воздуха» уступят место хозяевам, а хозяева возродят Державу.

Цари, генсеки, президенты приходят и уходят, а народ остается. Вечная это категория - народ. Он, народ, состоит из отдельных людей, таких разных, таких непохожих. И каждый приходит в этот мир, чтобы родить детей, дождаться внуков, построить дом, посадить дерево и уйти. Каждый человек - это целый мир, и дано ему прошагать по Земле семьдесят - восемьдесят лет, и мир меркнет, и на смену ему приходит другой, неповторимый, и жизнь продолжается. И не надо прерывать ее пулей или осколком. Когда-то надо остановиться и начать жить, а не бороться. Люди - не мусор, не мелкая разменная монета в политических играх и не удобрение для полей. На таких полях можно вырастить только зубы дракона. И кровь людская - не водица. Одна у нее цена. Человеческая она кровь. 9 января 1905 года было убито и ранено тридцать манифестантов - и этот день был назван «кровавым воскресеньем». В февральские и мартовские дни 1917 года было растерзано пять тысяч - и революция была названа «бескровной». Во время известных событий 1989 - 1990 годов в Тбилиси погибло восемнадцать, в Вильнюсе - тринадцать человек - и шум на весь мир. В Таджикистане убиты десятки тысяч человек. В октябре 1993 г. в Москве убиты сотни - и молчаливое равнодушие. Нет крови «священной» и крови, которую можно проливать, как воду. Нет такого конфликта, который люди или государства не смогли бы разрешить без кровопролития, была бы добрая воля. Все войны в истории человечества, даже столетние, кончались переговорами и миром. Без исключений. Так стоит ли наваливать горы трупов, плодить бессчетное количество калек, вдов и сирот, превращать в пыль и пепел города и села, прахом пускать по ветру труд многих и многих поколений, отбрасывать страну в ее развитии на десятилетия назад, а потом садиться за стол и договариваться. Может, сразу с этой заключительной стадии и начать? Гомо сапиенсы все-таки!

Давно пора прекратить посыпать головы пеплом; периодически оглашать мир воплями о том, какие мы недоумки; с помощью «начальника отдела кадров войск ПВО» Руста смещать сотни генералов и офицеров; дирижировать чужими оркестрами и вообще творить подобные благоглупости на потеху зарубежной публики. Русская народная мудрость:

молчи - за умного сойдешь. Не научившись уважать себя - других уважать не заставишь. Никакой иностранный дядя из той клоаки, в которую мы сами себя загнали, нас тащить не будет, можно в этом не сомневаться. Так и будем, как козлы за морковкой, ходить за посуленными «зелеными» миллиардами до скончания века. Российский ученый, российский предприниматель, купец российский, рабочий, солдат - вот опора и надежда державная. Культурный и образованный россиянин. Обязательно образованный, во что бы то ни стало образованный. Дурак, но преданный - это проехали. Закрыл рот и убрал рабочее место - тоже проехали. Не болтать надо - пахать! Через великий труд державу на ноги поставить можно. И должно. Поднять надо над горизонтом путеводную звезду, свою, российскую. Чтобы не выписывать во мраке восьмерки и петли, не блудить, завывая от страха и одиночества. Идти тяжело и трудно, не все дойдут, кто-то умрет по дороге, кто-то отстанет, кто-то потеряется. Но мы знаем, куда мы идем. И мы, народ российский, дойдем. Другого не дано.

Превалирующим чувством в нашем обществе на протяжении десятилетий была зависть. Заглянуть в карман соседа - это святое дело! И оказать ему помощь и содействие, широко, от души, по-русски: «Иван, ты сидел?» - «Сидел». - «И я сидел. А Петр не сидел. Давай его посадим?» Нет, дорогие соотечественники, на такой психологии далеко не уедешь. Изжила она себя, осиновый кол ей в могилу вместо креста. Если все-таки бороться, то бороться надо не за то, чтобы не было богатых, а чтобы не было бедных. И бороться за это надо плечом к плечу, чувствуя локоть соседа, и богатеть вместе с Россией, а не за счет ее. У нас для этого есть все, надо только руки и голову приложить. Получится, обязательно получится. И еще - надо, наконец, прекратить лгать. Какие же горы лжи наворочали! И продолжаем по инерции, за счет того, что те же людишки у власти, громоздить. Правда - она, объективно, одна. Большая, красивая и чистая. Это теория. А на практике вдруг выяснилось, что есть правда приднестровская и молдавская, армянская и азербайджанская, грузинская и абхазская. Есть две таджикские правды. Есть президентская и парламентская. Правительственная. И все эти мутные ручейки, под правду рядящиеся, текут в болото лжи. Пора мелиорацией заняться, чтобы вырвавшийся из болота на простор и свободу могучий, широкий и крис-

тальный поток смыл всю грязь и кровь. Никто, кроме нас!..

Хватит. Мысли можно развивать до бесконечности. Много-их, теснятся они, бьют крылами, куда-то рвутся. Умные ли, глупые, дано ли им расправить крылья и воспарить, или сгинут они безвестно - время покажет, но не надо торопиться их хаять. Необходимо помнить, что всякая идея проходит в своем развитии три фазы:

- Да это же бред сивой кобылы!

- Постойте, постойте, в этом что-то есть!

- Так это же и козе понятно!

Хорошо бы встретить XXI век в государстве возрождающегося здравого смысла. Только где тот Македонский с мечом и железной решимостью гордиев узел извести...

История Русской армии: «Мы должны все время помнить, что мы окружены врагами и завистниками, что друзей у нас, русских, нет. Да нам их и не надо при условии стоять друг за друга. Не надо и союзников: лучшие из них предадут нас». - «У России только два союзника: ее Армия и Флот», - сказал Царь-Миротворец. Мы располагаем бесчисленными духовными сокровищами. Они лежат еще втуне, но дадут, при умении взяться за дело, небывалые плоды - как в мирном строительстве, так и на полях сражений.

Побольше веры в гений нашей Родины, надежды на свои силы, любви к своим русским. Мы достаточно дорого заплатили за то, чтобы на вечные времена исцелиться от какого бы то ни было «фильства» и знать лишь одно русофильство. Довольно с нас «мировых проблем» и дорогостоящего мессианства! Не будем мечтать о счастье человечества - устроим лучше счастье нашей собственной страны. Довольно и «священных союзов» на русской крови и «мировых революций» на русские деньги и русские страдания.

Научимся смотреть на вещи ясно и просто, раз навсегда отрешившись от мистики, засоряющей и затуманивающей государственное сознание.

Русский народ - отнюдь не богоносец, как то думали люди, великие сердцем, но не умевшие мыслить государственно. Он также не преступник, как полагают люди недалекие и озлобленные. Богоносцами могут быть не народы, а только отдельные люди, причисляемые за это к лику святых. У нас богоносцев больше, чем где-либо. Народ - это не только сто миллионов людей, живущих в данное время. Это также - миллиард их праотцов, оставивших наследием великую страну. И это так-

же - миллиард их потомков, что еще не родились, но приумножат это наследие в грядущие века. Народ, как и часть народа - армия, как и часть армии - полк - это не только те, кто есть, но и те, кто были, и те, кто будут. Поколению духовно нестойкому наследуют поколения более сильные...

Наш народ землепашцев в то же время и народ-воин. Никакой иной народ так не сумел соединить плуг с мечом, труд землепашцев с обязательным для всех воинским долгом. В какой стране и в какую эпоху мы найдем явление, подобное казачеству?

Военный гений русского народа велик и могуч - тому свидетели все покоренные столицы Европы и те шедшие на Русь завоеватели, что стали верноподданными Белого Царя.

У Русского Народа есть свои достоинства, есть и свои недостатки. Развивая достоинства, мы должны по мере сил сводить на нет недостатки - то есть в первую очередь стремиться к удалению причин, способствующих этим недостаткам. Труд огромный, но благодарный - труд, за который надо только суметь как следует взяться, а взявшись - вложить в него все сердце и всю душу без остатка.

И за этот беспримерный труд возьмутся и доведут его до завершения те поколения воссоздателей России - Русских офицеров, - для которых в тяжелые годы и писались эти строки.

Нам придется преодолеть великие трудности - но это для того, чтобы совершить затем великие дела!

А когда эти трудности покажутся неодолимыми, рвы Измаила - глубокими, Чортовы Мосты - непроходимыми, когда вот-вот опустятся руки и упадут сердца - тогда оглянемся назад и спросим совета у Петра, Румянцева, Суворова. И они дадут совет - тот самый, какой надо. И вновь содрогнется вселенная от дел русского оружия. Но горе нам и горе вам, что придете, если вместо русских великанов станете спрашивать совета у чужих «нихтбешгимзагеров», если вместо Суворова будете опять искать откровения у Мольтке. Поражения вновь тогда станут вашим бесславным уделом. Третья Плевна сменится Мукденом, Мукден - Мазурскими озерами...

Я верю, что впереди у нас Полтава, а не Мукден. Ибо только верой силен человек. Эпоха разрушителей подходит к своему логическому печальному концу, грядет другая - Созидателей. Державных Созидателей.

Александр Лебедь.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

НАЧАЛО...

Заявление командующего
14-й общевойсковой гвардейской российской армией

Прежде чем излагать суть заявления, хочу сделать три оговорки.

1. Официально фиксирую, что нахожусь в здравом уме, в доброй памяти. Практически здоров и отвечаю за каждое свое слово.

2. Хотел бы сразу отмести возможные обвинения в том, что я, генерал, человек военный, вмешиваюсь в политику. Я категорически отвергаю такие обвинения и заявляю вам, что буду говорить как русский офицер, у которого есть совесть.

3. Пресс-конференции в обычном смысле сегодня не будет. Говорить буду я, вы будете слушать, если вам это интересно, на вопросы сегодня отвечать не буду.

Я обращаюсь прежде всего к Вам, первый Президент свободной России Борис Николаевич Ельцин. Я обращаюсь также к президентам суверенных республик, к народам, правительствам и парламентам, ко всем, кому будет интересно меня слушать.

Товарищ главнокомандующий, я, командующий 14-й общевойсковой армией генерал-майор Лебедь, вам докладываю.

На границе Приднестровской Молдавской Республики и Республики Молдова нет межнационального конфликта. 39 процентов населения Приднестровья - молдаване, 26 - украинцы, 24 - русские. Эти люди всегда жили между собой в мире. Здесь они родились, выросли, здесь могилы их предков. Здесь имеет место геноцид, развернутый против собственного народа. Я подтверждаю это некоторыми фактами.

Только с приднестровской стороны, по состоянию на сегодняшний день, количество убитых достигает 650 человек, раненых

- до четырех тысяч. Подавляющее большинство убитых и раненых - до двух третей - это мирное население. Это женщины, старики, дети. Это не военнослужащие, не военнообязанные, это люди, не состоящие в военизированных формированиях. Если в Бендерах идет «восстановление конституционного порядка», тогда всему мировому сообществу надлежит пересмотреть понятие «оккупация».

По самым последним данным, в городе Бендеры консервный завод разграблен, вывезена готовая продукция, завод сгорел. Маслоэкстракционный завод - вывезена готовая продукция, завод сожжен, заминирован. Пивзавод - вывезена готовая продукция. Биохимзавод - вывезена часть оборудования, разграблен, сожжен. Молочный комбинат - частично выведен из строя. Хлебокомбинат - разграблен. Обувная фабрика - разграблена. Магазины практически все разграблены. Детская поликлиника, СЭС, горполиклиника, женская консультация, гинекологическое отделение - разграблены. Полностью выведено из строя освещение города. Барницкий водозабор выведен из строя. Центральная телефонная подстанция разрушена. Разрушено до 50% жилого фонда. Выведены из строя путем разрушения, подрыва практически все школы, детские сады, лечебные учреждения. Население города Бендеры, которое там еще осталось, даже если допустить, что завтра там воцарится мир, - это обреченные на нищету люди. Им негде заработать кусок хлеба. Все те предприятия, на которых это можно было бы сделать, разрушены, разграблены, развалены, взорваны складские помещения и производственные помещения.

Постоянно наращивается диверсионная деятельность. Основные усилия направлены на выведение из строя энергетических мощностей, линий электропередачи. По состоянию на 4 июля выведены из строя ЛЭП - 330 киловольт Днестровск - Кишинев, ЛЭП - 110 киловольт Днестровск - Тирасполь - Бендеры, ЛЭП Тирасполь - Кицканы - Толмазы - Чобручи, подстанция Бендеры Южная. Вчера я получил информацию, что на территории Украины взорваны опоры линий электропередачи Могилев - Каменец-Подольский. Таким образом, энергоснабжение народного хозяйства Приднестровья сильнейшим образом нарушено.

Количество беженцев, по разным данным, исчисляется от 120 до 150 тысяч человек. Сосчитать более точно невозможно.

Я официально докладываю, что здесь, на территории Приднестровья, нет ни посткоммунистического, ни прокоммунистического, ни неокоммунистического, никакого другого режима. Здесь просто живут люди, которых систематически, иезуитски,

зверски уничтожают. Причем уничтожают таким образом, что эсэсовцы образца 50-летней давности просто сопляки.

Военный совет армий располагает обширными кинофотовидеоматериалами и готов представить их для рассмотрения любой комиссии, назначенной международным сообществом.

Я докладываю, что систематический обстрел плотины в Дубоссарах создал реальную предпосылку колоссальной экологической катастрофы. В случае разрушения тела плотины находящиеся в водохранилище 465 миллионов кубометров воды устремятся вниз по руслу Днестра. Волной высотою непосредственно у Дубоссар 20 метров и к Чобручам - до 6 метров будет снесено все, в том числе 31 населенный пункт на правом и 26 на левом берегах Днестра, уничтожены все низководные мосты, водозаборы и очистные сооружения...

Я уже не говорю о том, что на территории Бендер имеется множество мест складирования отравляющих веществ типа аммиачной воды, хлора, сжиженного газа. Вчера только усилиями военнослужащих релейно-кабельного батальона была предотвращена большая катастрофа. Пулями были пробиты резервуары со сжиженным газом, и этот газ начал вытекать и расстилаться по земле. Была создана реальная предпосылка к взрыву колоссальной силы. Воины заслонили собой город.

Я считаю необходимым довести до сведения всех, что ведущиеся сейчас переговоры на самом высшем уровне - есть не что иное, как попытка выиграть время, обеспечить себе время для создания наступательной группировки. Народ молдавский воевать не хочет. Это добрый и мирный народ, когда-то был веселым и жизнерадостным. Министерству обороны Молдовы не остается ничего иного, как задействовать наемников.

Факты. На протяжении последних 1-2 суток в районы Кошницкого и Кочиерского плацдармов срочно перебрасываются артиллерийские системы большой мощности с целью обстрела Тирасполя, Дубоссар, Бендер. На Маркулешты, аэродром под Бельцами, переброшены 32 румынских летчика-добровольца - для тех МИГ-29, которые там базируются. В ближайшие дни должны прибыть, а может быть, уже прибыли, 10 МИГ-25. Пилоты - румынские опознавательные знаки Республики Молдова. На бывшем учебном центре воздушно-десантных войск в Бульбоках, 50 километров восточнее Кишинева, завершается формирование и боевое сколачивание отряда спецназначения. Инструкторы - румынские, экипажи БМП и БМД формируются за счет румынских офицеров и рядового состава. Резко увеличивается приток снайперов из Литвы и Латвии, едут преимущественно женщины. С

помощью установок «Ураган» спланированы нанесения ударов по единственному на территории Приднестровья Тираспольскому аэродрому и по отдельным объектам и городкам 59-й мотострелковой дивизии.

Некоторые выводы.

На эту благодатную землю легла тень фашизма. Я считаю, что бывшая огромная страна должна об этом знать. И должна вспомнить, чего ей стоило 47 лет назад сломать фашизму хребет. И должна пошевелить в своей исторической памяти. И должна вспомнить о том, чем оборачиваются уступки фашизму. И должна принять все меры к тому, чтобы фашисты заняли подлежащие места на столбе. Желательно на Кочиерском плацдарме, земля которого до сих пор набита осколками и каждый метр которой полит кровью освободительной армии в 1941-1945 годах.

Второе. То, что я увидел, услышал и наблюдал, дает мне моральное право заявить (как бы это парадоксально ни звучало, а может быть, и смешно, не берусь судить), что я не могу рассматривать законно, подчеркиваю, законно избранного президента Молдовы Снегура как президента. Да, избран законно, но на волне роста эйфории, роста национального самосознания, самоуважения, но вместо державного руководства организовал фашистское государство, и клика у него фашистская. Министр обороны, генерал, а точнее не генерал, а людоед от ДОСААФ, бригадный генерал Косташ с вечера отмобилизовывает людей, а утром бросает их в бой... У меня по отношению к фашистам однозначная, четкая, вполне определенная позиция. И я хотел бы обратить на это обстоятельство внимание народа древней Молдовы. Пусть он задумается, кто им правит и куда его ведут.

Третье. Наверное, нам всем, вместе взятым, жителям Земли (я манией величия не страдаю, можете зафиксировать и этот факт) нужно объединить усилия в том, чтобы мы заняли вполне определенную позицию. Настало такое время - занять определенную позицию. Пора прекратить болтаться в болоте малопонятной, маловразумительной политики. Что же касается державы, которую я имею честь здесь представлять, могу добавить еще то, что хватит ходить по миру с сумой. Как козлы за морковкой. Хватит. Пора за дело браться, державность блюсти. Возьмемся - у нас занимать будут.

И самое последнее. Я завершаю свое заявление тем, с чего начал. Я говорил, как русский офицер, у которого есть совесть, по крайней мере я это твердо знаю. Я говорил это для того,

чтобы все задумались. Подчеркиваю, я сказал, а вы, товарищи политики, и ты, Господин Народ, думайте.

Я благодарю вас за внимание.

А.И.Лебедь, командующий 14-й армией

4 июня 1992 г. г.Тирасполь.

КОМАНДУЮЩЕМУ 14 ГВ.ОА

Категорически запрещаю выступать по радио, телевидению и в печати, давать оценку происходящих событий.

Оценивать действия и решения правительства Молдовы есть прерогатива правительства и Верховного Совета России.

Ваша задача заключается в успешном руководстве 14 а по недопущению нападений на все воинские объекты и сохранению жизни военнослужащих.

Войдите в связь по телефону с Президентом Молдовы Снегуром. Обменяйтесь мнением с ним по сложившейся ситуации.

Об исполнении доложить мне шифром до 9.00 6.7.92 года.

5.7.92 г. П.Грачев

МИНИСТРУ ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На Ваш исходящий от 5.7.92 года докладываю, что полностью отдаю отчет своим действиям и сознаю всю лежащую на мне ответственность.

Все, указанное в моем заявлении представителям средств массовой информации 4 июня, соответствует действительности. Прошу создать комиссию для проверки фактов. Готов представить соответствующие документы, кино-, фото-, видеоматериалы.

В сложившейся обстановке считаю неприемлемым и ошибочным с моей стороны какие бы то ни было контакты и разговоры с Президентом Молдовы, запятнавшим свои руки и совесть кровью собственного народа.

5.07.92 г. А.Лебедь

Резолюция МО: «Доклад не полный» П.Грачев

5.7.92 года

КОМАНДУЮЩЕМУ 14 ГВ.ОА

Я нисколько не сомневаюсь в том, что Ваше заявление представителям средств массовой информации, возможно, соответствует действительности.

Однако, как военный человек, Вы не доложили об уяснении

задачи по поставленным мною вопросам о запрещении проведения Вами пресс-конференций, интервью и выступлений в средствах массовой информации.

Вам было приказано вступить в переговоры с Президентом Молдовы, однако Вы, глубоко не проанализировав политическую ситуацию, сложившуюся в последнее время между Президентами России и Молдовы, ведете себя исключительно недальновидно.

На основании изложенного приказываю:

1. Не выступать без согласия со мной по радио, телевидению, печати, давать оценку происходящих событий.

2. Выполнять задачи только по обеспечению боевой готовности соединений и частей 14 а и недопущению обстрелов и нападений на них.

3. Прекратить заниматься политическим популизмом, умерить свой пыл и трезво оценивать сложившуюся ситуацию.

4. Выполнить мое требование, не взирая на Ваше субъективное мнение, о вступлении в контакт с Президентом Молдовы Мирче Снегуром.

5. Выражаю уверенность, что Вы являетесь действительно моим представителем и моей опорой. Мне не хотелось бы думать, что назначение Вас на должность Командующего 14 а для Президента и меня ошибочным.

6. Об уяснении полученной задачи доложить.

5.7.92 г. П.Грачев

МИНИСТРУ ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На Ваш исходящий от 5.7.92 года докладываю:

По пункту № 1: Есть, понял. По пункту № 2: Есть. По пункту № 3: Есть. Обстановку оцениваю трезво.

При всем уважении к Вам со Снегуром в переговоры вступать не буду.

Я генерал Российской армии и ее предавать не намерен.

6.7.92 г. А.Лебедь

ПАУЗА...

Министр не понял. Или забыл. Или не знал, что ответить, а войну тем временем удалось убить. 21 июля было подписано Соглашение о мирном урегулировании конфликта. 29 июля в Приднестровье введены миротворческие силы России. Велика она все-таки, сила слова, особенно вовремя сказанного.

А потом начались вещи непонятные, в голову нормального, служилого офицера армии российской не укладывающиеся.

И родилось обращение.

МИНИСТРУ ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Офицерское собрание уполномочило меня довести до Вас обращение офицерского состава 14 гв. ОА:

«Министру обороны Российской Федерации генералу армии П.Грачеву

Обращение
офицерского состава
14 гв. ОА Общевойсковой Российской Армии

Товарищ генерал армии!

Обратиться к Вам нас, офицеров 14 гв. ОА, вынуждает та обстановка, которая на сегодняшний день складывается в Приднестровье, вокруг армии.

Главным событием последних недель, безусловно, стало прекращение боевых действий между противоборствующими Молдавской и Приднестровской сторонами.

У людей появилась надежда на возвращение к мирной жизни. Налаживается процесс плановой учебно-боевой деятельности частей армии. Одновременно с этим реальная обстановка продолжает оставаться сложной. Все еще раздаются выстрелы, взрывы, гибнут люди на минах, в том числе военнослужащие, резко обострилась криминогенная ситуация в регионе дислокации частей.

Не прекращается настойчивое муссирование различного рода слухов о судьбе 14-й армии, и прежде всего о выводе ее в ближайшее время на территорию России.

Дать нам ясность по этим крайне важным для каждого офицера, его семьи, вопросам мы просим неоднократно, в том числе в своем открытом письме Б.Н.Ельцину 14.07.92 г., однако ответа не получили.

А между тем молдавские, румынские, западные, да и неко-

торые российские средства массовой информации продолжают говорить о якобы достигнутых на самом высоком уровне, в частности, на последней встрече президентов Б.Н.Ельцина и М.Снегура, решениях о выводе или расформировании нашей армии.

Как подтверждение возможности такого варианта развития событий мы воспринимаем сдачу Молдове 300 полка ВДВ, слухи о прекращении финансирования строительства жилья для 14-й армии, сокращение сроков вывода войск России из Германии, Польши, Прибалтики. Видим мы и то, что ждет выводимые войска на Родине, в России - за редким исключением - это полнейшая социально-бытовая неустроенность.

М.Снегур уже открыто предлагает офицерам нашей армии, имеющим жилье, переходить на службу в ВС Молдовы (и это после той братоубийственной войны, костер которой еще не погас).

Все это не может не беспокоить офицерский состав, будоражит коллективы, создает в них, а также в офицерских семьях нездоровую обстановку, вызывает обоснованное чувство тревоги, неуверенности в завтрашнем дне, неминуемо сказывается негативным образом на состоянии боевой готовности, воинской дисциплине, морально-психологической атмосфере в офицерской среде, особенно среди молодых офицеров.

В то же время население (а 45 процентов офицеров армии к нему принадлежит), народ Приднестровья по-прежнему видят в лице 14-й армии единственного гаранта мира и безопасности в регионе, а факт ее невывода воспринимает как поддержку России.

Мы допускаем, что когда-то армию придется выводить. Но, поверьте нам, находящимся здесь, что в нынешней ситуации такая попытка будет воспринята людьми как трагедия, предательство как с нашей стороны, так и со стороны России и ни к чему, кроме как к новому, более серьезному витку войны, захвату оружия и боевой техники армии, не приведет.

Не исключено, что оружие в этом случае будет обращено против российских военнослужащих и их семей обеими противоборствующими сторонами.

Предвидя возможные новые политические игры вокруг 14-й армии и имея для этого определенные основания, офицерские коллективы еще раз настоятельно просят Вас разъяснить судьбу и перспективы армии, все связанные с этим вопросы, которые мы считаем вправе задать. И прежде всего - кто защитит наши семьи, детей в случае вывода армии и возобновления войны в Приднестровье, кто предоставит крышу над головой на новом месте службы?

Просим понять нас правильно - мы люди военные и от трудностей в сторону не уходим. Но нам представляется справедливым, если у людей будет полная ясность того, что ждет их семьи не только сегодня, но и в дальнейшей службе, жизни и если эта ясность будет нам дана нашим министром.

С искренним уважением, офицеры 14-й гвардейской общевойсковой армии Российской Федерации.

16.09.92 г. А.Лебедь

КОМАНДУЮЩЕМУ 14 ГВ. ОА

На исходящий от 16.9.92 г.

Уважаемый Александр Иванович!

Я внимательно изучил обращение офицерского собрания л/с 14 А, которое заставило Вас (правда, вы пишете, уполномочило) обратиться ко мне за разъяснениями о судьбе 14 А.

Едва сдерживая свои эмоции, и в то же время, ни президент России, ни я еще не до конца разочаровались в Вашей преданности и надежности России и нам, чем и вызваны указы президента о назначении Вас командующим 14 А и присвоении звания генерал-лейтенант, довожу до Вашего сведения и сведения л/с 14 А.

1. В соответствии с моим письменным приказом в армии России офицерские собрания разрешены только в бригадах, полках, отдельных частях. Прошу внимательно изучить Положение.

2. Вы, боевой генерал, прекратите пользоваться различными слухами, касающимися о выводе 14 А. Этим самым Вы лично создаете нездоровый морально-нравственный настрой среди л/с армии. Что, кстати, сказывается и на низком уровне состояния боевой готовности, боевой подготовки.

3. Как Вы выразились, «Сдача 300 пдп» - это абсолютно Вас не касается, находится не в Вашей компетенции и не вмешивайтесь никогда в дела, которые функциональными обязанностями Вам не определены. Я еще раз повторяю, политика - дело политического руководства и в некоторой степени Министра Обороны и все, запомните это раз и навсегда.

4. Судьба 14 А. будет решаться после полного разрешения политическим путем судьбы Приднестровья. Всех паникеров, стукачей, разжигателей напряженности и т.д. выгоняйте, увольняйте, наказывайте и т.д. Армия выйдет только после согласия народа Приднестровья и Молдовы в целом.

5. Я получил телеграмму от МО Молдовы, где мне в очеред-

ной раз заявлен протест в Ваш адрес об оскорбительных заявлениях в адрес республики Молдовы и Российской Федерации, о государственном флаге республики, называя его фашистским и даже о том, что якобы слепо не будете подчиняться Министру Обороны России.

Прошу подтвердить с целью принятия мной окончательного решения. Пока я расцениваю так: 1. Меня вводят в заблуждение; 2. Игра на публику с Вашей стороны с целью приобретения дешевого капитала; 3. Выход из-под контроля и прямое неповиновение.

22.09.92. П.Грачев

МИНИСТРУ ОБОРОНЫ РФ

На Ваш исходящий от 22.9.92 г.
Вас вводят в заблуждение.
22.9.92 г. А.Лебедь

А.И.ЛЕБЕДЮ

На исходящий от 22.9.92 г.

Уважаемый Александр Иванович!

Ваш ответ настолько краток, что, учитывая среднее состояние моего ума, я ничего не понял.

Доложите конкретно по каждому пункту моих требований и какую работу проводите Вы, командующий, по искоренению истерии, бабских сплетен, выдержанных в духе лучших традиций бывших политработников.

Что сделали Вы по разъяснению моих требований по дальнейшей судьбе 14 А. С кем Вы, кому подчиняетесь, в какой армии служите или желаете служить. Мне важна чистая правда для принятия окончательного решения нашей совместной или раздельной службы.

23.9.92 г. П.Грачев

МИНИСТРУ ОБОРОНЫ РФ

Тов. Министр Обороны!

Глубоко взволнован Вашей телеграммой.

Докладываю, что служил, служу и служить буду в армии России, знамен не менял и менять не собираюсь. Во вверенном мне объединении истерии и бабских сплетен нет. Есть коллектив офи-

церов, в большинстве своем русские люди, которых на протяжении ряда лет ломали, гнули, обливали грязью их офицерское достоинство, но они выпрямляются. И как у нормальных русских офицеров у них есть вопросы к руководству страны, к руководству Министерства обороны, которые почему-то систематически остаются без ответа.

Почему, несмотря на сотни убитых, тысячи раненых, десятки тысяч беженцев, никто не удосужился разобраться, что же здесь произошло?

С кого спросить за семь убитых и сорок восемь раненых военнослужащих 14 ОА?

Кто компенсирует ущерб в 65,8 млн. рублей, понесенный частями армии в ходе артиллерийских обстрелов и диверсионных действий со стороны республики Молдова?

Почему на основании Соглашения между Главным командованием ОВС СНГ и правительством РМ, подписанного 20 марта с.г. Шапошниковым и Муравски, молдавская сторона претендует на все части Бендерского гарнизона (9 частей), 169 рбр (г. Бельцы), 237 исбр (г. Дубоссары), систематически осуществляет захват транспорта и людей, засылает своих эмиссаров в эти части, и их приходится гнать? При чем здесь ОВС СНГ, если это Российская Армия?

Почему заявки по обеспечению армии удовлетворены на 5-17%?

Почему практически прекращено финансирование начатого было жилищного строительства?

Почему офицеров российских на основании Постановления правительства РМ от 18 августа с.г. (пункт первый гласит: «Государственные квартиры, в которых проживают военнослужащие, не изъявившие желания служить в ВС Молдовы, и члены их семей, являются служебными квартирами МО») пытаются выставлять из квартир в Бельцах и Кишиневе, и никто на это не реагирует?

Почему никто не ведет переговоры с Приднестровским правительством, признанное оно или нет, оно есть, и Смирнов издал указ о запрещении подачи подвижного состава для нужд 14 ОА, и создал таможню, которая перехватила автомобильные дороги и аэродром, именно из-за отсутствия переговоров?

Почему с этими 1735-ю офицерами просто никто ни разу не поговорил?

Это, товарищ Министр Обороны, далеко не все вопросы - это малая их часть. И два личных - почему на все мои неоднократные обращения к различным должностным лицам, начиная с

личного представителя президента Масоновца и чрезвычайного посланника МИД России Крылова с просьбой обеспечить мне здесь, на месте, политическое руководство, ответа нет и руководства нет. Где тот мудрый дипломат, на которого я с огромным удовольствием свалил бы бремя расхлебывания данной каши, которая здесь заварена, и снятия всех политических стрессов, которые возникают не только каждый день, но и по нескольку раз на день.

Второй вопрос - почему Вы, товарищ Министр, зная меня двадцать один год, верите мне меньше, чем МО Молдовы? Я за углами ничего не шептал, все проверено и о никаких «якобы» речи быть не может. Обстановку в Приднестровье можно выразить одной фразой - население самым решительным образом настроено не выпускать отсюда 14 ОА, видя в ней единственного гаранта мира и стабильности в регионе. Нужны переговоры, предложения по реорганизации и выводу частей армии направлены мною на имя Начальника Генерального штаба (исх. № 8/620/К от 22.9.92 г.)

Уверяю Вас - это взвешенные предложения, которые позволят закрыть рот Молдове, обозначив вывод, и Приднестровью.

Далее, по пунктам, докладываю, что Вашего письменного приказа об офицерских собраниях во вверенной мне армии нет. В настоящее время я руководствуюсь приказами МО СССР № 480 от 4.12.90 г. «О введении в действие Положения об офицерском собрании в ВС СССР» и № 473 от 6 октября 1991 года «О внесении изменений в приказ МО СССР 1990 года № 480», где в пункте втором в первом абзаце сказано: «Офицерское собрание создается в полках, на кораблях, в отдельных батальонах и им равных, вузах, учреждениях и на предприятиях МО СССР, управлениях соединений (объединений), округов, групп войск и т.д.»

На Ваше требование, изложенное в шифртелеграмме от 22.9.92 г. (других в моем распоряжении не имеется), докладываю, что мною сегодня, 23.9.92 г., разъяснена в доступной степени руководящему составу армии позиция России и Министра Обороны по отношению к 14 ОА. Планируется повсеместно провести служебные совещания, собрания, в ходе которых еще раз разъяснить, что вопрос о судьбе 14 ОА будет решен после полного разрешения конфликта политическим путем.

Учитывая обстановку, в которой оказалась 14 ОА, основные усилия мною сосредоточены на повышение уровня боевой готовности и боевой подготовки.

26.9.92 г. мною лично будет проведена встреча с семьями военнослужащих, в ходе которой будет разъяснено положение

армии, а также развеяны всевозможные слухи вокруг нее.

14 армия во главе с командующим задачи понимает правильно, управляема, служила, служит и будет служить Державе Российской во главе с Верховным Главнокомандующим в рядах Вооруженных Сил под руководством Министра Обороны.

24.9.92 г. А.Лебедь

КОМАНДУЮЩЕМУ 14 ГВ. ОА

На исходящий от 22.9.92 г.

Рад и обнадежен Вашим последним докладом.

14 А стояла и будет стоять столько, сколько необходимо в интересах России. Успокойтесь сами и успокойте подчиненных. Освободитесь от ненужных армии подразделений, за их счет пополните боевые части.

Вы боевой офицер, а не бывший работник ЦК КПСС, я верю Вам и надеюсь на Вас.

24.9.92 г. П.Грачев

ПАУЗА... ПОЧТИ ТРЕХЛЕТНЯЯ...

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА
МИНИСТРА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ЛИЧНОМУ СОСТАВУ

№ 231

«15» июня 1995 г.

г. Москва

1. Генерал-лейтенанта ЛЕБЕДЯ Александра Ивановича, командующего 14 гвардейской армией, в соответствии с Законом Российской Федерации «О воинской обязанности и военной службе», и во исполнении Указа президента Российской Федерации от 14 июня 1995 года № 591 УВОЛИТЬ с военной службы досрочно с зачислением в запас по статье 49, части 2, пункту «а» (в связи с организационно-штатными мероприятиями) с правом ношения военной формы одежды.

За безупречную службу в Вооруженных Силах ОБЪЯВЛЯЮ БЛАГОДАРНОСТЬ.

Род. 29 апреля 1950 г. Выслуга лет в ВС: календарная - 25 лет 9 мес. В льготном исчислении - Подлежит направлению на учет во 2 отдел Западного ОВК г. Москвы. И - 341316 код: 059.137.0907.020100.22.995.554.995.554.995.1806.II ВС РФ сроком на 5 лет с 29 сентября 1993. Директивой Министра обороны РФ от 18 апреля 1995 г. № 314/2/0296 должность офицера сокращена.

П.П. МИНИСТР ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Генерал армии П.Грачев

Верно: ВРИО НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК

Полковник В.Кужилин

«16» июня 1995 г.

А где грамота **, товарищ министр! Деньги - они могут кончиться, а грамота - она на всю жизнь.

ФИНИШ... ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ?!

ПРИМЕЧАНИЯ РЕД.:

* Стиль и композиция данного и всех прочих документов сохранены полностью.

** При безупречной службе в СА и соответствующей выслуге лет командующему положена грамота Министра обороны согласно действующему законодательству.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕБЕДЬ Александр Иванович
ЗА ДЕРЖАВУ ОБИДНО...

Художиик В. И. ГОЛОВЕНКИН. Верстка Е. БОДРИЕНКО.
Подписаио в печать 25.09.95. Формат 84x108/32. Бумагв типографская. Печать высокая. Усл. леч. л. 14,5. Тираж 30 000 экз. Заказ № 3685.
Редакция газеты «Московская правда» совместио с издательством «Грзгори-Пэйдж» 127427, Москвв, Кашенкнн луг, 4. Лнцензня № ЛР-070830 от 22.01.93.
Отпечатаио с готовых днапозитивов в ордена Трудового Красного Знвменн ПО «Детская книга»
Роскомпечвтн. 127018, Москва, Сущевскнй ввл, 49.